

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*HISTORY
OF EVERYDAY LIFE*

Nº 4 (36)
2025

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

научный журнал

ISSN 2542-2375

Учредитель, издатель:
Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612 от 04.03.2016 г.
Журнал издается с 2016 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук

Главный редактор

В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия

Заместитель главного редактора

В. Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Россия

Ответственный секретарь

О. А. Семёнова, кандидат исторических наук, Россия

Технический секретарь

А. Е. Жукова, кандидат исторических наук, Россия

Редакционная коллегия

А. В. Белова, доктор исторических наук, профессор, Россия

О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия

Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова

С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан

В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия

К. Манузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония

В. В. Михайлов, доктор исторических наук, профессор, Россия

Н. Л. Пушкарёва, доктор исторических наук, профессор, Россия

Д. Рансел, доктор истории (PhD), США

Л. Цзюнь, доктор филологии (PhD), Китай

Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке
оформляются в соответствии с требованиями
для авторов, установленными редакцией.
Редакция не вступает в переписку с авторами
статьей, получившими мотивированный отказ
в опубликовании. Статьи, оформленные
не по правилам, редакцией не рассматриваются.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

scientific journal

ISSN 2542-2375

Founder, Publisher:
Pushkin Leningrad State University

The certificate of the mass media registration ПИ № ФС77-68612,
March 04, 2016

The journal is issued since 2016
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into
the list of reviewed academic journals
and periodicals recommended
for publishing in corresponding series basic
research thesis results for a PhD Candidate
or Doctorate Degree

Chief editor

V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia

Deputy Chief editor

V. N. Shaidurov, Doctor of History, Associate Professor, Russia

Executive editor

O. A. Semenova, Candidate of History, Russia

Technical secretary

A. E. Zhukova, Candidate of History, Russia

Editorial Board

A. V. Belova, Doctor of History, Full Professor, Russia

O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia

L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova

S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan

V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia

S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia

K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan

V. V. Mikhaylov, Doctor of History, Full Professor, Russia

N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia

D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA

L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China

T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board.

ТЕМА НОМЕРА

ГИГИЕНА ДЕТСТВА
В РОССИИ

Тема номера реализована при поддержке Российского научного фонда
№ 22-18-00421-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Т. В. Волгина

Деятельность городских попечительств
о бедных в Петрограде по призрению детей в годы
Первой мировой войны (1914–1916 гг.) [10]

А. Д. Мирошникова, А. Е. Жукова

К вопросу об употреблении алкоголя детьми в России
в конце XIX – начале XX в.: взгляд современников [28]

С. К. Бернев

Трагическая судьба детей, эвакуированных немецкими
оккупантами из города Пушкина в 1941–1943 гг.
(по архивным материалам) [50]

Ф. К. Ярмолич

Досуг в социализации юных жителей советского
города в 1950–1960-е гг. [65]

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

А. В. Белова

Гигиена детства девочек в дворянских семьях
в XVIII – середине XIX в. [78]

Е. В. Годовова

Младенческая и детская смертность в казачьей среде
позднеимперской России [101]

О. А. Валькова

Между семьей и призванием: дети в семьях первого
поколения советских женщин-ученых [112]

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Ю. В. Сутула

Новейшие способы особой обработки молока
для детского питания в конце XIX – начале XX в.:
отечественный и зарубежный опыт [132]

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

С. В. Зайцева, С. В. Степанов

Сельскохозяйственный приют для девочек «Затишье»
в Санкт-Петербургской губернии
в конце XIX – начале XX в.

[152]

И. В. Сидорчук

Проблемы гигиены воды в ленинградских пригородах
в 1920–1930-е гг.

[176]

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Е. В. Бурлуцкая

Санитарно-гигиенические условия повседневности
воспитанников закрытых мужских учебных заведений
Оренбурга второй половины XIX в. (гигиена тела,
питание, физическая активность)

[192]

Л. А. Дашкевич

Физическое воспитание детей в городских и заводских
приютах Пермской губернии конца XIX – начала XX в.

[214]

А. А. Кальсина

Вопросы гигиены учащихся и организация школьно-
санитарного контроля в народных школах Пермской
губернии в конце XIX – начале XX в.

[231]

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В. А. Веременко

Болезнь и смерть детей на рубеже XIX–XX вв.
в описании бывшей петербургской прислуги

[248]

Т. Ю. Шестова

П. И. Пичугин – основатель первой детской больницы
на Урале

[263]

CONTENTS

THE AUTHORITIES AND SOCIETY

Tamara V. Volgina

The Activities of the City Poor Guardianship in Petrograd for the Children Care During the First World War (1914–1916)

[10]

Alla D. Miroshnikova, Anastasia E. Zhukova

On the Issue of Alcohol Consumption by Children in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries: Contemporaries' View

[28]

Stanislav K. Bernev

The Tragic Fate of Children Evacuated by German Occupiers from the Pushkin City in 1941–1943 (Based on Archival Materials)

[50]

Fedor K. Yarmolich

Socialization of Young Residents of the Soviet City During Their Leisure Time in the 1950s – 1960s

[65]

EVERYDAY LIFE OF SPECIFIC SOCIAL GROUPS

Anna V. Belova

Childhood Hygiene of Girls in Noble Families in the 18th – mid-19th Centuries

[78]

Elena V. Godovova

Infant and Child Mortality in the Cossack Environment of Late Imperial Russia

[101]

Olga A. Valkova

Between Family and Career: Children of the First Generation of Soviet Female Scientists

[112]

ECONOMIC DAILY LIFE

Julia V. Sutula

The Latest Methods of Special Milk Processing for Baby Food in the Late 19th – Early 20th Centuries: Domestic and Foreign Experience

[132]

REGIONAL EVERYDAY LIFE

Svetlana V. Zaytseva, Stanislav V. Stepanov

Agricultural Orphanage for Girls “Zatishje”
in St. Petersburg Province
in the Late 19th – Early 20th Centuries

[152]

Ilya V. Sidorchuk

Water Hygiene Problems in the Leningrad Suburbs
in the 1920s – 1930s

[176]

EDUCATION HISTORY

Elena V. Burlutskaya

Sanitary and Hygienic Conditions of Daily Life of Pupils
of Closed Male Educational Institutions of Orenburg
in the Second Half of the 19th Century (Body Hygiene,
Nutrition, Physical Activity)

[192]

Liudmila A. Dashkevich

Children Physical Education in City and Factory Orphanages
of Perm Province in the Late 19th – Early 20th Centuries

[214]

Alla A. Kalsina

Schoolchildren Hygiene Issues and School Sanitary Control
Organization in Public Schools of the Perm Province in
the Late 19th – Early 20th Century

[231]

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Valentina A. Veremenko

Former St. Petersburg Servant About Child Illness
and Death at the Turn of the 19th and 20th Centuries

[248]

Tatiana Yu. Shestova

P. I. Pichugin – the Founder of the First Children’s Hospital
in the Urals

[263]

Деятельность городских попечительств о бедных в Петрограде по призрению детей в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.)

Т. В. Волгина

В годы Первой мировой войны деятельность городских попечительств о бедных в Петрограде приобрела особое значение. В условиях острого социального кризиса и массовой нужды населения попечительства столкнулись с необходимостью организации системной помощи детям, оставшимся без призора. Помимо удовлетворения основных потребностей (пища, одежда и жильё), необходимо было обеспечить всестороннее развитие детей дошкольного возраста, а также организовать досуг во внешкольное время. В статье рассматривается деятельность попечительств по призрению детей, их роль в создании и функционировании различных учреждений – убежищ, приютов, очагов, клубов. Раскрываются проблемы, связанные с увеличением числа нуждающихся детей, и меры, предпринятые для их решения. Анализируются особенности процессов воспитания и образования, повседневная жизнь детей, а также санитарно-гигиеническое состояние организованных учреждений в 1914–1916 гг. Особое внимание уделяется проблемам организации дошкольного воспитания, взаимодействию с благотворительными организациями и вызовам, связанным с эпидемиями и материальными ограничениями. Деятельность попечительств показывает, как в условиях войны формировались новые подходы к призрению и воспитанию детей, а также роль этих учреждений в поддержке социального благополучия города.

Ключевые слова: дети, призрение, убежище, приют, очаг, Первая мировая война, Петроград.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

Для цитирования: Волгина Т. В. Деятельность городских попечительств о бедных в Петрограде по призрению детей в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 10–27. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_10. EDN: AGRSUI

Введение

Первая мировая война стала тяжелым испытанием для Российской империи, обострив существовавшие социальные проблемы и породив новые. В условиях массовой мобилизации, экономического упадка и увеличения числа беженцев особенно остро встал вопрос о защите наиболее уязвимых слоев населения, в первую очередь детей, оставшихся без попечения родителей. Одними из важнейших городских учреждений Петрограда, деятельность которых была направлена на облегчение жизни в столице многочисленного малоимущего населения в условиях военного времени, стали попечительства о бедных, которые должны были обеспечить действие Закона от 25 июня 1912 г. «О призрении нижних воинских чинов и их семей» [1, с. 121]. Это была целая система общественных благотворительных организаций, которая действовала в 20-ти районах Петрограда. Попечительства занимались вопросами патроната над семьями, действуя через квартирную комиссию, бюро труда, столевые комиссии, а также комиссии по призрению детей.

Помимо необходимости присмотра за детьми во время отсутствия их родителей, организуемые учреждения для призрения детей должны были заниматься воспитанием и обучением детей, а также организацией их досуга с целью социализации, подготовке к школе и ограничения негативного влияния улицы.

Вопросы деятельности попечительств о бедных находят свое отражение в ряде исследований, затрагивающих региональные аспекты [2–4]. В отечественной историографии рассматриваются вопросы организации помощи детям государственными, общественными и благотворительными организациями [5–9], а также отдельные формы призрения детей [10–12]. Подвергнуты анализу система образования и воспитания в годы Первой мировой войны [13–15]. Однако работ, раскрывающих деятельность городских попечительств о бедных в Петрограде по призрению детей, нет.

Целью исследования является анализ деятельности Петроградских городских попечительств о бедных в вопросах призрения детей, а также их вклад в развитие системы дошкольного и внешкольного воспитания в военное время.

Источниковой базой исследования являются делопроизводственные документы (отчеты городских попечительств

о бедных), а также периодическая печать, где подробно была отражена деятельность по призрению детей.

Методологическая основа исследования – принципы историзма, системности и объективности, социального подхода. Были использованы идеографический, сравнительный, историко-типологический и историко-генетический методы.

Результаты

С первых дней объявления мобилизации в попечительства стали приходить с просьбами о принятии под покровительство детей, которые оставались без призора. Ряд попечительств на начало военных действий не имели никаких детских учреждений и были вынуждены принимать детей в организации, не приспособленные для призрения детей, как, например, убежище для престарелых женщин под надзор старушек [16, с. 31]. В результате при городских попечительствах о бедных были созданы детские комиссии, целью деятельности которых было «обслуживать все нужды детей, принадлежащих к семьям лиц, взятых на войну, не отказывая в то же время, по мере возможности, в заботах и детям невоенных» [16, с. 31]. В обязанности комиссий входила организация вновь открываемых учреждений, оказывающих помочь детям, а также площадок, колоний, детских праздников, читален, библиотек, определение детей в начальные, профессиональные и ремесленные школы [17, с. 33]. Попечительства активно призывали прийти на помочь в организации призрения детей, поскольку считалось, что «вопрос о разумном воспитании детей вообще, а тех, кто волею судьбы лишен семьи – ее заботы и ласки – вопрос государственного и общественного значения» [18, с. 176].

Обществом содействия дошкольному воспитанию была разработана инструкция для руководительниц очагов, яслей и детских садов при организации помощи детям воинов, где отмечалось, что «учреждение, берущее детей под свою опеку, не может ограничивать свои задачи лишь призрением детей, а должно создать условия воспитания, соответствующие их возрасту и интересам» [19, с. 94].

При открытии новых учреждений встал вопрос об организации процесса воспитания и образования детей дошкольного возраста – чем и как с ними заниматься, какими педагогически-

ми принципами необходимо руководствоваться. На заседании комиссии при 19-м попечительстве был представлен доклад представителя Общества дошкольного воспитания С. П. Лебедева на тему «О вопросах дошкольного воспитания», опубликованный еще в 1912 г. [18, с. 339]. Были выдвинуты тезисы о необходимости дошкольного воспитания в специально созданных для этого учреждениях с целью всестороннего развития личности ребенка [20]. Таким образом, в ряде учреждений важнейшей целью деятельности стал не только уход и присмотр за детьми, но и процесс воспитания и образования.

Учреждением, наиболее отвечающим требованиям общественного воспитания детей дошкольного возраста, был детский сад. Однако в годы Первой мировой войны детский сад действовал лишь при 10-м городском попечительстве о бедных. Связано это было прежде всего с тем, что матери не могли оплачивать содержание детей в детском саду и были вынуждены отправлять их в бесплатные учреждения – ясли и убежища. Вместе с тем сам детский сад не являлся учреждением признания. Согласно отчету, в нем лишь проводились беседы и прогулки [21, с. 13]. При возникновении предложений об открытии детских садов, советы попечительств отмечали, что для содержания подобных структур необходимы материальные средства, которыми они не располагали [22, с. 87].

Одной из форм признания детей были убежища (постоянные и дневные) – временные учреждения, из которых детей старались переводить в сиротские городские дома, приюты и мастерские. Это были учреждения, открытые до войны и принимавшие не более десяти детей. Однако с конца 1914 – начала 1915 г. убежища вынужденно расширили свою деятельность и призревали до 60 детей как приходящих, так и постоянно живущих из семейств запасных и из числа беспризорных. Некоторые попечительства входили в соглашения с различными благотворительными организациями и открывали совместные убежища. Так, при 5-м попечительстве действовало четыре убежища, открытых при содействии таких обществ, как «Труд и отдых», «Охранение народного здравия», а также Общества попечения о бедных и больных детях [23, с. 18–22].

С октября 1914 г. действовали убежища для временно нуждавшихся в приюте детей, которые оказались самой необходимой

формой детской помощи. Так, при 10-м попечительстве при столовой дневное убежище сформировалось стихийно из детей, приходивших за бесплатными обедами и остававшимися там до конца дня. В постоянных убежищах дети жили иногда несколько дней, иногда оставались на неопределенный срок. Часто дети, посещавшие убежища, переходили временно в число живущих, а затем – в приходящих [21].

Дети в убежище принимались с трехлетнего возраста. Девочки могли оставаться в убежищах до окончания обучения и определения их на рабочие места, мальчики – до достижения 11–12-летнего возраста. Дети принимались как бесплатно, так и за плату (5 р. за живущего на полном содержании и 1 р. за приходящего ребенка в месяц), в том случае если мать имела работу. «Убежище – одна большая семья. Мальчики и девочки живут дружно, как братья и сестры» [24, с. 18].

Попечительства требовали соблюдения в убежищах четко определенного режима дня, который включал следующие этапы и правила. День должен был начинаться в 7 ч утра, так чтобы старшие дети убирали помещение и помогали одеваться малышам. Все домашние работы должны были по возможности выполняться детьми. В 8 часов, после чтения молитвы, детям полагался завтрак из ячменного кофе с молоком и полубелым хлебом. После встречи приходящих детей старшие отправлялись в школу, а остальные – на прогулку, по возвращении с которой дети, начиная с пятилетнего возраста, под надзором воспитательницы должны были заниматься ручной работой – вязанием, шитьем, вышивкой. На обед в 12 ч полагалось из двух блюд: мясной или рыбный суп или горох с ветчиной, на второе – различные молочные каши, макароны и винегрет, в праздники – пирог или жаркое, а также кисель или компот. После возвращения из школы старшие дети должны были заниматься подготовкой уроков, а малыши – совместно с воспитательницей – читать, учиться счету и грамоте. В 4 ч наступало время полдника, после которого до 7 ч садились за работу. В 7 ч – ужин и в 8 ч, после общей молитвы отправлялись спать. По воскресеньям и праздникам все ходили в церковь. Однако полностью соблюдать установленный режим было практически невозможно из-за частой смены состава детей [21].

С ноября 1914 г. в убежищах как постоянных, так и дневных, руководительницами были организованы занятия с детьми

приглашенными доброволицами-курсистками или платными учительницами. Младшая группа (3–6 лет) занималась рисованием, лепкой, беседами по картинкам, разучиванием и пением песен. С целью иллюстрации бесед дети сеяли хлебные зерна, сажали горох, ухаживали за ним. В некоторые убежища передавали наглядные пособия – коллекции, модели орудий, картины [21, с. 12]. В старших группах (6–9 лет) были организованы занятия ручного труда (вырезание из бумаги, прокалывание, плетение), фребелевские работы. Детей старшего возраста обучали грамоте. После занятий организовывались гимнастические упражнения по системе Лесгафта, с элементами шведской системы, а также танцы. Также проводились общие игры, которые занимали большую часть времени [25, с. 47–48].

В отчетах попечительств отмечалось, что дети, поступающие в убежища изнуренными и слабыми, благодаря правильному образу жизни и здоровому питанию быстро поправлялись. Однако из-за наличия как живущих, так и приходящих детей в одном помещении, а также отсутствия постоянного врача, распространение заразных болезней было одной из главных проблем подобных учреждений. Так, в 15-м попечительстве в октябре 1914 г. была эпидемия кори, в ноябре – скарлатины (переболело 14 детей), летом 1915 г. все дети в убежище переболели коклюшем, в августе был дифтерит [26, с. 40]. На время болезней детей отправляли в изоляционный дом и во время их отсутствия в убежище проводили дезинфекцию сулемой и формалином [24, с. 19].

Также популярной формой призрения детей были постоянные приюты. Несмотря на то что на совещаниях по призрению детей отмечалось, что следовало отказаться от приютов казарменного типа, а заменить их малыми приютами семейного типа с возможностью посещения детьми общих школ, крупные приюты продолжали составлять основу детского призрения в попечительствах [27, с. 110]. В этих учреждениях проживало от 20 до 50 детей запасных и детей беднейшего населения районов в возрасте от трех до девяти лет [28, с. 6]. Так, в приюте 13-го попечительства на 1 января 1915 г. содержались 23 ребенка вдовцов, призванных на войну, 18 детей, матери которых находились либо в больнице для душевнобольных, либо на работе и не имели возможности держать детей при себе и 9

детей круглых сирот, а также пострадавшие во время пожара на Обводном канале. Возраст призреваемых в данном приюте составлял от полутора до 14 лет [16, с. 32].

Режим дня в приюте был схож с режимом в убежище. Четко были определены дежурные и их обязанности – дети накрывали и убирали со столов после приемов пищи, подметали полы, следили за общим порядком, помогали и наблюдали на кухне. Питание в приюте зависело от попечительств. В большинстве случаев оно было однообразным – суп и каша, два раза в неделю готовили котлеты и форшмак. Но, например, в приюте 19-го попечительства детям предлагались макароны, картофель, пироги, заливное и творожные ватрушки [18, с. 187].

Для заведывания приютами приглашались женщины с высшим образованием и педагогическим опытом. В отчетах попечительств отмечалось, что принимаемые в приют дети в большинстве случаев оказывались неграмотными, и их первоначальным обучением (чтением, письмом) занималась надзирательница [25, с. 40]. Большое количество сотрудников и ежедневная смена дежурящих негативно влияли на обучение детей, которые привыкали к постоянной помощи со стороны и отказывались выполнять задания самостоятельно. Кроме того, дети занимались рукоделием: шили, вязали и вышивали, а также чинили свои носильные вещи. Младшие в течение дня в приюте оставались на попечении няни или приходящих добровольных наставниц, которые организовывали игры и прогулки. С детьми дошкольного возраста проводились занятия грамотой, гимнастикой, подвижными играми и рисованием. В свободное от занятий время дети играли под руководством старших или читали и рассказывали сказки. В вечернее время заведующая проверяла у старших детей уроки, занималась гимнастикой, гуляла с детьми, распределяла обязанности каждого ребенка. Иногда детей водили на экскурсии, например в Зоологический музей. Большое внимание в приютах уделялось физическому воспитанию. Во время зимних прогулок дети разгребали снег, бегали на коньках, катались с горки, возили друг друга на санках [18, с. 186].

Из отчетов попечительств следует, что среди проступков детей наиболее распространенными были кражи у прислуги и пропуски школьных занятий. В приюте 13-го попечительства

был случай бегства детей на войну [16, с. 33]. В целом же влияние приютов на уровень воспитания детей было положительным – искоренение нецензурной лексики, доброжелательное общение воспитанников друг с другом.

Приюты были под постоянным санитарным наблюдением. При попечительствах действовала комиссия, куда входили врачи, определяющие режим, питание детей и необходимый физический уход. Приюты посещались врачами раз в неделю, но при необходимости врач мог быть вызван заведующей приютом. Принимаемые в первый раз дети подвергались медицинскому освидетельствованию. Так, после осмотра в приюте для девочек при 4-м попечительстве был сделан вывод о том, что только 30 % детей были здоровы, остальные «страдали сильным малокровием, рахитом и золотухой» [25, с. 41]. В 13-м попечительстве большинство детей «оказались худосочными и малокровными» [16, с. 32]. В связи с этим врачами и заведующими приютами было уделено особое внимание питанию призреваемых детей. Их поили рыбным жиром во время обеда между первым и втором блюдом и давали пищу пять раз в день: в 8:00 – ячменный кофе с молоком и ситным хлебом, в 10:30 – кашу на молоке, в 13:00 – обед из двух блюд (суп с мясом и каша), в 16:00 – чай с ситным хлебом, в 19:00 – ужин из одного горячего блюда. В дни праздников детям давали дополнительно сладкое – компот, желе, кисель или кондитерское пирожное. Также в приютах все детям прививали оспу [16, с. 32–33].

Эпидемии заразных болезней были характерны и для приютов. Краснуха, корь, скарлатина вносили свои изменения в режим работы и вынуждали детей отказываться от посещений школ и ограничиваться лишь домашними занятиями [29, с. 40]. В среднем за период с августа 1914 г. по январь 1915 г. от различных заболеваний умирало до пяти детей. На внутреннюю жизнь приютов также влияло устройство городских детских больниц: дети, отправленные на лечение с ветряной оспой, заражались другими болезнями (корью, дифтеритом, скарлатиной) [16, с. 34].

На летнее время (с мая до сентября) дети из убежищ и приютов отправлялись на дачи в окрестных деревнях. Чистый и свежий воздух в совокупности с хорошим питанием «оказал свое благотворное действие и результат веса детей осенью

явился весьма желательным. Дети все без исключения прибавились в весе на 3, 4 и 5 ф.» [29, с. 39].

Постоянные приюты были наиболее безопасной формой призрения детей. Однако в связи с переполненностью данных учреждений большинство просьб в призрении детей попечительства были вынуждены отклонять. С другой стороны, при появлении возможности определения ребенка в приют, попечительства получали от матерей ответ: «муж не позволил детей отдавать в приют и просил, если будет трудно самой работать» [18, с. 123]. Также в отчетах попечительств отмечалось, что матери стремятся оставлять детей под присмотр женщины, находящихся на одинаковом с ними уровне развития [18, с. 123].

При 14-м попечительстве действовали еще два учреждения по призрению детей в годы войны – очаги, целью деятельности которых был не только присмотр за детьми во время работы матери, но и физическое и духовное развитие призреваемых. В очаге дети должны были «проводить время разумно в доступной работе и игре, где у них будут постепенно вырабатываться навыки к труду для себя, но где они должны участвовать в общей жизни большой семьи, работать для других». Также съездом по призрению детей в 1916 г. было отмечено, что в организации очагов «на первом месте должны быть поставлены педагогические принципы и гигиена физического и духовного роста ребенка» [27, с. 111].

После обследования семей на призрение были приняты 35 и 50 детей в возрасте от 2 до 12 лет. Учитывая условия жизни детей в «ужасных углах», в которых «не только негде побегать, но и нечем дышать», наибольшее количество времени в течение дня было отведено под прогулки. Занятия с детьми вели добровольно набранные сотрудницы, заведующая занималась вопросами хозяйства, первичным медицинским надзором и консультацией родителей и посетителей очага. Из санитарно-гигиенических соображений в очаге были приняты следующие меры: по прибытию в очаг дети умывались и вытирались индивидуальными полотенцами, мыли руки перед каждым приемом пищи, у каждого ребенка был свой носовой платок и передник. Возможности полной смены одежды в очаге не было, однако всем детям были розданы дополнительные комплекты белья, «чтобы дети и дома ходили в чистом» [17,

с. 28]. Приходящие учительницы городских начальных училищ помогали детям с домашними заданиями, а также организовывали досуг – занимались рисованием, аппликациями, чтением, пением и гимнастикой.

Каждый поступавший в очаг ребенок подвергался тщательному медицинскому осмотру и все время своего пребывания находился под постоянным наблюдением врача [30, л. 129].

В очаге проводились родительские собрания, на которых устанавливалась связь между учреждением и семьями, матерям объяснялись принципы работы очага, требования, предъявляемые к детям.

Также действовали очаги, в которые могли приходить дети-школьники для подготовки уроков в том случае, если у них не было возможности заниматься в домашней обстановке. Школьные очаги посещали дети запасных в возрасте от 8 до 12 лет, не попавшие в школы. Занятия проводили с двух до шести часов вечера. Целью открытия подобных очагов было «отвлечь детей от вредного влияния улицы, предоставлением разумных занятий и полезных развлечений» [31, с. 26]. В очаге под руководством учительницы-фреbелички дети обучались грамоте, арифметике, пояснительному чтению с волшебным фонарем, естественной истории, пению и ручному труду.

При 11-м и 19-м городских попечительствах действовали детские клубы, целью которых было «отвлечь подрастающее поколение от вредного влияния улицы, пробудить в нем дух общественности и самодеятельности и содействовать физическому, нравственному и умственному его развитию путем предоставления в часы досуга здорового и разумного времяпрепровождения» [18, с. 206]. Клубы принимали детей в возрасте от 3-х до 19 лет с 7 утра до 11 ч вечера. Среднее количество посещений в день составляло 200 чел. В клубах проводились различные занятия (по рисованию, лепке, картонажному делу, гимнастике и т.д.), а также изучались ремесла: столярное, переплетное, картонажное, выпиливание, шитье и разного рода рукоделие. Для детей младшего возраста проводились фреbелевские игры и занятия «детского сада». Для обслуживания нужд раненых все дети резали бинты и щипали корпии, девочки шили рубашки раненым, вышивали, вязали шарфы. С неграмотными и малограмотными детьми проводились дополнительные занятия,

в старшей группе читали лекции по естественной истории, географии, литературе [32, с. 232].

Важнейшей задачей в деятельности клубов был процесс воспитания «детей улиц». Согласно отчету о деятельности, за полгода работы «эти грубые, очерствелые дети, привыкшие встречать одну только брань, побои и сквернословие – поют под фортепиано "елочку" и мн. другие детские песни. На наших глазах дитя оживает, становится здесь опять ребенком» [18, с. 207]. При клубе в 11-м попечительстве было проведено родительское собрание, в ходе которого «родители сошлись на одном: они признали воспитательное значение городка, умелись на работы детей, рассказывали о любви детей к городку» [26, с. 48]. «В этом убогом помещении мы нашли для своей души покой», – таковы были прощальные слова одного из членов клуба [33, с. 1009].

Некоторые открываемые учреждения не имели названий, сочетали в себе элементы убежищ, очагов и клубов. Так, в 16-м попечительстве с 14 до 18 ч и с 18 до 21 ч проводились разнообразные занятия с детьми в возрасте от 5 до 16 лет, включая строевую подготовку. Учреждение получило название «маяк» и посещалось детьми «охотно, но за неимением места приходилось придерживаться нормы 150 человек в день» [34, с. 441–442].

Уникальное по своей организации учреждение «Детский дом» было открыто при 14-м попечительстве в ноябре 1915 г. Режим работы «дома» был следующий: с 9 до 15 ч были организованы занятия в мастерских (столярная, переплетная и швейная), с 10 до 14 – был открыт детский сад, с 15 до 19 – время для репетиторства, с 19 до 22 – дети собирались для развлечений клубного характера. Детский сад к 1 февраля 1916 г. принимал более 60 чел. [27, с. 103–104].

Первоначально подобные учреждения вызывали недоверие со стороны родителей, но постепенно, убедившись в заботливом и внимательном отношении к детям со стороны сотрудников, их мнение изменилось. Так, один отец, приехавший на побывку, просил заведующую приютом при 19-м попечительстве «не оставить его детей, если его убьют, и не удалять их из приюта, потому что в нем детей не обижают» [18, с. 188]. Однако некоторые учреждения дневного призрения детей были вынуждены изменять район своей деятельности в связи с ма-

лым количеством посещений, основными причинами которых было желание оставлять своих детей в постоянных приютах, а также получение денежного пайка вместо определения ребенка в убежище или очаг [30, л. 129].

Итак, наиболее активная деятельность попечительств по открытию новых учреждений была в первый год войны, когда особенно остро встал вопрос о призрении детей. К 1 мая 1915 г. в 20-ти попечительствах действовали 16 приютов, пять убежищ и три очага [35, с. 332]. В 1915 г. были открыты еще убежище и очаг (15-е попечительство), детский сад для детей-беженцев (16-е попечительство), 4 постоянных приюта (8-е, 9-е, 15-е, 17-е попечительства), два временных приюта (7-е и 13-е попечительства). Всего за 1915 г. в 20-ти попечительствах действовало 40 учреждений по оказанию помощи детям. Наиболее активными в открытии новых учреждений были попечительства на Выборгской стороне и Васильевском острове [36, с. 257–258]. Общее количество призреваемых детей в убежищах и приютах во всех 20-ти попечительствах составляло 1 700 детей [37, с. 430].

Обсуждение и выводы

Таким образом, в годы Первой мировой войны деятельность городских попечительств о бедных в Петрограде заключалась не только в обеспечении ухода и присмотра за детьми, осуществляемым прежде всего яслями, но и в организации процесса воспитания и обучения детей дошкольного и школьного возраста. Были создана сеть учреждений, деятельность которых была направлена на физическое, духовное, социальное и умственное развитие детей. Существовали учреждения как постоянного призрения, в которых дети жили круглосуточно (приюты), смешанного, где были дети как живущие, так и приходящие (убежища), а также дневного (очаги и клубы). Большинство учреждений по призрению детей принимали детей запасных. Однако убежища и приюты, открытые попечительствами до войны, призревали детей иного статуса – это были сироты, беспризорные, дети из неблагополучных семей. Количество детей, посещавших данные учреждения, не было постоянным. Наиболее популярными формами призрения были убежища и приюты, в которых детей можно было оставить на круглосуточное попечение. Очаги и клубы были как

формой досуга во внешкольное время, так и подготовительным этапом для детей младшего возраста для поступления в школу. Главными проблемами были постоянные эпидемии, нерациональное распределение организаций по районам, отсутствие финансовой поддержки. Однако, несмотря на трудности, опыт организации подобных учреждений оказал положительное влияние на дальнейшее развитие системы дошкольного и дополнительного образования в России.

Список литературы

1. Баева Е. П., Иванова Н. М. Организация социальной помощи в годы Первой мировой войны // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2004. № 17. С. 117–122. EDN: JVBCDX
2. Казакова-Апкарикова Е. Ю. Городские попечительства о бедных на Урале в начале XX в.: институционализация новых форм благотворительности // Вестник истории Верхнекамского уезда. 2019. № 10. С. 82–89.
3. Катцина Т. А. Городские участковые попечительства о бедных в Восточной Сибири: организационно-правовой аспект (конец XIX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7–2(21). С. 69–72. EDN: OZCRWJ
4. Моторова Н. С. Городские попечительства о бедных в Северо-Западном крае // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 20–24. EDN: VYWIYF
5. Букалова С. В. Развитие системы детского признания в годы I мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 1(55). С. 27–37. DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-27-37. EDN: SPBUAS
6. Веременко В. А. Проблема внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала первой мировой войны): материалы Международной научной конференции, 14–16 марта 2014 г., Санкт-Петербург / отв. ред. В. А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. С. 157–164. EDN: TULPUT
7. Синова И. В. Повседневная жизнь детей в условиях Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала первой мировой войны): материалы Международной научной конференции, 14–16 марта 2014 г., Санкт-Петербург / отв. ред. В. А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. С. 487–492. EDN: TULWYD
8. Хоршева Ю. О. Правовые особенности социального признания детей накануне и в начале Первой мировой войны // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2(72). С. 60–63. EDN: UPKKAB
9. Чубаров А. И., Щербинин П. П. Социальное признание детей во время Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 188. С. 195–202. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-188-195-202. EDN: VIDSKF
10. Волгина Т. В. Ясли и дневные приюты в Петрограде в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // История повседневности. 2024. № 1(29). С. 75–95. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_75. EDN: HERKXO
11. Волобуева Л. М. Очаги для малолетних детей в годы Первой мировой войны // Русская старина. 2014. № 2. С. 94–194. DOI: 10.13187/rs.2014.2.94
12. Голикова С. В. Детские ясли как часть социальной модернизации России начала XX века (по материалам земств Пермской губернии) // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сборник статей

Х Уральского демографического форума, 10–11 июня 2019 г., Екатеринбург: в 2 т. / отв. ред.: О. А. Козлова, Г. Е. Корнилов. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РА, 2019. Т. II. С. 73–80. EDN: OEOLN8

13. Новиков М. В. Первая мировая война и аспекты национального воспитания в России // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 4. С. 9–14. EDN: TFEJPRN

14. Семёнова Л. Н. Влияние Первой мировой войны на школьную жизнь, сознание детей и народных учителей // Первая мировая война и проблемы российского общества: материалы международной научной конференции, 20–21 ноября 2014 г., Санкт-Петербург / отв. ред. А. С. Скаридов. СПб.: ФГБОУ ВПО «Государственная полярная академия», 2014. С. 88–91. EDN: TWVYEJ

15. Усольцева И. В. Влияние Первой мировой войны на проблематику отечественной педагогической психологии (по материалам деятельности Санкт-Петербургского родительского кружка) // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 44–52. DOI: 10.17805/trudy.2018.6.4. EDN: EALUIW

16. Отчет о деятельности 13-го Городского попечительства о бедных в С.-Петербурге за 1914 год. Пг.: Тип. Выс. утв. Общ. распр. религ.-нравств. просв., 1915. 80 с.

17. Отчет 14-го Городского попечительства о бедных в Петрограде за 1914 год. Пг.: Городская Типография, 1916. 78 с.

18. 7-й Отчет 19-го Городского попечительства о бедных С.-Петербурга за 1914 г. Пг.: Типо-лит. «Ш. Буссель», 1915. 416 с.

19. Инструкция для руководительниц очагов, яслей и детских садов, выработанная комиссией при Петроградском Обществе содействия дошкольному воспитанию детей // Дошкольное воспитание. 1916. № 1–2. С. 93–102.

20. Лебедев С. П. Основные вопросы дошкольного воспитания // Вопросы дошкольного воспитания: сборник статей / С.-Петербургское общество содействия дошкольному воспитанию детей. СПб.: Типо-лит. АО «Самообразование», 1912. С. 3–11.

21. Отчет по 10-му Городскому попечительству о бедных в С.-Петербурге за 1914 год. Пг.: Государственная Типография, 1915. 92 с.

22. Отчет 7-го Городского попечительства о бедных Московской части г. Петрограда за 1914 год. Пг.: Тип. Главного Управления Уделов, 1915. 284 с.

23. Отчет 5-го Городского попечительства о бедных в С.-Петербурге (2 и 3 участки Нарвской части) за 1915 год. Пг.: тип. Выс. утв. Общ. распр. религ.-нравств. просв., 1916. 67 с.

24. Отчет 15-го Городского попечительства о бедных за время с 1 января 1914 по 1 января 1915 г. Пг.: тип. П. А. Федотова, 1915. 116 с.

25. Отчет о деятельности 4-го Городского попечительства о бедных в С.-Петербурге за 1914 год. Пг.: Тип. насл. А. М. Менделевича, 1915. 66 с.

26. Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 1–2. С. 1–70.

27. Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 3. С. 73–140.

28. Годовой отчет 3-го Городского попечительства о бедных в С.-Петербурге за 1914 год. Пг.: Тип. М. Я. Герц, 1915. 32 с.

29. Отчет о деятельности 4-го Городского попечительства о бедных в С.-Петербурге за 1915 год. Пг.: Тип. насл. А. М. Менделевича, 1917. 72 с.

30. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 183. Д. 326.

31. Отчет о деятельности Шестого Городского попечительства о бедных в С.-Петербурге (в районе 1 и 4 участков Нарвской части) за 1914 год. Пг.: Типо-лит. Страшунер, 1915. 78 с.

32. Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 3–4. С. 204–242.

33. Кира-Донжан С. Г. Детские клубы и их роль в борьбе с детской беспризорностью и преступностью // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 10. С. 995–1009.

34. Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 9. С. 391–458.

35. Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 5. С. 315–332.

36. Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 7. С. 241–322.

37. Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 6–7. С. 427–448.

The Activities of the City Poor Guardianship in Petrograd for the Children Care During the First World War (1914–1916)

Tamara V. Volgina

During the First World War, the activities of the City Guardianships for the Poor in Petrograd gained special importance. In the context of acute social crisis and mass needs of the population, guardianship authorities faced the need to organize systematic assistance to neglected children. In addition to basic needs (food, clothing and housing), it was necessary to ensure the comprehensive development of preschool children, as well as to organize leisure activities outside of school time. The article examines the activities of guardianship agencies for the care of children, their role in creation and functioning of various institutions – shelters, orphanages, centers, clubs. The author analyzes the peculiarities of the processes of upbringing and education in 1914–1916, as well as the sanitary and hygienic state of organized institutions. Special attention is paid to the problems of organizing preschool education, interaction with charitable organizations, and challenges related to epidemics and financial constraints. Analyzing the activities of the guardianship authorities, the author shows how new approaches to the children care and upbringing were formed during the war, as well as the role of these institutions in supporting the social well-being of the city.

Key words: children, charity, shelter, shelter, hearth, World War I, Petrograd.

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00421-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

For citation: Volgina, T. V. (2025) Deyatel'nost' gorodskikh popechitel'stv o bednyh v Petrograde po prizreniyu detej v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1916 gg.) [The Activities of the City Poor Guardianship in Petrograd for the Children Care During the First World War (1914–1916)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 10–27. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_10. EDN: AGRSUI

References

1. Baeva, E. P., Ivanova, N. M. (2004) Organizaciya social'noj pomoshchi v gody Pervoj mirovoj vojny [Organization of social assistance during the First World War]. *Nauchno-tehnicheskij vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta informacionnyh tekhnologij, mekhaniki i optiki* [Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State University of Information Technologies, Mechanics and Optics]. No. 17. Pp. 117–122. (In Russ.). EDN: JVBCDX
2. Kazakova-Apkarimova, E. YU. (2019) Gorodskie popechitel'stva o bednyh na Urale v nachale XX v.: institucionalizaciya novyh form blagotvoritel'nosti [Urban Guardianship of the Poor in the Urals at the beginning of the 20th century: institutionalization of new forms of charity]. *Vestnik istorii Verhoturskogo uezda* [Bulletin of the history of Verkhotursky district]. No. 10. Pp. 82–89. (In Russ.)
3. Kattina, T. A. (2012) Gorodskie uchastkovye popechitel'stva o bednyh v Vostochnoj Sibiri: organizacionno-pravovoj aspekt (konec XIX veka) [Urban district boards of guardians of the poor in Eastern Siberia: organizational and legal aspect (late 19th century)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 7–2 (21). Pp. 69–72. (In Russ.). EDN: OZCRWJ

4. Motorova, N. S. (2015) Gorodskie popechitel'stva o bednyh v Severo-Zapadnom krae [Urban guardianship for the poor in the North-West region]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences]. No. 2. Pp. 20–24. (In Russ.). EDN: VYWIYF

5. Bukalova, S. V. (2023) Razvitiye sistemy detskogo prizreniya v gody I mirovoj vojny [Development of the children's charity system during the World War I]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bryansk State University Bulletin]. No. 1(55). Pp. 27–37. (In Russ.). DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-27-37. EDN: SPBUAS

6. Veremenko, V. A. (2014) Problema vnebrachnyh semej oficerov i zapasnyh v Rossii nachala XX veka [The problem of illegitimate families of officers and reserves in Russia at the beginning of the 20th century]. *Vojna i povsednevnaya zhizn' naseleniya Rossii XVII – XX vv. (k stoletiyu nachala pervoj mirovoj vojny)* [The war and daily life of the Russian population of the 17th – 20th centuries (to the centenary of the beginning of the First World War)]. Proceedings of the International Scientific Conference, 14–16 March 2014, St. Petersburg. Ed. V. A. Veremenko. St. Petersburg: PLSU. Pp. 157–164. (In Russ.). EDN: TULPUT

7. Sinova, I. V. (2014) Povsednevnaya zhizn' detej v usloviyah Pervoj mirovoj vojny [Daily life of children in the conditions of the First World War]. *Vojna i povsednevnaya zhizn' naseleniya Rossii XVII – XX vv. (k stoletiyu nachala pervoj mirovoj vojny)* [The war and the daily life of the Russian population of the 17th – 20th centuries (to the centenary of the beginning of the First World War)]. Proceedings of the International Scientific Conference, 14–16 March 2014, St. Petersburg. Ed. V. A. Veremenko. St. Petersburg: PLSU. Pp. 487–492. (In Russ.). EDN: TULPUT

8. Horsheva, YU. O. (2023) Pravovye osobennosti social'nogo prizreniya detej nakanune i v nachale Pervoj mirovoj vojny [Legal features of the social care of children on the eve and at the beginning of the First World War]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 2 (72). Pp. 60–63. (In Russ.). EDN: UPKKAB

9. Chubarov, A. I., Shcherbinin, P. P. (2020) Social'noe prizrenie detej vo vremya Pervoj mirovoj vojny [Social charity of children during the First World War]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Bulletin. Series: Humanities]. Vol. 25. No. 188. Pp. 195–202. (In Russ.). DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-188-195-202. EDN: VIDSKF

10. Volgina, T. V. (2024) Yasli i dnevnye priyuty v Petrograde v gody Pervoj Mirovoj vojny (1914–1916 gg.) [Nurseries and Day Shelters in Petrograd During the First World War (1914–1916)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 75–95. (In Russ.). DOI: 10.3523/25422375_2024_1_75. EDN: HERKXO

11. Volobueva, L. M. (2014) Ochagi dlya maloletnih detej v gody Pervoj mirovoj vojny [Nurseries for Infants during World War I]. *Russkaya Starina* [Russian antiquity]. No. 2. Pp. 94–194. (In Russ.). DOI: 10.13187/rs.2014.2.94

12. Golikova, S. V. (2019) Detskie yasli kak chast' social'noj modernizacii Rossii nachala XX veka (po materialam zemstv Permskogo gubernii) [Nurseries as a part social modernization of Russia of the early 20th century (based on zemstvo materials of Perm province)]. *Social'no-ekonomicheskie i demograficheskie aspekty realizacii nacional'nyh proektov v regione* [Socio-economic and demographic aspects of the implementation of national projects in the region]. Collection of articles of the X Ural Demographic Forum, 10–11 June 2019, Yekaterinburg. In 2 vols. Eds. O. A. Kozlova, G. E. Kornilov. Yekaterinburg: Institute of economics Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Vol. II. Pp. 73–80. (In Russ.). EDN: OEOLNB

13. Novikov, M. V. (2014) Pervaya mirovaya vojna i aspekty nacional'nogo vospitaniya v Rossii [World War I and Aspects of National Education in Russia]. *Yaroslavskij pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. Vol. 2. No. 4. Pp. 9–14. (In Russ.). EDN: TFEJPH

14. Semyonova, L. N. (2014) Vliyanie Pervoj mirovoj vojny na shkol'nyu zhizn', soznanie detej i narodnyh uchitelej [The impact of the First World War on school life, the consciousness of children and national teachers]. *Pervaya mirovaya vojna i problemy rossijskogo obshchestva* [The First World War and the problems of Russian society]. Proceedings of the International Scientific Conference, 20–21 November 2014, St. Petersburg. Ed. A. S. Skaridov. St. Petersburg: The State Polar Academy. Pp. 88–91. (In Russ.). EDN: TWYVEJ

15. Usoltseva, I. V. (2019) Vliyanie Pervoj mirovoj vojny na problematiku otechestvennoj pedagogicheskoy psichologii (po materialam deyatel'nosti Sankt-Peterburgskogo roditel'skogo

kruzhka) [The influence of the First World War on the issues of Russian Educational psychology (on materials of the Saint Petersburg Parents' circle)]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Scientific works of the Moscow University for the Humanities]. No. 1. Pp. 44–52. (In Russ.). DOI: 10.17805/trudy.2018.6.4. EDN: EALUIW

16. (1915) *Otchet o deyatel'nosti 13-go Gorodskogo popechitel'stva o bednyh v S.-Peterburge za 1914 god* [Report on the activities of the 13th City Guardianship for the Poor in St. Petersburg in 1914]. Petrograd: tip. Vys. utv. Obshch. raspr. relig.-nrvstv. prosv. (In Russ.)

17. (1916) *Otchet 14-go Gorodskogo popechitel'stva o bednyh v Petrograde za 1914 god* [Report of the 14th City Guardianship of the Poor in Petrograd for 1914]. Petrograd: Gorodskaya Tipografiya. (In Russ.)

18. (1915) *7-oj Otchet 19-go Gorodskogo popechitel'stva o bednyh S.-Peterburga za 1914 g.* [The 7th Report of the 19th City Guardianship for the Poor of St. Petersburg for 1914]. Petrograd: tipo-lit. «SH. Bussel». (In Russ.)

19. (1916) *Instrukciya dlya rukovoditel'nic ochagov, yaslej i detskih sadov, vyrabotannaya komissiej pri Petrogradskom Obshchestve sodejstviya doshkol'nomu vospitaniyu detej* [Instructions for the heads of hearths, nurseries and kindergartens, developed by the commission at the Petrograd Society for the Promotion of Preschool Education of Children]. *Doshkol'noe vospitanie* [Preschool education]. No. 1–2. Pp. 93–102. (In Russ.)

20. Lebedev, S. P. (1912) *Osnovnye voprosy doshkol'nogo vospitaniya* [The main issues of preschool education]. *Voprosy doshkol'nogo vospitaniya: sbornik statej* [Questions of preschool education: a collection of articles]. St. Petersburg: tipo-lit. AO "Samoobrazovanie". Pp. 3–11. (In Russ.)

21. (1915) *Otchet po 10-mu Gorodskomu popechitel'stvu o bednyh v S.-Peterburge za 1914 god* [Report on the 10th City Guardianship of the Poor in St. Petersburg for 1914]. Petrograd: Gosudarstvennaya Tipografiya. (In Russ.)

22. (1915) *Otchet 7-go Gorodskogo popechitel'stva o bednyh Moskovskoj chasti g. Petrograda za 1914 god* [Report of the 7th City Guardianship of the Poor of the Moscow part of Petrograd in 1914]. Petrograd: tip. Glavnogo Upravleniya Udelov. (In Russ.)

23. (1916) *Otchet 5-go Gorodskogo popechitel'stva o bednyh v S.-Peterburge (2 i 3 uchastki Narvskoj chasti) za 1915 god* [Report of the 5th City Guardianship of the Poor in St. Petersburg (sections 2 and 3 of the Narva part) for 1915]. Petrograd: tip. Vys. utv. Obshch. raspr. relig.-nrvstv. prosv. (In Russ.)

24. (1915) *Otchet 15-go Gorodskogo popechitel'stva o bednyh za vremya s 1 yanvarya 1914 po 1 yanvarya 1915 g.* [Report of the 15th City Poor Guardianship for the period from January 1, 1914 to January 1, 1915]. Petrograd: tip. P. A. Fedotova. (In Russ.)

25. (1915) *Otchet o deyatel'nosti 4-go Gorodskogo popechitel'stva o bednyh v S.-Peterburge za 1914 god* [Report on the activities of the 4th City Guardianship of the Poor in St. Petersburg in 1914]. Petrograd: tip. nasl. A. M. Mendelevicha. (In Russ.)

26. (1916) *Letopis' Petrogradskih gorodskih i prigorodnyh popechitel'stv* [Chronicle of Petrograd city and suburban guardianship]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. No. 1–2. Pp. 1–70. (In Russ.)

27. (1916) *Letopis' Petrogradskih gorodskih i prigorodnyh popechitel'stv* [Chronicle of Petrograd city and suburban guardianship]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. No. 3. Pp. 73–140. (In Russ.)

28. (1915) *Godovoj otchet 3-go Gorodskogo popechitel'stva o bednyh v S.-Peterburge za 1914 god* [Annual report of the 3rd City Guardianship for the Poor in St. Petersburg for 1914]. Petrograd: tip. M. YA. Gerc. (In Russ.)

29. (1917) *Otchet o deyatel'nosti 4-go Gorodskogo popechitel'stva o bednyh v S.-Peterburge za 1915 god* [Report on the activities of the 4th City Guardianship for the Poor in St. Petersburg in 1915]. Petrograd: tip. nasl. A. M. Mendelevicha. (In Russ.)

30. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 733. Op. 183. D. 326.

31. (1915) *Otchet o deyatel'nosti 6hestogo Gorodskogo popechitel'stva o bednyh v S.-Peterburge (v rajone 1 i 4 uchastkov Narvskoj chasti) za 1914 god* [Report on the activities of the Sixth City Guardianship of the Poor in St. Petersburg (in the area of sections 1 and 4 of the Narva part) for 1914]. Petrograd: tipo-lit. Strashuner. (In Russ.)

32. (1915) Letopis' Petrogradskih gorodskih i prigorodnyh popechitel'stv [Chronicle of Petrograd city and suburban guardianship]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. No. 3-4. Pp. 204-242. (In Russ.)

33. Kira-Donzhan, S. G. (1916) Detskie kluby i ih rol' v bor'be s detskoj besprizornost'yu i prestupnost'yu [Children's clubs and their role in the fight against child homelessness and crime]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. No. 10. Pp. 995-1009. (In Russ.)

34. (1916) Letopis' Petrogradskih gorodskih i prigorodnyh popechitel'stv [Chronicle of Petrograd city and suburban guardianship]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. No. 9. Pp. 391-458. (In Russ.)

35. (1915) Letopis' Petrogradskih gorodskih i prigorodnyh popechitel'stv [Chronicle of Petrograd city and suburban guardianship]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. No. 5. Pp. 315-332. (In Russ.)

36. (1916) Letopis' Petrogradskih gorodskih i prigorodnyh popechitel'stv [Chronicle of Petrograd city and suburban guardianship]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. No. 7. Pp. 241-322. (In Russ.)

37. (1915) Letopis' Petrogradskih gorodskih i prigorodnyh popechitel'stv [Chronicle of Petrograd city and suburban guardianship]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. No. 6-7. Pp. 427-448. (In Russ.)

Об авторе

Волгина Тамара Владиславовна, аспирант кафедры истории России, ассистент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: lerona97@mail.ru; ORCID ID: 0009-0009-3627-4007

About the author

Volgina Tamara V., Postgraduate, Assistant of the Department of History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: lerona97@mail.ru; ORCID ID: 0009-0009-3627-4007

Статья поступила в редакцию 15.07.2025
Одобрена после рецензирования 25.07.2025
Принята к публикации 07.08.2025

К вопросу об употреблении алкоголя детьми в России в конце XIX – начале XX в.: взгляд современников

А. Д. Мирошникова, А. Е. Жукова

Детский алкоголизм являлся одной из значимых проблем в Российской империи конца XIX – начала XX в. Статистические данные этого периода свидетельствуют о широком распространении среди детей практики употребления алкоголя, в том числе крепких спиртных напитков. Современники стремились определить масштабы проблемы, проводя различные опросы, в том числе среди школьников, а также обращались к исследованию причин данного явления. Представители духовенства, специалисты в области юриспруденции и права, медицинские работники, педагоги изучали специфику проявления этой пагубной привычки среди детей с позиции своего направления. Наиболее пристальное внимание привлекали такие аспекты, как влияние употребления алкоголя детьми на их физическое и психическое здоровье, умственное и нравственное развитие. В многочисленных публикациях специалисты различного профиля предлагали способы борьбы с алкоголизмом, обосновывая необходимость комплексного подхода к решению проблемы. Используя материалы издаваемой в рассматриваемый период литературы, в статье анализируются взгляды современников по вопросу о детском алкоголизме и выявляются основные, по их мнению, характеристики данного явления и методы борьбы с ним.

Ключевые слова: детский алкоголизм, борьба с алкоголизмом, гигиена детства, Российская империя, конец XIX – начало XX в.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421-П, <https://rsccf.ru/project/22-18-00421/>

Для цитирования: Мирошникова А. Д., Жукова А. Е. К вопросу об употреблении алкоголя детьми в России в конце XIX – начале XX в.: взгляд современников // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 28–49. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_28. EDN: АУУКТ

Введение

Вторая половина XIX – начало XX в. – период, когда в Российской империи особенное внимание уделялось развитию таких наук, как педиатрия и гигиена, способствовавших трансформации практик ухода за детьми, а также изменениям во многих сферах, связанных с гигиеной детства. Одним из вопросов, который являлся основополагающим для здорового роста и развития ребенка, было отношение к употреблению детьми алкоголя – достаточно распространенной и потому серьезной проблеме рассматриваемого периода.

Актуальность статьи обусловливается необходимостью углубленного изучения в рамках истории детства такого пагубного явления, как детский алкоголизм для понимания специфики процессов, которые происходили в российском обществе конца XIX – начала XX в., когда не только специалисты, но и широкие слои общественности обращали внимание на важность соблюдения основных санитарно-гигиенических норм и рекомендаций педиатров для здорового роста подрастающего поколения.

Опыт дореволюционной России важен и сегодня: проблема употребления алкоголя детьми является одной из наиболее серьезных угроз для здоровья молодежи в настоящее время. Несмотря на некоторое снижение числа детей и подростков, подверженных данной привычке, статистика в современной России всё еще неутешительна: согласно исследованию Е. С. Скворцовой и Е. И. Бабушкиной, направленному на выявление особенностей употребления алкоголя школьниками, уровень распространенности алкоголизации составляет среди мальчиков – 37, среди девочек – 49 из каждого ста подростков соответствующего пола и возраста¹.

Изучение детского алкоголизма в исторической ретроспективе привлекало исследователей еще с конца XIX в., в частности, среди дореволюционных авторов можно выделить Д. Н. Бородина [1], В. Я. Канеля [2], Н. И. Григорьева [3; 4] и др. Несмотря на то что многие работы конца XIX – начала XX в. носили публицистический характер, особое внимание получили вопросы, связанные с самим явлением алкоголизма среди детей, его причинами и теми опасностями, которыми он грозил. В советский период исследователь-

¹ Скворцова Е. С., Бабушкина Е. И. Употребление алкоголя среди современных городских подростков-школьников. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/1487/27/lang_ru/ (дата обращения: 09.07.2025).

ский интерес к данной теме сохранялся, причем зачастую носил более практикоориентированный характер: авторы, обращаясь в том числе к истории проблемы, стремились к поиску путей ее решения [5–7]. Многие специалисты рассматривали особенности девиантного поведения с позиций социологии, например В. Г. Афанасьев [8], М. И. Рожков [9], М. А. Ковальчук и И. Ю. Тарханова [10]. В современных исторических исследованиях авторы уделяют внимание детскому алкоголизму и его проявлениям в различных социальных группах российского общества конца XIX – начала XX в., в качестве примера можно привести работы В. А. Веременко [11; 12] и И. В. Синовой [13; 14].

Целью данной статьи является изучение и анализ взглядов представителей образованной общественности конца XIX – начала XX в. на проблему употребления алкоголя детьми. Комплексный подход к данной проблеме базируется на исследовании трудов юристов, педагогов, врачей, а также духовенства рассматриваемого периода, что позволяет изучить все стороны детского алкоголизма – от нравственных причин и следствий до воздействия на физическое и ментальное здоровье. Обзор взглядов современников, активно транслируемых на широкую публику посредством публикации брошюр, аналитических произведений, статистических данных, которые должны были привлечь максимально возможное внимание к проблеме детского алкоголизма, позволяет изучить не только масштабы недуга, но и предлагаемые авторами меры для борьбы с ним.

Теоретико-методологическая основа исследования включает в себя принципы историзма, научной объективности и системности, позволяющие всесторонне проанализировать взгляды современников на проблему детского алкоголизма в конце XIX – начале XX в., представленные в их публикациях. Изучение данной темы в рамках теории модернизации способствует более глубокому исследованию процессов, происходящих в российском обществе на фоне развивающейся модернизации, в первую очередь с учетом ее социальных последствий. В то же время прогрессивность изменений в науке и практике ухода за ребенком, которая также присутствовала в данный период, обусловливала и более пристальное внимание специалистов различного профиля к обозначенной проблеме, что приводи-

ло к появлению целого ряда публикаций, ориентированных на широкие круги общественности.

Результаты

О том, что проблема детского алкоголизма широко волновала общественность в конце XIX – начале XX в., можно сделать вывод уже по значительным объемам издаваемой тематической литературы, которая выпускалась и распространялась на рубеже веков. Осознавая важность борьбы с употреблением спиртных напитков детьми, видные деятели в первую очередь пытались проанализировать масштабы проблемы, чтобы в дальнейшем понять, какие меры использовать для профилактики данного явления. На первом Всероссийском съезде по борьбе с пьянством (1910) отмечалось, что алкоголизм «у детей встречается гораздо чаще, чем принято думать... 90 % пьющего населения начинают обучаться употреблению спиртных напитков в юные годы» [15, с. 566].

Попытки сбора информации предпринимали врачи, в частности Н. И. Григорьев, доктор медицины обратился к учителям Санкт-Петербурга для того, чтобы узнать масштабы употребления спиртных напитков среди учеников училищ. Согласно результатам его исследования, в одном из петербургских городских училищ, расположенным в районе города с рабочим населением «из 43 опрошенных учеников в возрасте 8–11 лет были знакомы с водкой 37 человек; перед обедом $\frac{1}{2}$ –1 рюмку пили ежедневно 9 учеников, по праздникам – 14 учеников, были пьяны по одному разу от водки – 16, от пива – 17 учеников, по два раза – 7, по несколько раз – 2. Трое учеников оказались такими любителями водки, что крали ее или деньги для покупки последней» [3, с. 56–57]. В другом училище «из 52 учеников в возрасте от 8–13 лет оказалось: четверо никогда не пили водку, восемь пили одно пиво, 7 – виноградное вино и пиво, 33 – водку; 17 человек получали напитки почти ежедневно от родителей, причем давал их отец, а мать "часто ругалась" за это; некоторые заявили, что могут выпить до трех рюмок сразу, что любят выпить, так как "хорошо" в голове шумит... В этом училище бывали случаи, что ученики приносили водку в училище под видом чая и выпивали ее в большую перемену, закусывая принесенным завтраком» [3, с. 56–57].

Приведенные ниже данные были представлены доктором А. М. Коровиным в докладе по результатам анкетирования, предпринятого среди школьников с целью выяснения объемов распространения алкоголизма и охватившего контингент учащихся в 23 тыс. чел. [16].

Таблица

Результаты анкеты в начальных училищах Московской губернии по вопросам об употреблении учениками алкогольных напитков в 1908 г.

Уезд	Мальчики		Девочки	
	всего, чел.	пьющих, %	всего, чел.	пьющих, %
Московский	4 637	63,7 %	3 055	40,2 %
Дмитровский	1 340	75,4 %	500	45,4 %
Клинский	2 621	76,0 %	1 595	58,6 %
Серпуховский	1 531	54,9 %	937	31,6 %
Волоколамский	1 564	74,2 %	784	47,1 %
Звенигородский	1 321	73,8 %	895	51,2 %
Коломенский	2 541	61,5 %	1 410	44,7 %
Рузский	749	74,1 %	392	64,5 %
Подольский	233	45,0 %	65	59,1 %
Верейский	1 597	60,3 %	771	37,6 %

Составлено по: [16, с. 566–583].

Результаты анкеты свидетельствовали о том, что знакомство с алкоголем происходило в раннем детстве: «В 7–8 лет, когда дети поступали в школу, среди них был большой процент пьющих: среди мальчиков – 60 %, среди девочек – 46 %. В дальнейшей школьной жизни этот процент обнаружил постоянную тенденцию к повышению. В возрасте 9–10 лет среди мальчиков уже 67 % пьющих, в 10–13 лет процент этот поднимался уже до 70 %, а свыше 13 лет – до 78 %. Среди мальчиков 15,5 %, а среди девочек 3,2 % время от времени напивались до пьяна» [16, с. 20–22]. Кроме того, А. М. Коровин отмечал, что среди пьющих школьников количество неуспевающих было гораздо больше, чем среди трезвых [16, с. 24].

Показательно сопоставление этих цифр с данными доктора Горячкина, который опросил 1 671 ребенка, находившегося на лечении в московской больнице св. Ольги: в 506 случаях (30,3 %) удалось констатировать явные следы злоупотребления спиртными напитками [2, с. 16].

Из приведенных данных об употреблении спиртных напитков детьми в России в конце XIX – начале XX в. можно сделать выводы об остроте проблемы и внимании к ней со стороны общественности. Немаловажно, что ситуация, сложившаяся вокруг данного вопроса, находила отклик среди специалистов разных направленностей: врачей, педагогов, духовенства, юристов и др. Все они стремились разобраться в причинах подобного явления и предлагали ряд мер для решения проблемы и профилактики алкоголизма среди детей.

Специалисты в области юриспруденции внесли особый вклад в обсуждение вопроса детского алкоголизма. Юристы Д. А. Дриль и Л. П. Дымша основными причинами употребления детьми спиртного называли снятие эмоционального напряжения, поднятие настроения, наследственный фактор (наследование от родителей-алкоголиков) [17, с. 2–8], влияние социальной среды [18], продажу алкоголя на рынке [19, с. 16]. Помимо этого, говоря о последствиях употребления спиртных напитков, они отмечали негативное действие на кровеносную систему и на эмоциональное состояние ребенка [17, с. 8–13].

Юристы особо подчеркивали важность решения данного вопроса на государственном уровне, указывая, что с увеличением количества техники на производстве понизился спрос на труд человека, что привело не к увеличению его благосостояния, а наоборот, к ухудшению [17–19]. Происходило переполнение рынка труда, что приводило к тому, что появились люди, «хватавшиеся за все». Заработок становился непостоянным, что «создавало разряд людей – "золоторотцев" – промежуточное звено между рабочими и нищими, а потом бродяг» [17, с. 7–8].

Основными мерами борьбы с детским алкоголизмом юристы считали мероприятия государства по нравственному, физическому и психическому развитию населения. Специалисты отмечали важность дальнейшего развития рабочего законодательства, его распространения, по возможности, на все отрасли труда и установление надзора над ними, а также улучшение

жилищных условий рабочих [17, с. 17]. Эти меры могли бы, по мнению авторов, способствовать сокращению употребления спиртных напитков, особенно среди детей ремесленников [17, с. 18]. С данной позицией был согласен Д. Н. Бородин, который выделял следующие меры борьбы: разработку законодательных норм, преподавание начал трезвости, соблюдение гигиены, применение широкой пропаганды, направленной на распространение в обществе представлений об отрицательных последствиях употребления спиртных напитков [1; 20; 21].

Таким образом, среди юристов существовало понимание того, что рост потребления алкоголя населением и детьми, в частности, представляет серьезную угрозу для общества, и что для её решения необходимо предпринимать меры на законодательном уровне.

Другой подход был у представителей духовенства, которые считали, что в первую очередь необходимо самим священнослужителям отказаться от употребления спиртных напитков, создавать союзы трезвости, издавать литературу религиозно-нравственной направленности и распространять ее среди образовательных учреждений [3; 22–29]. Д. Г. Булгаковский представил алфавитный указатель книг, который мог быть полезен для борьбы с алкоголизмом [23].

Духовенство в своих трудах раскрывало негативные аспекты потребления алкоголя, и, что немаловажно, подобные рассказы могли служить пособием в помочь школьным учителям, включая в себя изречения Священного Писания, проповеди против пьянства и пропаганду трезвого образа жизни [24–26; 30]. Так, в одном из произведений, духовно-нравственного содержания была представлена беседа двух приятелей-трезвенников: первый, Василий – пожилой человек, был членом общества трезвости, записывал в отдельную книжку разные изречения, особенно те, что касались дела употребления алкоголя, проводил беседы с товарищами, которые не стремились бросать пьянство; второй, Петров – молодой мужчина, сравнительно недавно вступил в общество трезвости и пытался многое разузнать у Василия: о том, что такое трезвость, кто был первым трезвенником, как бороться с пьянством. Все ответы старшего товарища сопровождались цитатами из Библии, а закончился рассказ словами: «Только трезвые люди могут истинно и правдиво любить друг друга, как

учил Иисус Христос! Только при трезвой жизни исчезнут с лица земли многие страшные болезни и бедствия, уничтожится безнравственность и преступность» [30, с. 38].

Православный священник Д. Г. Булгаковский опубликовал серию рассказов, иллюстрирующих пагубное влияние алкоголя на жизнь людей [22–26; 28]. Так, в рассказе «Отцы и дети» он показал, как родители своим поведением подают плохой пример своим детям в деле употребления спиртных напитков [26, с. 6], а в историях «Мать-пьяница» [26, с. 16] и «Дом пьяницы» [26, с. 20] указал на психологические последствия жизни детей в семье алкоголиков. Особое внимание стоит уделить рассказу «Дом трезвого», где священник всесторонне отметил положительные аспекты жизни трезвой семьи [26, с. 18].

А. В. Рождественский выделил основные направления в деле борьбы с пьянством: исповеди, проповеди воздержания, написание статей, направленных против пьянства и т. д. [30; 31]. Он обратил внимание на книгу «26 слов священника к своим прихожанам о том, что невинно вино, а укоризненно пьянство», выпущенную в 1872 г., где автор призывал начинать дело отрезвления с детей, эти же слова были высказаны и обер-прокурором Святейшего синода К. П. Победоносцевым в 1889 г.: «Там, где усердием ревнителей (священников) заведены и поддерживаются праздничные вечерние богослужения с беседами и пением, где посредством церковно-приходской школы подрастающее поколение детей входит в сознание закона Божьего, в добрые обычаи порядка, в искусство чтения церковного, примером детей увлекаются и родители и ясно ослабевает пьянство» [31, с. 17]. Уже в 1889 г. духовенству был отправлен циркуляр «О принятии со стороны духовного ведомства некоторых мер к искоренению пьянства», в котором отмечалось: «Принимая во внимание, что не прекращающееся доныне пьянство среди низших классов городского и сельского населения представляет такой порок, который оказывает самое пагубное влияние...православное духовенство и само лично и при помощи обществ трезвости, приходских попечительств, церковных советов при непосредственном и деятельном вспомоществовании со стороны епархиальной власти и должно вступить на неустанную борьбу за пьянство и всеми силами содействовать искоренению пристрастия в народе к спиртным напиткам» [31, с. 17–18].

Немаловажно, что представители духовенства стремились на практике реализовать вышеизложенные идеи. В отчетах губернских и уездных комитетов попечительства о народной трезвости за 1897 г., представленных министру финансов, говорилось, что духовенство устраивало чтения для народа, создавало библиотеки-читальни и наблюдало за ними, осуществляло надзор за чайными, организовывало певческие хоры, выступало в качестве лекторов [12, с. 10].

Духовенство, активно осуществляя данную деятельность, требовало законного распоряжения о прекращении употребления алкоголя при мирских сходах, об уменьшении количества кабаков, о предоставлении больших прав и полномочий в деле наблюдения за продажей спиртных напитков [31, с. 19]. При этом следует отметить, что священники считали своей главной деятельностью «пастырское воздействие», акцентируя внимание на возможностях церковно-приходской школы, где пастырь мог рассказывать о правилах христианской жизни [31, с. 19–20]. В этом направлении, по мнению А. В. Рождественского, особо выделились Оренбургская и Вятская епархии, где активно высказывались мысли о важном значении школы в борьбе с пьянством [31, с. 25–33]. Основную позицию духовенства можно охарактеризовать следующим суждением: «Школа и исповедь – лучшее место и время для воздействия на детскую душу» [27, с. 9].

Взаимодействие школы и церкви считалось определяющим в борьбе с алкоголизмом детей, поэтому неслучайно духовенство особое внимание уделяло системе воспитания, разработанной педагогом С. А. Рачинским. Она включала в себя беседы о вреде пьянства и создание общества трезвости среди учеников, а деятельность педагога в рамках этой системы носила религиозную и педагогическую направленность [32, с. 16].

Особое место в обсуждении современниками вопроса о детском алкоголизме занимали педагоги, которые выделяли общие и частные меры борьбы с пьянством среди детей [33, с. 7–8]. К общим относили системное воздействие на умы детей в вопросе употребления спиртных напитков; всестороннее разъяснение о разрушительном действии алкоголя; воспитание воли учащихся путем школьной дисциплины; объяснение негативных сторон праздности [33, с. 8]. К частным – объяснение вреда употребления спиртных напитков на разных учебных предметах [33, с. 13].

В качестве основных мер в борьбе со школьным алкоголизмом предлагалось в первую очередь усилить отдел о вреде спиртных напитков в преподаваемых курсах гигиены, а в педагогическом направлении – обучать основам профилактики употребления спиртных напитков среди учеников. Учителя считали, что необходимо вводить наравне со всеми предметами дисциплину, направленную на обучение трезвости. Предлагалось организовывать лекции и беседы на курсах учителей, готовившие их к борьбе с алкоголизмом, а также издавать пособия, где давалось бы научное обоснование губительного действия алкоголя, описывались существующие меры борьбы с ним в России и за границей, в том числе в рамках школы [34, с. 7–8].

Учителю отводилась особая роль в борьбе с алкоголизмом школьников, поскольку они могли в рамках своего ежедневного взаимодействия с детьми оказывать существенное влияние на формирование их взглядов, в том числе непосредственно в процессе обучения. Педагоги объясняли учащимся последствия пьянства при прохождении в школе учебных программ: а) по Закону Божьему; б) русской грамматики и истории словесности; в) всеобщей и русской истории, г) математике¹, д) географии, е) чистописанию и др. [33, с. 14–34; 34, с. 13–19]. Даже в таком творческом предмете как музыка находилось место для антиалкогольной пропаганды: на уроках пения разучивали пьесы трезвенного характера и стихотворения, переложенные на мелодии песен, согласно рекомендациям из сборника С. Г. Успенского [34].

Для воспитания в учащихся осознания вреда алкогольных напитков предлагалось создавать детские общества, содружества, товарищества или братства под руководством учителя, проводить школьные собрания, чтения, беседы, паломничества, следить за «исполнением детьми добровольно взятых на себя обетов не пить никогда вина» [34, с. 9; 32; 33; 35].

Итак, учитель в рамках преподаваемого им предмета мог вести антиалкогольное воспитание, что было актуально в данный период, а общественность в свою очередь видела в учителях одних из основных проводников правильного отношения к алкоголю и призывала их самих отказаться от потребления спиртных напитков и объединиться во всероссийский учительский союз трезвости [34, с. 10].

¹ Примеры задач по математике представлены в приложении.

Злоупотребление спиртными напитками оказывало крайне негативное влияние на здоровье и психику детей, что вызывало серьезное беспокойство представителей системы здравоохранения. Врачи конца XIX – начала XX в. стремились рассмотреть причины и последствия данного явления, а также разработать комплекс мер для решения проблемы.

Д. П. Никольский, известный русский медик, гигиенист, доктор медицины для борьбы с алкоголизмом предлагал создавать воспитательно-образовательные учреждения [36, с. 2]. Особенное внимание, по мнению врача, стоило обратить на народный театр, главной задачей которого он считал «показать человеку, как мыслят и чувствуют люди, незабытые однообразием механического труда, не отравленные бедностью и однообразием... Он [человек] незаметно для себя входит, сливается с нею и невольно усваивает себе то отношение к воспроизведимым явлениям жизни и те условия, какие руководили автором при создании художественных произведений» [36, с. 6]. Подобные учреждения предполагалось использовать для антиалкогольной пропаганды. Аналогично могли действовать и народные дома, или «народные дворцы», в которых устраивали публичные библиотеки, театр, книжный склад, воскресную школу и т. д. [36, с. 10–12]. Никольский выделил деятельность «дворцов» в Томске, Тамбове, Одессе, Харькове, Новочеркасске, Екатеринославе и др. [36, с. 12–30]. В Петербурге отмечал Невское общество, деятельность которого была направлена не только на взрослых, но и на детей: за период с 1887 по 1899 г. 161 045 детей посетили народные развлечения и спектакли общества [36, с. 32]. В Москве в этот период образовалось отдельное общество народных общеобразовательных развлечений, целью которого являлось содействие распространению среди населения «нравственных» и «разумных» развлечений (организация концертов, спектаклей, выставок картин и пр.) [36, с. 33]. Особое внимание уделялось школе, где закладывались основы нравственности, и другим образовательным учреждениям (библиотекам-читальням, народным чтениям со световыми картинами, воскресным школам, систематическим курсам) [36, с. 48–50]. Д. П. Никольский считал, что хорошо организованные воспитательно-образовательные учреждения смогут не только способствовать умственному,

нравственному, экономическому развитию населения, но и содействовать борьбе с пьянством.

Врач Ф. Ф. Эрисман, создатель основополагающих принципов общественной гигиены, подробно рассказал о вреде алкоголя для здоровья, особенно подчеркнув его разрушительное воздействие на нервную систему детей. Он объяснил, что из-за особенностей строения и функционирования детского мозга употребление спиртных напитков может привести к серьезным неврологическим заболеваниям. Кроме того, Ф. Ф. Эрисман отметил негативное влияние алкоголя на память, поведение и общее физическое, умственное и моральное развитие ребенка [37, с. 132–136]. Рассматривая причины употребления алкоголя детьми, он отмечал наследственность данного явления, при этом считал, что «в большинстве случаев дети в раннем возрасте получают алкоголь вследствие крайнего невежества окружающих, а в более позднем – благодаря тому, что ни родители, ни учителя или воспитатели не имеют надлежащего представления о пагубном действии этого вещества на молодой, неокрепший организм» [37, с. 136].

Ф. Ф. Эрисман выделил следующие меры, необходимые для борьбы с данным явлением: беседа врачей с родителями о разрушительном влиянии алкоголя на организм ребенка, выступление с публичными лекциями, составление медиками специальных брошюр, создание пособий и учебников «трезвости» для образовательных учреждений, организация детских обществ трезвости [37, с. 140–143]. По его мнению, учитель должен был быть примером для ученика – человеком, который не употребляет спиртные напитки сам и этому учит своих подопечных [37, с. 140].

В. Я. Канель и Н. И. Григорьев выделяли следующие причины употребления алкоголя детьми: «питейные обычаи», наследственность, социально-психологические факторы (нервное состояние, «боязнь завтрашнего дня», душевная пустота, «жажда наслаждений» и пр.), изменения в общественной и политической жизни [2; 3; 4]. В. Я. Канель указывал на негативные последствия употребления алкоголя на подрастающий организм: разрушительное действие для детского мозга, кровеносных сосудов, ослабление внимания, замедление мыслительных процессов, нарушение устойчивости нервной системы, объясняя это основными свойствами спиртных напитков [2, с. 17–18].

Особое внимание в вопросе борьбы с употреблением алкогольных напитков В. Я. Канель уделял школе. Так, он отмечал, что школьники были подвержены пагубной привычке вследствие физической слабости и душевной пустоты, а «сидящее положение при антисанитарной обстановке школы», обучение под «нравственным гнетом», методы обучения и воспитания (отсутствие учета индивидуальных особенностей учеников, рутинные программы, обилие школьных предметов, система отметок и экзаменов) негативно влияют на ребенка, проводят к ослаблению мышечной и нервной деятельности [2, с. 29–30]. В качестве основных мероприятий в борьбе с данным явлением в учебных заведениях В. Я. Канель предлагал организацию юношеских обществ трезвости (выступая против их создания под руководством учителей), проведение бесед со специалистами, использование специальных иллюстрированных пособий, отражающих последствия употребления спиртных напитков на организм ребенка, изменение системы обучения и воспитания [2, с. 39–40].

Г. И. Дембо, российский врач-гигиенист, эпидемиолог, деятель в области общественной санитарии и социальной гигиены, в своем очерке о деятельности Русского общества охранения народного здравия обобщил негативные последствия употребления алкоголя для организма: ухудшение работы сердца, расстройство питания клеточных элементов, понижение умственной и механической работоспособности [38, с. 3–13]. Для борьбы с данным явлением он предлагал уменьшить количество рабочих часов для подростков, сократить число мест продажи спиртных напитков, установить врачебно-санитарный надзор в учебных заведениях, ввести преподавание антиалкогольных наук, распространять общества трезвости среди молодежи [38; 39; 40].

А. С. Вирениус видел два пути решения проблемы употребления детьми спиртных напитков: во-первых, воспитание самих учащихся в духе трезвости через обучение, организацию досуга детей в часы отдыха, в том числе проведение игр, экскурсий, спортивных занятий, элементов самодеятельности, тематических бесед / собраний / вечеров, участие в кружках трезвости в образовательных учреждениях и, во-вторых, обучение детей основным принципам гигиены, в частности соблюдению санитарных норм, использованию холодных ванн, душа, купанию

с элементами закаливания, установлению режима сна, приемов пищи и регулированию умственной нагрузки [41, с. 6–9].

Таким образом, врачи подробно рассматривали причины развития детского алкоголизма, разделяя их на три группы: биологические (наследственная предрасположенность, индивидуальные особенности нервной системы), социальные (влияние окружения, где распространены традиции употребления алкоголя, и низкий уровень моральных принципов), психологические (тревожность, неуверенность в себе, трудности в преодолении стресса и привычка снимать напряжение с помощью алкоголя). Особое внимание медики уделяли наследственности, считая наличие алкогольной зависимости у родителей значимым фактором риска для развития алкоголизма у их детей. Для борьбы с употреблением алкоголя среди детей представители медицинского сообщества предлагали различные меры, в том числе врачебный контроль и профилактическую деятельность образовательных учреждений и общественности.

Обсуждение и выводы

Подводя итоги, в ходе изучения трудов специалистов различного профиля конца XIX – начала XX в. был выявлен значительный интерес к проблеме употребления детьми спиртных напитков. На данном этапе среди образованной общественности уже формировалось мнение о том, что распитие алкоголя детьми не является нормой и несет в себе серьезные опасности. Это явление было чертой экстремальной повседневности ребенка – самостоятельно ли он обращался к спиртному, делал ли это с подачи окружения, наблюдая за товарищами, или же получал алкоголь непосредственно от родителей или других взрослых – в качестве лекарства, по случаю праздника или в любой иной ситуации.

С учетом широкого распространения практики употребления алкоголя детьми, подтверждаемого статистическими данными, к этой теме в своих трудах обращались представители духовенства, специалисты в области юриспруденции и права, медицинские работники, педагоги, которые исследовали проявления этого пагубного явления с позиции своего направления, пытались выявить причины и найти способы борьбы с алкоголизмом.

Главными причинами употребления алкоголя детьми в конце XIX – начале XX в. назывались наследственные факторы,

наличие нежелательных примеров со стороны взрослых, отсутствие достоверных знаний о вреде спиртных напитков, недостаточный контроль за их продажей, неблагоприятные условия жизни, социальная незащищенность, психологическая незрелость и стремление уйти от личных сложностей посредством употребления алкоголя.

Основными мерами, предлагаемыми авторами для борьбы с детским алкоголизмом, стали: разработка законодательных инициатив; осуществление врачебно-санитарного контроля; организация религиозно-нравственного воспитания; обучение учителей; изучение «науки трезвости»; создание обществ трезвости, которые проводили профилактические мероприятия для детей; устройство специальных выставок, открытие музеев, чтение лекций для учеников, учителей и родителей, направленных на достижение главной цели – сократить количество употребления спиртных напитков среди детей.

В результате исследования можно заключить, что общественность считала системную работу в разных сферах жизни ребенка наиболее эффективной для борьбы за трезвость среди детей, и лишь комплексный подход к решению данной проблемы мог привести к положительным результатам. Важнейшим достижением данного периода стало распространение сведений о вреде алкоголя для детского организма и его развития, популяризация мнения о недопустимости употребления алкоголя детьми, что способствовало формированию фундамента для дальнейшей борьбы с данным опасным явлением.

Приложение

Примеры математических задач антиалкогольной направленности¹

1. В одной из тюрем содержалось некоторое число преступников: из них 200 совершили преступления в пьяном виде. Узнать, сколько человек содержалось в тюрьме, если известно, что число 200 составляло $20/49$ общего числа преступников.

2. По статистическим сведениям, в Соединенных Штатах с некоторого времени вследствие уменьшения спроса на вино

¹ Составлено по: Успенский С. Е. Алкоголизм и школьная борьба с ним. М.: Тип. Наше слово, 1912; Беляев М. М. Сборник задач противоалкогольного содержания: пособие при преподавании арифметики в низших школах всех ведомств. М.: б. и., 1914.

закрылось 1000 винокуренных заводов. Найти, сколько человек отказалось от употребления вина, если известно, что 0,003 числа потребителей составляют постоянные пьяницы, а число последних в 3 раза более винокуренных заводов?

3. Ежедневно пьющий выпивают водки или пива на 15 к.:

Задача 1. Сколько он мог бы сберечь денег в год или в несколько месяцев?

Задача 2. Какая сумма могла бы образоваться от воздержания в течение 37 лет, в которые он не употреблял ни пива, ни вина?

Задача 3. Какой капитал образовался бы в 36 лет, если бы сбережения были вносимы в начале каждого года в сберегательную кассу по 3,6 сложных процента?

4. Из 700 больных, помещенных в больницу для умалишенных, 52 % составляли люди, впавшие в зависимость от пьянства. Сколько подобных больных находилось в этой больнице?

5. Один пьяница, 14 лет, предававшийся чрезмерному потреблению спиртных напитков, заболел горячкой и был помещен в больницу. Вычислить, сколько вина выпил за этот период времени пьяница, если в среднем первые семь лет он пил по 0,005 ведра, следующие четыре года по 0,01 ведра и, наконец, последние три года по 0,025 ведра ежедневно?

Список литературы

1. Бородин Д. Н. Пьянство среди детей. СПб.: С.-Петербург. коммерч. типо-лит. М. Виленчик, 1910. 120 с.
2. Канель В. Я. Алкоголизм и школа. М.: Наука, 1912. 41 с.
3. Григорьев Н. И. Алкоголизм и преступления в г. С.-Петербурге: Алкоголизм и преступления в городе Санкт-Петербурге. По материалам С.-Петербург. гор. больниц и Арх. С.-Петербург. окр. Суда. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1900. 245 с.
4. Григорьев Н. И. Русские общества трезвости, их организация и деятельность в 1892-93 г. Список иностранных обществ трезвости. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1894. 79 с.
5. Причины и особенности алкоголизации в подростково-юношеском возрасте. Научный обзор / под ред. чл.-кор. АМН СССР проф. Ю. П. Лисицына. М.: ВНИИМИ, 1980. 61 с.
6. Лисицын Ю. П. Алкоголизм (Социально-гигиенические аспекты). М.: Медицина, 1983. 263 с.
7. Бородкин Ю. С. Алкоголизм. Причины, следствия, профилактика. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1987. 157 с.
8. Афанасьев В. Г. Социология девиантного (отклоняющего) поведения. СПб.: Питер, 1993. 267 с.
9. Воспитание трудного ребенка. Дети с девиантным поведением / под ред. М. И. Рожкова. М.: ВЛАДОС, ИМПЭ, 2001. 238 с. EDN: WXAQGT
10. Ковальчук М. А., Тарханова И. Ю. Девиантное поведение: профилактика, коррекция, реабилитация. М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2010. 285 с. EDN: QYAZDB

11. Веременко В. А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Европейский дом, 2007. 622 с. EDN: VQNDDX
12. Веременко В. А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. 204 с. EDN: UXZPAL
13. Синова И. В. Правовое положение, труд и повседневная жизнь детей во второй половине XIX – начале XX века. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2019. 280 с. EDN: FJFMSG. DOI: 10.12737/monography_5b64323c29ca30.92164653.
14. Синова И. В. Повседневная жизнь детей трудащегося населения Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 1 (26). С. 207–211.
15. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. С.-Петербург. 28 дек. 1909 г. – 6 янв. 1910 г.: в 3 т. СПб.: Тип. Сойкина, 1910. 279+237+291 с.
16. Коровин А. М. Сельская школа и алкоголизм в Московской губернии. Доклад I Всероссийскому съезду по борьбе с пьянством. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1910. С. 566–583.
17. Дриль Д. А. Некоторые из причин массового алкоголизма и вопрос о средствах борьбы с ним (Доклад, читанный в комиссии по вопросу об алкоголизме 24 октября 1898 года). СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1899. 18 с.
18. Дриль Д. А. Вопросы исправительного воспитания (Организация воспитательных заведений для несовершеннолетних). СПб.: Типо-лит. С.-Петербург. тюрьмы, 1903. 28 с.
19. Дымша Л. П. Казенная винная монополия и ее значение для борьбы с пьянством (Доклад Комиссии по вопросу об алкоголизме). СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1899. 24 с.
20. Бородин Д. Н. Значение школы в борьбе с пьянством. СПб.: Типо-лит. Ф. Вайсберг, 1893. 10 с.
21. Бородин Д. Н. Алкоголизм и самоубийство. СПб.: С.-Петербург. коммерч. типо-лит. Виленчик, 1910. 10 с.
22. Булгаковский Д. Г. Как перестать пить. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1900. 8 с.
23. Булгаковский Д. Г. Алфавитный указатель книг и статей против пьянства в новейшей русской литературе и памятников древнерусской письменности. СПб.: Тип. В. С. Балашев и К°, 1898. 64 с.
24. Булгаковский Д. Г. Без вина одно горе, а с вином старое одно, да новых два. СПб.: Отеч. тип., 1909. 15 с.
25. Булгаковский Д. Г. Горе горемычное: старые и новые речи против пьянства и его ужаснейших последствий и добрые советы, как избавиться от него. СПб.: Сенатская типография, 1902. 76 с.
26. Булгаковский Д. Г. До чего доводит пьянство: Картины из жизни. М.: А. Д. Ступин, 1912. 23 с.
27. Булгаковский Д. Г. Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством (Доклад Комиссии по вопросу об алкоголизме 6 окт. 1899 г.). СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1900. 20 с.
28. Булгаковский Д. Г. Эхо: пьянство и его последствия: иллюстрированный альбом с бытовыми сценами из жизни людей, преданных пьянству. М.: А. Д. Ступин, 1913. 10 с.
29. Востоков В. И. Детские слезы дошли до Бога. Совесть пробудилась: из воспоминаний священника В. Востокова. М.: Книгоизд-во А. С. Панафиной, Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1913. 32 с.
30. Рождественский А. В. Беседа старого и юного трезвенника о погибельном пьянстве и о пользе трезвости. СПб.: Александро-Нев. о-во трезвости, 1900. 38 с.
31. Рождественский А. В. Что сделало православное духовенство для борьбы с народным пьянством (Доклад Субкомиссии для изыскания мер борьбы с пьянством при посредстве духовенства). СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1900. 36 с.
32. Танаевский С. И. С. А. Рачинский как борец за трезвость народную на церковно-школьной почве. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1900. 16 с.
33. Невзоров Н. К. Борьба школы с пьянством: Доклад Комиссии при Русском обществе охранения народного здравия. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1900. 34 с.
34. Успенский С. Е. Алкоголизм и школьная борьба с ним. М.: Тип. Наше слово, 1912. 32 с.
35. Шилов А. В. Кружок по борьбе со школьным алкоголизмом в Москве. Доклад представителей XIV Международному антиалкогольному конгрессу в Милане (9–14 апреля 1913 г.). М.: Тип. В. И. Воронова, 1914. 12 с.

36. Никольский Д. П. Образовательно-воспитательные учреждения в борьбе с алкоголизмом (Доклад Комиссии по вопросу об алкоголизме 8 дек. 1899 г.). СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1900. 52 с.
37. Эрисман Ф. Ф. Влияние алкоголя на детский организм и борьба с алкоголизмом среди молодежи // Вестник воспитания. 1897. № 4. С. 120–150.
38. Дембо Г. И. Алкоголизм и борьба с ним (По трудам Комиссии при Обществе охранения народного здравия). Киев: Лито-тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, Киевск. отд., 1900. 78 с.
39. Дембо Г. И. Пьянство среди малолетних ремесленников: доклад д-ра Г. И. Дембо, прочитанный на Всероссийском съезде по ремесленной промышленности. 1900 г. СПб.: Тип. инж. Г. А. Бернштейна, 1900. 26 с.
40. Дембо Г. И. Алкоголизм, его причины, следствия и способы борьбы с ним. Очерк деятельности Комиссии по вопросу об алкоголизме, учрежденной при Русском обществе охранения народного здравия, сост. секретарем Комиссии д-ром Г. И. Дембо. СПб.: Гос. тип., 1899. 40 с.
41. Вирениус А. С. Меры борьбы с алкоголизмом путем школы (Доклад Субкомиссии по вопросу о борьбе с алкоголизмом при посредстве школы 11 мая 1898 г.). СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1900. 8 с.
42. Беляев М. М. Сборник задач противоалкогольного содержания: Пособие при преподавании арифметики в низших школах всех ведомств. М.: б. и., 1914. 46 с.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

On the Issue of Alcohol Consumption by Children in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries: Contemporaries' View

Alla D. Miroshnikova, Anastasia E. Zhukova

Child alcoholism was one of significant problems in Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. Statistics from this period indicated the widespread practice of alcohol consumption by children, including strong alcoholic beverages. Contemporaries sought to determine the problem scale by conducting various surveys, including debriefing in schools, and studied the causes of this phenomenon. Clergy representatives, experts in the field of jurisprudence and law, medical workers and teachers studied the specifics of this harmful habit among children from the standpoint of their field. The main attention was paid to such aspects as the impact of alcohol consumption on children's physical and mental health, intellectual and moral development. In numerous publications authors of various profiles proposed ways to combat alcoholism, justifying the need for comprehensive approach to the problem solving. The authors of the article, using the materials of literature published during the period under review, analyze the views of contemporaries on the issue of childhood alcoholism and identify the main, in their opinion, characteristics of this phenomenon and methods of combating it.

Key words: childhood alcoholism, fight against alcoholism, childhood hygiene, Russian Empire, late 19th – early 20th century.

Acknowledgements: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-18-00421-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

For citation: Miroshnikova, A. D., Zhukova, A. E. (2025) K voprosu ob upotreblenii alkogolja det'mi v Rossii v konce XIX – nachale XX v.: vzgljad sovremenников [On the Issue of Alcohol Consumption by Children in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries: Contemporaries' View]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 28–49. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_28. EDN: AYJYKT

References

1. Borodin, D. N. (1910) *P'janstvo sredi detej* [Drunkenness among children]. St. Petersburg: S.-Peterb. kommerch. tipo-lit. M. Vilenchik. (In Russ.)
2. Kanel', V. Ja. (1912) *Alkogolizm i shkola* [Alcoholism and school]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Grigorjev, N. I. (1900) *Alkogolizm i prestuplenija v g. S.-Peterburge: Alkogolizm i prestuplenija v gorode Sankt-Peterburge. Po materialam S.-Peterb. gor. bol'nic i Arh. S.-Peterb. okr. Suda* [Alcoholism and crimes in St. Petersburg: Alcoholism and crimes in the city of St. Petersburg. Based on materials from St. Petersburg city hospitals and the Archives of the St. Petersburg District Court]. St. Petersburg: Tip. P. P. Sojkina. (In Russ.)
4. Grigorjev, N. I. (1894) *Russkie obshhestva trezvosti, ih organizacija i dejatel'nost' v 1892–93 g. Spisok inostrannyh obshhestv trezvosti* [Russian temperance societies, their organization and activities in 1892–93. List of foreign temperance societies]. St. Petersburg: Tip. P. P. Sojkina. (In Russ.)
5. Lisitsin, Ju. P. (ed.) (1980) *Prichiny i osobennosti alkogolizacii v podrostkovoj-junosheskom vozraste. Nauchny obzor* [Causes and characteristics of alcohol abuse in adolescence and youth. Scientific review]. Moscow: VNIIMI. (In Russ.)
6. Lisitsin, Ju. P. (1983) *Alkogolizm (Social'no-gigienicheskie aspekty)* [Alcoholism (Social and Hygienic Aspects)]. Moscow: Medicina. (In Russ.)
7. Borodkin, Ju. S. (1987) *Alkogolizm. Pritchiny, sledstvija, profilaktika* [Alcoholism. Causes, Consequences, Prevention]. Leningrad: Nauka, Leningr. otdelenie. (In Russ.)
8. Afanasjev, V. G. (1993) *Sociologija deviantnogo (otklonajushhego) povedenija* [Sociology of Deviant (Advertent) Behavior]. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
9. Rozhkov, M. I. (2001) *Vospitanie trudnogoребенка. Deti s deviantnym povedeniem* [Raising a difficult child. Children with deviant behavior]. Moscow: VLADOS, IMPje. (In Russ.). EDN: WXOAGT
10. Koval'chuk, M. A., Tarhanova, I. Ju. (2010) *Deviantnoe povedenie: profilaktika, korrekcija, reabilitacija* [Deviant behavior: prevention, correction, rehabilitation]. Moscow: Gumanitarnyj izd. centr VLADOS. (In Russ.) EDN: QYAZDB
11. Veremenko, V. A. (2007) *Dvorjanskaja sem'ja i gosudarstvennaja politika Rossii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.)* [Noble family and state policy of Russia (second half of the 19th – early 20th century)]. St. Petersburg: Europejskij dom. (In Russ.). EDN: VQNDDX
12. Veremenko, V. A. (2015) *Deti v dvorjanskih sem'jah Rossii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.)* [Children in noble families of Russia (second half of the 19th – early 20th century)]. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. (In Russ.). EDN: UXZPAL
13. Sinova, I. V. (2019) *Pravovoe polozhenie, trud i povsednevnaja zhizn' detej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Legal status, work and everyday life of children in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: OOO «Nauchno-izdatel'skij centr INFRA-M». (In Russ.). EDN: FJFMSG. DOI: 10.12737/monography_5b64323c29ca30.92164653.
14. Sinova, I. V. (2013) *Povsednevnaja zhizn' detej trudjashhegosja naselenija Sankt-Peterburga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Everyday life of children of the working population of St. Petersburg in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Obshhestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana)* [Society. Environment. Development (Terra Humana)]. No. 1 (26). Pp. 207–211. (In Russ.)
15. (1910) *Trudy Pervogo Vserossijskogo sjezda po bor'be s p'janstvom. S.-Peterburg. 28 dek. 1909 g. – 6 janv. 1910 g. V 3-h t.* [Works of the First All-Russian Congress on Combating Drunkenness. St. Petersburg. December 28, 1909 – January 6, 1910. In 3 volumes]. St. Petersburg: Tip. Sojkina. (In Russ.)

16. Korovin, A. M. (1910) *Sel'skaja shkola i alkogolizm v Moskovskoj gubernii. Doklad I Vserossijskому сjezdu po bor'be s pjanstvom* [Rural school and alcoholism in Moscow province. Report to the 1st All-Russian Congress on combating drunkenness]. St. Petersburg: Tip. P. P. Sojkina. Pp. 566–583. (In Russ.)
17. Dril', D. A. (1899) *Nekotorye iz prichin massovogo alkogolizma i vopros o sredstvah bor'by s nim (Doklad, chitannyj v komissii po voprosu ob alkogolizme 24 oktjabrja 1898 goda)* [Some of the causes of mass alcoholism and the question of means of combating it (Report to the commission on the issue of alcoholism on October 24, 1898)]. St. Petersburg: Tip. P. P. Sojkina. (In Russ.)
18. Dril', D. A. (1903) *Voprosy ispravitel'nogo vospitanija (Organizacija vospitatel'nyh zavedenij dlja nesovershennoletnih)* [Issues of correctional education (Organization of educational institutions for minors)]. St. Petersburg: Tipe-lit. S.-Peterb. tur'my. (In Russ.)
19. Dymsha, L. P. (1899) *Kazennaja vinnaja monopolija i ee znachenie dlja bor'by s p'janstvom (Doklad Komissii po voprosu ob alkogolizme)* [State wine monopoly and its importance for the fight against drunkenness (Report of the Commission on the issue of alcoholism)]. St. Petersburg: Tip. P. P. Sojkina. (In Russ.)
20. Borodin, D. N. (1893) *Znachenie shkoly v bor'be s p'janstvom* [The importance of school in the fight against drunkenness]. St. Petersburg: Tipe-lit. F. Vajberg. (In Russ.)
21. Borodin, D. N. (1910) *Alkogolizm i samoubijstvo* [Alcoholism and Suicide]. St. Petersburg: S. Peterb. kommerch. tipo-lit. Vilenchik. (In Russ.)
22. Bulgakovskij, D. G. (1900) *Kak perestat' pit'* [How to Stop Drinking]. St. Petersburg: tip. V. V. Komarova. (In Russ.)
23. Bulgakovskij, D. G. (1898) *Alfavitnyj ukazatel' knig i statej protiv p'janstva v novejshej russkoj literature i pamjatnikov drevnerusskoj pis'mennosti* [Alphabetic index of books and articles against drunkenness in the latest Russian literature and monuments of ancient Russian literature]. St. Petersburg: Tip. V.S. Balashov i K°. (In Russ.)
24. Bulgakovskij, D. G. (1909) *Bez vina odno gore, a s vinom staroe odno, da novyh dva* [Without wine one grief, but with wine one old, and two new]. St. Petersburg: Otech. tip. (In Russ.)
25. Bulgakovskij, D. G. (1902) *Gore goremychnoe: starye i novye rechi protiv p'janstva i ego uzhasnejshih posledstvij i dobrye sovety, kak izbavitsja ot nego* [Unfortunate grief: old and new speeches against drunkenness and its most terrible consequences and good advice on how to get rid of it]. St. Petersburg: Senatskaja tipografija. (In Russ.)
26. Bulgakovskij, D. G. (1912) *Do chego dovodit p'janstvo: Kartiny iz zhizni* [What drunkenness leads to: Pictures from life]. Moscow: A. D. Stupin. (In Russ.)
27. Bulgakovskij, D. G. (1900) *Rol' pravoslavnogo duhovenstva v bor'be s narodnym p'janstvom (Doklad Komissii po voprosu ob alkogolizme 6 okt. 1899 g.)* [The role of the Orthodox clergy in the fight against popular drunkenness (Report of the Commission on Alcoholism, October 6, 1899)]. St. Petersburg: tip. P. P. Sojkina. (In Russ.)
28. Bulgakovskij, D. G. (1913) *Echo: p'janstvo i ego posledstvija: illjustrirovannyj al'bom s bytovymi scenami iz zhizni ljudej, predannyyj p'janstvu* [Echo: drunkenness and its consequences: an illustrated album with everyday scenes from the lives of people addicted to drunkenness]. Moscow: A. D. Stupin. (In Russ.)
29. Vostokov, V. I. (1913) *Detskie slezy doshli do Boga. Sovest' probudilas': iz vospominanij svjashchennika V. Vostokova* [Children's tears reached God. Conscience awakened: from the memoirs of priest V. Vostokov]. Moscow: knigoizd-vo A. S. Panafidinoj, Tip. G. Lissnera i D. Sovko. (In Russ.)
30. Rozhdestvenskij, A. V. (1900) *Beseda starogo i junogo trezvennika o pogibel'nom p'janstve i o pol'ze trezvosti* [Conversation of an Old and a Young Teetotaler about the Pernicious Drunkenness and the Benefits of Sobriety]. St. Petersburg: Aleksandro-Nev. o-vo trezvosti. (In Russ.)
31. Rozhdestvenskij, A. V. (1900) *Chto sdelalo pravoslavnoe duhovenstvo dlja bor'by s narodnym p'janstvom (Doklad Subkomissii dlja izyskanija mer bor'by s p'janstvom pri posredstve duhovenstva)* [What did the Orthodox clergy do to combat public drunkenness (Report of the Subcommission for Finding Measures to Combat Drunkenness with the Help of the Clergy)]. St. Petersburg: Tip. P. P. Sojkina. (In Russ.)
32. Tanaevskij, S. I. (1900) *S. A. Rachinskij kak borec za trezvost' narodnuju na cerkovno-shkol'noj pochve* [S. A. Rachinsky as a fighter for public sobriety on church-school grounds]. Kiev: Tip. S. V. Kul'zhenko. (In Russ.)

33. Nevzorov, N. K. (1900) *Bor'ba shkoly s p'janstvom: Doklad Komissii pri Russkom obshhestve ohranenija narodnogo zdравija* [The school's fight against drunkenness: Report of the Commission under the Russian Society for the Protection of Public Health]. St. Petersburg: Tip. P. P. Sojkina. (In Russ.)
34. Uspenskij, S. E. (1912) *Alkogolizm i shkol'naja bor'ba s nim* [Alcoholism and the school fight against it]. Moscow: Tip. Nashe slovo. (In Russ.)
35. Shilov, A. V. (1914) *Kruzhopok po bor'be so shkol'nym alkogolizmom v Moskve. Doklad predstavitelej XIV Mezhdunarodnoumu antialkogol'nomu kongressu v Milane (9-14 aprelja 1913 g.)* [Club for the fight against school alcoholism in Moscow. Report of representatives to the XIV International Anti-Alcohol Congress in Milan (April 9–14, 1913)]. Moscow: Tipografija V. I. Voronova. (In Russ.)
36. Nikol'skij, D. P. (1900) *Obrazovatel'no-vospitatel'nye uchrezhdenija v bor'be s alkogolizmom (Doklad Komissii po voprosu ob alkogolizme 8 dek. 1899 g.)* [Educational and training institutions in the fight against alcoholism (Report of the Commission on the issue of alcoholism of December 8, 1899)]. St. Petersburg: tip. P. P. Sojkina. (In Russ.)
37. Erisman, F. F. (1897) *Vlijanie alkogolja na detskij organizm i bor'ba s alkogolizmom sredi molodezhi* [The influence of alcohol on the child's body and the fight against alcoholism among young people]. *Vestnik vospitanija* [Bulletin of education]. No. 4. Pp. 120–150. (In Russ.)
38. Dembo, G. I. (1900) *Alkogolizm i bor'ba s nim (Po trudam Komissii pri Obshhestve ohranenija narodnogo zdравija)* [Alcoholism and the fight against it (Based on the works of the Commission under the Society for the Protection of Public Health)]. Kiev: Lito-tip. t-va I. N. Kushnerev i K°, Kievsk. otd. (In Russ.)
39. Dembo, G. I. (1900) *P'janstvo sredi maloletnih remeslenikov: doklad d-ra G. I. Dembo, prochitannyj na Vserossijskom sjezde po remeslennoj promyshlennosti. 1900 g.* [Drunkenness among underage artisans: report by Dr. G. I. Dembo, read at the All-Russian Congress on the Handicraft Industry. 1900]. St. Petersburg: Tip. inzh. G. A. Bernshtejna. (In Russ.)
40. Dembo, G. I. (1899) *Alkogolizm, ego prichiny, sledstvija i sposoby bor'by s nim. Ocherk dejatel'nosti Komissii po voprosu ob alkogolizme, uchrezhdennoj pri Russkom obshhestve ohranenija narodnogo zdравija, sost. sekretarem Komis. d-rom G. I. Dembo* [Alcoholism, its causes, consequences and methods of combating it. Essay on the activities of the Commission on Alcoholism, established under the Russian Society for the Protection of Public Health, compiled by Secretary of the Commission, Dr. G. I. Dembo]. St. Petersburg: Gos. tip. (In Russ.)
41. Virenus, A. S. (1900) *Mery bor'by s alkogolizmom putem shkoly (Doklad Subkomissii po voprosu o bor'be s alkogolizmom pri posredstvye shkoly 11 maja 1898 g.)* [Measures to combat alcoholism through school (Report of the Subcommission on the issue of combating alcoholism through school, May 11, 1898)]. St. Petersburg: Tip. P. P. Sojkina. (In Russ.)
42. Beljaev, M. M. (1914) *Sbornik zadach protivoalkogol'nogo soderzhanija: Posobie pri prepodavaniu arifmetiki v nizshih shkolah vseh vedomstv* [Collection of examples on anti-alcohol content: Manual for teaching arithmetic in primary schools of all departments]. Moscow: b.i. (In Russ.)

Об авторах

Мирошникова Алла Дмитриевна, учитель истории и обществознания, МАОУ «СОШ № 12», г. Северодвинск, Архангельская область, Российская Федерация; e-mail: miroshnikova-all@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0008-1172-9653

Жукова Анастасия Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа, старший преподаватель кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: zhukova-a-e@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8656-9788

About the authors

Miroshnikova Alla D., Teacher of History and Social Sciences, MAOU "Secondary School No. 12", Severodvinsk, Arkhangelsk Region, Russian Federation; e-mail: miroshnikova-alla98@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0008-1172-9653

Zhukova Anastasia E., Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Senior Lecturer at the Department of History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: zhukova-a-e@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8656-9788

*Статья поступила в редакцию 17.07.2025
Одобрена после рецензирования 04.08.2025
Принята к публикации 27.08.2025*

Трагическая судьба детей, эвакуированных немецкими оккупантами из города Пушкина в 1941–1943 гг. (по архивным материалам)

С. К. Бернев

В данной статье рассматривается положение населения и детей города Пушкина, в 1941 г. оказавшегося на временно оккупированной немцами территории Ленинградской области. Также приводятся сведения о проведении немецкими оккупантами четырех эвакуаций населения в свой тыл из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. Впервые показана трагическая жизнь в немецкой оккупации детей, оставшихся в Пушкинском санатории малюток № 4 и их дальнейшая эвакуация, голодное существование в д. Остроговицы, а затем в д. Курковицы Волосовского района в 1942–1943 гг. Бывшие воспитанники детского дома, выжившие в неимоверно тяжелых условиях существования при немецких ставленниках, руководивших детским домом, рассказывают на следствии о гибели от голода и болезней малолетних детей из города Пушкина и о том, как они сами, истощенные от голода, хоронили их за кусок хлеба. Изученный материал позволил выявить места захоронения детей в парке и в лесу, которых необходимо найти и по-человечески захоронить.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинградская область, оккупация, г. Пушкин, д. Остроговицы, д. Курковицы, детский дом, дети, Управление НКГБ по Ленинградской области.

Для цитирования: Бернев С. К. Трагическая судьба детей, эвакуированных немецкими оккупантами из города Пушкина // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 50–64. DOI: 10.35231/25422375_375_2025_4_50. EDN: CMNBFM

Введение

Прошло 80 лет после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В нашей стране за эти годы многое изменилось. Непростая ситуация в мире не дает забыть нам об этой войне. В последнее время рассекречивается много архивных документов не только советских, а также трофеинных немецких, периода Великой Отечественной войны, которые показывают нам как героические, так и трагические страницы военного прошлого.

До настоящего времени еще далеко не все известно о преступлениях нацистских властей и их пособников на оккупированной территории Ленинградской области: о гибели в лагерях военнопленных советских солдат, мирного гражданского населения, уничтожении душевнобольных, а также большой смертности детей, находившихся в детских домах, от болезней, голода и холода.

Важнейшим свидетельством истории Северо-Запада России в 1941–1944 гг. является объемное исследование «Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Сопротивление. Возмездие», в котором известные специалисты Д. О. Асташкин, Б. Н. Ковалев, С. В. Кулик дали обстоятельную характеристику общим процессам порабощения взрослого населения [1].

В современной российской историографии по истории повседневной жизни детей вышла серия работ петербургского исследовательского коллектива под руководством доктора исторических наук Е. Е. Красноженовой [2–5]. В своих статьях В. К. Хазов, Д. О. Асташкин рассмотрели отдельные сюжеты повседневной жизни детей на оккупированных территориях Ленинградской области, преступления фашистов против детства, послевоенное судопроизводство в отношении преступлений против детства [6–9].

Целью данной статьи является попытка освещения повседневной жизни советских детей в специальных немецких детских домах.

Задачи:

1. Дать характеристику деятельности детских домов, созданных оккупационными властями на территории пригорода Ленинграда – Пушкина и ближайших районов Ленинградской области.

2. Изучить повседневную жизнь детей в детских домах.

3. Выявить взаимосвязь причин смертности и условий содержания детей.

4. Дать характеристику судеб и заслуженного уголовного преследования колларбоционистов-воспитателей в послевоенное время.

Источниками для данного исследования послужили документы и материалы, хранящиеся в фондах Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Основным подходом научного исследования стал метод исторической реконструкции, позволивший на основе анализа архивных документов проследить события с детьми в исторической взаимосвязи с повседневными практиками оккупационного режима и воссоздать картину повседневной жизни детей в детских домах оккупированной территории Ленинградской области в 1941–1944 гг.

Результаты

17 сентября 1941 г. г. Пушкин был захвачен немецкими войсками. Часть населения города в этот день находилась в бомбоубежище Екатерининского дворца. Примерно в 16 часов немецкие солдаты стали стучаться в бомбоубежище, затем дверь была открыта, и всех там находившихся немцы вывели и отправили на пушкинский аэродром, где разместили в каком-то сарае. В эту же ночь немцы отобрали всех мужчин и отправили в Гатчинские концентрационные лагеря для военнопленных. А женщин утром 18 сентября 1941 г. вернули на свои квартиры в г. Пушкин [10, л. 28 об.–29].

С первых дней немцы начали выявлять в городе партийно-советских работников, за выдачу которых они объявили, что будут платить награду в 200 рублей. В Пушкине, около парка по Комсомольской ул. и по ул. 1 мая были устроены виселицы, на которых было повешено около 12 человек, среди них были: председатель горсовета, судья горсуда, директор треста столовых и ресторанов Бульен. В дальнейшем немцы создали городское управление, русскую полицию, а также начали функционировать комендатура, гестапо и др. [11, л. 29 об.–30].

Отделение пушкинского гестапо, так обычно называли немецкую полицию безопасности и СД, обосновалось в комнатах

Александра II Зубовского подъезда Екатерининского дворца [10, л. 28 об.].

В октябре 1941 г. бургомистром г. Пушкина немецким командованием был назначен М. И. Уртаев, который бесчеловечно относился к русским гражданам, отказывая им в выдаче пайков, в результате чего народ умирал от голода [13, л. 93 об.]

До войны в Пушкине проживало 60 тыс. чел., к приходу немцев часть успела выехать. Немцы провели четыре эвакуации из города.

1-я и 2-я эвакуация были проведены в 1941 г., было эвакуировано ок. 20 тыс. чел.

3-я и 4-я эвакуация были проведены в 1942 г. было эвакуировано ок. 10 тыс. человек.

Жителей г. Пушкина в лагере в г. Гатчине погибло свыше 12 тыс. чел., в лагере Рождествено свыше 5 тыс. чел.

В самом г. Пушкине погибло около 10 тыс. человек. В сентябре 1942 г. в г. Пушкине оставалось 300 чел., которые немцам нужны были как рабочие руки [10, л. 29 об.-30].

В немецкую эвакуацию попал и Пушкинский санаторий малюток № 4.

По какой причине дети остались в оккупации, рассказала на допросе 18 июля 1959 г. Роза Ильинична Зырянова, которая являлась председателем комиссии по эвакуации населения из г. Пушкина в 1941 г. и была наиболее осведомленной в данном вопросе: «Перед оккупацией Пушкина, все детские учреждения были эвакуированы в тыл 5–6 июля 1941 года в Ефимовский район. После этого поступило распоряжение возвратить ясли и детские сады обратно в Пушкин, так как было принято решение раздать детей родителям. Свои обязанности председателя комиссии по эвакуации населения я закончила 26 августа 1941 года, когда был отправлен последний эшелон, который уже не смог выехать из Ленинграда дальше в тыл.

Руководящие работники района продолжали оставаться в Пушкине до 16 сентября, а 17 сентября 1941 года в г. Пушкин вошли немцы. Наш секретарь райкома Бабайкин ушел из Пушкина в день вступления немцев. В последний момент было установлено, что зав. Райздравотделом Облонская и заведующая яслими Цветкова самовольно уехали в Ленинград, оставив в яслях на ул. Революции, дом 10, детей, которые по разным причинам не были

взяты родителями. Эти ясли так и остались в оккупированном немцами Пушкине. Впоследствии я слышала, что часть детей была взята родителями, а часть осталась, и эти ясли потом пополнились новыми детьми, оставшимися без родителей. Я слышала, что с этими яслими выехала из г. Пушкина доктор Колесникова. Потом эти ясли пополнялись детьми всех возрастов. Где они находились на оккупированной территории я не знаю» [13, л. 66–67].

На 17 сентября 1941 г. в санатории малюток № 4 осталось 75 детей в возрасте от 2 до 5 лет. Из обслуживающего персонала остались с детьми врач Елена Ивановна Колесникова, бухгалтер Леонова, шесть санитарок, повара и кладовщик [13, л. 72].

При немцах санаторий находился в Пушкине около 40 дней. За это время умерло 6–7 человек маленьких детей. Продуктов у санатория оставалось всего на несколько дней, так как немцы отобрали половину всех запасов. Поэтому врач Е. И. Колесникова обратилась в октябре 1941 г. к немецкому бургомистру г. Пушкина М. И. Уртаеву, чтобы он оказал помощь детям продуктами, но он продуктов не выделил, а предложил их эвакуировать в тыл немцев. В итоге немецкой комендатурой были предоставлены шесть автомашин, на которых детей и персонал 20 октября 1941 г. вывезли в г. Гатчину, а через сутки поездом вывезли на станцию Молосковицы Волосовского района. Поселили детей в нескольких километрах от стации, в д. Остроговицы, в бывшем имении в разбитом двухэтажном доме, где до войны находилась школа [13, л. 164 об.].

В Остроговицах в санаторий малюток немцы стали присыпать детей разного возраста, потерявших родителей, и поэтому его называли детским домом.

Питание в детский дом по распоряжению немецкого коменданта стали подвозить крестьяне из деревень. Но и его не хватало [13, л. 72].

В Пушкине и Остроговицах заведующей детским домом была врач Е. И. Колесникова, которая очень внимательно относилась к детям. К весне 1942 г. детей прибавилось и стало около 90 чел. А 20 марта почти весь прежний персонал детского дома, приехавший из Пушкина, был снят с работы немецкими властями. Колесникова была направлена в д. Кикерино Волосовского района, где и проработала заведующей врачебным участком до 27 января 1944 г. [14, л. 223–224].

Затем заведующей детдомом была назначена немцами Ольга Васильевна Красовская, которая к детям относилась очень плохо, разбазаривала продукты, предназначавшиеся детям. При ней дети все время умирали, но на их место приходили новые. Умерло примерно 30–35 маленьких детей. Умерших детей хоронили в парке недалеко от детского дома. Так, что в среднем в детдоме было все время ок. 75 детей. Никаких мер к улучшению положения детей Красовская не принимала [12, л. 25].

В августе 1942 г. в детдом в Остроговицы приехал на машине помощник немецкого коменданта Волосово капитан немецкой армии Герман Функ и вместе с ним Мария Александровна Бойкова, являвшаяся его сожительницей, которая объявила сотрудникам детдома, что она назначена немецким комендантом заведующей этого детдома. До августа 1942 г. Бойкова проживала в г. Пушкине и была эвакуирована немцами в Волосово [12, л. 62].

Вступление Бойковой в качестве заведующей детдомом означалось сразу же почти поголовной смертностью советских детей, привезенных из г. Пушкина. Бойкова не только не проявляла никакой заботы о детях, а всячески издевалась над ними и морила голодом. Когда Бойкова приняла детдом, в нем было примерно 75 детей. За период ее работы с 1942 по 1943 гг. в детдоме умерло около 40 малышей. Дети умирали от истощения и болезней, связанных с плохим питанием [12, л. 74].

В конце сентября 1942 г. детский дом немцы перевели в дер. Курковицы и поместили в здание монастыря [4, л. 14]. На монастырской территории выделили один дом [13, л. 73] (рис.).

За время пребывания заведующей детдома Бойковой сторож Горбачев похоронил 35–40 детей. Хоронил умерших детей и рыл могилы умершим детям только он.

Однажды Бойкова сказала Горбачеву, когда он хоронил умершего ребенка, чтобы он не зарывал его, так как завтра умрут еще двое и их можно будет зарыть всех вместе. Причем эти слова Бойкова произносила без всякой жалости к умершим детям [12, л. 70, 194]. Возможно, что жестокое отношение к детям у нее осталось от прежней деятельности в Пушкине, так как с марта 1942 г. Бойкова работала в «Городской Управе по захоронению умерших от голода трупов» [15, л. 66].

Весной 1943 г. Бойкова лично Горбачеву поручала избивать провинившихся розгами за то, что дети ходили из детдома в со-

седние деревни просить хлеба у местных жителей. Когда он категорически отказывался от применения телесных наказаний к детям, Бойкова поручала это дело уборщице детдома Евдокии, которая и исполняла приказание. Горбачеву неоднократно приходилось слышать крики детей, избиваемых Евдокией в классном помещении детдома. За невыполнение ее приказания Горбачев был вызван к немецкому коменданту, который находился в квартире Байковой, и выгнан из детского дома [12, л. 70, 194].

Рис. Фото Пятогорского Богородицкого женского монастыря в д. Курковицы Волосовского района, где находился в 1942–1944 гг. Детский дом. (Фото из архива автора. 2025 г.)

Бывшая воспитанница детского дома Пялль Ирланда рассказала, что Бойкова работая заведующей детдомом, умышленно занималась систематическими издевательствами над советскими детьми, морила их голодом, применяла лично сама телесные наказания, часто избивала детей сухими прутьями (розгами), за то, что дети просили у Байковой кушать или иногда с целью сохранения своей жизни уходили побираться в соседнюю деревню. Также Бойкова применяла к детям наказание, помещала их на длительное время в холодное помещение под лестницей второго этажа детдома [12, л. 32].

И далее Пялль рассказала, что Бойкова имела поросенка, которого вскармливала молоком и хлебом из фондов детского питания. «При мне дети малыши лезли в корыто поросен-

ка руками и брали хлеб, а мы старшие дети отгоняли детей от корыта» [12, л. 145].

Свидетель Горбачев показал, что Бойкова очень часто наказывала детей за то, что дети просили у нее есть. Весной 1943 г. он был свидетелем того, как Бойкова запирала детей в отдельную холодную комнату за то, что они голодные просили хлеба. Когда советские дети, содержавшиеся в детдоме, гибли от голода и холода, Бойкова расходовала продукты, предназначенные для кормления детей, на свои личные нужды. Расплачивалась с рабочими за ремонт ее комнаты хлебом. Дважды в неделю к ней приезжал немецкий капитан Функ, и она его кормила продуктами из кладовой детдома и расходовала их в неограниченном количестве.

Бывшая воспитанница детдома Генриетта Лумм рассказала: «Мне лично известно, что Бойкова, работая заведующей детдома в дер. Курковицы занималась издевательствами над советскими детьми применяла к ним различные телесные наказания, умышленно морила их голодом, вследствие чего за время ее работы была большая смертность детей. Так, мне лично самой приходилось носить умерших детей на кладбище.

От голода и телесных наказаний умерли – Тамара, 5–6 лет, Лида и Боря 5 лет, Коля, Юра 4–5 лет, Толя и Гая 6–7 лет. Все вышеперечисленные дети были похоронены при непосредственном моем участии. Могилы для них рыл дворник. Я также была в декабре 1942 г. помещена Бойковой в холодную, темную кладовую, за то, что ходила побираться в деревню, чтобы не умереть от голода» [12, л. 102].

Свидетель Картавина рассказала, что зимой 1942–1943 гг. положение в детдоме было очень тяжелое: в комнатах холодно, дети голодали и болели, само здание детдома находилось в антисанитарном состоянии, у детей не было необходимой одежды и обуви, они спали по два человека на кровати. В связи с этим дети младшего возраста умирали. Умирать дети начали еще в дер. Остроговицы, но большая часть была похоронена в Курковицах. Регистрация умерших детей не велась. В эту зиму умерло не менее 40 человек малышей. «Я лично видела, как умерших ребят девочка Генриэтта завертывала в тряпки и носила в ямы для захоронения. Хоронили их вблизи дома на опушке леса» [12, л. 150].

Свидетель В. П. Зайцева рассказала: «Зимой 1942–1943 гг. все мы очень голодали. Мы отощали и кроме того у нас распространилась в Курковицах часотка и цынга. Начиная с осени 1942 г. у нас начали умирать дети, в основном малыши. ...Малышей, которые умирали хоронили прямо на территории детского дома, причем выносили трупики в простынях и закапывали голыми. Лично я, примерно в ноябре 1942 г. хоронила девочку примерно 8–9 лет по имени Фатьма. Умерла она от голода и от цинги (от цинги у нее отвалилась нижняя губа и выпали все зубы). Похоронила я ее в лесу за домом, просто немного прикопав в землю» [13, л. 166].

Хоронить умерших детей заставляли взрослые и даже давали за это кусочек хлеба.

В отношении гибели детей зимой 1942–1943 гг. Зайцева дополнела, что весной 1943 г., когда стаял снег, то были видны ямки, где были захоронены дети. Земля в могилках осела и в некоторых ямках были видны то рука, то нога, то другие части трупа. Эти ямки потом заравнивали сами ребята, кажется одни мальчики [13, л. 169].

Свидетель Горбачев показал, что «... такое бездушное отношение к погибающим советским детям, было для меня удивительным со стороны Бойковой. Были случаи мне приходилось хоронить по 2–3 человека в могилу. Захоронение умерших детей проводилось метрах в 50 от дома на (юг) вблизи больших елей. Это было свое детское кладбище, причем могилки небыли огорожены ничем» [12, л. 140 об.]. На допросе в 1959 г. Горбачев уточнил: «...детей хоронил я в 7–8 метрах от большой ели, которая находилась в 50 метрах от детского дома» [13, л. 91]. Свидетель Г. А. Тихомиров (1929 г. р.) находился в детдоме с 1941 по 1945 гг., и рассказал на суде, что: «при Бойковой много детей умирало. Всех их хоронил дворник в старых окопах около детдома в Курковицах» [12, л. 213].

Медсестра детдома Анна Матвеевна Матвеева показала, что заведующая детским домом в Курковицах Бойкова умышленно морила советских детей голодом. Прибыв на работу в детский дом в августе 1943 г., «я лично сама наблюдала, что детям по указанию Бойковой давали в качестве пищи только 300 грамм хлеба и по 9–10 грамм масла, горячей пищи и чая детям не давалось вообще, за исключением пол-литра в день баланды,

поэтому дети выглядели совершенно изнуренные голодом. А уезжая осенью 1943 года из Курковиц в Волосово Бойкова увезла из детдома весь урожай детской пшеницы, картофеля, а также детдомовского 2-х летнего бычка» [12, л. 77 об., 88].

В конце августа 1943 г. заведующей детдома немецкой комендатурой в Волосово была назначена В. А. Иванова, эвакуированная из Пушкина в Волосовский район.

Бойкова, уходя из детдома передала по акту Ивановой 44-х детей. Один акт был у Ивановой второй передан в немецкую комендатуру [12, л. 56, 56].

Иванова же на следствии показала, что приняла от Бойковой детский дом в Курковицах и лично видела, что помещение детдома находится в антисанитарном состоянии, дети были разуты и раздеть. Всего приняла примерно 32 ребенка, но никаких документов об умерших детях в детском доме не велось, и она их не принимала. Она сказала Бойковой о плохом состоянии детского дома, на что она ответила: «Вы не расстраивайтесь, что дети плохо выглядят, если умрут зароешь, у меня их много умерло, тут ничего страшного нет» [15, л. 93 об., 94].

К детям Иванова относилась хорошо, проявляла о них заботу и ей удалось немножко улучшить их положение после хозяйственчанья бывшей заведующей Бойковой [6, л. 233].

Однако на этой должности Иванова проработала непродолжительное время до конца октября 1943 г. и затем эвакуировалась добровольно в Германию [15, л. 37 об.]. Заменила Иванову на должности, заведующей детским домом Елена Алексеевна Зверева.

После освобождения Ленинградской области от немецких оккупантов детский дом оставался в Курковицах, а в 1947 г. (по другим данным летом 1944 г. – прим. авт. [12, л. 97]) переехал в дер. Татьянину и был переименован в Волосовский детский дом [13, л. 236].

А бывшая заведующая немецким детдомом в Курковицах Бойкова 21 апреля 1950 г. была арестована органами государственной безопасности в Ленинграде, где работала учителем в школе.

На следствии были допрошены десятки свидетелей, работники и бывшие воспитанники детского дома в Курковицах, которые и рассказали о тяжелой, голодной жизни беззащитных детей и издевательствах над ними заведующей детского

дома Бойковой, повлекших большую смертность детей в период немецкой оккупации.

4 июля 1950 г. Бойкова была осуждена на основании ст. 58-1а и 58-10 ч. 2 УК РСФСР, по совокупности совершенных преступлений, на 25 лет заключения в ИТЛ. Однако в дальнейшем Определением военного трибунала ЛенВО в 1955 г., по протесту Военного прокурора ЛенВО ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР была исключена из приговора, ее действия переквалифицированы на ст. 58-3 УК РСФСР и мера наказания была снижена до ШЕСТИ лет лишения свободы в ИТЛ.

Оказывается, что в «результате действий Бойковой особо тяжких последствий материалами дела не установлено» и военный трибунал округа снизил ей меру наказания до 6 лет, хотя Военный прокурор просил снизить до 10 лет [13, л. 258-259].

В 1959 и 1965 гг. бывшая заведующая немецким детским домом в Курковицах Бойкова писала жалобы в прокуратуру, в которых отрицала свою вину, указывала, что ее оговорили, и просила ее реабилитировать. И, как многие немецкие каратели и пособники в середине 1950-х, заявляла о «незаконных методах ведениях следствия». В результате сотрудниками прокуратуры были проведены тщательные проверки, и все свидетели подтвердили свои прежние показания, как и в 1950 г. Жалобы Бойковой были оставлены без удовлетворения [13, л. 205, 211].

В 1959 г. Государственный архив Октябрьской революции и соцстроительства Ленинградской области на запрос Военного прокурора ЛенВО о деятельности детских домов в д. Остроговицы и Курковицы сообщил, что сведений не обнаружено. Поисковые работы мест захоронения не производились.

И, вероятно, сегодня об этом детском кладбище, где похоронены умершие от голода 40 детей, никто не знает, как и о том, что в Курковицах в годы оккупации был детский дом.

Информация о захоронении 40 детей в 50 метрах от бывшего детского дома была представлена автором на заседании Консультативного совета по архивно-поисковой работе при Следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Ленинградской области 23 мая 2023 г. и была дополнена новыми уточненными данными на заседании Консультативного совета 8 июля 2025 г. с предложением найти место захоронения детей и достойно их перезахоронить. Но пока место захоронения не установлено.

О трагических страницах злодеяний немецких оккупантов на территории Ленинградской области в период Великой Отечественной войны мы должны знать и всегда помнить.

Обсуждение и выводы

Изученные материалы архивных фондов позволили найти ранее неизвестную информацию о первых месяцах немецкой оккупации г. Пушкина, о проведенных четырех эвакуациях населения в 1941 и 1942 гг. из прифронтовой зоны в более отдаленные районы [11, л. 29 об.–30].

Уникальными являются показания выживших в немецкой оккупации воспитанников и работников детского дома, а также других свидетелей о судьбе детского санатория (яслей), оставшегося в оккупированном Пушкине. Эти документы свидетельствуют о бесчеловечном отношении немецких оккупантов и их пособников к судьбе оставшихся без попечения родителей советских детей.

Впервые исследователям, несколько десятков лет занимающимся изучением данной темы, встречаются показания детей, которых взрослые заставляли относить на кладбище и хоронить младших детей за кусок хлеба или кусок сахара [13, л. 169].

В процессе работы с архивными документами нам удалось выявить места захоронения детей на территории нахождения детского дома в дер. Остроговицы и дер. Курковицы [12, л. 25, 140 об.]. Усилиями поисковиков и Следственного комитета Ленинградской области, при участии исторического сообщества, есть надежда уточнить места захоронения детей и достойно их захоронить.

Список литературы

1. Асташкин Д. Ю., Ковалёв Б. Н., Кулик С. В. Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Сопротивление. Возмездие / под ред. Б. Н. Ковалёва. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. 420 с. EDN: OCTGBK
2. Красноженова Е. Е., Асташкин Д. Ю. Преступления против детства на Ленинградском судебном процессе (27 декабря 1945–4 января 1946 г.) // Вопросы истории. 2022. № 7–1. С. 70–82. EDN: MMRPEZ
3. Красноженова Е. Е. «Мы сразу стали взрослыми»: дети и подростки в условиях оккупации (на материалах Ленинградской области) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы III Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. С. 458–464. EDN: JEGERCM

4. Красноженова Е. Е. Архивные документы о преступлениях против детства на территории Северо-Запада России (1941–1945 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 38–43. EDN: QOFWXF
5. Красноженова Е. Е. Оккупанты и дети: 1941–1944 гг. (на материалах Северо-Запада России) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 428–433. EDN: QVQTUT
6. Асташкин Д. Ю. Ленинградские дети на оккупированной Новгородской земле: мемуары Капы Захаровой // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 389–392. EDN: LFTKVR
7. Вычевор Д. А. Советское детство на оккупированной территории Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны: источниковоедческий анализ // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 397–400. EDN: NNSLHK
8. Красноженова Е. Е., Хазов В. К. Повседневная жизнь детей и подростков в условиях оккупации: на материалах Ленинградской области (1941–1944 гг.) // Вопросы истории. 2022. № 9–1. С. 121–132. EDN: BTWBMM
9. Хазов В. К. Положение детей на оккупированных территориях Ленинградской области в 1941–1944 гг.: научный потенциал воспоминаний как исторического источника // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 2 (34). С. 21–31. EDN: FIGPZV
10. Архив Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб и ЛО). ФУД, Д. 37463.
11. АУФСБ СПб и ЛО. ФУД, Д. II-46879.
12. АУФСБ СПб и ЛО. ФУД, Д. 44498. Т. 1.
13. АУФСБ СПб и ЛО. ФУД, Д. 44498. Т. 2.
14. АУФСБ СПб и ЛО. ФУД, Д. II-90618.
15. АУФСБ СПб и ЛО. ФУД, Д. II-51711.

The Tragic Fate of Children Evacuated by German Occupiers from the Pushkin City in 1941–1943 (Based on Archival Materials)

Stanislav K. Bernev

This article examines difficult life of the population and children of the Pushkin city, which was occupied by the Germans in 1941 and became part of the temporarily occupied territory of the Leningrad Region. It also provides information on four evacuations of the population carried out by the German occupiers from the frontline area to their rear in 1941–1942. For the first time, the article highlights the tragic lives of children who remained in the Pushkin Children's Sanatorium No. 4 during the German occupation and their subsequent evacuation and starvation in the Ostrovitsy village, and then in the Kurkovitsy village in the Volosovskiy district in 1942–1943. Former students of the orphanage, who survived in extremely difficult conditions under the German appointees who ran the orphanage, told the investigators about deaths of Pushkin children due to starvation and diseases, and how they themselves, exhausted from hunger, buried them for a piece of bread. The studied material allowed us to identify the burial sites of children in the park and forest, which the author suggests to find and honor.

Key words: Great Patriotic War, Leningrad Region, occupation, Pushkin, Ostrovitsy, Kurkovitsy, orphanage, children, NKGB Department for the Leningrad Region.

For citation: Bernev, S. K. (2025) Tragicheskaya sud'ba detej, evakuirovannyh nemeckimi okkupantami iz goroda Pushkina v 1941–1943 gg. (po arhivnym materialam) [The Tragic Fate of Children Evacuated by German Occupiers from the Pushkin City in 1941–1943 (Based on Archival Materials)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 50–64. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_50. EDN: CMNBFM

References

1. Astashkin, D. Yu., Kovalyov, B. N., Kulik, S. V. (2018) *Nacistskij rezhim na Severo-Zapade Rossii. Okkupaciya. Soprotivlenie. Vozmezdie* [The Nazi Regime in Northwest Russia. Occupation. Resistance. Retribution]. St. Petersburg: Izd-vo Politehn. un-ta. (In Russ.). EDN: OCTGBK
2. Krasnozhenova, E. E., Astashkin, D. Yu. (2022) Prestupleniya protiv detstva na Leningradskom sudebnom processe (27 dekabrya 1945 – 4 yanvarya 1946 g.) [Crimes against children at the Leningrad trial (December 27, 1945 – January 4, 1946)]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 7–1. Pp. 70–82. (In Russ.). EDN: MMRPEZ
3. Krasnozhenova, E. E. (2022) «My' srazu stali vzcrosly' mi»: deti i podrostki v usloviiyah okkupacii (na materialah Leningradskoj oblasti) [We immediately became adults]: Children and teenagers under occupation (based on materials from the Leningrad region). *Velikaya Otechestvennaya vojna v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvoly'* [The Great Patriotic War in the history and memory of the peoples of Southern Russia: events, participants, symbols]. Materials of the III All-Russian scientific conference. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNCz RAN. Pp. 458–464 (In Russ.). EDN: JEGERCM
4. Krasnozhenova, E. E. (2022) Arhivny'e dokumenty' o prestupleniyah protiv detstva na territorii Severo-Zapada Rossii (1941–1945 gg.) [Archival documents on crimes against children in the territory of North-West Russia (1941–1945)]. *Kaspiskij region: politika, e'konomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economics, culture]. No. 3 (72). Pp. 38–43. (In Russ.). EDN: QOFWXF
5. Krasnozhenova, E. E. (2022) Okkupanty' i deti: 1941–1944 gg. (na materialax Severo-Zapada Rossii) [Occupiers and Children: 1941–1944 (Based on Materials from Northwest Russia)]. *Ucheny'e zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Novgorod State University]. No. 4 (43). Pp. 428–433. (In Russ.). EDN: QVQTUT
6. Astashkin, D. Yu. (2022) Leningradskie deti na okkupirovannoj Novgorodskoj zemle: memuary' Kapy' Zaxarovoj [Leningrad Children on Occupied Novgorod Land: Memoirs of Kapa Zakharov]. *Ucheny'e zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Novgorod State University]. No. 4 (43). Pp. 389–392. (In Russ.). EDN: LFTKVR
7. Vy'cherov, D. A. (2022) Sovetskoe detstvo na okkupirovannoj territorii Severo-Zapada Rossii v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny': istochnikovedcheskij analiz [Soviet childhood in the occupied territory of Northwest Russia during the Great Patriotic War: a source study analysis]. *Ucheny'e zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Novgorod State University]. No. 4 (43). Pp. 397–400. (In Russ.). EDN: NNSLHK
8. Krasnozhenova, E. E., Hazov, V. K. (2022) Povsednevnya zhizn' detej i podrostkov v usloviiyah okkupacii: na materialah Leningradskoj oblasti (1941–1944 gg.) [Everyday life of children and adolescents under occupation: based on the Leningrad region materials (1941–1944)]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 9–1. Pp. 121–132. (In Russ.). EDN: BTWBMM
9. Hazov, V. K. (2022) Polozhenie detej na okkupirovannyh territoriyah Leningradskoj oblasti v 1941–1944 gg.: nauchnyj potencial vospominaniy kak istoricheskij istochnik [The situation of children in the occupied territories of the Leningrad region in 1941–1944: the scientific potential of memoirs as a historical source]. *Vestnik Vladimirsogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovyh. Seriya: Social'nye i gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov. Series: Social and Humanitarian Sciences]. No. 2 (34). Pp. 21–31. (In Russ.). EDN: FIGPZV
10. Archiv Upravleniya FSB Rossii for g. Sankt-Petersburga i Leningradskoi Oblasti [Archive of the FSB Directorate for St. Petersburg and Leningrad Region] (hereinafter – AUFSB SPB i LO). Fudd. D. 37463.
11. AUFSB SPB i LO. FUD. D. P-46879.

12. AUFSB SPB i LO. FUD. D. 44498. Т. 1.
13. AUFSB SPB i LO. FUD. D. 44498. Т. 2.
14. AUFSB SPB i LO. FUD. D. P-90618.
15. AUFSB SPB i LO. FUD. D. P-51711.

Об авторе

Бернев Станислав Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда», Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: bernev_sk@gmmobr.ru; ORCID ID: 0009-0005-6424-8042

About the author

Bernev Stanislav K., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of the History of the Defense and Siege of Leningrad, The State Memorial Museum of Defense and the Siege of Leningrad, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: bernev_sk@gmmobr.ru; ORCID ID: 0009-0005-6424-8042

*Статья поступила в редакцию 23.07.2025
Одобрена после рецензирования 16.10.2025
Принята к публикации 23.10.2025*

Досуг в социализации юных жителей советского города в 1950–1960-е гг.

Ф. К. Ярмолич

В статье рассматривается социализация детей во время их досуга. Кратко описывается механизм популяризации среди родителей педагогических знаний и повышения их культурного уровня. Уделяется внимание характеристики практической помощи, которую оказывали партийные и профсоюзные организации в деле воспитания юных горожан. Отмечается обстоятельства, которые не позволили в полной мере развернуть среди отцов и матерей пропаганду достижений педагогической мысли. Особое внимание уделяется анализу деятельности таких культурно-массовых учреждений, как театры, кинотеатры, клубы. Отмечается вклад в социальную интеграцию юных горожан досуговых мероприятий, которые организовывались по месту их проживания. Описывая проведение лекций, экскурсий, праздников и других форм отдыха детей, отмечается, что в их рамках рассматривались достаточно сложные вопросы: что такое общество, по каким правилам и нормам происходит социальное взаимодействие и т.д., – которые благодаря интересной и понятной для детского возраста форме изложения материала в целом доносились до посетителей. Вместе с достижениями в процессе социализации детей в статье отмечаются трудности, которые возникали в этой сфере и, конечно, повлияли на качество интеграционных мероприятий.

Ключевые слова: досуг, социализация, дети, родители, клуб, театр, кинотеатр.

Для цитирования: Ярмолич Ф. К. Досуг в социализации юных жителей советского города в 1950–1960-е гг. // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 65–77. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_65.
EDN: DCRSKH

Введение

Организуя отдых детей, органы власти и управления стремились не только удовлетворить их запрос на активное и эмоционально насыщенное времяпрепровождение, но и создать условия для интеграции подрастающего поколения в общество. В советских и российских исследованиях, касающихся детского досуга, рассматривался широкий спектр вопросов: роль пионерии в организации свободного времени юных горожан, содержание детских форм отдыха, механизмы воспитательной работы, которые применялись в их рамках и т. д. [1–4]. Однако в научной литературе не уделялось достаточного внимания проблеме социализации юных горожан в досуговое время, хотя уже советские ученые признали, что воспитание и социализация не являются полностью идентичными процессами [5, с. 162]. В статье предлагается рассмотреть эту историографическую лакуну. Для этого были использованы как документы центральных органов, которые позволили проследить политику политической элиты страны в этой сфере, так и материалы региональных учреждений и организаций, что дало возможность оценить степень ее реализации на местах.

Анализ механизмов социализации детей в СССР во время их отдыха вполне актуален и для современной российской действительности, так как вопрос инкорпорирования подрастающего поколения в социальные отношения встает перед каждым поколением вне зависимости от политического устройства государства. В этой связи цель статьи состоит в анализе культурно-массовых мероприятий 1950–1960-х гг. как интеграционной площадки юных советских горожан в общественную жизнь. Для достижения заявленной цели используются как общенаучные (анализ, синтез), так и исторические (историко-генетический, историко-системный) методы.

Результаты

Поскольку в статье рассматривается не просто досуг детей, а механизмы их социализации, крайне важно сказать несколько слов о работе органов управления с родителями. По мнению специалистов, для общественной интеграции характерны два этапа: стихийный (ненаправленный) и направленный. Первый происходит при повседневных практиках индивида, где

государственные и общественные институты не оказывают существенного влияния (семья, дружеское окружение). В рамках второго участия общественных и государственных институтов заметно возрастает [6, с. 278, 279].

Представители власти в СССР были склонны считать, что в рамках семейных отношений подрастающему поколению не всегда транслировались и формировались модели поведения, отвечающие официальной идеологии: «Если в школе будут говорить, что бога нет, что он выдуман людьми и т. д., а дома ребенку мать будет все время напоминать о том, что если он, проходя мимо церкви, не перекрестится, то бог его накажет и учительница вызовет к доске, поставит ему двойку, такое воспитание рано или поздно скажется на мировоззрении ребенка, приучит его к вранью и лицемерию либо дома, либо в школе» [7, л. 10]. В то же время в некоторых семьях Советского Союза в силу разных причин родители приучали детей к вредным привычкам: «Критике на собрании был подвергнут рабочий Филимонов, который плохо воспитывает своего сына, ученика 5-го класса, разрешает ему пить водку и заявляет, что ребенок пьет для аппетита» [8, л. 2].

Такая ситуация могла негативным образом повлиять на усилия властей по социализации детей, которые они предпринимали в рамках ее направленной фазы, поэтому необходимо было проводить соответствующую работу с родителями. Она включала в себя как повышение общекультурного уровня отцов и матерей, так и знакомство их с достижениями педагогической мысли, так как «... в семейном воспитании родители чаще всего полагаются на свою интуицию, свой жизненный опыт и на те традиционные способы воспитания, которые достались им в наследство, забывая о том, что жизнь не стоит на месте и что современные дети не похожи на детей прошлых лет. Забывают о том, что детей воспитывают не только школа и семья, но и весь уклад нашей жизни» [9, с. 83].

Важность для государства ненаправленного этапа социализации детей находила отражение в систематически принимаемых соответствующих нормативно-правовых документах¹; в обсуждении положительного и негативного опыта воспитания

¹ О воспитательной работе профсоюзной организации Минского тракторного завода среди рабочих и служащих: постановление Президиума ВЦСПС от 4 июля 1958 г. // Бюллетень ВЦСПС. 1958. № 15. С. 13.

на партийных и профсоюзных собраниях по месту трудовой деятельности родителей [7, л. 4] (конечно, не каждая партийная или профсоюзная организация это делала¹); и в проведении для них досуговых мероприятий педагогической направленности (в частности, в 1954 г. при Ленинградском Доме учителя был организован одногодичный родительский университет, где посетители знакомились с элементарными педагогическими знаниями и повышали свой культурный уровень [10, с. 24]).

На рубеже 1950–1960-х гг. политическая элита страны, стремясь перестроить общество, активизировала пропаганду педагогических знаний среди населения. Это, в частности, отразилось на увеличении количества лекций, прочитанных Обществом «Знание» в РСФСР на педагогическую тему: в 1955 г. эта цифра составляла 42 203, в 1957 г. – 132 754, а за первое полугодие 1959 г. достигла 173 680 [11, л. 2].

В 1960-е гг. формы ознакомления родителей с достижениями педагогики становятся более разнообразны. Например, в Ленинграде в 1966 г. родительские университеты проводили не только лекционные занятия, но и конференции, диспуты, устные журналы, стали более активнее, чем в 1950-е гг., выступать площадкой, на базе которой городские организации оказывали помощь родителям. Так, университет для молодых родителей при ДК им. С. М. Кирова в первой половине 1960-х гг. проводил совместную работу с районными отделениями народного образования, школами и другими государственными и общественными учреждениями, что позволяло привлекать для бесед, рассказов и чтения лекций учителей, работников прокуратуры, милиции, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций [12, л. 52–60]. Знакомили с теоретическими знаниями из области педагогики и Советы содействия семьи и школы. Один из таких советов был создан в городе Шахунья Горьковской области РСФСР в 1963 г. при комбинате бытового обслуживания, в рамках которого учителя средних школ города в цехах комбината читали «лекции о трудовом воспитании детей, о том, как привить ребятам навыки культурного поведения, чувства дружбы и товарищества, как воспитать у них любовь к книге» [13, с. 65].

¹ О состоянии воспитательной и культурно-массовой работы в профсоюзных организациях Литовской ССР: постановление Президиума ВЦСПС от 6 февраля 1959 г. // Бюллетень ВЦСПС. 1959. № 5. С. 9.

Проводимые мероприятия с отцами и матерями приносили положительные результаты, но они оказались несколько ограничены, так как население СССР на всем протяжении 1950–1960-х гг. не очень активно посещало клубные учреждения. По данным социологических исследований в крупном городе клубная аудитория составляла 10–20 %, а в малом – 30–40 % от всего числа жителей [14, с. 137]. Конечно, и другие центры досуга (музеи, театры, парки, кинотеатры) тоже организовывали родительские университеты, проводили лекции, семинары, диспуты на педагогические темы и т. д. Но количество проводимых ими мероприятий в этой области, в сравнении с клубами, оказалось не столь значительным, поэтому последние выступали основной площадкой работы с родителями.

Переходя к описанию досуга детей и тех форм направленной социализации, которые применялись во время их отдыха, следует отметить, что власти в этой области столкнулись с рядом трудностей, которые условно можно охарактеризовать как научно-теоретические и «практические» (первые будут указаны сразу, а вторые по мере описания детского отдыха). Во-первых, советские ученые по-разному оценивали верхнюю возрастную границу детства. Одни считали, что это 12 лет [15, с. 103], а другие – 14 [16, л. 72]. Впрочем, взгляды исследователей совпадали относительно начала детского возраста – 2 года. Во-вторых, несмотря на проводимые переписи населения СССР в 1959 и 1970 г. невозможно точно определить общее количества детей в Советском Союзе. Это связано с тем, что в первой послевоенной переписи население (1959 г.) было только две возрастные категории, которые можно отнести к детской возрастной группе: 0–9 и 10–15 лет, а во Всесоюзной переписи населения 1970 г. их уже было три: 0–4, 5–9 и 10–14 лет. При этом именно «детского возраста» (2–12 (14) лет) ни в первом, ни во втором случае нет. Используя имеющиеся в распоряжении сведения, можно приблизительно подсчитать, что в 1959 г. детей в Советском государстве было 63 495 768 (0–9 лет – 46 362 362 и 10–15 лет – 17 133 406), т. е., 30,41 % от всего населения страны [17, с. 49], а в 1970 г. – 69 973 962 (0–4 лет – 20 509 889, 5–9 лет – 24 475 707, 10–14 лет – 24 988 366), т. е. 28,95 % от общей численности жителей Советского Союза [18, с. 27]. Следует отметить, что обозначенные научно-

теоретические проблемы влияли на качество организации и проведение досуговых мероприятий.

Несмотря на условность подсчета, все же следует отметить, что детское население в конце 1950-х и 1960-е гг. превышало 25 % населения государства. Это, безусловно, создавало серьезные предпосылки для интеграции юных граждан в общественные отношения. Более того, актуальность этого возраста еще и потому, что в 1950-е гг. [19, л. 134], и в 1960-е гг. [20, л. 20] среди детей отмечались случаи нарушения социальных норм поведения и статей уголовных кодексов союзных республик. Конечно, преодоление девиантного поведения зависело от многих факторов, в том числе и от правильно организованного досуга подрастающего поколения. На это, например, указала председатель группового комитета профсоюза Октябрьского районного жилищного управления Риги Смирнова на собрании представителей комсомольских организаций, работников жилищно-эксплуатационных контор, школ и внешкольных учреждений по теме «Об улучшении воспитательной работы с детьми и подростками по месту жительства» (1 февраля 1960 г.): «Если каждый из нас очень серьезно подумает над теми задачами, которые ставят перед нами партия и правительство, у нас будет возможность построить нашу внешкольную работу, работу с детьми так, чтобы о детской преступности не могло быть и речи» [21, л. 45].

Проблемой детского отдыха занимались разные организации, например, пионерская, но хотелось бы обратить внимание на участие в этом культурно-массовых учреждений. Они своим юным посетителям предоставляли не только теоретические знания об обществе, давали возможность выработать практические навыки социального взаимодействия, но и на уровне художественного образа демонстрировали, что такое социум.

Особое место в последнем занимали кинотеатры и театры. Правда, в сферу их влияния не входили горожане, не достигшие пятилетнего возраста, так как они, с точки зрения педагогов и работников медицины, по психологическим и физиологическим показателям не были готовы к этому. Утверждения ученых нашли подтверждение в повседневной практике ленинградских театров, работники которых обратили внимание, что «малыши крайне плохо переносят спектакли. Они либо засыпают, либо

плачут и всегда мешают своим соседям смотреть спектакли. Театры при выпуске спектаклей строго определяют возраст, на который они рассчитаны и всегда оповещают об этом в афишах. Однако за последнее время родители все чаще проводят в театры 3, 4-летних и даже 2-летних детей» [22, л. 2].

Принимая во внимание возрастные ограничения при посещении театров и кинотеатров, но в то же время осознавая важность сценического образа в жизни юных жителей СССР, специалисты и власть во второй половине 1950-х гг. предпринимали усилия для расширения сети специализированных театров и кинотеатров, так как недостаток подобных учреждений в конце 1950-х гг. был ощущим. Например, в РСФСР в 1958 г. детскими кинотеатрами располагали только 33 города республики [23, л. 219]. В отношении детских фильмов ситуация в это время оказалась тоже непростой и нашла отражение на страницах специализированных журналах о кино. В 1957 г. в периодическом издании «Искусство кино» было опубликовано письмо четырех комсомольцев из Казани, в котором авторы (А. Кузовкин, Д. Суваров, Э. Мотыгуллин, Н. Алексеева) обратили внимание на ряд проблем из области советского молодежного кинематографа: однообразие тем и безыдейность некоторых фильмов [24, с. 1]. Важность развития детско-юношеского кинематографа была очевидна и для власти, поэтому она предпринимала усилия в этой области киноискусства. В 1963 г. произошла перестройка производства специализированных кинокартин, что значительно улучшило работу киностудий страны, и в 1964–1965 гг. было выпущено 28 фильмов для детей младшего и среднего возраста [25, л. 37–38]. Во второй половине 1960-х гг. внимание властей к развитию детского кинематографа продолжилось, что, например, нашло отражение в рамках V Московского международного кинофестиваля (1967), где впервые с момента его проведения был организован показ фильмов для детей¹, а также при учреждении приза ЦК ВЛКСМ «Алая гвоздика» за лучший фильм для детей².

Понималась также и важность театрального творчества в воспитании юных граждан страны. Поэтому 1 июля 1963 г. было принято постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР и СМ РСФСР

¹ О Московском международном фестивале детских фильмов: постановление Секретариата ЦК ВЛКСМ (30 марта 1967 г.) // Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (январь – март 1967 г.). М., 1968. С. 212.

² Постановление Бюро ЦК ВЛКСМ (12 мая 1967 г.) // Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (январь – март 1967 г.). М., Молодая гвардия, 1968. С. 272–273.

«О состоянии и мерах улучшения работы детских театров Российской Федерации», благодаря которому увеличился гонорар за создание пьес для детских театров, а с 1963 по 1965 г. произошло расширение сети кукольных, детских театров и ТЮЗов [26, л. 132, 136]. Однако количество детско-юношеских театров в СССР оставалось все равно недостаточным. В качестве выхода из этой ситуации «в последние годы все большее и большее число театров для взрослых включает в свой репертуар детские пьесы. Причем, если прежде "взрослые" театры ставили для детей только сказки или классику, то теперь они все более охотно обращаются к современным пьесам для подростков» [27, л. 25].

В театрах и кинотеатрах проводились лекции, беседы и другие формы досуга, где на теоретическом уровне объяснялось, что из себя представляет общество. Наряду с этим организовывались мероприятия (уборка кинозалов, другие виды работ), которые формировали у юных посетителей трудовые навыки и вырабатывали нормы совместного социального взаимодействия [28, л. 8, 9]. Эта же цель ставилась и перед созданными, например при некоторых ленинградских кинотеатрах, в начале 1960-х гг. детскими общественными советами и клубами юных друзей кино [29, с. 10].

Свой вклад в социализацию детей вносили и клубные учреждения. Они, например, в рамках утренников, бесед, кинолекций стремились объяснить на понятном для юных горожан языке актуальные для них вопросы, оказать помощь в учебе, повысить культурный уровень, познакомить с достижениями науки, литературы, искусства [30, л. 54]. Конечно, не забывали привлекать подрастающее поколение и к управлению. Так, в первой половине 1960-х гг. ДК им. С. М. Кирова в Ленинграде по воскресеньям полностью переходил «в распоряжение детского клуба выходного дня. На утренниках ребята встречались со старыми большевиками, участниками гражданской и Отечественной войн, с передовыми людьми района, с работниками искусства. К их услугам и кинотеатр "Восход", в котором дети занимали все должности – от билетера до директора» [31, с. 33].

При этом следует отметить, что посещаемость детьми клубных учреждений была не такой значительной, как бы это хотелось власти: «Плодотворную работу проводят детские секторы клубов заводов "Запорожсталь", Сталинградского "Красный Ок-

тябрь", Московского завода "Серп и Молот"... Вместе с тем нужно признать, что детские сектора охватывают сравнительно небольшое количество детей (30 тысяч), по сравнению с наличием детей у работающих на металлургических предприятиях» [7, л. 8]. В 1960-е гг. участие детей в клубной жизни серьезно не возросло.

Конечно, свое свободное время юные горожане проводили в библиотеках, парках и музеях, где они могли принять участие в экскурсиях, гуляниях и т. д., но наиболее значительная работа с детьми, особенно в 1960-е гг., проходила по месту их жительства. Так, в Ленинграде в будние дни 80 % посетителей зон отдыха в микрорайоне составляли дети 10–14 лет [32, с. 23]. Для них в жилых массивах работали кружки самодеятельности, объединения по интересам, встречи и беседы со знатными людьми, карнавалы, праздники дворов и улиц, экскурсии¹.

Обсуждение и выводы

Власти в СССР 1950–1960-х гг. понимали, что отдых детей располагает значительным потенциалом не только в инкорпорировании юных горожан в жизнь социума, но и может выступать инструментом повышения культурного уровня их родителей. При этом советский опыт продемонстрировал, что при стремлении оказать влияние на направленную и ненаправленную социализацию, органы власти и управления оказались ограничены рядом обстоятельств. В отношении отцов и матерей это выражалось в том, что последние не очень активно посещали те формы досуга, где происходило их знакомство с достижениями культуры и педагогической мысли. При работе с подрастающим поколением трудности возникли как в научно-теоретической плоскости (определение границ детского возраста), так и в рамках практических вопросов (недостаточное количество фильмов, спектаклей для малышей).

Список литературы

1. Пионерское лето. М.: Молодая гвардия, 1956. 478 с.
2. Пионерская организация: история феномена: [сборник к 100-летию детской пионерской организации] / автор-составитель А. Замостянов. М.: Родина, 2022. 318 с.

¹ О проведении Всесоюзного смотра-конкурса на лучшую постановку воспитательной работы с детьми и подростками по месту жительства: постановление Секретариата ВЦСПС и Секретариата ЦК ВЛКСМ от 19 января 1961 г. // Сборник постановлений Президиума и Секретариата ВЦСПС. Январь – март 1961. М., 1961. С. 124.

3. Организация и методика клубной работы / под ред. Е. Я. Зазерского, А. Г. Соломоника. М.: Просвещение, 1975. 335 с.
4. Проблема развития повседневной культуры и организация досуга детей и молодежи в СССР в 1945–1964 гг.: общесоюзный и региональный срез: сборник научных трудов / отв. ред. А. В. Липатов, В. С. Меркульева, Ф. А. Такташева. Волгоград, Сфера, 2019. 90 с. EDN: YEFFWD
5. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 351 с.
6. Бабосов Е. М. Общая социология. Минск: ТетраСистемс, 2004. 639 с. EDN: UGNOUNB
7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-6276. Оп. 273. Д. 831.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 28. Д. 1504.
9. Пшебильский П. Г. О специфике школьного родительского университета // Народные университеты в системе непрерывного образования / отв. ред. В. Г. Онушкис. М.: АНП СССР, 1983. С. 81–90.
10. Родительский университет // Клуб. 1954. № 1. С. 21.
11. ГАРФ. Ф. А-561. Оп. 1. Д. 376.
12. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 948. Оп. 6. Д. 18.
13. Агитатор. 1964. № 1. С. 42.
14. Культурная деятельность. Опыт социологического исследования / отв. ред. Л. Н. Коган. М.: Наука, 1981. 238 с.
15. Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 5. Д. 1302.
17. Итоги Всесоюзной переписи населения. 1959 г. СССР (сводный том). М.: Госстатиздат, 1962. 284 с.
18. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. 1. М.: Б. и., 1971. 35 с.
19. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 28. Д. 1232.
20. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 105. Д. 101.
21. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 715.
22. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 105. Оп. 1. Д. 1335.
23. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 2159.
24. Молодежь предъявляет счет // Искусство кино. 1957. № 2. С. 1–9.
25. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 33. Д. 217.
26. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 4970.
27. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2329. Оп. 27. Д. 36.
28. ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1151.
29. О состоянии и мерах улучшения воспитательной работы с детьми в учреждениях культуры // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1962. № 7. С. 10–13.
30. ЦГАИПД СПб. Ф. 742. Оп. 5. Д. 24.
31. Авров Д. Н. Дворец культуры имени С. М. Кирова. Л.: Лениздат, 1965. 40 с.
32. Планировка, застройка и благоустройство новых жилых районов Ленинграда (Обзор) / ред. Ю. Б. Хромов. М.: Б. и., 1973. 38 с.

Socialization of Young Residents of the Soviet City During Their Leisure Time in the 1950s – 1960s

Fedor K. Yarmolich

The article examines the socialization of children during their leisure time. Since the family environment was an important factor in this process, the article briefly describes the mechanism for popularizing pedagogical knowledge among parents and raising their cultural level. Attention is also paid to the characteristics of the practical assistance provided by party and trade union organizations in the education of young city dwellers. At the same time, the circumstances are noted that did not allow for the full promotion of pedagogical thought among fathers and mothers. When describing children's leisure, special attention is paid to the analysis of activities of such cultural institutions as theaters, cinemas, clubs. The contribution of leisure activities organized at their place of residence to the social integration of young city dwellers is also noted. Describing the lectures, excursions, holidays and other forms of children's recreation, it is noted that within their framework, rather complex issues were considered: what is society, what rules and norms social interaction occurs by, etc., which, thanks to an interesting and understandable form of presentation of the material for children, were generally conveyed to visitors. Along with the achievements in the process of children socialization, the article notes the difficulties that arose in this area and, of course, affected the quality of integration events.

Key words: leisure, socialization, children, parents, club, theater, cinema.

For citation: Yarmolich, F. K. (2025) Socializaciya yunyh zhitelej sovetskogo goroda vo vremya dosuga v 1950–1960-e gg. [Socialization of Young Residents of the Soviet City During Their Leisure Time in the 1950s – 1960s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 65–77. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_65. EDN: DCRSKH

References

1. (1956) *Pionerskoe leto* [Pioneer Summer]. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
2. Zamost'yanov, A. (2022) (ed) *Pionerskaya organizaciya: istoriya fenomena: (sbornik k 100-letiyu detskoj pionerskoj organizacii)* [Pioneer Organization: History of a Phenomenon: (collection for the 100th anniversary of the children's pioneer organization)]. Moscow: Rodina. (In Russ.)
3. Zazersky, E. YA., Solomonik, A. G. (1975) (ed.) *Organizaciya i metodika klubnoj raboty* [Organization and methods of club work]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
4. Lipatov, A. V., Merkur'eva, V. S., Taktasheva, F. A. (2019) (ed) *Problema razvitiya povsednevnoj kul'tury i organizaciya dosuga detej i molodezhi v SSSR v 1945–1964 gg.: obshchesoyuznyj i regional'nyj srez: sbornik nauchnyh trudov* [The problem of development of everyday culture and organization of leisure of children and youth in the USSR in 1945–1964: all-Union and regional section: collection of scientific papers]. Volgograd: Sfera. (In Russ.). EDN: YEFFWD
5. Parygin, B. D. (1971) *Osnovy social'no-psichologicheskoy teorii* [Fundamentals of socio-psychological theory]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
6. Babosov, E. M. (2004) *Obshchaya sociologiya* [General sociology]. Minsk: TetrASistems. (In Russ.). EDN: UGNOUNB4
7. *Central'nyj gosudarstvennyj arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archives of St. Petersburg] (hereinafter – CGA SPb). F. R-6276. Op. 273. D. 831. (In Russ.)
8. *Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation] (hereinafter – GARF). F. R-5451. Op. 28. D. 1504. (In Russ.)
9. Pshebil'skij, P. G. (1983) O specifikhe shkola'nogo roditel'skogo universiteta [On the specifics of the school parent university]. *Narodnye universitetы v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya* [Peo-

- ple's Universities in the System of Continuous Education]. Ed. V. G. Onushkin. Moscow: ANP USSR. Pp. 81–90. (In Russ.)
10. (1954) Roditel'skij universitet [Parent University]. *Klub* [Club]. No.1. P. 21. (In Russ.)
 11. GARF. F. A-561. Op. 1. D. 376. (In Russ.)
 12. *Central'nyj gosudarstvennyj arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg] (hereinafter – CGAIPD SPb). F. 948. Op. 6. D. 18. (In Russ.)
 13. (1964) *Agitator* [Agitator]. No. 1. P. 42. (In Russ.)
 14. Kogan, L. N. (1981) (ed) *Kul'turnaya deyatel'nost'. Opyt sociologicheskogo issledovaniya* [Cultural activity. Experience of sociological research]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
 15. Kon I.S. (1967) *Sociologiya lichnosti* [Sociology of personality]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 16. *Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv social'no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History] (hereinafter – RGASPI). F. M-1. Op. 5. D. 1302. (In Russ.)
 17. (1962) *Itogi Vsesoiuznoi perepisi naseleniya. 1959 g. SSSR (svodnyi tom)* [Itogi Vsesoyuznoj perepisi naseleniya. 1959 USSR (consolidated volume)]. Moscow: Gosstatizdat. (In Russ.)
 18. (1971) *Itogi Vsesoiuznoi perepisi naseleniya 1970 goda. Tom II. Pol. vozrast i sostoianie v brake naseleniya SSSR, soiuzykh i avtonomnykh respublik, kraev i oblastei. Chast 1* [Results of the 1970 All-Union Population Census. Volume II. Sex, Age, and Marital Status of the Population of the USSR, Union and Autonomous Republics, Territories, and Regions. Part 1]. Moscow: B. i. (In Russ.)
 19. GARF. F. R-5451. Op. 28. D. 1232. (In Russ.)
 20. CGAIPD SPb. F. 24. Op. 105. D. 101. (In Russ.)
 21. RGASPI. F. M-1. Op. 5. D. 715. (In Russ.)
 22. *Central'nyj gosudarstvennyj arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg] (hereinafter – CGALI SPb). F. 105. Op. 1. D. 1335. (In Russ.)
 23. GARF. F. A-501. Op. 1. D. 2159. (In Russ.)
 24. (1957) Molodez'h' pred'yavlyat schet [Young people present the bill]. *Iskusstvo kino* [Art of Cinema]. No. 2. Pp. 1–9. (In Russ.)
 25. *Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii* [Russian State Archive of Contemporary History] (hereinafter – RGANI). F. 5. Op. 33. D. 217. (In Russ.)
 26. GARF. F. A-501. Op. 1. D. 4970. (In Russ.)
 27. *Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art] (hereinafter – RGALI). F. 2329. Op. 27. D. 36. (In Russ.)
 28. CGALI SPb. F. 105. Op. 1. D. 1151. (In Russ.)
 29. (1962) O sostoyaniu i merakh uluchsheniya vospitatelnoi raboty s detmi v uchrezhdeniyakh kultury [On the Conditions and Measures of Improving Educational Work with Children in Cultural Establishments]. Byulleten Ispolkomata Lengorsoveta [Bulletin of the Executive Committee of the Leningrad City Council]. No. 7. Pp. 10–13. (In Russ.)
 30. CGAIPD SPb. F. 742. Op. 5. D. 24. (In Russ.)
 31. Avrov, D. N. (1965) *Dvorec kul'tury imeni S. M. Kirova* [Kirov Palace of Culture]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
 32. Hromov, YU. B. (1973) (ed) *Planirovka, zastroyka i blagoustrojstvo novyh zhilyh rajonov Leningrada (Obzor)* [Planning, development and improvement of new residential areas of Leningrad (Review)]. Moscow: B. i. (In Russ.)

Об авторе

Ярмолич Фёдор Кузьмич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: f.k.1985@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2997-870X

About the author

Yarmolich Fedor K., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National History, Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: f.k.1985@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2997-870X

*Статья поступила в редакцию 05.07.2025
Одобрена после рецензирования 27.07.2025
Принята к публикации 19.08.2025*

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Научная статья
УДК 94(47)«17/18»:613.95-058.12-055.25
EDN: FKMOEL
DOI: 10.35231/25422375_2025_4_78

Гигиена детства девочек в дворянских семьях в XVIII – середине XIX в.

А. В. Белова

В статье рассматривается тема гигиены детства, включающая элементы раннего ухода и практики обеспечения физического здоровья, прежде всего питания, принятые в семьях российского дворянства в отношении девочек как одна из значимых проблем в современной историографии истории повседневности. На основе исследования автодокументальных свидетельств, аккумулирующих женскую семейную память о гигиене детства девочек, с применением методологических подходов истории повседневности, социальной антропологии женской повседневности, женской истории анализируется обращение с девочками-грудничками, в том числе материнское грудное вскармливание, вскармливание кормилицами и смешанное вскармливание, пищевые привычки дворянских девочек. Исследуются уходовые практики пеленания, кормления, приучения к гигиене, закрывающие базовые потребности, для выяснения специфики гигиены раннего детства у привилегированных групп. Особое внимание уделено смене мотивации материнского грудного вскармливания с середины XVIII до середины XIX в. В заключение делается вывод о сохранении традиционных этноспецифических обрядов и ритуалов ухода за младенцами наряду с появлением вариативных проявлений статусно-дифференцирующих отличий.

Ключевые слова: историческая этнология, детство, гигиена детства, семья, российские дворянки, дворянские девочки.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия».

Для цитирования: Белова А. В. Гигиена детства девочек в дворянских семьях в XVIII – середине XIX в. // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 78–100. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_78.
EDN: FKMOEL

Введение

Под гигиеной детства в данной статье понимаются элементы (способы и процедуры) раннего ухода за ребенком и практики обеспечения физического здоровья, прежде всего питания, принятые в семьях российского дворянства, преимущественно в отношении девочек. Научная значимость данной проблематики соотносится с предметным полем таких направлений, как этнология детства, «Культура-и-личность» (психологическая антропология)¹, современные исследования по антропологии детства [1]. По выражению А. А. Белика, «особенности процессов, происходящих в детстве, имеют фундаментальное значение для воспроизведения культуры»². И. С. Кон подчеркивал, что «одна из важнейших инноваций современной истории детства – ...осознание необходимости изучения не "детства вообще", а повседневной жизни девочек и мальчиков» [2, с. 17]. Им же подмечено, что из этнографов «Маргарет Мид едва ли не первой обратила внимание на девочек» [2, с. 17].

Исследования детства носят междисциплинарный характер, привлекая внимание зарубежных и отечественных представителей антропологии [3], философии [4–6; 2], литературоведения [7; 8], истории [9–15], истории повседневности [16–26], этнографии [27–31], психологии [32–34], социологии [35–39]. Как нами утверждалось ранее, «"детство" – понятие исторически, культурно и этнически обусловленное» [16, с. 29]. Современный российский психолог Е. В. Улыбина полагает, что период детства можно считать «культурно обусловленным и культурно относительным» [34, с. 253], «производным культуры», и потому он «с усложнением культуры неизменно увеличивается» [34, с. 253]. Определенные различия фиксируются в научных периодизациях детства в зависимости от степени его внутренней дифференциации.

Современные психологи и педагоги рассматривают детство как внутренне дифференцированный период жизни и предлагают различные версии его периодизации. Например, психологическая периодизация, учитывающая «кризисы развития», делит детство на этапы «от кризиса до кризиса»: «младенчество

¹ Белик А. А. Детство как феномен культуры // Белик А. А. Культурология: Антропологические теории культур: учебное пособие. М.: РГГУ, 1999. С. 107–123.

² Там же.

(от рождения до года), раннее детство (от года до трех лет) и дошкольное детство (от трех до семи лет)» [40, с. 40–41].

Педагогическая возрастная периодизация «исходит из задач воспитания детей на разных этапах», в связи с чем различают «ранний возраст (от рождения до двух лет), младший дошкольный возраст (от двух до четырех лет), средний дошкольный возраст (от четырех до пяти лет), старший дошкольный возраст (от пяти до семи лет)» [40, с. 40–41], «младший школьный возраст (от семи до десяти лет)» [41].

Универсальная психолого-педагогическая периодизация строится исходя из обоих критериев и включает в себя младенческий возраст (от рождения до года), ранний возраст (от года до трех лет), которые объединяются в «раннее детство», младший дошкольный возраст (от трех до пяти лет) и старший дошкольный возраст (от пяти до семи лет), составляющие «дошкольное детство» [42, с. 11, 71].

Современная антропология рассматривает детство как следующий за пренатальным (внутриутробным) период жизненного цикла человека, включающий в себя три стадии: так называемое первое детство – от рождения до трех лет, в котором различают еще стадию новорожденности (восемь – десять дней) и грудную стадию до года, второе детство – от трех до шести лет и третье детство – от шести до двенадцати лет¹.

Еще более интересным представляется сопоставление периодизаций, принятых в отечественной и зарубежной медицинской науке. Так, по версии известного французского педиатра Ж. Коан-Солаля, выделяются периоды «новорожденного» от рождения до двух месяцев (в России от рождения до месяца), «грудного ребенка, младенца» от двух месяцев до двух лет (в России от 29-го дня жизни до года), «маленького ребенка, дошкольника» от двух до шести-семи лет, «младший школьный возраст» от семи лет до первых признаков полового созревания [43, с. 23].

Антропология взаимоотношений матери и дочери сложна: помимо психоаналитических аспектов, связанных с их первостепенностью как прототипа пары [44, с. 85–86], этнологические исследования последствий травматических ситуаций раннего детства показывают, «что девочки, поте-

¹ См.: Хасанова Г. Б. Антропология: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Компания КниРус, 2004. 231 с. С. 97–98. EDN: QKMSFX

рявшие мать в раннем возрасте, с большей вероятностью могут заболеть депрессией, чем остальные»¹. Тем не менее в фокусе данного исследования находятся преимущественно материально-телесные уходовые практики, обеспечивающие базовые аспекты выживания организма.

К элементам ухода за ребенком несводимы процессы социализации, включающие, помимо ограниченных практик пеленания, кормления, приучения к гигиене, закрывающих базовые потребности, эмоционально-психическое и интеллектуальное развитие, вопросы воспитания и родительских установок, ожиданий и предпочтений, в том числе связанных с полом. Изучение встроенных в социальный контекст базовых аспектов выживания дворянских девочек важно для понимания гигиены детства в сравнительном измерении с крестьянскими детьми, для которых весь родительский уход исчерпывался в основном только этим. Исследование гигиенического ухода за дворянскими девочками в раннем детстве, уходовых практик жизнеобеспечения, принятых в дворянской среде, позволяет уточнить, насколько эти практики отличались или нет от прочих социальных категорий.

Цель исследования – выявить уходовые практики жизнеобеспечения дворянских девочек для понимания наличия или отсутствия специфики раннего детства у привилегированных групп. На основе исследования автодокументальных свидетельств, аккумулирующих женскую семейную память о гигиене детства девочек, применяя методологические подходы истории повседневности, социальной антропологии женской повседневности, женской истории, предполагается подтвердить рабочую гипотезу о том, что в российском дворянском сообществе XVIII–XIX вв. до буржуазной модернизации сохранялись традиционные этноспецифические обряды и ритуалы ухода за младенцами в отсутствии неонатологии и соответствующих медицинских рекомендаций.

Обращение с девочками-грудничками

В первой половине XVIII в. возрастные категории детей не дифференцировались, и детство воспринималось в качестве гомогенного состояния. О недостаточном различении

¹ Белик А. А. Указ. соч. С. 118.

внутренних изменений детского возраста свидетельствуют не только источники российского происхождения, но и выводы Ф. Арьеса об отсутствии во французском и английском языках «слов, отличавших маленьких детей от детей более взрослых» [9, с. 10]. Тем не менее за новорожденной девочкой в дворянской культуре признавался особый статус.

Так, царица Прасковья писала 10 ноября 1716 г. князю А. Д. Меншикову: «Здравія вашего желаю на множество літъ, и съ свѣтлѣйшею княгинею Дарьою Михайловною, и съ прелюбезнѣйшими вашими дѣтками, и съ новорожденною вашею до-черью...» [45]. В женских письмах ее выделяли из общей категории детей. Информация о благополучном для матери и дочери исходе родов содержалась в семейной переписке. «*Aléxandrine est heureusement accouchée d'une fille...*», т. е. «Александрин счастливо родила дочь» (пер. с фр. наш – А. Б.), – сообщала новоторжская дворянка В. А. Дьякова, урожденная Бакунина, о сестре и новорожденной племяннице в письме мужу Н. Н. Дьякову 23 ноября 1844/1845 (?) г. [46, л. 1–1 об.] Вплоть до конца XIX в. образ новорожденной воспринимался девочками-сестрами окруженным особым ореолом. М. П. Бок, урожденная Столыпина (1885–1985), вспоминала о младшей сестре: «К ней (кормилице – А. Б.) подходишь с любопытством и страхом посмотреть на новорожденную, пухленькую, мягонькую, тепленькую в своих пеленочках» [47, с. 28]. Рождение девочки в XVIII–XIX вв. не оставалось незамеченным не только членами семьи и родственниками, но и более широким кругом знакомых.

Взглянуть на новорожденную было центральной частью обычая послеродового проведывания. За эту возможность оставлялась символическая плата. Хотя в зависимости от социального статуса и имущественного благосостояния родильницы (как в послеродовой период, с момента рождения плаценты, называют роженицу) не всегда такая уж символическая. Например, А. П. Керн, урожденная Полторацкая (1800–1879), сообщала, что «обстановка» ее рождения «была так роскошна и богата», что у ее матери «нашлось под подушкой 70 голландских червонцев, положенных посетительницами» [48, с. 340]. Плата за возможность увидеть новорожденную служила своеобразной «защитой от сглаза», о чем писала и иностранка леди Рондо еще в 1733 г., «так как русские верят, что в противном случае либо женщи-

на, либо ребенок умрет» [49, с. 213]. Разновидность данного широко распространенного не только в крестьянской среде обычая сохранилась даже в современной городской культуре: если знакомые семьи или соседи, неродственники, заходят посмотреть на грудного ребенка, то оставляют взамен что-то, имеющее чисто символическую ценность, например полотенце или кусок мыла. «Банная» коннотация этих «подарков», возможно, коррелирует с обычаем «размывания рук» после родов.

Опасения «сглаза» новорожденной были сильны в дворянской среде. А. С. Пушкин в 1836 г. сообщал П. В. Нащокину: «Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восхищении. Дай Бог не сглазить, все идет хорошо» [50]. Тем не менее представление об уязвимости новорожденной не исключало присутствия в доме во время и после родов большого количества людей и свободного доступа к ней посетительниц: «Дамы бросились поздравлять родильницу (в те времена не было докторских предосторожностей) и целовать "маленьку", а мужчины, пользуясь отсутствием дам, прикончили припасенные бутылки шампанского, провозглашая тосты в честь новорожденной» [51, с. 9]. Гигиенических предписаний, связанных с ограниченным доступом в специальной одежде и обуви, необходимостью дезинфекции, мытья и обработки рук, ношения маски, в то время не существовало. Считалось, что важнее обеспечить соблюдение социальных ритуалов, нежели санитарно-гигиенических требований и медицинских мер предосторожности. В значительной степени эти требования и меры еще не сложились и не осознавались.

В подтверждаемый это-документами столетний период 30-х гг. XVIII в. – 30-х гг. XIX в. в дворянской среде устойчиво сохранялась традиция, которая соотносится с восточнославянским обычаем посещения роженицы [52, с. 96–97]. Историк XIX в. Н. И. Костомаров (1817–1885) указывал, что и в XVI–XVII вв. «родильницы получали от гостей подарки, обыкновенно деньгами: это соблюдалось и у знатных, но только для исполнения обычая; ибо родильнице в доме боярском давали по золотому, хотя такая сумма не могла чего-нибудь составить для тех, кому дарили» [53,

с. 247]. В XVIII–XIX вв. в дворянском сообществе поддерживалась преемственность одного из древнейших ритуалов жизненного цикла в отношении новорожденной.

В середине XVIII в. в провинциальной дворянской среде было известно практиковавшееся в народной культуре «обрядовое «перепекание» больных младенцев [52, с. 53–54]. Об этом, в частности, сообщал известный поэт Г. Р. Державин (1743–1816), писавший в мемуарах о себе в третьем лице: «Помянутый сын их (родителей – А. Б.) был первым от их брака; в младенчестве был весьма мал, слаб и сух, так что, по тогдашнему в том краю (...Гавриил Романович Державин родился в Казани... Отец его ... переведен в Оренбургские полки". – А. Б.) непроповеданию и обычаю народному, должно было его запекать в хлебе, дабы получил он сколько-нибудь живности» [54, с. 9]. Нет сведений, насколько широко было распространено данное обрядовое действие: имело оно локальный характер или встречалось и у среднерусского дворянства, применялось только в отношении новорожденных мальчиков или и девочек тоже. В словах мемуариста содержится лишь указание на региональную удаленность, недостаточную образованность и близость к традиционной культуре данной категории дворянства.

Женская память сохранила сведения еще об одном характерном этническом обычаяе, ставшем атрибутом детства девочек в дворянских семьях, а именно практике тугого пеленания младенцев. Мемуаристка Н. А. Дурова (1783–1866) описала, как горничная девка матери «пеленала так туго, что лицо у меня синело и глаза наливались кровью; на очлегах я отдыхала, потому что меня отдавали крестьянке, которую приводили из селения; она распеленывала меня, клала к груди и спала со мною всю ночь» [55, с. 27]. О том же обычаяе тугого пеленания, бытовавшем у провинциального дворянства вплоть до начала XX в., упомянула в воспоминаниях Е. А. Якобсон (1913–2002), урожденная Жемчужная, происходившая по материнской линии из рода дворян Волковых: «Веселого спокойного ребенка, туго запеленутого, хорошо евшего и крепко спавшего, передавали из одних любящих рук в другие, как маленький сверток. (Английский антрополог Джефри Горер уверял, что именно пеленание является истинной причиной того, что русские приняли коммунистическую диктатуру так покорно)» [56, с. 13].

Петербурженке Е. А. Якобсон, заведующей кафедрой славянских языков и литературы Университета имени Дж. Вашингтона в США, как ученому было известно о гипотезе тугого пеленания Джейфри Горера (*Geoffrey Gorer*) (1905–1985) [57]. В воспоминаниях она прибегает скорее к символическому образу, нежели опыту автобиографической памяти. Тем не менее резонансная связь русского национального характера с практикой тугого пеленания, получившая название «пелёночного детерминизма», подвергнутого научной критике [1, с. 7; 58], не позволила ей обойти молчанием исторический феномен, распространенный в том числе и в дворянской среде. Считая себя «послушным ребенком», она не без сарказма полагала, что «возможно, пеленание все же оказалось на меня определенное влияние!» [56, с. 14]. «Кавалерист-девица» Н. А. Дурова, в отличие от слависта Е. А. Якобсон, совершенно точно не была знакома с научным концептом, однако описала, как перемежаются периоды вынужденной телесной и эмоциональной скованности и высвобождения, закрепляемые как модель прививаемого с детства поведения и проявляющиеся затем, по мнению английского антрополога, в перипетиях этнического характера и национальной истории (смиренное долготерпение перед принуждением сменяется взрывом стихийного бунтарства).

Материнское грудное вскармливание

В первой половине XVIII в. материнское грудное вскармливание практиковалось в семьях многодетных малообеспеченных дворян как вынужденная мера [59, с. 293]. Так, из-за крайней бедности, в которой жила семья, мать мемуариста М. В. Данилова (1722 – после 1790), Афимья Ивановна Данилова, урожденная Аксентьева (конец XVII в. – 1759), по его словам, «кормила всех детей своих своею грудью...» [59, с. 294], выкормив в общей сложности двенадцатерых. Однако в женской семейной памяти эта тема еще не рефлексировалась.

Только на рубеже XVIII–XIX вв. появилось поколение «новых матерей», которые стремились сами кормить грудным молоком не из-за финансовой невозможности нанять кормилицу, а исходя из культурно-психологической мотивации. Не имея навыков и соответствующих консультаций (в отсутствие в то время специалистов по грудному вскармливанию),

дворянки нуждались в помощи при налаживании лактации. Мать А. П. Керн «сильно огорчалась, когда не умели устроить так, чтобы она могла кормить; от этого сделалось разливание молока, отнялась нога, и она хромала всю жизнь» [48, с. 340]. Воспаление молочных желез в период грудного вскармливания (мастит) повлекло за собой то, что она не кормила новорожденную. Мастит возникал главным образом у первородящих молодых женщин, при этом с очередной беременностью дворянками приобретался опыт лактации. А. П. Керн вспоминала о поездке в усадьбу Берново с матерью и сестрой – ее «другой дочерью, которую сама кормила...» [48, с. 342].

Дворянки стремились самостоятельно вскармливать собственных дочерей и сыновей по причине внушенного литературой сентиментализма [19, с. 420–421] представления о том, что «молоко нежных родительниц есть для детей и лучшая пища, и лучшее лекарство» [60, с. 246]. Стремясь следовать данному культурному предписанию, они воспроизводили еще один социальный миф о том, «что мать, которая кормит грудью свое дитя, через это самое начинает любить его» [55, с. 26–27]. Практика же могла свидетельствовать об обратном. Наладить грудное вскармливание не всегда и не сразу получалось, несмотря на намерение соответствовать культурным запросам. Н. А. Дурова описала свой ранний опыт, очевидно, переданный ей впоследствии очевидцами, когда после нескольких неудачных прикладываний «схватила вдруг грудь матери и изо всей силы стиснула ее деснами. Мать моя закричала пронзительно, отдернула меня от груди и, бросив в руки женщины, упала лицом в подушки» [55, с. 26–27]. При том, что такой сценарий вряд ли способствовал усилиению «любви материнской», он не может служить и подтверждением идеи детерминированности будущих отношений матери и дочери их взаимодействием во время грудного вскармливания.

К середине XIX в. у провинциальных дворянок уже появляется понимание пользы грудного молока для детского здоровья. В. А. Дьякова писала мужу о том, что ее сестра «*Aléxandrine* иногда кормит Валериньку и ея молоко ему очень полезно» [46, л. 3 об.]. В данном случае питание осуществлялось не матерью, а ее родной сестрой, вскармливавшей и свою дочь, и племянника, становившихся тем самым не только двоюродными, но и так на-

зываевыми молочными братом и сестрой, а вместе с тем и «новыми Полем и Виржини» (*nouveaux Paul et Virginie*) [46, л. 3 об.], которые, подобно героям одноименного романа¹ (1787) Бернардена де Сен-Пьера (*Bernardin de Saint-Pierre*) (1737–1814), изданного в Москве в 1793 г. и позднее многократно переиздававшегося, совместно воспитывались материами-единомышленницами «на лоне природы» дворянской усадьбы Премухино Бакуниных в Новоторжском уезде Тверской губернии.

Не только усадебный, но даже походный, быт располагал дворянок к естественному вскармливанию младенцев. Можно встретить дневниковое свидетельство того, как жена полковника «сама кормит» [61, с. 253] и при этом манкирует обязанностями «хозяйки бала». Смена приоритетов в пользу грудного вскармливания вместо светского времяпровождения характеризует новые общественные тенденции в опытах раннего ухода.

Вскармливание кормилицами и смешанное вскармливание

В отличие от осознанных матерей в XIX в., которые под влиянием, как ни парадоксально, художественной, а не медицинской литературы практиковали грудное вскармливание, в XVIII в. этим занимались крепостные крестьянки, обладавшие, по словам мемуариста, «качествами, требуемыми от хорошей кормилицы, как-то: молодостью, здоровьем, обилием молока, ровностью расположения духа, добротою и кротостью характера» [62, с. 13] и, как дополнительный бонус, принадлежностью «к семейству выше того класса, к которому, по-видимому, была причислена» [62, с. 13]. Несмотря на частые роды крестьянок, найти такую было непросто. А потребность в этом сохранялась и в XIX в., если дворянки испытывали недостаток грудного молока, были больны или умирали в родах. Женская смертность при родах или вскоре после них была высока «по причине осложнений послеродовыми септическими заболеваниями» [19, с. 416]. А следовательно, и материнское грудное вскармливание объективно не всегда было возможно.

Пристальное внимание к здоровью кормилиц было продиктовано тем, что им приписывали передачу заболеваний младенцам, например туберкулеза кожи, или так называемой золотуш-

¹ Сен-Пьер Б. де. Полль и Виргиния // Зарубежная литература XVII–XVIII вв.: хрестоматия: учеб. пособие для педагогических институтов / сост. С. Д. Артамонов. М.: Просвещение, 1982. С. 403–413.

ной болезни [63, с. 293–294]. К концу XIX в. в дворянских семьях формируется устойчивое понимание связи между питанием кормилицы и качеством ее грудного молока, влиявшего непосредственно на здоровье ребенка, вследствие чего, по словам мемуаристки, «ей всегда припасается лучший кусок за обедом» [47, с. 28]. Ее эмоциональный статус и физическое самочувствие оберегались, чтобы не допустить прекращения лактации, поэтому «за ней следят и ходят, как за принцессой: лишь бы не огорчилась чем-нибудь, лишь бы не заболела!» [47, с. 28]. Однако в 30-е гг. XIX в. не исключались и неприемлемые курьезы, когда «кормилица пьянилась, отходя ко сну» [64, с. 182–183], на что мать отреагировала отнятием ребенка от груди.

К концу XVIII в. относятся свидетельства смешанного вскармливания и «переменных кормилиц», когда девочку-грудничка в дневное время суток допаивали «из рожка коровьим молоком», а в ночное время «отдавали крестьянке, которую приводили из селения», и которая «клала к груди и спала ... всю ночь; таким образом, ... на каждом переходе была новая кормилица» [55, с. 27]. О том, что коровье молоко как заменитель грудного непригодно для вскармливания младенцев, еще не было известно. Ни про трудноусвояемый белок, ни про риски анемии и аллергии, непереносимости лактозы, недопустимости употребления коровьего молока в пищу детей до года и старше дворянские матери не знали. Вместе с тем они были осведомлены о пагубном влиянии на детский организм частой смены кормилиц. Очевидно, ситуацию спасало то, что речь не шла о полном переводе на искусственное вскармливание, и ребенок получал грудное молоко, что способствовало улучшению пищеварения и повышению иммунитета.

Пищевые привычки дворянских девочек и приучение к гигиене

Девочкам и после года продолжали давать на завтрак «молоко или чай из смородинового листа» [63, с. 283] и даже кофе, что выглядит совсем уж неприемлемо в соответствии с современными гигиеническими нормами. С. В. Ковалевская вспоминала обычное утро пятилетней дворянской девочки в середине XIX в., когда «в комнате распространяется аппетитный запах кофе; няня... вносит поднос с большим медным кофейником и еще

в постельке, неумытых и нечесаных, начинает угождать нас кофе со сливками и с сдобными булочками» [65, с. 11]. Подобный завтрак, безусловно, вкусен, но мало полезен и пригоден для детского рациона. Девочкам постарше, восьми – двенадцати лет, «подавали кофе, чай, яйца, хлеб с маслом и мед» [48, с. 364]. Это меню представляется уже более сбалансированным и полезным.

Тем не менее в женской памяти сохранились упоминания о питании дворянских девочек в конце XVIII – начале XIX в. кашами и супами [63, с. 284], в том числе «кашой из сливок» [48, с. 342]. В одних имениях девочки обедали, присматриваемые нянями без родителей «на маленьком столике в столовой» на один или два часа раньше взрослых [48, с. 343], в других – принимали незамысловатую пищу из «простых трех-четырех блюд» [66, с. 147] вместе с родителями.

Приучение к гигиене дворянских девочек начиналось с раннего детства. Гигиенические процедуры включались в распорядок дня. За «короткой молитвой вслух» [63, с. 283] следовал завтрак и вспоминаемый мемуаристками «момент приступления к нашему туалету» [65, с. 11]. Последовательность была именно такой, о чистке зубов упоминаний не встречается. Для пятилетних девочек туалетные процедуры, включавшие умывание, расчесывание, одевание, напоминали утренний ритуал, который осуществлялся их нянями. С. В. Ковалевская вспоминала, имея в виду себя и сестру, что «сам туалет справляется очень быстро. Вытрут нам няня лицо и руки мокрым полотенцем, проведет раза два гребешком по нашей растрепанной гриве, наденет на нас платьице, в котором нередко не хватает нескольких пуговиц, – вот мы и готовы!» [65, с. 11]. Для двенадцатилетних девочек-подростков утренние туалетные процедуры выполняли функцию закаливания: «У умывальника уже ждет меня горничная с приподнятым кувшином в одной и с большим лохматым полотенцем в другой руке. По английской манере, меня каждое утро обливают водой. Одна секунда резкого, дух захватывающего холода...» [65, с. 29–30]. То, что на первый взгляд несет пользу для организма и способствует укреплению иммунитета, имело и скрытый смысл – «воспитать примерных английских мисс», выражало, по мнению воспитуемых, стремление гувернантки «завести рассадник английских мисс в русском поместье доме» [65, с. 28].

Распорядок дня девочек-подростков был менее щадящим и более отвечающим представлениям о здоровьесбережении: подъем в 7 часов утра, обливание холодной водой, чай и уроки с гувернанткой [65, с. 29–30], завтрак в 12 часов дня [65, с. 30]. Подобное расписание соответствует современным мнениям о пике умственной активности в первой половине дня. После завтрака девочки отправлялись на прогулку [48, с. 364; 63, с. 283; 65, с. 30]: одни – «несмотря ни на какую погоду» [48, с. 364], другие – «если термометр показывает менее 10° мороза и притом нет большого ветра» [65, с. 30]. Прогулки на свежем воздухе имели оздоровительное значение, несмотря на ограничения двигательной активности девочек¹. После прогулки продолжались занятия [48, с. 365], «занимавшие весь день» [67, с. 389]. Питание, как правило, было трехразовым, хотя в некоторых семьях после позднего завтрака предусматривался лишь обед и «вечерний чай» [65, с. 28].

Обсуждение и выводы

Проведенное исследование позволило проследить динамику мотивации материнского грудного вскармливания: от материальной невозможности содержать кормилицу в середине XVIII в. через следование культурной мифологии в конце XVIII в. до осознания пользы для здоровья ребенка в середине XIX в. Опыт ресурса собственного тела у менее состоятельных дворянок, близкий крестьянской повседневности, сменяется у более образованных литературными конструктами французского и русского сентиментализма таких авторов, как Ж.-Ж. Руссо, Б. де Сен-Пьер, Н. М. Карамзин, сформулировавших мифологию материнской любви, вызываемой естественным вскармливанием и предопределяющей характер будущих взаимоотношений с ребенком, а в свою очередь у более осознанных – прообразом медицинского экспертного отношения, которому только предстояло утвердиться к концу XIX в. Однако вне зависимости от того, чем именно руководствовались дворянки, практика материнского кормления грудью младенца не была для них обязательной, а потому выражала их сознательный выбор. Насколько в крестьянской среде мате-

¹ Белова А. В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середины XIX в.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. С. 209–210. EDN: QEWIDL

ринское грудное вскармливание было нерефлексируемым обычаем, настолько в дворянской – результатом социальной, культурной и интеллектуальной рефлексии.

Однако по медицинским и физиологическим причинам, несмотря на субъективные желания и намерения, дворянки зачастую переживали нарушения лактации, из-за чего должны были по-прежнему обращаться к услугам крепостных кормилиц. При отсутствии засвидетельствованных женской семейной памятью случаев полного перевода младенца на искусственное вскармливание, известны примеры смешанного вскармливания, сочетавшего «переменных» кормилиц и допаивания малопригодным для этого коровьим молоком. Также нет упоминаний о способах стимуляции выработки грудного молока у матерей-дворянок, факт возможности или невозможности лактации воспринимался как данность, что объясняется неразвитостью соответствующих разделов медицины, в том числе неонатологии.

Комплекс гигиенических предписаний в отношении ухода за дворянскими новорожденными существовал не в виде медицинских рекомендаций, а в виде этнокультурных обычаем и народной медицины. Особый статус новорожденной, защита от «сглаза», обрядовое «перепекание» больных и слабых, практика тугого пеленания, естественное вскармливание были схожи с известными манипуляциями в крестьянской среде. Тем не менее со временем проявилась специфика гигиены детства у дворянства, выразившаяся в большей альтернативности, связанной не только с лучшим обустройством материального быта и более высоким благосостоянием, но и с осознанным рефлексивным отношением и формированием тренда к проявлению сознательной заботы о младенце: вариативность материнского или кормиличного кормления грудью, кормилицей постоянной или «переменной», естественного или смешанного вскармливания. Приучение к гигиене в раннем детстве, закаливание в подростковом возрасте должны были сформировать у дворянских девочек навыки ухода за телом, важные как для здоровьесбережения, так и для поддержания эстетического соответствия дворянскому статусу.

Список литературы

1. Тендрякова М. В. Антропология детства: прошлое о современности. СПб.: Образовательные проекты, 2022. 224 с. EDN: PXSXGM
2. Кон И. С. Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 15(58). С. 12–24. EDN: NBQGAD
3. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения / сост. И. С. Кон. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. 429 с. (Послесловие «Маргарет Мид и этнография детства», с. 398–425.).
4. Бовуар С. де. Второй пол. Пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой, коммент. М. В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. Т. 2. Ч. 1. Гл. 1: Детство. С. 310–365.
5. Кон И. С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит. 1988. 270 с.
6. Кон И. С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 151–174. EDN: IAROOV
7. Барт Р. Из книги «Мифологии». I. Мифологии. Литература и Мину Друэ / пер. с фр. Г. К. Косикова // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с. С. 48–56.
8. Мальчики и девочки: реалии социализации: сборник статей / ред. колл.: М. А. Литовская и др. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2004. 373 с. EDN: ROUCOH.
9. Арьес Ф. Возрасты жизни // Педология / Новый век: Психолого-педагогический, публицистический журнал. 2000. № 1 (февраль). С. 6–11.
10. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / пер. с фр. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999 (фр. 1960). 416 с.
11. Демоз Л. Психоистория / пер. с англ. А. Шкуратова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 510 с.
12. Кошелева О. Е. История детства – опыт зарубежной историографии // Педагогика. 1996. № 3. С. 81–86.
13. Пушкирева Н. Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1996. 285 с. EDN: RAOGYD.
14. Löhmer C. Die Welt der Kinder im fünfzehnten Jahrhundert. Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 1989. 272 S.: Ill.; (dt.).
15. Nicholas D. The Domestic Life of a Medieval City: Women, Children, and the Family in Fourteenth-Century Ghent. Lincoln: University of Nebraska Press, 1985. 261 p.
16. Белова А. В. «Мир женского детства» в дворянской России XVIII – середины XIX века как методологическая проблема истории повседневности // Женщина в российском обществе. 2005. № 3/4 (36–37). С. 28–38. EDN: JVKBZS
17. Белова А. В. «Займусь опять... моим счастливым детством...»: Детство дворянских девочек XVIII – середины XIX века // Родина. 2008. № 4. С. 110–113. EDN: ILIEDF
18. Белова А. В. «Женское детство» в дворянской культуре XVIII – середины XIX века // Социальная история. Ежегодник. 2008 / отв. ред. Н. Л. Пушкирева. СПб.: Алетейя, 2009. 349 с. С. 23–46. EDN: ZDHNUOZ
19. Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с. EDN: RVYSBN
20. Белова А. В. Гендерный анализ детства в пространстве дворянского дома и дихотомии частного и общественного в России XVIII – середины XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2. С. 20–35. EDN: PCADMN
21. Белова А. В. Отношение бабушек и дедушек к внучкам в российских дворянских семьях в конце XVIII – первой половине XIX в. // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веременко; в 2 т. Т. 2. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2023. С. 181–186. EDN: MWUPAN
22. Белова А. В. Отношение к девочкам в дворянских семьях в XVIII – середине XIX в. // История повседневности. 2023. № 1(25). С. 54–77. DOI: 10.35231/25422375_2023_1_54. EDN: WKVMKD

23. Веременко В. А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 18–31. EDN: PJCLIT
24. Веременко В. А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2015. 204 с. EDN: UXZPAL
25. Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции: в 2 т., Санкт-Петербург, 06–08 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. Т. 1. 332 с. EDN: SIBYSX; Т. 2. 342 с. EDN: JYKDQB
26. Абдрахманова Е. Н., Бурлуцкая Е. В. Ребенок на рубеже столетий. Детская повседневность в Оренбурге второй половины XIX – начала XX в. Оренбург: Оренбургская книга, 2024. 496 с. EDN: JQXWJV
27. Кон И. С. Проблема детства в современной американской этнопсихологии (Об исследованиях Беатрисы и Джона Уайтинг) // Советская этнография. 1977. № 5. С. 148–157. EDN: YKXFLB
28. Кон И. С. Этнография детства: Проблемы методологии // Советская этнография. 1981. № 5. С. 3–14. EDN: YKWRBF
29. Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии: сб. ст. / отв. ред. И. С. Кон. М.: Восточная литература, 1983. 231 с. EDN: SHJDGV
30. Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии: сб. ст. / отв. ред. И. С. Кон, А. М. Решетов. М.: Восточная литература, 1988. 191 с. EDN: ZAYZLF
31. Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии: сб. ст. / отв. ред. Н. А. Бутинов, И. С. Кон. М.: «НАУКА», Издательская фирма «Восточная литература», 1992. 191 с. EDN: YNNBAW
32. Детство идеальное и настоящее: сборник работ современных западных ученых / пер. с англ.; под ред. Е. Р. Слободской. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. 271 с.
33. Ульбина Е. В. Психология обыденного сознания. М.: Издательство «Смысл», 2001. 263 с. EDN: WIXTBB
34. Ульбина Е. В. Страх и смерть желания. М.: Модерн-А, 2003. 317 с. EDN: QYCRWD
35. Щеглова С. Н. Как изучать детство?: Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М.: ЮНПРЕСС, 2000. 53 с. EDN: RXNBJL
36. Майорова-Щеглова С. Н., Митрофанова С. Ю. Социологические теории детства // Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: тематический словарь-справочник. М.: Российское общество социологов, 2018. С. 13–17. EDN: RBXGID
37. Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: тематический словарь-справочник / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М.: Российское общество социологов, 2018. 638 с. EDN: MJMHUT
38. Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А. Дети и детство как объекты социологических исследований // Социологические исследования. 2018. № 3(407). С. 62–69. DOI: 10.7868/S0132162518030066. EDN: YVQXSE
39. Кученкова А. В., Майорова-Щеглова С. Н. Счастливое детство: поиск информативной системы признаков сквозь призму событийности // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 3. С. 125–149. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.6. EDN: OONHMX
40. Мир детства: Дошкольник / под ред. А. Г. Хрипковой; отв. ред. А. В. Запорожец. М.: Педагогика, 1979. 416 с.
41. Мир детства: Младший школьник / под ред. А. Г. Хрипковой; отв. ред. В. В. Давыдов. М.: Педагогика, 1981. 400 с.
42. Истоки: Базисная программа развития ребенка-дошкольника. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. Л. Е. Курнешова. М.: Флинта: Наука, 2001. 237 с.
43. Коан-Солаль Ж. Энциклопедия детского здоровья / пер. с фр. А. Н. и Н. Ф. Васильковых; под науч. ред. О. К. Ботвиньева. М.: Эксмо, 2000. 606 с.

44. Белова А. В. «Я страшно зла на мою матерь»: репродуктивное соперничество в семьях российских дворян XVIII–XIX веков // Новый исторический вестник. 2018. № 1(55). С. 85–104. DOI: 10.24411/2072-9286-2018-00005. EDN: XRVEFF
45. Письмо царицы Прасковьи к кн. Меншикову от 10 ноября 1716 г. // Семевский М. И. Царица Прасковья. 1664–1723: Очерк из русской истории XVIII века. Репринт. воспр. изд. 1883 г. Л.: Худож. лит., Ленингр. отд., 1991. 272 с. Приложения: I. Переписка царицы Прасковьи Федоровны. 1716–1723. № X. С. 223–224.
46. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1407. Оп. 1. Д. 44.
47. Бок М. П. П. А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М.: Современник, 1992. 316 с. С. 3–220.
48. Керн А. П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. М.: Сов. Россия, 1987. 416 с.: 8 л. ил. С. 338–372.
49. Рондо. Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию // Безвременье и временщики: воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы) / под ред. Е. Анисимова. Л.: Худ. лит., Ленингр. отд., 1991. 368 с. С. 190–255.
50. Письмо А. С. Пушкина к П. В. Нащокину от 27 мая 1836 г. // Друзья Пушкина: переписка; воспоминания; дневники: в 2 т. / сост., биогр. очерки и примеч. В. В. Кунина. М.: Правда, 1986. Т. II. С. 350.
51. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. 400 с.
52. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с. EDN: QJAZFT
53. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / авт. очерка и comment. Б. Г. Литвак; под общ. ред. Н. И. Павленко. М.: Республика, 1992. 303 с.
54. Державин Г. Р. Записки. М.: Мысль, 2000. 334 с.
55. Дурова Н. А. Кавалерист-девица. Происшествие в России // Дурова Н. А. Избранные сочинения кавалерист-девицы / сост., вступ. ст. и примеч. В. Б. Муравьева. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 25–255.
56. Якобсон Е. А. Пересекая границы: Революционная Россия – Китай – Америка: пер. с англ. М.: Русский путь, 2004. 272 с.
57. Gorer G. The People of great Russia. New York: W. W. Norton, 1962. 235 р.
58. Тендрякова М. В. Школа «Культура и личность» // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 2023. № 11. DOI: 10.54972/00000001_2023_11_16. EDN: SYMXGS
59. Данилов М. В. Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762) // Безвременье и временщики: воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы) / под ред. Е. Анисимова. Л.: Худ. лит., Ленингр. отд., 1991. С. 283–317.
60. Карамзин Н. М. Рыцарь нашего времени // Русская литература XVIII века. II / сост., comment. А. Р. Курилкина, М. Л. Майофис; предисл. А. Л. Зорина. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. С. 243–263.
61. Керн А. П. Дневник для отдохновения / пер. с фр. А. Л. Andres // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. М.: Сов. Россия, 1987. С. 167–337.
62. Чичагов П. В. Записки адмирала, заключающие то, что он видел и что, по его мнению, знал // Великороссы: Альманах «Секрет», приложение. Вып. 2 (историко-патриотический). М.: Товарищество советских писателей, 1992. С. 3–66.
63. Капнист-Скалон С. В. Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / сост., авт. вступ. ст. и comment. Г. Н. Моисеева. М.: Современник, 1990. С. 281–388.
64. Письмо А. С. Пушкина к Н. Н. Пушкиной от 30 июня 1834 г. // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 10: Письма 1831–1837 / примеч. И. Семенко. С. 182–183.
65. Ковалевская С. В. Воспоминания детства // Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести / отв. ред. П. Я. Kochina. М.: Наука, 1974. С. 9–89.

66. Бакунин А. М. Осуга. Цит. по: Пирумова Н. Премухино Бакуниных: Дворянское гнездо // Наше наследие. 1990. № III (15). С. 146–148.

67. Щепкина А. В. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856) / сост., вступ. ст., биогр. очерки и прим. И. И. Подольской. М.: Правда, 1990. С. 383–395.

Childhood Hygiene of Girls in Noble Families in the 18th – mid-19th Centuries

Anna V. Belova

The article is devoted to childhood hygiene, including elements of early care and practices of ensuring physical health, primarily nutrition, adopted in the families of the Russian nobility in relation to girls as one of the significant problems in the modern historiography of the history of everyday life. Based on the study of unpublished archival documents from the personal funds of noble families and published autodocumentary evidence accumulating women's family memory of the hygiene of girls' childhood, using the methodological approaches of the history of everyday life, social anthropology of women's everyday life, women's history, the treatment of infant girls, maternal breastfeeding, wet-nursing and mixed feeding, and the eating habits of noble girls are analyzed. The article examines the care practices of swaddling, feeding, accustoming to hygiene, covering basic needs, to clarify the specifics of early childhood hygiene in privileged groups. Particular attention is paid to the change in the motivation for maternal breastfeeding from the mid-18th to the mid-19th century. In conclusion the author expresses an opinion about the preservation of traditional ethnic-specific rites and rituals of infant care along with the emergence of variable manifestations of status-differentiating differences.

Key words: historical ethnology, childhood, childhood hygiene, family, Russian noble-women, noble girls.

Acknowledgements: the study was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00212 "Women's family memory in Russia in the 18th–21st centuries: forms of transmission, dynamics of transformations, social mission".

For citation: Belova, A. V. (2025) Gigiена детства девочек в дворянских сем'ях в XVIII – середине XIX в. [Childhood Hygiene of Girls in Noble Families in the 18th – mid-19th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 78–100. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_78. EDN: FKMOEL

References

1. Tendryakova, M. V. (2022) *Antropologiya detstva: proshloe o sovremennosti* [Anthropology of Childhood: Past about Present]. St. Petersburg: Obrazovatel'nye proekty. (In Russ.). EDN: PXSXGM
2. Kon, I. S. (2010) Otkrytiya Filippa Ar'esa i gendernye aspekty istorii detstva [Philippe Ariès's Discoveries and the Gender Aspects of Childhood History]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism]. No. 15(58). Pp. 12–24. (In Russ.). EDN: NBQGAD
3. Mid, M. (1988) *Kul'tura i mir detstva: Izbrannye proizvedeniya* [Culture and the World of Childhood: Selected Works]. Comp. by I. S. Kon. Moscow: Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury. (In Russ.)

4. Bovuar, S. de. (1997) *Vtoroj pol* [Second Gender]. Moscow: Progress; St. Petersburg: Aletejya. Vol. 2. Part 1. Chapter 1: Childhood. Pp. 310–365. (In Russ.)
5. Kon, I. S. (1988) *Rebenok i obshchestvo: Istoriko-ethnograficheskaya perspektiva* [The Child and Society: A Historical and Ethnographic Perspective]. Moscow: Nauka, Gl. red. vost. lit. (In Russ.)
6. Kon, I. S. (2004) Detstvo kak social'nyj fenomen [Childhood as a Social Phenomenon]. *ZHurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research]. Vol. 2. No. 2. Pp. 151–174. (In Russ.). EDN: IAROOV
7. Bart, R. (1989) Iz knigi «Mifologii». I. Mifologii. Literatura i Minu Drue [From the Book "Mythologies". I. Mythologies. Literature and Minou Drouet]. Bart, R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Ed. G. K. Kosikova. Moscow: Progress. Pp. 48–56. (In Russ.)
8. Litovskaya, M. A. (2004) (ed.) *Mal'chiki i devochki: realii socializacii* [Boys and Girls: the Realities of Socialization]: collection of articles. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj universitet im. A. M. Gor'kogo. (In Russ.). EDN: ROUCOH
9. Ar'es, F. (2000) *Vozrasty zhizni* [Ages of Life]. *Pedologiya / Novyj vek: Psihologo-pedagogicheskij, publicisticheskij zhurnal* [Pedology / New Age: Psychological and Pedagogical, Journalistic Journal]. No. 1 (February). Pp. 6–11. (In Russ.)
10. Ar'es, F. (1999) *Rebenok i semejnaya zhizn' pri starom poryadke* [The Child and Family Life under the Old Order]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.)
11. Demoz, L. (2000) *Psychoistoriya* [Psychohistory]. Rostov-na-Donu: Feniks. (In Russ.)
12. Kosheleva, O. E. (1996) Istorija detstva – opyt zarubezhnoj istoriografii [History of Childhood – Experience of Foreign Historiography]. *Pedagogika* [Pedagogy]. No. 3. Pp. 81–86. (In Russ.)
13. Pushkareva, N. L. (1996) *ZHenschchina Rossii i Evropy na poroge Novogo vremeni* [Women of Russia and Europe on the Threshold of the New Time]. Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaya RAN. (In Russ.). EDN: RAOGYD
14. Löhmer, C. (1989) Die Welt der Kinder im fünfzehnten Jahrhundert. Weinheim: Deutscher Studien Verlag.
15. Nicholas, D. (1985) The Domestic Life of a Medieval City: Women, Children, and the Family in Fourteenth-Century Ghent. Lincoln: University of Nebraska Press.
16. Belova, A. V. (2005) «Mir zhenskogo detstva» v dvoryanskoj Rossii XVIII – serediny XIX v. kak metodologicheskaya problema istorii povsednevnosti [“The World of Women's Childhood” in Noble Russia of the 18th – mid-19th Centuries as a Methodological Problem of the History of Everyday Life]. *ZHenschchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 3/4. Pp. 28–38. (In Russ.). EDN: JVKBZS
17. Belova, A. V. (2008) «Zajimus' opyat... moim schastlivym detstvom...»: Detstvo dvoryanskikh devochek XVIII – serediny XIX veka [“I'll take up again... my Happy Childhood...”: Childhood of Noble Girls of the 18th – mid-19th Centuries]. *Rodina* [Homeland]. No. 4. Pp. 110–113. (In Russ.). EDN: ILIEDF
18. Belova, A. V. (2008) «ZHenskoe detstvo» v dvoryanskoj kul'ture XVIII – serediny XIX veka [“Women's Childhood” in the Noble Culture of the 18th – Mid-19th Century]. *Social'naya istoriya. Ezhegodnik. 2008* [Social History. Yearbook. 2008]. Ed. N. L. Pushkareva. St. Petersburg: Aletejya. Pp. 23–46. (In Russ.). EDN: ZDHUO
19. Belova, A. V. (2010) «*CHetyre vozrasta zhenschchiny: Povsednevnaya zhizn' russkoj provincial'noj dvoryanki XVIII – serediny XIX v.* [“Four Ages of Woman”: Everyday Life of a Russian Provincial Noblewoman in the 18th – Mid-19th Century]. St. Petersburg: Aletejya. (In Russ.). EDN: RVYSBN
20. Belova, A. V. (2012) Gendernyj analiz detstva v prostranstve dvoryanskogo doma i dihotomiya chastnogo i obshchestvennogo v Rossii XVIII – serediny XIX veka [Gender Analysis of Childhood in the Space of a Noble House and the Dichotomy of Private and Public in Russia in the 18th – Mid-19th Century]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. 2012. No. 2. Pp. 20–35. (In Russ.). EDN: PCADMH
21. Belova, A. V. (2023) Otnoshenie babushek i dedushek k vnuchkam v rossiskikh dvoryanskikh sem'yah v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. [The Attitude of Grandparents to Granddaughters in Russian Noble Families in the late 18th – first half of the 19th Century]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and childhood in Everyday Life:

- History and Modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 6–8 April 2023, St. Petersburg. Ed. V. A. Veremenko: In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. Pp. 181–186. (In Russ.). EDN: MWUPAN
22. Belova, A. V. (2023) Otnoshenie k devochkam v dvoryanskih sem'yah v XVIII – seredine XIX v. [Attitude towards Girls in Noble Families in the 18th – mid-19th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1(25). Pp. 54–77. DOI 10.35231/25422375_2023_1_54. (In Russ.). EDN: WKVMKD
23. Veremenko, V. A. (2012) Uhod za det mi rannego vozrasta v dvoryanskih sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Early Child Care in Russian Noble Families in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Bulletin]. Vol. 4. No. 3. Pp. 18–31. (In Russ.). EDN: PJCLIT
24. Veremenko, V. A. (2015) *Deti v dvoryanskih sem'yah Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. [Children in Noble Families of Russia (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet. (In Russ.). EDN: UXZPAL
25. Veremenko, V. A. (2023) (ed.) *Sem'ya i detstvo v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and Childhood in Everyday Life: History and Modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 6–8 April 2023, St. Petersburg. Ed. V. A. Veremenko. St. Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A. S. Pushkina. Vol. 1. (In Russ.). EDN SIBYSX; Vol. 2. (In Russ.). EDN: JYKDQB
26. Abdrahanova, E. N., Burluckaya, E. V. (2024) *Rebenok na rubezhe stoletij. Detskaya povsednevnost' v Orenburge vtoroj poloviny XIX – nachalo XX v.* [A Child at the Turn of the Centuries. Everyday Life of Children in Orenburg in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries.]. Orenburg: Orenburgskaya kniga. (In Russ.). EDN: JQXWJV
27. Kon, I. S. (1977) Problema detstva v sovremennoj amerikanskoj etnopsihologii (Ob issledovaniiyah Beatrisy i Dzhona Uajting) [The Problem of Childhood in Modern American Ethno-psychology (On the Research of Beatrice and John Whiting)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 5. Pp. 148–157. (In Russ.). EDN: YKXFLB
28. Kon, I. S. (1981) Etnografiya detstva: Problemy metodologii [Ethnography of Childhood: Problems of Methodology]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 5. Pp. 3–14. (In Russ.). EDN: YKWRBF
29. Kon, I. S. (1983) (ed.) *Etnografiya detstva. Tradicionnye formy vospitaniya detej i podrostkov u narodov Vostochnoj i Yugo-Vostochnoj Azii* [Ethnography of Childhood. Traditional Forms of Education of Children and Adolescents among the Peoples of East and Southeast Asia]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.). EDN: SHJDGV
30. Kon, I. S., Reshetov A. M. (1988) (eds.) *Etnografiya detstva: Tradicionnye formy vospitaniya detej i podrostkov u narodov Uzhnoj i Yugo-Vostochnoj Azii* [Ethnography of Childhood: Traditional Forms of Child and Adolescent Education among the Peoples of South and Southeast Asia]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.). EDN: ZAYZLF
31. Butinov, N. A., Kon, I. S. (1992) (eds.) *Etnografiya detstva. Tradicionnye formy vospitaniya detej u narodov Australii, Okeanii i Indonezii* [Ethnography of Childhood. Traditional Forms of Child Rearing among the Peoples of Australia, Oceania and Indonesia]. Moscow: «NAUKA», Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura». (In Russ.). EDN: YNNBAW
32. Slobodskaya, E. R. (1994) (ed.) *Detstvo ideal'noe i nastoyashchее* [Ideal and Real Childhood]: Collection of Works by Contemporary Western Scholars. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. (In Russ.)
33. Ulybina, E. V. (2001) *Psichologiya obydennogo soznanija* [Psychology of Everyday Consciousness]. Moscow: Izdatel'stvo «Smysl». (In Russ.). EDN: WIXTBB
34. Ulybina, E. V. (2003) *Strah i smert' zhelaniya* [Fear and Death of Desire]. Moscow: Modern-A. (In Russ.). EDN: QYCRWD
35. SHCHeglova, S. N. (2000) *Kak izuchat' detstvo?: Sociologicheskie metody issledovaniya sovremennyh detej i sovremennoj detstva* [How to study Childhood?: Sociological Methods of Research of Modern Children and Modern Childhood]. Moscow: YUNPRESS. (In Russ.). EDN: RXNBJL

36. Majorova-SHCheglova, S. N., Mitrofanova, S. YU. (2018) Sociologicheskie teorii detstva [Sociological Theories of Childhood]. *Detstvo XXI veka: sociogumanitarnyj tezaurus: tematicheskij slovar'-spravochnik* [Childhood of the 21st Century: Socio-Humanitarian Thesaurus: Thematic Dictionary-Reference Book]. Moscow: Rossijskoe obshchestvo sociologov. Pp. 13–17. (In Russ.). EDN: RBXGID
37. Majorova-SHCheglova, S. N. (2018) (ed.) *Detstvo XXI veka: sociogumanitarnyj tezaurus: tematicheskij slovar'-spravochnik* [Childhood of the 21st Century: Socio-Humanitarian Thesaurus: Thematic Dictionary-Reference Book]. Moscow: Rossijskoe obshchestvo sociologov. (In Russ.). EDN: MJMHUT
38. Majorova-SHCheglova, S. N., Kolosova, E. A. (2018) Deti i detstvo kak ob'ekty sociologicheskikh issledovanij [Children and Childhood as Objects of Sociological Research]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 3 (407). Pp. 62–69. DOI 10.7868/S0132162518030066. (In Russ.). EDN: YVQXSE
39. Kuchenkova, A. V., Majorova-SHCheglova, S. N. (2024) Schastlivoe detstvo: poisk informativnoj sistemy priznakov skvoz' prizmu sobytijnosti [Happy Childhood: Search for an informative System of Features through the Prism of Eventfulness]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 12. No. 3. Pp. 125–149. DOI 10.19181/snsp.2024.12.3.6. (In Russ.). EDN: OONHMX
40. Khrripkova, A. G., Zaporozhec, A. V. (1979) (ed.) *Mir detstva: Doshkol'nik* [The World of Childhood: Preschooler]. Moscow: Pedagogika. (In Russ.)
41. Khrripkova, A. G., Davydov, V. V. (1981) (ed.) *Mir detstva: Mladshij shkol'nik* [The World of Childhood: Junior Schoolchild]. Moscow: Pedagogika. (In Russ.)
42. Kurneshova, L. E. (2001) (ed.) *Istoki: Bazisnaya programma razvitiya rebenka-doshkol'nika* [Origins: Basic Program for the Development of a Preschool Child]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
43. Koan-Sola', ZH. (2000) *Enciklopediya detskogo zdror'ya* [Encyclopedia of Children's Health]. Sc. ed. O. K. Botvin'ev. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
44. Belova, A. V. (2018) «YA strashno zla na moyu mat': reproduktivnoe soperничество в сем'ях rossijskih dvoryan XVIII–XIX vekov [“I am Terribly Angry with my Mother”: Reproductive Rivalry in Russian Noble Families of the 18th–19th Centuries]. *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Herald]. No. 1 (55). Pp. 85–104. DOI: 10.24411/2072-9286-2018-00005. (In Russ.). EDN: XRVEFF
45. Semejkij, M. I. (1991) Pis'mo caricy Praskov'i k kn. Menshikovu ot 10 noyabrya 1716 g. [Letter from Tsarina Praskovia to Prince Menshikov, dated November 10, 1716]. *Carica Praskov'ya. 1664–1723: Ocherk iz russkoj istorii XVIII veka* [Tsarina Praskovia. 1664–1723: An Essay on Russian History in the 18th Century]. Leningrad: Hudozh. lit., Leningr. otd. *Prilozheniya: I. Perepiska caricy Praskov'i Fedorovny. 1716–1723* [Appendices: I. Correspondence of Tsarina Praskovya Fedorovna. 1716–1723]. No. X. Pp. 223–224. (In Russ.)
46. *Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti* [State Archive of the Tver Region] (hereinafter – GATO). F. 1407. Op. 1. D. 44. (In Russ.)
47. Bok, M. P. (1992) *P. A. Stolypin: Vospominaniya o moem otce* [P. A. Stolypin: Memories of My Father]. Moscow: Sovremennik. Pp. 3–220. (In Russ.)
48. Kern, A. P. (1987) *Iz vospominanij o moem detstve* [From Memories of My Childhood]. Kern (Markova-Vinogradskaya), A. P. *Vospominaniya o Pushkine* [Memories of Pushkin]. Moscow: Sov. Rossiya. Pp. 338–372. (In Russ.)
49. Rondo. (1991) Pis'ma damy, prozhivszej neskol'ko let v Rossii, k ee priyatel' nice v Angliyu [Letters from a Lady who lived several Years in Russia to her Friend in England]. *Bezvremen'e i vremenshchiki: vospominaniya ob «epohe dvorcovyh perevorotov» (1720–1760-e gody)* [Timelessness and temporary workers: memories of the “era of palace coups” (1720–1760s)]. Ed. E. Anisimov. Leningrad: Hud. lit., Leningr. otd. Pp. 190–255. (In Russ.)
50. Pushkin, A. S. (1986) Pis'mo A. S. Pushkina k P. V. Nashchokinu ot 27 maya 1836 g. [Letter from A. S. Pushkin to P. V. Nashchokin, dated May 27, 1836]. *Druz'ya Pushkina: perepiska; vospominaniya; dnevniki* [Pushkin's Friends: Correspondence; Memories; Diaries]. Moscow: Pravda. Vol. II. P. 350. (In Russ.)
51. Dostoevskaya, A. G. (2002) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Zaharov. (In Russ.)

52. Bajburin, A. K. (1993) *Ritual v tradicionnoj kul'ture: strukturno-semanticeskij analiz vostochnoslavjanskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.). EDN: QJAZFT
53. Kostomarov, N. I. (1992) *Ocherk domashnej zhizni i navarov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyah* [An Essay on the Domestic Life and Customs of the Great Russian People in the 16th and 17th Centuries]. Moscow: Respublika. (In Russ.)
54. Derzhavin, G. R. (2000) *Zapiski* [Notes]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
55. Durova, N. A. (1988) *Kaval'erist-devica. Proisshhestvie v Rossii* [Cavalry Girl. Incident in Russia]. Durova, N. A. *Izbrannye sochineniya kaval'erist-devicy* [Selected Writings of a Cavalry Girl]. Moscow: Mosk. rabochij. Pp. 25–255. (In Russ.)
56. YAKobson, E. A. (2004) *Peresekaya granicy: Revolyucionnaya Rossiya – Kitaj – Amerika* [Crossing Borders: Revolutionary Russia – China – America]. Moscow: Russkij put'. (In Russ.)
57. Gorer, G. (1962) The People of great Russia. New York: W. W. Norton.
58. Tendryakova, M. V. (2023) SHkola «Kul'tura i lichnost'» [School “Culture and Personality”]. *Nauchno-obrazovatel'nyj portal «Bol'shaya rossijskaya enciklopediya»* [Scientific and Educational Portal “Great Russian Encyclopedia”]. No. 11. DOI 10.54972/00000001_2023_11_16. (In Russ.). EDN: SYMXGS
59. Danilov, M. V. (1991) *Zapiski Mihaila Vasil'evicha Danilova, artillerii majora, napisанные им в 1771 году (1722–1762)* [Notes of Mikhail Vasilyevich Danilov, Artillery Major, written by him in 1771 (1722–1762)]. *Bezvremen'e i vremenshchiki: vospominaniya ob «epohe dvorcovyh perevorotov» (1720–1760-e gody)* [Timelessness and Favourites: memories of the “era of palace coups” (1720–1760s)]. Ed. E. Anisimov. Leningrad: Hud. lit., Leningr. otd. Pp. 283–317. (In Russ.)
60. Karamzin, N. M. (2004) *Rycar' nashego vremeni* [A Knight of our Time]. *Russkaya literatura XVIII veka. II* [Russian Literature of the 18th Century. II]. Moscow: SLOVO/SLOVO. Pp. 243–263. (In Russ.)
61. Kern, A. P. (1987) *Dnevnik dlya ottdohnoveniya* [Diary for Relaxation]. Kern (Markova-Vinogradskaya), A. P. *Vospominaniya o Pushkine* [Memories of Pushkin]. Moscow: Sov. Rossiya. Pp. 167–337. (In Russ.)
62. CHichagov, V. P. (1992) *Zapiski admirala, zaklyuchayushchie to, chto on videl i chto, po ego mneniyu, znal* [The Admiral's Notes Containing What He Saw and What He Thought He Knew]. *Velikorossy: Al'manah «Sekret», prilozhenie* [Great Russians: Almanac “Secret”, supplement]. Iss. 2 (historical-patriotic). Moscow: Tovarishchestvo sovetskikh pisatelej. Pp. 3–66. (In Russ.)
63. Kapnist-Skalon, S. V. (1990) *Vospominaniya* [Memories]. *Zapiski i vospominaniya russkikh zhenshchin XVIII – pervoj poloviny XIX veka* [Notes and Memories of Russian Women of the 18th – First Half of the 19th Century]. Moscow: Sovremennik. Pp. 281–388. (In Russ.)
64. Pushkin, A. S. (1978) *Pis'mo A. S. Pushkina k N. N. Pushkinoy ot 30 iyunya 1834 g.* [Letter from A. S. Pushkin to N. N. Pushkina, dated June 30, 1834]. Pushkin, A. S. *Sobr. soch.* [Collected works]. In 10 vols. Moscow: «Hudozh. lit.». Vol. 10: Letters 1831–1837. Pp. 182–183. (In Russ.)
65. Kovalevskaya, S. V. (1974) *Vospominaniya detstva* [Childhood Memories]. Kovalevskaya, S. V. *Vospominaniya. Povesti* [Memories. Tales]. Ed. P. YA. Kochin. Moscow: Nauka. Pp. 9–89. (In Russ.)
66. Bakunin, A. M. (1990) *Osuga [Osuga]*. Quoted from: Pirumova, N. (1990) *Premuhino Bakunin: Dvoryanskoe gnezdo* [Premukhino Bakunins: A Nest of Gentry]. *Nashe nasledie* [Our Heritage]. No. III (15). Pp. 146–148. (In Russ.)
67. SHChepkina, A. V. (1990) *Vospominaniya* [Memories]. *Russkie memuary. Izbrannye stranicy. (1826–1856)* [Russian Memoirs. Featured Pages. (1826–1856)]. Moscow: Pravda. Pp. 383–395. (In Russ.)

Об авторе

Белова Анна Валерьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории, Тверской государственный университет, г. Тверь, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: Belova.AV@tversu.ru; anna.belova@iea.ras.ru; ORCID ID: 0000-0002-5741-9190

About the author

Belova Anna V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History, Tver State University, Tver, Russian Federation; Leading Researcher at the Institution of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow, Russian Federation; e-mail: Belova.AV@tversu.ru; anna.belova@iea.ras.ru; ORCID ID: 0000-0002-5741-9190

*Статья поступила в редакцию 03.08.2025
Одобрена после рецензирования 19.09.2025
Принята к публикации 02.10.2025*

Младенческая и детская смертность в казачьей среде позднеимперской России

Е. В. Годовова

В статье, с опорой на статистические и этнографические данные, материалы периодической печати, рассмотрены младенческая и детская смертность в казачьей среде в позднеимперский период. Делается вывод, что основными причинами этого были: во-первых, тяжелый труд матери во время беременности; во-вторых, антисанитарные условия и отсутствие квалифицированной медицинской помощи во время родов; в-третьих, несоблюдение гигиенических и диетических условий содержания детей в первые месяцы и годы жизни; в-четвертых, отсутствие квалифицированной медицинской помощи в первые годы жизни детей; в-пятых, низкий уровень знаний по уходу за ребенком и санитарии. При этом, частично осознавая наличие проблем (например, обсуждение на сходе наим акушерки в станицу), особых действий никто не предпринимал, а младенческая смертность объяснялась божиим наказанием.

Ключевые слова: казачество, младенческая смертность, детская смертность, повседневность, история детства, гигиена детства, позднеимперский период.

Для цитирования: Годовова Е. В. Младенческая и детская смертность в казачьей среде позднеимперской России // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 101–111. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_101. EDN: FSIZQA

Введение

Тема младенческой и детской смертности как общероссийская проблема поднималась просветителями, общественными и государственными деятелями, публицистами и врачами начиная со второй половины XVIII в. [1–4]. Например, один из первых врачей-писателей К. И. Грум в середине XIX в. пишет о причинах детской смертности: «Грудные дети вовсе еще не зависят от самих себя: их здоровье и жизнь в руках матерей, кормилиц, нянек и даже самой прислуги. Как часто младенец жестоко страдает, но не может выразить этого; или же, он только кричит, а его не понимают, между тем как кормилица, или нянька, суть единственные виновницы его мучений» [5, с. 34]. Исторический аспект этой проблемы был предметом исследования многих современных отечественных ученых [5–11].

Целью настоящей статьи является рассмотрение младенческой и детской смертности в казачьей среде в позднеимперский период.

Источниковая база исследования представлена статистическими и этнографическими данными, а также материалами периодической печати.

Результаты

По казачьим понятиям, дети – признак «благословения Господня над семьей» [12, с. 204]. Примеры бесплодия были редки (например, в Воронежской станице Кубанского казачьего войске бесплодны, по свидетельству современника, были 2–3 семьи [13, с. 649]), и воспринималось это как Божье наказание за грехи. На Дону бездетную невестку попрекали, обижали, «не признавали за родню» [14, с. 229].

Еще находясь в утробе матери, ребенок предоставлялся воле судьбы. Беременные женщины, особенно в больших семьях, выполняли все тяжелые работы наравне с другими членами семьи: гребли сено, укладывали его в копны, таскали мешки с хлебом, ставили на печи огромные чугуны с водой и т. п. Вследствие этого часто бывали случаи рождения мертвых детей, а также тяжелые продолжительные роды [15, с. 27]. Многие женщины рожали в степи, нередко роды принимал муж [16, с. 623]. Подобное было характерно и для крестьянских семей. Исследователь крестьянской повседневности В. Б. Безгин отмечает, что рождение

и первый год жизни ребенка в крестьянской семье были самым трудным периодом. Более половины детей в это время умирало. В жёстких условиях естественного отбора выживали наиболее физиологически сильные младенцы [17, с. 199]. Это же было и в казачьих семьях. По мнению С. Ф. Номикосова, оставшиеся в живых дети, как наиболее крепкие организмы, вырастали впоследствии в рослых, крепких, хорошо сложенных, сильных и красивых казаков. Размышляя об этом, он пишет, что в пределах области войска Донского средняя продолжительность жизни людей была до 18,2 лет, в рабочем возрасте – до 35,7 лет, тогда как для всей России определялась 34 и 35 годами. Такие цифры он объяснял высокой смертностью детей в возрасте до пяти лет и особенно в первый год жизни [18, с. 200].

В целом по России младенческая смертность до середины XIX в. превышала 300 чел. на тысячу, к концу XIX в. понизилась до 260, к 1911 г. – до 237; до пяти лет даже в 1897 г. доживало всего 57 % новорожденных [19, с. 129]. Статистические данные по казачьим войскам приближены к общероссийским. Так, в Забайкальском казачьем войске на рубеже 1860–1870-х гг. из каждого десятка умиравших жителей войсковой территории четыре-пять человек являлись младенцами и детьми в возрасте до пяти лет. Обращает на себя внимание еще и следующий факт: большая доля (около 27 %) случаев смертности приходилась на первый год жизни ребенка [20, с. 94]. В 70–80-е гг. XIX в. в Донском казачьем войске в первый год жизни умирало около 32 % всех детей, а в возрасте от одного до пяти лет – 25,6 % [18, с. 200], 30 % составляла смертность детей до одного года в Оренбургском казачьем войске в этот же хронологический период [21, с. 133]. В Амурском казачьем войске в 1913 г. детская смертность составила 34,4 % [22, с. 21]. В Кубанской области, по данным за 1914 г., число умерших детей в возрасте до семи лет составило 53,4 % [23, с. 6–7]. Следует отметить, что статистика детской, в том числе младенческой, смертности в ежегодных войсковых отчетах представлена фрагментарно.

Современники называли причины высокой младенческой и детской смертности в казачьей среде.

Во-первых, тяжелый труд матери во время беременности. Независимо от состояния здоровья женщины работали наравне с мужчинами. Жены служащих мужей сами вели хозяй-

ство до тех пор, пока их супруги не возвращались со службы [16, с. 623]. Следствием труда беременных женщин являлись слаборожденные, скоро умирающие дети [24, с. 58–61]. Груднички летом жили впроголодь, так как их матерям некогда было с ними возиться. Один из этнографов XIX в. писал, что значительная смертность среди детей зависела не от климата, а от индифферентизма родителей, которые заботу о своих детях фактически перекладывали на саму природу [25, с. 19–20].

Во-вторых, антисанитарные условия и отсутствие квалифицированной медицинской помощи во время родов. Когда роды проходили в домашних условиях (в бане, сарае или хлеву), то приглашалась бабка-повитуха, и женщина с младенцем переходила в ее власть. Бабки-знахарки (это также могли быть матери или свекрови) часто не обладали должной квалификацией и, всячески пытаясь помочь роженице, водили ее или клали на пол, иногда брали за ноги и встряхивали, что никак не способствовало родовспоможению, а наоборот, приводило к ухудшению состояния женщины, а порой и к смерти матери или младенца [25, с. 19–20].

Сразу после рождения ребенка купали, часто в холодном помещении. Если бабка-повитуха замечала какие-либо телесные недостатки, то исправляла их. Так, выправляли кривые ножки, форму головы, оттопыренные уши и т. д. [26, с. 193].

В газете «Оренбургский листок» за 1877 г. есть заметка об обсуждении на мирском сходе в Оренбургской станице (Форштадте) вопроса, поднятого одной акушеркой, имеющей соответствующее свидетельство, которая с разрешения приходского священника предлагала свои услуги за вознаграждение. Несмотря на то что и станичный атаман, и большая часть станичного общества высказались за необходимость найти акушерки, этого так и не произошло [27].

В-третьих, несоблюдение гигиенических и диетических условий содержания детей в первые месяцы и годы жизни. Отчасти этому способствовали бытовавшие в казачьей среде приметы. Например, для первого пеленания могли использовать старую одежду деда или бабки, отцовские штаны, чтобы жил так же долго. Плотное пеленание должно было сделать характер ребенка спокойным и послушным, а его руки и ноги – прямыми и длинными [14, с. 126].

Пока у матери еще не было молока, ребенка кормили гущей из хлебного кваса, давали соску из хлеба, что, естественно, вызывало расстройство желудочно-кишечного тракта, от чего ребенок кричал без умолку и мог умереть [15, с. 27–28].

В-четвертых, отсутствие квалифицированной медицинской помощи в первые годы жизни детей. Исследователь Оренбургского казачьего войска XIX в. Ф. М. Стариakov приводит несколько примеров народных методов лечения детей. Так, от собачьей старости (разновидность рахита, проявляющаяся в приостановке роста и проявлении у ребёнка старческого вида – Е. Г.) главным способом лечения был «припек». Для этого раскатывали из пресного теста толстую лепешку, защищали в нее ребенка, оставляя небольшое отверстие для дыхания, и сажали его на лопате в печь. При этом одна женщина спрашивала: «Что припекаешь?». «Собачью старость», – отвечала другая. «Припекай её, чтобы век не было», – продолжала первая, повторяя это три раза. Второй метод лечения собачьей старости был таким: ребенка брали в баню со щенком соответствующего пола и парили их вместе, приговаривая три раза: «Собака, собака, возьми свою старость». Если младенец был неспокоен и кричал по ночам, то его выносили в подоле платья в полночь на двор к среднему воротному столбу и, качая дитя, приговаривали три раза: «Господи, Иисусе Христе, помилуй ребенка (такого-то), воротный скрип, возьми у ребенка рев и крик» [28, с. 240].

К летальному исходу приводили эпидемические заболевания, периодически вспыхивающие в станицах, а также оспа и диарея, пик заболевания которой приходился на июнь и июль [28, с. 150]. Корь распространялась эпидемиологически – то затухая, то возобновляясь в массовом порядке. Как показывает анализ детской смертности по Ейскому округу Черномории, в апреле 1842 г. из 25 умерших от инфекций девочек до восьми лет от кори умерло 13; в мае того же года из 18 девочек от этого заболевания скончалось восемь; в июне из 12 инфицированных девочек от кори умерло шесть. При этом в августе 1842 г. только трое из 18 девочек, скончавшихся от инфекционных заболеваний, умерли от кори. Кроме того, дети часто становились жертвами лихорадки (которую приносили в дом взрослые) и простудных заболеваний [29, с. 49].

Анализируя детскую смертность, один из бытописателей XIX в. сообщал, что, с одной стороны, дети младше пяти лет были более восприимчивы к эпидемическим болезням, с другой стороны, дети старше пяти лет, пользуясь значительной свободой, становились менее подконтрольны со стороны взрослых, поэтому часто заболевали оспой, скарлатиной и дифтеритом, что приводило и к летальным исходам. Соответственно, в живых оставались наиболее здоровые и выносливые дети [30, с. 78].

В-пятых, низкий уровень знаний по уходу за ребенком и санитарии. Многие предписания по уходу за ребенком в возрасте от рождения до одного-полутура лет были обусловлены стремлением оказать влияние на его формирование как будущего члена общества. Так, матери запрещалось ночью, подходя к ребенку, зажигать свет, чтобы он не вырос пугливым, без необходимости брать младенца (особенно мальчика) на руки, чтобы он не стал капризным и зависимым, кормление рекомендовалось начинать с правой груди, чтобы ребенок не стал леворуким и т. д. [14, с. 127–128].

Чтобы избежать падения ребенка с печи на пол, когда он начинал ползать, его пускали на голый сырой пол. Начав ходить, он практически всё время проводил во дворе и на улице: в непросыхаемой грязи, среди свиней и собак, в грязных, иногда дырявых рубашках, босиком, питаясь, чем попало [31, с. 3–4]. Летом к гулянию на улице добавлялось купание в реке [32, с. 565]. Заболеваний при таком образе жизни ребенка избежать было невозможно.

Обсуждение и выводы

Тяжелый женский труд, неоказание квалифицированной медицинской помощи как женщинам, так и детям, плохие климатические и гигиенические условия, болезни приводили к высокой младенческой и детской смертности в казачьей среде. Однако, по свидетельству современников, причин болезней и смерти ни мать, ни бабки (знахарки) не устанавливали, а объясняли случившееся божьим гневом [15, с. 28–29], божьей волей, судьбой. Умерших маленьких детей хоронили незаметно: поплачет немного мать, затем возьмут гробик, обитый цветным коленкором, и тихонько снесут в церковь, а оттуда торопливо на кладбище. На могиле поставят деревянный кре-

стик «для метки», чтобы знать, где лежит умерший [26, с. 194]. Таким образом, проблемы, приводящие к высокой младенческой и детской смертности, либо не решались никак, либо решались, но очень медленно.

Список литературы

1. Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л.: Гослитиздат, 1951. 744 с.
2. Грум К. Друг матерей, или подробное руководство, как предупреждать, распознавать и лечить детские болезни средствами гигиеническими, диэтическими, и лекарствами простыми, домашними, или такими, которые можно выписывать из аптеки без рецепта врача, и покупать в лавках, с присовокуплением употребительнейших фармацевтических лекарств, способов лечения болезней и рецептов известнейших детских врачей. Книжка первая. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1858. 384 с.
3. Покровская М. И. О влиянии жилища на здоровье, нравственность, счастье и материальное благосостояние людей. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1896. 48 с.
4. Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. 404 с.
5. Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии (середина XVIII – начало XX в.): сборник документов и материалов / сост. В. А. Веременко, И. В. Синова, С. В. Зайцева, О. А. Семенова, А. Е. Жукова, С. В. Степанов, Т. В. Волгина. СПб.: Пропаганда, 2023. 432 с.
6. Абдрахманова Е. Н., Бурлуцкая Е. В. Ребенок на рубеже столетий. Детская повседневность в Оренбурге во второй половине XIX – начала XX в. Оренбург: ООО «Издательство «Оренбургская книга», 2024. 496 с.
7. Блохина Н. Н. Из истории борьбы с детской смертностью // Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. 2013. № 1. С. 101–105.
8. Зайцева С. В. Попытки реорганизации городской «Капли молока» в Санкт-Петербурге в начале XX в. как способ борьбы с детской смертностью // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веременко, В. Н. Шайдуров. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 161–167.
9. Мухина З. З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: ДМИТРИЙ Буланин, 2018. 736 с.
10. Натхов Т. В., Василенок Н. А. Младенческая смертность в пореформенной России: динамика, региональные различия и роль традиционных норм // Историческая информатика. 2020. № 3. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33356 (дата обращения: 15.05.2025).
11. Неплюхов А. И. Служение людям. О санитарном враче Оренбурга Иване Дмитриевиче Дегтяреве. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2023. 81 с.
12. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права, собранные Михаилом Харузинским. Вып. 1. М.: Тип. М. П. Щепкина, 1885. 388 с.
13. Шахов Д. Воронежская станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. 1888. Т. 1. С. 646–689.
14. Власкина Т. Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 432 с.
15. Передельский Е. Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. 1883. Вып. 3. Тифлис: Тип. Гл. управл. главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1888. С. 1–90.
16. Кириллов П. Новоминская станица. Статистическое описание // Кубанский сборник. 1888. Т. 1. С. 618–642.
17. Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. 304 с.

18. Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск: Обл. правл. Войска Донского, 1884. 774 с.
19. Миронов Б. Н. Историческая социология России: учеб. пособие / под общ. ред. В. В. Козловского. СПб: Издательский дом С.-Петерб. ун-та; Интерсоцис, 2009. 536 с.
20. Зверев В. А., Линейцева Ю. В. «Казацкому роду нет переводу». Динамика воспроизведения населения в Забайкальском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 1: История. С. 91–105.
21. Годовова Е. В. Оренбургское казачье войсков в 1798–1865 гг. Самара: Издательство «Универс Групп», 2007. 224 с.
22. Отчет правления Амурского казачьего войска за 1913 г. Б.м.: б. и., б. г.
23. Селевко А. Отчет о состоянии Кубанской области за 1914 год с 19-ю таблицами // Кубанский сборник на 1916 год. Издание Кубанского Областного Статистического Комитета / под ред. Л. Т. Соколова. Т. XXI. Екатеринодар: Тип. Кубанского Областного Правления, 1916. С. 1–374.
24. Живило К. Станица Расшеватская Кубанской области, Кавказского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис: Изд. Упр. Кавказ. учеб. округа, 1888. Вып. 6. Отд. 1. С. 41–98.
25. Иванов Д. Станица Отрадная Кубанской области, Баталпашинского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис: Изд. Упр. Кавказ. учеб. округа, 1888. Вып. 6. Отд. 1. С. 10–40.
26. Семенов П. Станица Слепцовская терской области Владикавказского округа // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. 1885. Выпуск 5. Отдел 1. Тифлис: Тип. Гл. управл. главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1886. С. 172–208.
27. Оренбургский листок. 1877. № 31 (31 июля).
28. Стариков Ф. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков; со знамёнами и карты. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1891. 250 с.
29. Цыбульникова А. А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Армавир: б. и., 2012. 236 с.
30. Бельский С. Село Новопавловское Ставропольской губернии Медвеженского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис: Изд. Управления Кавказского уч. округа, 1897. Вып. 23. Отд. 2. С. 70–80.
31. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска / сост. по поручению наказного атамана Войска О. Марграфом, П. Линтваревым и др.; под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ: Тип. Терского обл. прав., 1881. 466 с.
32. Арканников Ф. Ф. Николаевская станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. 1888. Т. 1. С. 548–617.

Infant and Child Mortality in the Cossack Environment of Late Imperial Russia

Elena V. Godovova

The article, based on statistical and ethnographic data, as well as materials from the periodical press, examines infant and child mortality among the Cossacks in the late imperial period. The author comes to the conclusion that the main reasons for this were, firstly, the mother's hard work during pregnancy. Secondly, unsanitary conditions and the lack of qualified medical care during childbirth. Thirdly, non-compliance with hygienic and dietary conditions for keeping children in the first months and years of life. Fourthly, the lack

of qualified medical care in the first years of children's lives. Fifthly, a low level of knowledge on child care and sanitation. At the same time, partially realizing the problems' existence (for example, a discussion at a meeting about hiring a midwife in the village), no special action was taken, and infant mortality was explained by God's punishment.

Key words: Cossacks, infant mortality, child mortality, everyday life, history of childhood, childhood hygiene, late imperial period.

For citation: Godovova, E. V. (2025) Mladencheskaya i detskaya smertnost' v kazach'ej srede pozdneimperskoj Rossii [Infant and Child Mortality in the Cossack Environment of Late Imperial Russia]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 101–111. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_101. EDN: FSIZQA

References

1. Novikov, N. I. (1951) *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat. (In Russ.)
2. Groom, K. (1858) *Drug matarej, ili podrobnoe rukovodstvo, kak preduprezhdat', raspoznavat' i lechit' detskie bolezni sredstvami gigienicheskimi, die'teticheskimi, i lekarstvami prosty mi, domashnimi, ili takimi, kotory'e mozhno vy'pis'yat' iz apteki bez recepta vracha, i pokupat' v lavkax, s prisovokupleniem upotrebitelej nejsix farmacevticheskix lekarstv, sposobov lecheniya boleznej i receptov izvestnejshix detskih vrachej* [Mother's Friend, or a Detailed Guide on How to Prevent, Recognize, and Treat Children's Illnesses with Hygienic, Dietetic, and Simple, Homemade Medicines, or Those That Can Be Prescribed from a Pharmacy Without a Prescription and Purchased in Stores, with the Addition of the Most Common Pharmaceutical Medicines, Methods of Treating Illnesses, and Prescriptions from Famous Children's Doctors]. Book One. St. Petersburg: Type of the Department of Foreign Trade. (In Russ.)
3. Pokrovskaya, M. I. (1896) *O vliyanii zhilishha na zdrav'ye, nравственность, schast'e i material'noe blagostoyanie lyudej* [On the Influence of Housing on the Health, Morality, Happiness, and Material Well-Being of People]. St. Petersburg: Typ. P. P. Soikina. (In Russ.)
4. Popov, G. I. (1903) *Russkaya narodno-by'tovaya medicina* [Russian folk and everyday medicine]. St. Petersburg: typ. A. S. Suvorina. (In Russ.)
5. (2023) *Gigiena detstva v Sankt-Peterburge i Peterburgskoj gubernii (seredina XVIII – nachalo XX vv.)* [Childhood hygiene in St. Petersburg and the Petersburg province (mid-18th – early 20th centuries)]. Collection of documents and materials. Compiled by V. A. Veremenko, I. V. Sinova, S. V. Zaitseva, O. A. Semenova, A. E. Zhukova, S. V. Stepanov, T. V. Volgina; Pushkin Leningrad State University. St. Petersburg: Propaganda. (In Russ.)
6. Abdurakhmanova, E. N., Burlutskaya, E. V. (2024) *Rebenok na rubezhe stoletij. Detskaja povsednevnost' v Orenburge vo vtoroj polovine XIX – nachala XX v.* [Child at the turn of the centuries. Everyday life of children in Orenburg in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Orenburg: OOO Izdatelstvo Orenburgskaya kniga. (In Russ.)
7. Blokhina, N. N. (2013) *Iz istorii bor'by s detskoj smertnost'yu* [From the history of the fight against child mortality]. *Rossijskaya akademija medicinskix nauk. Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshhestvennogo zdrorv'ya* [Russian Academy of Medical Sciences. Bulletin of the National Research Institute of Public Health]. No. 1. Pp. 101–105. (In Russ.)
8. Zaitseva, S. V. (2020) *Pop'ytki reorganizacii gorodskoj «Kapli moloka» v Sankt-Peterburge v nachale XX v. kak sposob bor'by s detskoj smertnost'yu* [Attempts to reorganize the city "Drop of Milk" in St. Petersburg at the beginning of the 20th century as a way to combat child mortality]. *Reformy v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [Reforms in everyday life of the population of Russia: history and modernity]. Materials of the international scientific conference. Eds. V. A. Veremenko, V. N. Shaidurov. Vol. 2. St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Pp. 161–167. (In Russ.)
9. Mukhina, Z. Z. (2018) *Russkaya krest'yanka v povermennyj' period (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Russian peasant woman in the post-reform period (second half of the 19th – early 20th century)]. St. Petersburg: DMITRY Bulanin. (In Russ.)

10. Natkhov, T. V., Vasilenok, N. A. (2020) Mladencheskaya smertnost' v porefomennoj Rossii: dinamika, regional'nye razlichiya i rol' tradicionnyh norm [Infant mortality in post-reform Russia: dynamics, regional differences and the role of traditional norms]. *Istoricheskaya informatika*. [Historical informatics]. No. 3. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33356 (accessed: 15.05.2025).
11. Neplokhov, A. I. (2023) *Sluzhenie lyudyam. O sanitarnom vrache Orenburga Ivane Dmitrieviche Degtyareve* [Serving people. About the sanitary doctor of Orenburg Ivan Dmitrievich Degtyarev]. Orenburg: OOO IPK "University". (In Russ.)
12. (1885) *Svedeniya o kazaczkikh obshchinax na Donu. Materialy dlya obychnogo prava, sobrannyye Mihailom Haruziny'm* [Information about the Cossack communities on the Don. Materials for customary law, collected by Mikhail Kharuzin]. Issue 1. Moscow: tip. M. P. Shhepkina. (In Russ.)
13. Shakhev, D. (1888) *Voronezhskaya stanicza. Statistiko-tnograficheskoe opisanie [Voronezh village. Statistical and ethnographic description]. Kubanskij sbornik* [Kuban collection]. Vol. 1. Pp. 646-689. (In Russ.)
14. Vlaskina, T. Yu. (2011) *Domashnij mir na slome e' poh. Ocherki tradicionnoj kul'tury' donskih kazakov (konec XIX - seredina XX v.)* [Domestic world at the turn of eras. Essays on the traditional culture of the Don Cossacks (late 19th - mid-20th centuries)]. Rostov / D: Publishing house of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
15. Peredelsky, E. (1888) *Stanicza Temizhbekskaya i pesni, poyushhiesya v nej* [Temizhbek village and songs sung in it]. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemyon Kavkaza. 1883* [Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus. 1883]. Issue. 3. Tiflis: Tip. Gl. upravl. glavnonauch. grazhd. chast'ju na Kavkaze. Pp. 1-90.
16. Kirillov, P. (1888) *Novominskaya stanicza. Statisticheskoe opisanie* [Novominskaya stаница. Statistical description]. *Kubanskij sbornik* [Kuban collection]. Vol. 1. Pp. 618-642. (In Russ.)
17. Bezgin, V. B. (2004) *Krest'janskaya posednevnost' (tradicii konca XIX - nachala XX veka)* [Everyday life of the peasantry (traditions of the late 19th - early 20th centuries)]. M-Tambov: Publishing house of Tambov state tech. university. (In Russ.)
18. Nomikosov, S. F. (1884) *Statisticheskoe opisanie Oblasti voyska Donskogo* [Statistical description of the Don Host region]. Novocherkassk: Obl. pravl. Voyska Donskogo. (In Russ.)
19. Mironov, B. N. (2009) *Istoricheskaya sociologiya Rossii* [Historical sociology of Russia]. Textbook; under the general editorship of V. V. Kozlovsky. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University; Intersotsis. (In Russ.)
20. Zverev, V. A., Lineitseva, Yu. V. (2015) «Kazaczkomu rodu net perevodu». *Dinamika vospriyvoda naseleniya v Zabajkal'skom kazach'em vojske (vtoraya polovina XIX - nachalo XX veka)* ["The Cossack Family Line Never Ends". Dynamics of Population Reproduction in the Transbaikal Cossack Host (Second Half of the 19th - Early 20th Century)]. *Vestn. Novosib. gos. un-ta* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History, Philology]. Vol. 14. Issue 1: History. Pp. 91-105. (In Russ.)
21. Godovova, E. V. (2007) *Orenburgskoe kazach'e vojsko v 1798-1865 gg.* [Orenburg Cossack Host in 1798-1865]. Samara: Publishing House "Univers Group". (In Russ.)
22. (1913) *Otchet pravleniya Amurskogo kazach'ego vojska za 1913 g.* [Report of the Amur Cossack Army Board for 1913]. (In Russ.)
23. Selevko, A. (1916) *Otchet o sostoyanii Kubanskoy oblasti za 1914 god s 19-ju tabliczam* [Report on the state of the Kuban region for 1914 with 19 tables]. *Kubanskij sbornik na 1916 god* [Kuban collection for 1916]. Publication of the Kuban Regional Statistical Committee. Ed. by L. T. Sokolov. Vol. XXI. Ekaterinodar: Printing House of the Kuban Regional Board. Pp. 1-374. (In Russ.)
24. Zhivilo, K. (1888) *Stanicza Rasshevatskaya Kubanskoy oblasti, Kavkazskogo uezda* [Stanitsa Rasshevatskaya Kuban region, Kavkazsky district]. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemyon Kavkaza* [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. Tiflis: Izd. Upr. Kavkaz. ucheb. okruga. Issue 6. Section 1. Pp. 41-98. (In Russ.)
25. Ivanov, D. (1888) *Stanicza Otradnaya Kubanskoy oblasti, Batalpashinskogo uezda* [Stanitsa Otradnaya, Kuban region, Batalpashinsky district] *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i*

- plemyon Kavkaza [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. Tiflis: Izd. Upr. Kavkaz. ucheb. okruga. Issue 6. Section 1. Pp. 10–40. (In Russ.)
26. Semenov, P. (1886) Stanica Slepczovskaya terskoj oblasti Vladikavkazskogo okruga [Stanitsa Slepetskaya, Terek region, Vladikavkaz district]. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemyon Kavkaza. 1885* [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. 1885]. Issue 5. Section 1. Tiflis: Tip. Gl. upravl. glavnonach. grazhd. chast'ju na Kavkaze. Pp. 172–208. (In Russ.)
27. (1877) *Orenburgskij listok* [Orenburg leaflet]. No. 31 (July 31). (In Russ.)
28. Starikov, F. M. (1891) *Istoriko-statisticheskij ocherk Orenburgskogo kazach'ego vojska s prilozheniem stat' i o domashnem by'te orenburgskix kazakov; so znamyonami i kartami* [Historical and statistical essay on the Orenburg Cossack army with an appendix of an article on the domestic life of the Orenburg Cossacks; with banners and maps]. Orenburg: Printing house of B. Breslin. (In Russ.)
29. Tsybulnikova, A. A. (2012) *Kazachki Kubani v konce XVIII – sredine XIX veka: specifika povsednevnnoj zhizni v usloviyah voennogo vremeni* [Cossack women of Kuban in the late 18th – mid-19th centuries: the specifics of everyday life in wartime]. Armavir. (In Russ.)
30. Belsky, S. (1897) Selo Novopavlovskoe Stavropol' skoj gubernii Medvezhenskogo uezda [The village of Novopavlovskoye, Stavropol province, Medvezhensky district]. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemyon Kavkaza* [Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus]. Tiflis: izd. Upravlenija Kavkazskogo Uch. Okruga. Issue 23. Section 2. Pp. 70–80. (In Russ.)
31. (1881) *Statisticheskie monografii po issledovaniyu stanichnogo by'ta Terskogo kazach'ego vojska* [Statistical monographs on the study of the stanitsa life of the Terek Cossack Host]. Vladikavkaz: Typ. Terek regional government. (In Russ.)
32. Arkannikov, F. F. (1888) Nikolaevskaya stanicza. Statistiko-e'tnograficheskoe opisanie [Nikolaevskaya stanitsa. Statistical and ethnographic description]. *Kubanskij sbornik* [Kuban collection]. Vol. 1. Pp. 548–617. (In Russ.)

Об авторе

Годовова Елена Викторовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российской Федерации; e-mail: godovova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5798-3413

About the author

Godovova Elena V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation; e-mail: godovova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-5798-3413

Статья поступила в редакцию 01.08.2025
Одобрена после рецензирования 11.09.2025
Принята к публикации 07.10.2025

Между семьей и призванием: дети в семьях первого поколения советских женщин-ученых

О. А. Валькова

В статье исследуются бытовые и финансовые условия семейной жизни, связанные преимущественно с воспитанием детей первого поколения советских женщин – профессиональных ученых, работавших в московских научных учреждениях Академии наук СССР в середине 1930-х гг. К 1936 г. прошло почти двадцать лет с момента введения юридического женского равноправия в России, с начала активного доступа женщин к высшему университетскому образованию и к научным профессиям, требующим от работника не только высокой квалификации, но больших временных затрат. Оба эти обстоятельства неизбежно должны были привести к конфликту между интересами профессиональными и семейными. Повседневные бытовые условия жизни и работы московских женщин-ученых отразились в заполненных ими в январе 1936 г. анкетах, проанализированных в настоящей статье и впервые вводимых в научный оборот. Материалы этих анкет свидетельствуют о плохом финансовом положении большинства исследованных женщин-ученых, их тяжелых жилищных условиях, о том, что содержание и воспитание детей становилось временами дополнительной тяжелой нагрузкой, затруднявшей научную работу женщин.

Ключевые слова: женщина-ученый, семья, ребенок, советское научное сообщество в 1930-е гг., история повседневности.

Для цитирования: Валькова О. А. Между семьей и призванием: дети в семьях первого поколения советских женщин-ученых // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 112–131. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_112. EDN: IYQCMO

Введение

Рождение, выкармливание, выхаживание детей – биологический императив, который у вида *Homo sapiens* природа возложила на женщин. Веками образ жизни, профессиональная занятость представительниц женского пола выстраивались вокруг этого императива. Однако к середине XIX в. с развитием образования в высших слоях общества, а также с изменением экономических условий, женщины начали выходить за рамки этого очерченного для них узкого круга, постепенно осваивая все более разнообразные сферы деятельности, не связанные напрямую с рождением и воспитанием детей. Среди занятий, вызывавших их интерес и привлекавших внимание, очень рано оказалась научная деятельность. Уже вторая половина XIX в. выдвинула из числа наших соотечественниц целый ряд крупных женщин-ученых, чьи заслуги и достижения были признаны научным сообществом. Тем не менее в абсолютных цифрах в этот период их число было очень невелико и если у них и возникали проблемы, когда приходилось совмещать занятие наукой и семейные обязанности, они решали их сами, внутри своих семей. Но к 1910-м гг. XX в. количество женщин, занятых в науке, увеличилось и продолжало увеличиваться после принятия в стране в 1917–1918 гг. законов, официально уравнивших юридические права женщин и мужчин. Вопрос о том, каким образом молодые женщины могли совмещать получение высшего образования и построение профессиональной карьеры в очень требовательной и конкурентной среде с материнством, стал актуальным для многих. В отечественной историографии, однако, почти не существует научной литературы, исследующей данную проблему. Можно назвать статью Е. А. Долговой, касающуюся истории создания системы детских садов при научных институтах Академии наук СССР [1], работу О. А. Вальковой о детских программах Московского дома ученых середины 1930-х гг. [2]. Выявленная и введенная в научный оборот источниковая база по данной теме также в настоящее время достаточно скромна. Интерес представляют прежде всего немногочисленные источники личного происхождения, например воспоминания женщин-ученых, которые упоминают о рождении и воспитании своих детей. Но даже при наличии таких упоминаний они, как правило, достаточно лаконичны

[3, с. 70–75]. Нам удалось обнаружить комплекс делопроизводственных документов, содержащих информацию об условиях жизни детей в семьях московских женщин-ученых середины 1930-х гг., проблемах, с которыми сталкивались молодые женщины – научные сотрудники московских академических учреждений, пытавшиеся одновременно воспитывать детей и профессионально заниматься научными исследованиями, а также о том, какие меры требовались, по их мнению, для облегчения сложившейся ситуации. Все эти вопросы мы рассмотрим в настоящей статье на основании архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот.

Первый социологический опрос женщин-ученых

Летом 1918 г. В. И. Ленин в роли главы нового правительства подписал ряд декретов, окончательно уравнявших в нашей стране юридические права женщин и мужчин на получение высшего образования, профессиональную деятельность в высших учебных и научно-исследовательских учреждениях. Эти документы подвели итог полувековой борьбе российских женщин за право на образование и доступ в университеты их родины. Несмотря на целый ряд обстоятельств, не способствовавших немедленному притоку женщин в научные профессии (от хаоса революционных событий до дискриминации по признаку социального происхождения, введенного новым правительством), через двадцать лет после принятия этого решения, к середине 1930-х гг. в российской высшей школе и научных учреждениях работали уже тысячи женщин-ученых и преподавателей. Статистический сборник (1936) давал следующие цифры (без разделения на гуманитарные, естественно-научные, технические и медицинские специальности) (табл. 1, 2) [4, с. 97].

Но, отменив запретительные законы и позволив женщинам доступ к профессиям, не только требовавшим высшего образования, но и чрезвычайно больших временных затрат, а зачастую дальних и продолжительных поездок, таким, как профессия ученого, правительство особо не задумывалось о том, каким образом эти молодые в большинстве своем женщины станут совмещать подобную профессиональную занятость с семейными обязанностями, рождением, выхаживанием и воспитанием детей. Можно предположить, что сами молодые женщи-

ны об этом тоже не особенно задумывались, по крайней мере до определенного момента. Однако резкое по историческим меркам, произошедшее всего на протяжении примерно двух десятилетий изменение в гендерной структуре высококвалифицированной профессиональной занятости не могло не сказаться на повседневных практиках личной и семейной жизни как женщин, так и мужчин, причастных к этому.

Таблица 1

Женщины среди научных работников
научно-исследовательских учреждений

Годы	Всего научных работников, чел.	Женщин, чел.	Женщин, %
На 1.04.1929	22 600	5 153	22,8
На 1.01.1933	47 900	12 358	25,8
На 1.01.1935	38 200	11 116	29,1

Таблица 2

Женщины среди педагогического персонала вузов
по данным на апрель 1935 г. (в процентах от общего числа сотрудников)

Всего	Директора и их заместители	Профессора	Доценты	Ассистенты и преподаватели
15,0	3,1	2,9	11,3	22,3

Точной статистики, однако, не существует. Мы можем только предполагать, исходя из разрозненных эмпирических данных, что увеличился возраст вступления в брак девушек, стремившихся к получению высшего образования, что достаточно большое количество женщин-ученых первого поколения не создали семьи вообще, а создавшие либо откладывали рождение детей, либо остались бездетными; что, создав семью, женщины сталкивались с немалым количеством проблем и вынуждены были идти на компромиссы, от которых в итоге страдала как профессиональная деятельность, так и семейная жизнь. Но это только предположения. Однако недавно нам удалось обнаружить в Архиве РАН комплекс документов, который позволяет

ответить на вопрос о том, что собой представляла семейная жизнь представительниц первого поколения профессиональных женщин-ученых, в каких условиях они растили своих детей, опираясь на достаточно презентативные данные.

В начале января 1936 г. отдел кадров Академии наук СССР разослал по всем академическим учреждениям подробную анкету для заполнения женщинами-учеными: «Ввиду предполагаемого созыва 8-го марта 1936 г. Всесоюзного съезда женщин ученых¹ и разработки ряда мероприятий по линии содействия женщинам в их научной работе, ЦБ ВАРНИТСО² совместно с ЦК Союза ВШНУ³ проводит изучение условий и характера научной работы женщин в научных учреждениях СССР. Отдел кадров Академии наук СССР, интересуясь и поддерживая это мероприятие, просит Вас принять непосредственное участие в этой работе и направить просимые материалы по прилагаемой справке в адрес Академии наук СССР не позднее 20-го января 1936 г.» [5, л. 1]. Комплекс этих анкет, заполненных женщинами – научными сотрудниками московских учреждений АН СССР в январе 1936 г., всего 126 анкет, и отложился в Архиве РАН (рис. 1-5). Об истории возникновения самой идеи проведения фактически первого социологического опроса о положении женщин-ученых в СССР (хоть они его так и не называли) мы писали в предисловии к документальной публикации «Документальные материалы по истории организации и проведения конференции женщин-ученых в Москве в 1936 г.» [6], а также в еще в паре небольших работ [7; 8], здесь нет возможности останавливаться на этом подробнее.

Отметим только, что анкетирование касалось только женщин, уже имевших достаточно высокий статус в научной иерархии и право на самостоятельную научную работу: научных сотрудников 1-го разряда, ученых специалистов и старших ученых специалистов [5, л. 1]. Разработанная анкета была очень подробной. Научным сотрудникам после указания фамилии, имени и отчества (опрос не был анонимным) предлагали ответить на следующие вопросы: должность, специальность, ученая степень, возраст, общий стаж научной работы, партийность, получаемый оклад, была ли премирована, когда

¹ Этот съезд так никогда и не был созван.

² Центральное бюро Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР.

³ Центральный комитет Союза работников высшей школы и научных учреждений.

и за что, список важнейших научных работ, была ли в заграничной командировке, когда и где, каковы условия научной работы (условия труда, выявления творческой инициативы), краткая характеристика направления научной работы, причем особенно просили отметить творческий характер работы, в чем нуждается для научной работы [9, л. 1]. К нашему удивлению, в анкету, разработанную с целью изучения профессиональных и социальных обстоятельств жизни женщин-ученых для выработки мер по их улучшению, не был включен вопрос о семейном статусе женщины, а также о наличии или отсутствии у нее иждивенцев, в число которых могли входить не только дети, но и престарелые или недееспособные родственники. Тем не менее большинство отвечающих на вопросы женщин рассказывали о своих семейных обстоятельствах в пункте анкеты: «Материально-бытовые условия домашние» [9, л. 1], благодаря чему в нашем распоряжении оказались достаточно репрезентативные данные. Несмотря на то что ответить на вопрос о количестве замужних женщин и женщин, имевших детей, из числа опрошенных мы так и не можем, мы имеем возможность составить достаточно точное представление об условиях их повседневной семейной жизни: как о бытовой, так и финансовой ее составляющих.

Повседневная жизнь семьи советской женщины-ученого в 1936 г.

Самая большая проблема, с которой сталкивались московские женщины-ученые в начале 1936 г., заключалась, как правило, в очень плохих жилищных условиях. Некоторые женщины написали, что живут прямо на рабочих местах, но они не упоминали про семью, так что можно предположить, что речь шла об одиноких: «Живу в лаборатории в своей рабочей комнате, т. к. до сих пор не получила жилья» (А. Н. Федорова, 33 года, химик) [9, л. 40]; «...проживаю около года за шкафом в кабинете учреждения где, работаю» (Е. И. Беляева, 41 год, палеонтолог, кандидат наук) [9, л. 2]. Отсутствие хоть какого-то жилья приводило к тому, что семьи, уже имевшие детей, вынужденно жили раздельно друг от друга: «Семья из 3-х человек живет в 3-х местах; ребенок в детдоме, муж за городом, я в бараке в 4-х местной общей комнате» (Т. А. Видусова, 35 лет,

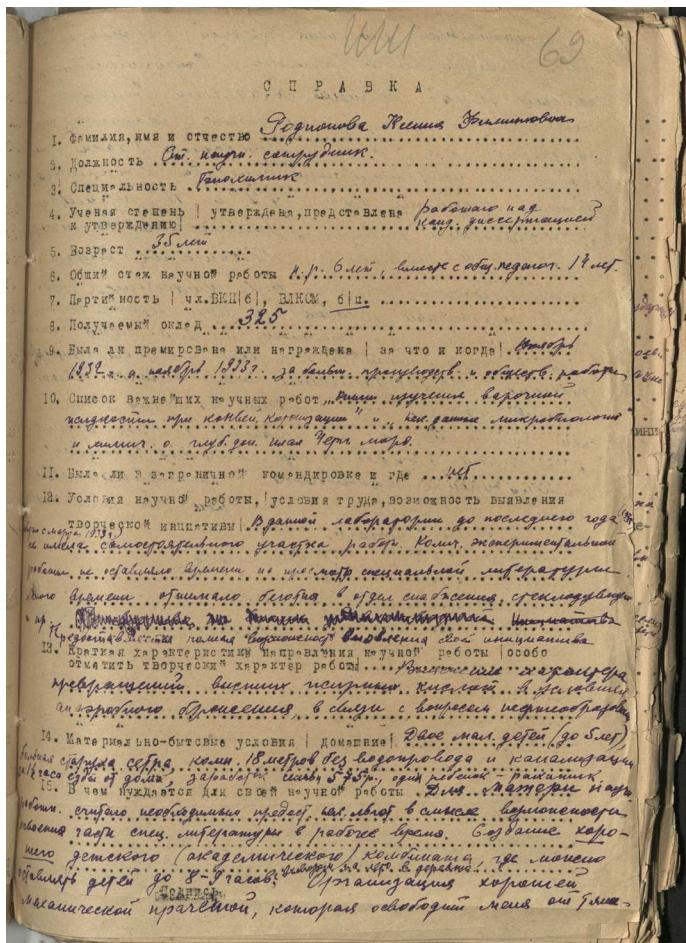

Рис. 1. Материалы опроса женщин – научных сотрудниц АН СССР. Январь 1936 г. (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1(1936). Д. 58. Л. 69)

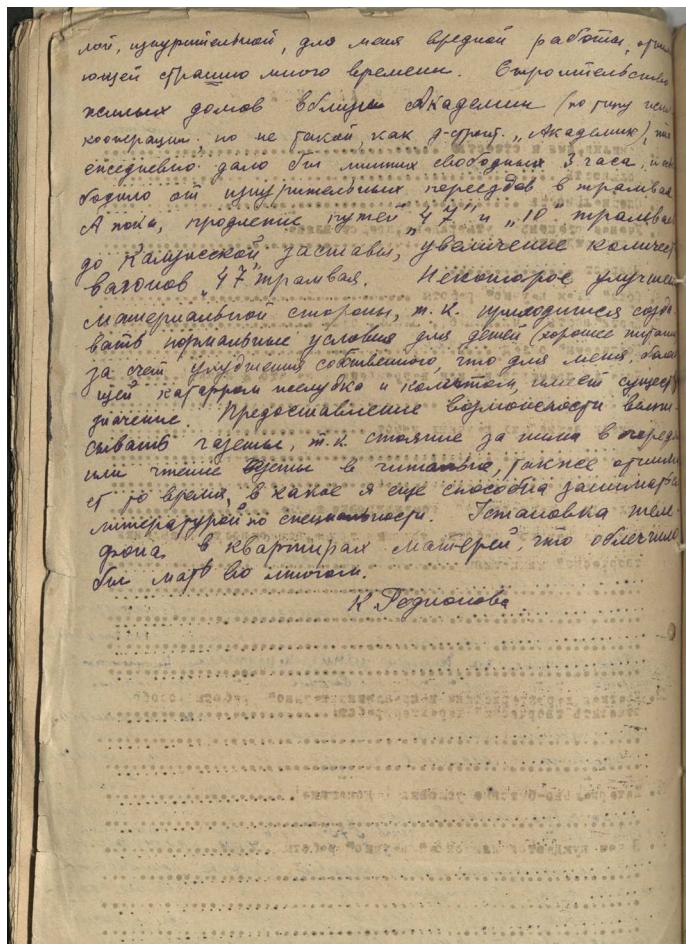

Рис. 2. Материалы опроса женщин – научных сотрудниц АН СССР. Январь 1936 г. (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1(1936). Д. 58. Л. 69 об.)

СПРАВКА

Манилов 92

1. Фамилия, имя и отчество Кочина Николай Димитрович

2. Должность. Научный сотрудник по разработке

3. Специальность. Математика

4. Ученая степень
Утверждена / Утверждена, представлена кандидатом

5. Возраст. 36 лет

6. Осщий стаж научной работы. 1926-

7. Нарядность/чл. НИИ(б), инж. 6/п..

8. Полученный оклад. 32.50. руб. в сутки

9. Иска ли премирована или награждена (за что и когда). Нет, в 1957. год премирована

10. Список важнейших научных работ. Математик и информатик, работ, 3 в рукописи

11. Иска ли в заграничной командировке и где. Нет

12. Условия научной работы, условия труда, возможность выполнения науческой инициативы. Ученый, научный, работодатель. Дин. В. Б. Борисов, если бы не перегрузки педагогической работы; отсутствие места занятия личными семьями (беск. земли); на научную работу семья не способна мало энергии.

13. Краткая характеристика направления научной работы (особо отметить творческий характер работы). Ученый, научный, работодатель. Оригинальные методы математики к различным задачам информатики и теории управления.

14. Материально-бытовые условия (домашние). Хорошие

15. В чем нуждается для своей научной работы.

Рис. 3. Материалы опроса женщин – научных сотрудниц АН СССР. Январь 1936 г. (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1(1936). Д. 58. Л. 92)

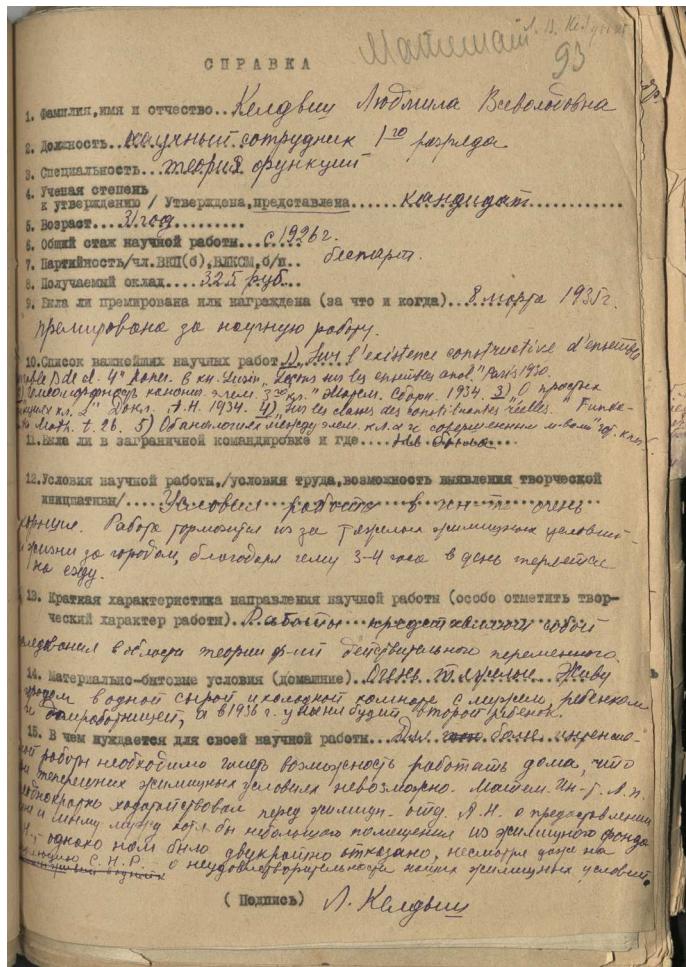

Рис. 4. Материалы опроса женщин – научных сотрудниц АН СССР. Январь 1936 г. (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1(1936). Д. 58. Л. 93)

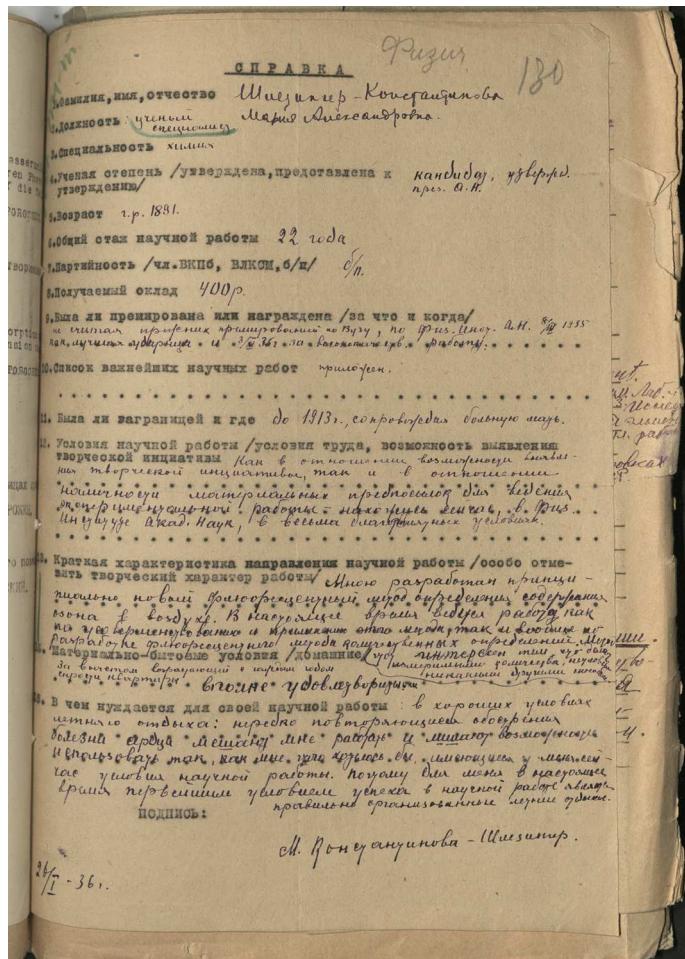

Рис. 5. Материалы опроса женщин – научных сотрудниц АН СССР. Январь 1936 г. (Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1(1936). Д. 58. Л. 130)

химик) [9, л. 34]; «Из-за отсутствия квартиры в Москве уже год живу отдельно от семьи (муж и ребенок), которые остались на Кавказе, жизнь на 2 дома безусловно отражается как на материальном, так и моральном состоянии всех членов семьи» (Н. Ф. Саенко, 36 лет, микробиолог) [9, л. 165]. Иногда молодой паре, еще не имевшей детей, удавалось устроиться жить «у чужих», возможно друзей, знакомых или дальних родственников – никто не упоминал о том, что снимает жилье: «Живу на чужой площади в 1 маленькой комнате с мужем» (Л. А. Гуляева, 32 года, геохимик) [9, л. 58].

Те семьи, которые смогли получить свое жилье, страдали от тесноты, перенаселенности и тяжелых бытовых условий: «Живу в крайне тяжелых условиях: комната 12 метров, 5 этаж, на этой жилплощади живут кроме меня: 1) муж мой 2) мой ребенок 3,5 лет 3) домашняя работница» (А. М. Полякова, 33 года, химик) [9, л. 48]; «Комната 7 метров без дневного света (темная), без отопления и вентиляции. Живет 3 человека» (К. Ф. Шелпакова, 35 лет, биохимик) [9, л. 121]; «Живу с семьей из четырех человек в комнате 12 к[вадратных] метров в перенаселенной квартире, что очень мешает моим занятиям» (Р. Х. Фрейдлина, 30 лет химик) [9, л. 104].

Работа мужа женщины-ученого также в учреждении Академии наук не способствовала улучшению жилищных условий семьи: «[Материально-бытовые условия] Ниже среднего. Низкая зарплата. Научная работа дома идет в коридоре, т. к. 4 человека моей семьи живут в одной комнате, хотя муж – тоже научный работник Академии наук» (А. А. Прокофьева, 32 года, цитогенетик) [9, л. 87]. Обращения в структуры Академии за помощью в улучшении жилищных условий не помогали даже в тех случаях, когда оба супруга работали в системе Академии: «[Материально-бытовые условия] Очень тяжелые. Живу за городом в одной сырой и холодной комнате с мужем, ребенком и домработницей, а в 1936 г. у меня будет второй ребенок. Для более интенсивной работы необходимо иметь возможность работать дома, что при теперешних жилищных условиях невозможно. Математический институт АН неоднократно ходатайствовал перед жилищным отделом А[кадемии] н[аук] о представлении мне и моему мужу хотя бы небольшого помещения из жилищного фонда А[кадемии], – однако нам было двукратно

отказано, несмотря даже на резолюцию С[оюза] н[аучных] р[аботников] – о неудовлетворительности наших жилищных условий» (Л. В. Келдыш, 31 год, математик, кандидат наук) [9, л. 93].

Плохие жилищные условия, отсутствие часто центрального отопления, водопровода и канализации приводили к острой необходимости иметь помочь в решении повседневных бытовых вопросов. Однако проживание домработницы, когда сама семья ютилась в одной комнате, являлось затруднительным и, при ее наличии, еще ухудшало условия проживания, вместо того чтобы их улучшать. С другой стороны, небольшие оклады не позволяли содержать домработницу, и в этих случаях вся крайне тяжелая работа по организации и поддержанию быта семьи в отсутствии каких-либо современных бытовых удобств падала на женщину-ученого: «За недостатком жилой площади не имею домработницы» (М. А. Цветкова, 33 года, геолог) [9, л. 78]; «Недостаточный заработок, т. к. имею 2 иждивенцев и должна содержать домашнюю работницу и тяжелые квартирные условия» (Г. С. Шестакова, 44 года, зоолог, доктор наук) [9, л. 6].

Наличие нескольких детей требовало не только содержания домработницы, но и няни, помощника в уходе за детьми, однако работа, требовавшая от женщины высокой квалификации и значительных временных затрат, не предлагала вознаграждения, которое позволило бы оплатить подобную помощь, и это обстоятельство сильно усложняло жизнь, даже когда жилищные условия в целом были хорошими: «Хорошая квартира! Семья из 3-х детей дошкольного возраста, требуется содержание отдельного лица для ухода за ними и домработницы, вследствие чего материальные условия очень стеснены» (Е. Е. Костылева, 41 год, минералог, кандидат геологических наук); для улучшения положения Е. Е. Костылева, по ее мнению, нуждалась в «материальной обеспеченности, ибо позволила бы не иметь побочной работы» [9, л. 8]. «Бытовые хорошие, имею специальную женщину для 2-х детей. Материально – трудно» (М. Н. Любимова, 36 лет, биохимик) [9, л. 82].

Недостаточный заработок, необходимость дополнительной работы для содержания семьи (при шестидневной рабочей неделе) упоминаются практически в каждой анкете, даже в тех случаях, когда женщина замужем, тем более, когда женщина воспитывала детей одна: «Совместно с мужем зарабатываем

700–800 [рублей], которые делятся на 6 человек. Семьей живу в проходной комнате площадью в 12 ¾ м с мужем и двумя детьми (3,5 и 6,5 лет)» (Л. А. Юшко, 31 год, геолог) [9, л. 157] или когда бывший уже муж оказывает финансовую поддержку: «Воспитываю 3-х детей (11, 14 и 17 лет) одна. Несмотря на материальную помошь их отца, нуждаюсь в приработке» (О. М. Шубникова, 52 года, минералог, кандидат наук, заведующая отделом) [9, л. 11]; «Вдова, двое детей, живу в общежитии Академии наук. Кроме служебной и научной работы даю уроки языков, делаю перевод и т. д. для заработка, так как на получаемый оклад трудно воспитывать детей. [Нуждаюсь] в квартире и материальной возможности меньше времени отдавать урокам, переводам и хозяйству» (Л. А. Мерварт, 45 лет, востоковед, этнограф) [9, л. 91].

Очень редко женщины, отвечавшие на вопросы анкеты, писали, что условия их жизни хорошие, но при этом средств все равно всегда не хватало, помошь в домашней работе была необходима, а жилищные условия, как правило, оставляли желать лучшего: «Материальные [условия] хорошие, но много домашней работы (4 детей) и нет дома помощницы для своей работы» (М. Е. Мирчина, 48 лет, палеонтолог) [9, л. 152]; «2 небольших комнаты в плохом доме; 2 детей и муж. Материально относительно обеспечена. [Нуждаюсь] в улучшении жилищно-бытовых условий» (Н. Н. Серб-Сербина, 36 лет, физико-химик) [9, л. 128]; «Имею на своем иждивении двоих детей, которых должна целиком обслуживать, старшая начинает работать. Больше всего нуждалась в разгрузке от домашней работы – в остальном условия считаю достаточно хорошими, лишь бы было свободное время» (Н. Г. Эдитова, 40 лет, химик) [9, л. 80].

Кроме собственных детей, многие женщины (большинство) имели на своем иждивении родителей или других родственников, что также сильно усложняло их материальное положение: «Нет отдельной комнаты для своей научной работы. На иждивении 2 стариков, 2 детей» (М. Н. Грановская, 37 лет, кандидат технических наук) [9, л. 41]; «Имею на иждивении мать, дочь – ученицу в ВУ1 и племянника в старшей школе» (В. В. Заорская-Александрова, 53 года, экономист, доктор наук) [9, л. 90]; «Весьма тяжелые: на иждивении находятся – мать, двое детей (4,5 и 2,5 лет), сестра студентка Медкомбината. Жилищные также неблагоприятны – очень небольшая площадь и сырость ком-

наты» (Н. В. Кудряшова-Соборнова, 34 года, химик) [9, л. 163]; «Живу за городом, имею на иждивении мать и дочь, приходится прирабатывать» (Н. В. Фролова, 28 лет, горный инженер) [9, л. 156]. Мы приводим здесь наиболее типичные ответы.

Многие женщины-ученые жили либо за городом, либо в отдаленных районах Москвы, что сильно увеличивало время на дорогу, отнимая его как у дополнительной работы, так и у семьи: «Живу в Измайловском поселке в 2-х часах езды до ИГИ. Комната 10 м без всяких удобств. Семья состоит из 3-х человек (А. Н. Цыба, 26 лет, химик) [9, л. 79]; «Организация перевозки на работу и обратно научных работников, проживание в домах Академии наук на Мещанской, дала бы экономию времени и сил. Около 1 ½ часа изнурительной трамвайной езды вредно отражается на работе» (Н. С. Домбровская, 39 лет, химик) [9, л. 36]; «Плохие, т. к. живу за городом и трачу ежедневно по 4 часа на дорогу» (М. Н. Тюкина, 33 года, химик) [9, л. 33].

У многих женщин совпадали все перечисленные выше крайне затруднительные условия жизни: маленькие доходы, неудовлетворительная жилплощадь вдали от работы, наличие иждивенцев: «Двое маленьких детей (до 5 лет), больная старуха сестра, комната 18 метров без водопровода и канализации за 1 ½ часа езды от дома, заработка семьи 575 р., один ребенок – ракитник» (К. Ф. Родионова, 35 лет, биохимик) [9, л. 69]. К. Ф. Родионова подробно написала о мерах, которые, по ее мнению, следовало бы предпринять для улучшения ситуации: «Для матери, научно работающей, считаю необходимым предоставить несколько льгот в смысле освоения части специальной литературы в рабочее время. Создание хорошего детского (академического) комбината, где можно оставлять детей до 8–9 часов. Организация хорошей механической прачечной, которая освободит меня от тяжелой, изнурительной для меня вредной работы, отнимающей страшно много времени. Строительство жилых домов вблизи Академии (по типу жилищной кооперации, но не такой, как строит "Академик"), что ежедневно дало бы лишних свободных 3 часа и освободило бы от изнурительных переездов в трамвае. А пока продление путей 47 и 10 трамваев до Калужской заставы, увеличение количества вагонов 47 трамвая. Некоторое улучшение материальной стороны, т. к. приходится создавать нормальные условия для детей (хорошее

питание за счет ухудшения собственного, что для меня, болеющей [...]¹ желудка и колитом имеет существенное значение. Предоставление возможности выписывать газеты, т. к. стояние за ними в очереди или чтение газеты в читальне также отнимают время, в какое я еще способна заниматься литературой по специальности. Установка телефонов в квартирах матерей, что обеспечило бы мать во многом» [9, л. 69–69 об.].

Время, которое женщина могла бы потратить на общение с детьми, также нередко отнимала обязательная общественная работа: «Дома имею нагрузку 8 лет сына, это мне очень затрудняет общественно работать вечером в подшефной школе, очень бы желательно получить общественную другую нагрузку не требующую вечером отлучаться из дома» (О. Л. Абакумова, 34 года, петрограф) [9, л. 148]. Неудивительно, что в таких условиях О. Л. Абакумова оказалась не единственной, кто начал воспринимать своего ребенка как «нагрузку»: «Не совсем удовлетворительные материальные условия. Имеется ребенок на моем иждивении, мешает нормальному ходу научной работы» (Э. А. Федер, 32 года, химик) [9, л. 76].

В ходе социологического опроса условий жизни и работы женщин-ученых опрашивали не только женщин, живших и работавших в Москве. К сожалению, анкеты, присланные из других регионов, практически не сохранились – нам удалось обнаружить всего четыре заполненных анкеты в Российском государственном архиве экономики (Москва). Тем не менее анализ содержащейся в них информации свидетельствует о том, что проблемы, с которыми сталкивались женщины-ученые, работавших в других городах, в частности в Ленинграде, мало отличались от проблем москвичек: «Необходимо добавить, что тяжелые жилищные условия, в которых я нахожусь (4 человека в одной комнате), чрезвычайно мешают работе над собой и дальнейшему росту» (Е. Л. Копелкович, 31 год, химик, Ленинград) [10, л. 8]; «Большим недостатком, который, к сожалению, в ближайшее время не удастся устраниить – неудовлетворительные жилищные условия, имею одну комнату, при семье в 4 человека (муж, сын, работница), дома заниматься, как правило, нет возможности» (З. П. Сытник, 31 год, химик, Ленинград) [10, л. 6 об.]. В анкетах этих женщин, так же, как

¹ Слово неразборчиво. – О. В.

и в анкетах москвичек, иногда можно прочитать, что ребенок (дети) становятся нагрузкой, затрудняющей научную работу: «Моей научной работе в настоящий момент мешает следующее: 1. Квартира моя находится за городом, так что мне в день 3–3,5 часа приходится на поездку в институт и домой. 2. Перегрузка по общественной линии: секретарь МК. 3. Я имею ребенка в 4 года, который также отнимает время». (К. Ф. Корнеич, 30 лет, химик, Ленинград) [10, л. 10, 10 об.]. Таким образом, выявленные нами при изучении московских анкет трудности, с которыми сталкивались женщины-ученые, оказались типичными не только для Москвы.

Обсуждение и выводы

По своему возрасту опрошенные женщины распределялись следующим образом: «около 37 % падает на возраст от 30–35 лет; 12 % – от 25 до 30 и от 35 до 40 лет» [5, л. 6]. «Таким образом, – делали вывод организаторы опроса, – главным образом работают кадры советского времени» [5, л. 6], т. е. женщины, начавшие свои профессиональные карьеры уже в период юридического равноправия полов в России. По стажу работы в научных учреждениях они разделялись на: «Имеющих свыше 10 лет стажа свыше 26 %; от 7 до 10 лет стажа свыше 26 %; от 5 до 7 лет стажа свыше 24 %; от 3 до 5 лет стажа свыше 12 %; до 3-х лет стажа около 7 %» [5, л. 6], т. е. большинство опрошенных приобрели научный стаж также уже после законодательных преобразований. Перед нами действительно представительницы первого поколения советских женщин-ученых, в каком-то смысле являвшиеся участницами грандиозного социального эксперимента. И хотя ряд женщин написали в анкетах о том, что условия их жизни удовлетворительны, абсолютное большинство из них столкнулось со сложностями, которые они вряд ли могли предугадать, выбирая в юности профессию ученого. И большая часть этих трудностей оказалась связана с семейной жизнью как при создании и сохранении собственной семьи, так и при необходимости заботы о членах родительской семьи, что являлось традиционно женской обязанностью. Нам хочется надеяться, что восприятие детей как дополнительной нагрузки, мешавшей нормальному ходу научной работы, было все-таки исключением, чем правилом. Тем не менее что-то должно было уступить

первенство: если внимание уделялось детям, страдала научная работа, если работа ставилась на первое место, страдали дети; когда женщины были вынуждены искать дополнительный заработок, чтобы содержать детей, страдали и работа, и дети, несмотря на получавшиеся некоторые дополнительные средства. Создание детских садов в системе АН СССР, которое активно началось в середине 1930-х гг., различных программ для детей в Домах ученых стало попыткой государства разрешить возникшее противоречие, однако быстро это сделать было трудно.

Мы можем предположить, что из-за сложившихся к середине 1930-х гг. крайне тяжелых условий повседневной жизни московских женщин-ученых не только страдали их семьи и дети; подобное положение влияло на их научную работу. Две основополагающие части жизни женщины-ученого: семейная и профессиональная требовали адаптации друг к другу. И адаптация эта пошла путем, который вряд ли предвидели женщины, отчаянно боровшиеся за право на высшее образование для своих современниц в XIX в., но который был вполне естественным: в попытках сохранить свои семьи, чего в одинаковой степени требовали и многовековые сложившиеся традиции, и врожденные инстинкты, последующие поколения женщин-ученых начали ставить интересы своих семей выше своих профессиональных интересов, что, в свою очередь, послужило не единственной, но одной из важнейших причин аккумуляции женщин в сфере обслуживающей науки и в целом занятия ими вторичных должностей в научной иерархии уже во второй половине XX в.

Список литературы

1. Долгова Е. А. Ведомственные детские сады в системе академических учреждений 1920–1930-х гг. // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веременко: в 2 т. Т. 1. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 181–186.
2. Валькова О. А. Работа с детьми в Московском доме ученых в 1930-е гг. XX в. // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веременко: в 2 т. Т. 1. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 186–191.
3. Кочина П. Я. Воспоминания. М.: Наука, 1974. 299 с.
4. Женщины в СССР. Статистический сборник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР В/О "Союзгоручет", 1936. 472 с.
5. Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1–1936. Д. 57.

6. Документальные материалы по истории организации и проведения конференции женщин-ученых в Москве в 1936 г. (Предисловие и публикация О. А. Вальковой) // Архив истории науки и техники. VI (XV) / отв. ред. С. С. Илизаров. М.: «Янус-К», 2018. 540 с.

7. Валькова О. А. Документы по истории создания несостоявшегося словаря советских женщин-ученых (1935–1937 гг.) в архивах РФ // История науки: источники, памятники, наследие: вторые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: Материалы науч. конф., Москва, 19–20 октября 2016 г. / сост. Е. В. Минина. М.: Янус-К, 2016. С. 86–92.

8. Валькова О. А. Советские женщины-ученые: Социологическое исследование (1935–1936) // Наука и техника: Вопросы истории и теории: материалы XLII Международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российской национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Наука и техника в годы бурь и потрясений (к юбилеям А. П. Карпинского и Л. С. Берга)». Вып. XXXVII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2021. С. 263–264.

9. Архив РАН. Ф. 411. Оп. 1–1936. Д. 58.

10. Российский государственный архив экономики. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 152.

Between Family and Career: Children of the First Generation of Soviet Female Scientists

Olga A. Valkova

The article examines domestic and financial conditions of family life in the 1930s, focusing on the lives of the children of Soviet women who were the first generation to work as professional scientists at Moscow scientific institutions affiliated with the USSR Academy of Sciences. By 1936, nearly two decades had passed since legal women's rights were introduced in Russia, allowing women to access higher education and pursue scientific careers that require highly qualified employees and a significant amount of time. These circumstances led to a conflict between women's professional and family obligations. The daily lives and work experiences of these women scientists are reflected in the surveys they completed in January 1936. This article analyzes these surveys and introduces them to the research community for the first time. The materials from these questionnaires reveal the poor financial circumstances of the majority of female scientists, difficult living conditions, and the fact that childcare has sometimes become an additional burden that hinders the scientific work of women.

Key words: female scientist, family, child, Soviet scientific community in the 1930s, history of everyday life.

For citation: Valkova, O. A. (2025) Mezhdu sem'ej i prizvaniem: deti v sem'yah pervogo pokoleniya sovetskih zhenshchin-uchenyh [Between Family and Career: Children of the First Generation of Soviet Female Scientists]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 112–131. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_112. EDN: IYQCMO

References

1. Dolgova, E. A. (2023) Vedomstvennye detskie sady v sisteme akademicheskikh uchrezhdenij 1920–1930-h gg. [Departmental kindergartens in the system of academic institutions of the 1920s and 1930s]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoy zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and Childhood in everyday life: History and modernity]. Proceedings of the International Scientific conference April 6–8, 2023. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. Vol. 1. Pp. 181–186. (In Russ.)

2. Valkova, O. A. (2023) Rabota s det'mi v Moskovskom dome uchenyh v 1930-e gg. XX v. [Working with children at the Moscow House of Scientists in the 1930s]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoy zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and Childhood in everyday life: History and modernity]. Proceedings of the International Scientific conference, April 6–8, 2023. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. Vol. 1. Pp. 186–191. (In Russ.)
3. Kochina, P. YA. (1974) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. (1936) *Zhenschchiny v SSSR. Statisticheskij sbornik* [Women in the USSR. Statistical collection]. Moscow: CUNHU Gosplana SSSR V/O "Soyuzorguchet". (In Russ.)
5. *Arhiv RAN* [Archives of the Russian Academy of Sciences]. F. 411. Op. 1-1936. D. 57.
6. Valkova, O. A. (2018) Dokumental'nye materialy po istorii organizacii i provedeniya konferencii zhenschchin-uchenyh v Moskve v 1936 g. (Predislovie i publikaciya O.A. Val'kovo) [Documentary materials on the history of the organization and holding of the conference of women scientists in Moscow in 1936 (Preface and publication by O. A. Valkova)]. *Arhiv istorii nauki i tekhniki* [Archive of the History of Science and Technology]. Vol. VI (XV). Moscow: «YAnus-K» Pp. 434–454. (In Russ.)
7. Valkova, O. A. (2016) Dokumenty po istorii sozdaniya nesostoyavshegosya slovarki sovetskikh zhenschchin-uchenyh (1935–1937 gg.) v arhivakh RF [Documents on the history of the creation of the failed dictionary of Soviet women scientists (1935–1937) in the archives of the Russian Federation]. *Istoriya nauki: istochniki, pamyatniki, nasledie: vtorye chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki* [History of Science: sources, monuments, heritage: second readings on historiography and source studies of the history of science and technology]. Proceedings of the Scientific Conference, Moscow, October 19–20, 2016. Moscow: YAnus-K. Pp. 86–92. (In Russ.)
8. Valkova, O. A. (2021) Sovetskie zhenschchiny-ucheny: Sociologicheskoe issledovanie (1935–1936) [Soviet Women scientists: A Sociological Study (1935–1936)]. *Nauka i tekhnika: Voprosy istorii i teorii* [Science and Technology: Issues of History and Theory]. Proceedings of the XLII International Annual Conference of the St. Petersburg Branch of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences "Science and Technology in the years of Storms and Upheavals (dedicated to the anniversaries of A. P. Karpinsky and L. S. Berg)" (October 25–29, 2021). Vyp. XXXVII. St. Petersburg: SPbF IIET RAN. Pp. 263–264. (In Russ.)
9. *Arhiv RAN* [Archives of the Russian Academy of Sciences]. F. 411. Op. 1-1936. D. 58.
10. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics]. F. 4394. Op. 1. D. 152.

Об авторе

Валькова Ольга Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории физико-математических наук, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

About the author

Valkova Olga A., Doctor of Historical Sciences, Chief Research Fellow of the Department of History of Physical and Mathematical Sciences, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Moscow, Russian Federation; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

Статья поступила в редакцию 02.08.2025
Одобрена после рецензирования 19.09.2025
Принята к публикации 06.10.2025

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Научная статья
УДК 94(47)×18/19»:637.13:637.144
EDN: JJUIVK
DOI: 10.35231/25422375_2025_4_132

Новейшие способы особой обработки молока для детского питания в конце XIX – начале XX в.: отечественный и зарубежный опыт

Ю. В. Сутула

В статье исследуются аспекты инновационных технологий в области обработки коровьего молока и их применение в детском питании младшего возраста в конце XIX – начале XX в. Такие передовые разработки были крайне востребованы для обеспечения качественным питанием грудных детей, проживавших как в крупных городах Российской империи, так и в США и Западной Европе. Анализируются процессы внедрения ультрафиолетовой обработки молока и соответствующей тары с помощью увиола, обогащение молока для детского питания с помощью пептинов, разработка новых способов производства продуктов кислого пахтания. Отечественный и зарубежный опыт использования этих новшеств имел как общие черты, так и существенные различия в ходе апробации в детской диететике. Отечественные исследователи в основном фокусировались на применении особых добавок для улучшения удобоваримости продукта для вскармливания грудных детей. Для зарубежного опыта конца XIX – начала XX в. было характерно использование новейших технических разработок для обеззараживания молока и соответствующей тары.

Ключевые слова: обработка молока, детское питание, искусственное «вскормление», диететика, пепто-молоко, продукты пахтания, увиол.

Для цитирования: Сутула Ю. В. Новейшие способы особой обработки молока для детского питания в конце XIX – начале XX в.: отечественный и зарубежный опыт // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 132–151. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_132. EDN: JJUIVK

Введение

Последнюю четверть XIX – начало XX в. современники называли «временем гигиеническим» [1, с. V], а также временем открытий новых свойств электричества [2, с. 219] и изобретений в области химии. Достижения и значимые открытия в различных сферах науки практически сразу находили применение в повседневной жизни, особенно в тех её областях, где возникала острая необходимость как общественного, так и индивидуального характера.

Одной из таких жизненно важных потребностей как на государственном, так и на уровне городского самоуправления, стало обеспечение жителей крупных городов Российской империи доброкачественным продовольствием и особенно коровьим молоком. Этот продукт был основным для детского питания, в том числе и при искусственном «вскормлении». Смертность именно грудных детей в Российской империи в последней четверти XIX в. была крайне высокой и составляла половину от числа общей детской смертности [3, с. 11].

Одной из основных причин детской смертности в Европейской части Российской империи, по мнению большинства врачей, было использование некачественных и фальсифицированных молочных продуктов в рационе питания¹. При этом подобная ситуация со снабжением качественными молочными продуктами населения была характерна не только для крупных российских городов, но и для европейских и американских [4, с. 5, 8; 5, р. 203].

Коровье молоко было достаточно скоропортящимся продуктом, качество которого зависело от разнообразных факторов, и население крупных столичных городов постоянно сталкивалось с дефицитом качественного молока, без типичных для того времени следов фальсификации, вроде разбавления молока водой [6, с. 2], снятия сливок, что представляло серьезную угрозу для здоровья детей [7, с. 90].

Деятельность по обеспечению молоком как продуктом для искусственного «вскормления» детей грудного возраста проводилась по нескольким направлениям.

В конце XIX – начале XX вв. широкомасштабная работа велась по разработке и активному внедрению в детскую диететику

¹ Никитенко В. П. Детская смертность в Европейской России за 1893–1896 год: дис. ... д-ра мед. СПб., 1901. С. 218.

искусственных смесей на основе самых разнообразных ингредиентов [8, с. 80]. Следующим направлением была традиционная обработка молока как продукта для детского питания с помощью его стерилизации и пастеризации. Однако обозначение продукты стоили очень дорого [9, с. 4], а их питательные свойства и степень обеззараживания вызывали оправданные опасения у врачей и родителей [10, с. 12].

Другим важным экспериментальным способом разработки продуктов, учитывающим физиологические особенности развития организма ребенка и гигиенические требования, стал метод обработки коровьего молока с целью добавления особых питательных веществ, с одной стороны, а также совершенствования всего производственного процесса, с другой стороны. Все эти разработки проводились на основе новейших достижений науки и техники для производства молока, не подверженного действию микроорганизмов, обеспечения безопасной упаковки продуктов с сохранением всех питательных свойств коровьего молока.

Именно последнее направление работ по непосредственной обработке коровьего молока с помощью инновационных научных достижений рубежа XIX–XX вв. для детского питания находится в научном фокусе предложенного исследования.

Целью данной статьи является анализ достижений в области обработки коровьего молока и его суррогатов для искусственного «вскормления» грудных детей, их роль, значение и особенности применения в диетике детского питания конца XIX – начала XX в.

В отечественной историографии последнего времени широко рассматриваются вопросы и аспекты питания детей в пореформенной России, при этом данные исследования носят как междисциплинарный характер, так и достаточно узконаправлены. Подобные вопросы рассматриваются в контексте истории медицины [11], социальной истории [12; 13], а также с точки зрения гендерной истории [14] и истории повседневности [15; 16].

В ходе анализа разработок продуктов питания для грудных детей на основе коровьего молока и особенностей его применения в повседневной жизни для упорядочивания и структурирования фрагментированных фактов и сведений используется метод исторической ретроспектиды, а также синхронный метод при изучении особенностей применения

готовых продуктов детского питания на основе современных достижений технической науки в Российской империи, Европе и США в конце XIX – начале XX в.

Поэтапное рассмотрение нюансов применения изобретений в практической плоскости, а также их как удачное, так и несостоявшееся применение в детской диетике, позволяет расширить представление о сложном процессе внедрения продуктов «особого» питания в повседневную жизнь, влиянии на этот процесс не только объективных, но и субъективных факторов, в том числе психологических. Некоторые исследования и разработки, не нашедшие в то время потребительского спроса, впоследствии успешно применялись для ослабленных и больных детей в качестве лечебного диетического питания.

Ультрафиолет как новейший способ производственной цепочки

В конце XIX – начале XX в. как в европейских странах, так и в Российской империи велись разработки новых способов обработки молока, препятствующих процессу гниения, с одной стороны, и в то же время сохраняющих питательные и вкусовые качества продукта. При этом в подобные исследования включались все этапы производства молока: от коровников до упаковки молока и его транспортировки.

Наиболее успешным, хотя и в ограниченных масштабах, в начале XX в. стал способ обработки и розлива молока, получивший название «Uviol», а сам продукт назывался «увиольным» («увиолевым») молоком. Производство такого молока и особый способ дезинфекции инвентаря для него стали примером того, как «отдельные научные открытия помогают лучшему овладению производством» [17, с. 5]. В 1905 г. в Йене на стекольном заводе Шотта (Schott) началось производство ртутной лампы с «кварцевой рубашкой под названием "Увиол", которая пропускала большое количество ультрафиолета» [18, р. 10]. Использовать такую лампу для освещения было проблематично из-за неприятного цвета, вызывающего боль в глазах, однако ультрафиолетовые лучи, как выяснились, обладали бактерицидным действием. Начались эксперименты с применением подобных ламп в различных сферах, которые стали «модным» увлечением исследователей из-за открывающихся перспектив.

Увиоловое (увиолевое) стекло, получившее свое название из-за сокращения слова «ультрафиолет» начали использовать и в повседневной жизни и, в частности, при асептации (увиолизации) молока. Подобный метод, разработанный профессором М. Зейфертом (M. Seifert), позволял прекрасно обеззараживать молоко, сохраняя при этом ценные молочные закваски [19, р. 530], что особенно важно было как раз при питании детей. При этом молоко не надо было кипятить, что приводило к ухудшению его вкуса и пищевой ценности, а также соответствовало рекомендации отдельных детских врачей. Однако обеззараживание молока с помощью увиола было лишь одним этапом в создании качественного продукта.

Общепринятой европейской проблемой было использование посуды, предназначенной для хранения и перевозки молока, не соответствующей санитарным гигиеническим требованиям. В Санкт-Петербурге в 1896 и 1897 гг. были приняты строгие требования к посуде для сохранения молока, которая должна была быть «с плотно пригнанными крышками и покрыта чистыми покрывалами для защиты от пыли и мух» [20, с. 499], но, несмотря на эти распоряжения, обычной практикой оставалось использование глиняной посуды, применение вместо крышек ветоши и старой одежды и т. д., аналогичной была ситуация и в Москве [21, л. 27–29].

М. Зейферт (M. Seifert) в контексте сложившейся ситуации разработал и особый метод разлива молока «Увиол», именно он указал, что бумажные крышки, «хотя и лучше, чем ничего, если они достаточно чисты, но далеки от идеала» из-за трудности сохранения их стерильными [22, р. 160]. Ученый предложил использовать крышки из оловянной фольги, с нижней стороны обработанные ультрафиолетом, которые надевались на бутылку с помощью машин, не прикасаясь к ним руками. Молоко выпускалось под названием «Milk by Dr. M. Seiffert». В Обществе охранения народного здравия на одном из заседаний в 1910 г. обсуждали особенности производства молока способом, предложенным M. Seiffertом и признавали возможность приготовления молока, в котором «убиты все патогенные бактерии и оставались только полезные молочнокислые палочки», что делало его значительно полезнее, чем пастеризованное или стерилизованное [23, с. 379].

Вопреки положительной оценке экспертов, подобное увиольное молоко в России не производили, несмотря на потребность в таких продуктах. Себестоимость этого способа обработки молока была достаточно высокой, в том числе и из-за дорогоизны ртутно-кварцевых ламп и патентного права на стеклянные трубки, сосуды и стаканы для ламп под названием «Uviol» [24, р. 758] и трудоемкого производственного процесса. Фабриканты в России, иностранные подданные, предлагали свои изобретения по укупорке молочных бутылок, ёмкостей для хранения и перевозки молока [25, л. 1], однако их применение не гарантировало асептического воздействия по сравнению с увиольным (увиолевым) способом.

Молоко «Uviol» и в Европе было скорее необычной диковинкой и, несмотря на стремления автора метода, не получило широкого распространения. Однако в Америке данный способ обработки молока использовался для создания специального молочного порошка, предохраняющего его от порчи и рекомендованного для применения в пищу грудным детям [26, р. 5].

Первые опыты с обеззараживанием в производстве молока продемонстрировали перспективность подобных исследований [27, с. 96; 28], особенно важным был именно комплексный подход к этому вопросу: от получения молока, до его хранения, фасовки и перевозки.

Впрочем, обеззараживание молока лишь в лучшем случае сохраняло органолептические свойства уже имеющегося молочного продукта и способствовало более длительной его сохранности. Коровье молоко, а также в меньшей степени козье, было основным продуктом для искусственного питания грудных детей, и в случае плохой переносимости этих продуктов, провоцировало различные болезни, в том числе «желудочно-кишечные катары». Все это требовало особой модификации молока, в том числе с помощью специальных добавок, для улучшения удобоваримости готового продукта для питания детей.

«Пепто-молоко»: мода или необходимость в диетике грудных детей

Именно эти положения лежали в основе способов приготовления искусственных детских смесей, однако и в них первоэлементом было прежде всего коровье молоко как основной

продукт, наиболее сходный по своим свойствам с материнским молоком. В 1880-х гг. была составлена формула нового пищевого продукта, основанная на действии пептонов, на который врачи и гигиенисты возлагали большие надежды. Это была модификация коровьего молока с помощью соответствующего добавления обработанных пептонов (пептонизация), т. е. обработкой молока закваской поджелудочной железы [29, р. 75].

Ребенок получал продукт фактически уже в переваренном виде, что способствовало, по замыслу профессора Пфайфера (Pfeifer), улучшению переваривания и усвоемости продукта. «Пептомолоко» первоначально продавалось в виде порошка, который требовалось специальным образом развести и подогреть перед кормлением ребенка. В Америке наиболее популярными пептопорошками был «Препарат Рудиша» [30, р. 237], а порошок «Fairchild's» использовался в госпиталях, где медсестры готовили его для ослабленных новорожденных детей. Приготовление пептомолока на основе молока заключалось в кипячении продукта с уже готовым порошком, что требовало очень большого внимания и осторожности, поскольку при излишнем кипячении молоко становилось горьким, и дети отказывались от кормления [31, р. 35].

Профессор Пфайфер (Pfeifer) предложил использовать сухое пептонизированное молоко в виде уже готового продукта, нуждающегося только в надлежащем разведении коровьим молоком и выпускающегося под красноречивым названием «искусственное грудное молоко» [32, с. 41]. Пептонизированное молоко Пфайфера (Pfeifer) берлинская фирма Voltmer's выпускала и уже в полностью готовом виде для детей, в том числе первых четырех месяцев жизни. Пептомолоко как готовый продукт очень трудно было хранить, оно легко гнило, поэтому было непригодно к перевозке в другие города и доставлялось ежедневно только по подписке [33, с. 37–38].

В России возлагали большие надежды на этот пищевой продукт и они, по мнению известного детского врача В. Н. Жука, оправдались для «подкармливания особенно больных и слабых грудных детей» [34, с. 852]. Если раньше приходилось покупать в аптеках дорогой пептин только по рецепту врача, то производство уже готового пептонизированного молока значительно облегчало этот процесс.

Пептомолоко изготавливалась «Санкт-Петербургская Гигиеническая лаборатория». Старший врач Воспитательного дома К. П. Крузе использовал пептомолоко для кормления ослабленных детей, и результатом стала значительная прибавка в весе у них [35, с. 165]. Энтузиастом применения «пепто-молока» при расстройстве питания, носящего инфекционный характер, была З. О. Мичник, которая в ходе клинических наблюдений, проведенных в амбулатории для грудных детей «Помощь матерям» при 15-м городском попечительстве, установила, что пептомолоко «благодаря своему физическому и химическому составу поддается действию пищевых ферментов легче, чем обыкновенное молоко» [36, с. 74]. Однако естественная горечь подобного молока требовала его подслащения, как правило, это делали с помощью молочного сахара.

Слово «пептонизированное» было модным в детской диетике, и такие продукты быстро стали востребованы в столичных городах Российской империи. Покупательским спросом пользовалось пептонизированное молоко «Löflund'a». При рассмотрении состава этого продукта гигиенистами, выяснилось, что это «декстринизированная молочная мука», т. е. искусственная смесь из сгущенного молока, пшеничной муки и обработанного крахмала [37, с. 183].

Подобная проблема с готовыми пептонизированными продуктами для детского питания была характерна не только для европейского, но и для американского рынка.

Следует обратить особое внимание на то, что в России подобные продукты рассматривались как лечебное пищевое питание и не предназначались в качестве постоянной замены грудного молока искусственным «вскормлением». В Америке же пептонизированное молоко и смеси с ним использовались для постоянного применения достаточно часто, особенно в 1880–90-е гг. XIX в. Крупная нью-йоркская фирма «Carnrick's Food» рекламируя своих продуктах для искусственного питания помещала как в медицинских, так и в женских журналах. Запатентованные модификации коровьего молока этой фирмы применялись в детской диетике в Америке и Англии, особенно лакто-препараты, в том числе и насыщенные «пептонами» [38, р. 320].

В рекламе состав продукта представлялся как «сухое частично пептонизированное молоко <...>, содержащее частич-

но преобразованный крахмал» и являющееся эффективным заменителем грудного молока [39, р. 52]. Научные термины, использующиеся в рекламе, должны были убедить «ответственных родителей», что подобный товар натуральный, созданный на основе последних достижений науки. Однако при внимательном анализе, как и в случае с пептонизированным молоком Löflund'a, продававшимся в Российской империи, было установлено, что данный продукт фирмы «Carnrick's Food» есть не что иное, как сгущённое молоко с добавлением крахмала, не содержащее никаких пептонов.

Эта история получила огромнейший резонанс в Америке, поскольку продемонстрировала отсутствие необходимого торгово-санитарного надзора за обработкой молока для детского питания. В США препараты для детского питания можно было продавать только при наличии заключений экспертов о допустимости использования патентов модификацией коровьего молока к использованию для питания детей. Для этого в Америке был создан специальный подкомитет диетологии по «вскормлению» детей грудного возраста, основной задачей которого было исследование проблем детского питания и подготовка по результатам этой работы отчета. Смесь «Carnrick's food», которая рекламировалась как пептонизированная, а на самом деле содержала лишь воду, крахмал и муку, была как раз рекомендована для искусственного питания именно этим подкомитетом и его председателем Фрэнком Вудбери (Frank Woodbury) [40, р. 13]. Некомпетентность или сознательная фальсификация результатов исследования смеси этой фирмы привели к тому, что доверия к работе подкомитета и её выводам не было как со стороны медицинского сообщества, так и со стороны родителей.

«Модное увлечение» пептонами и применение препаратов с ними для постоянного «вскормления» грудных детей в Америке и Англии приводили к негативным результатам. Желая нивелировать горький вкус пептонизированного молока, производители добавляли большое количество различных подсластителей, как правило, молочный сахар и сгущённое молоко. Помимо этого, использование пептина на постоянной основе способствовало тому, что желудок ребенка ослабевал, поскольку пища подавалась уже практически в переваренном виде [41,

р. 48]. Любые попытки перевести детей на обычную молочную пищу приводили к большим проблемам из-за того, что их желудок не мог самостоятельно работать. Помимо этого, практикующие врачи фиксировали случаи цинги, вызванные потреблением пептонизированного сгущенного молока [42, р. 457].

В Москве фирма Штокмана и Лемана с разрешения Медицинского департамента в середине 80-х гг. XIX в. начала производить даже «Пептоновый питательный шоколад» для малокровных детей и взрослых как продукт, увеличивающий аппетит [43, с. 516]. Пептонизирующие бактерии или ферменты казеина и их свойства использовались также Ф. Бидертом при создании его рецепта сливочной смеси для грудных детей [44, с. 26].

Таким образом, разработка и производство в различных модификациях пептонизированного молока способствовали развитию линии лечебного «диетического питания» при искусственном «вскормлении» грудных детей в случае непереносимости молока и желудочно-кишечных расстройств. Его применение должно было проходить только по показаниям врача с постоянным контролем состояния ребенка. Пептонизированное молоко в диетике больных и ослабленных детей имело важное значение, однако не годилось для постоянного массового применения.

Кислое пахтанье: известные продукты в новых формах

Однако не только новейшие разработки науки и техники лежали в основе изобретения способов модификации коровьего молока и его адаптации для качественного питания детей. Производители и гигиенисты обращали внимание на суррогаты молока, традиционно используемые в детском питании. Такими стали кислые смеси в виде пахтанья, которые употреблялись еще в XVIII и в начале XIX в. в Голландии и Германии, применяясь в бедных семьях, а также в условиях, когда неудачными оказывались многочисленные попытки найти молоко, которое бы подходило ребенку [45, р. 828].

Продукты пахтанья по традиционному рецепту изготавливались из кислого обезжиренного молока, подогретого до 40° и пропущенного через сепаратор [46, с. 733]. Широкое применение в детской диетике в начале XX в. получили продукты пахтанья, которые производились из кислого молока и сливок,

цельного молока, а также из сладких сливок и выпускались различными фирмами в качестве готовых смесей. Врачи-энтузиасты готовили смесь на основе продуктов пахтанья сами, экспериментируя с соотношением применяемых веществ, наблюдая при этом за переносимостью детьми получаемого питания. Конечно, для приготовления такого пахтанья требовались свежайшие продукты, в частности сливки, которые в условиях города достать было достаточно проблематично. Помимо этого, даже хорошее молоко довольно быстро скисало и было негодно для приготовления детского питания. Кроме проблемы приобретения качественного молочного продукта, сам процесс пахтанья был достаточно длительным и занимал от 30 мин до часа [47, с. 89].

Лидерами по разработкам и способам применения пахты для питания грудных детей были немецкие и голландские ученые и производители, наладившие фабрикацию подобных продуктов на строго научной основе и опыте их применения. Отношение к «консервированным патентованным продуктам пахтанья» у врачей-педиатров было различным: одни настаивали на том, что надо для питания детей пахту готовить только самим [48, р. 223], другие утверждали обратное, ссылаясь на невозможность приобрести доброкачественный продукт для пахтанья и советовали пользоваться готовыми искусственными смесями, содержащими эти ингредиенты [49, с. 291–292]. Ассортимент коммерческих продуктов на основе пахтанья был очень широким и пользовался потребительским спросом именно в Западной Европе.

Основой всех этих искусственных смесей была пахта, а вот дополнительные консервирующие вещества, как и формы выпуска, были различны. Так, в детской муке «Thomas-Buttermilk» основной добавкой было большое содержание пшеничной муки [50, с. 3], для родителей – любителей более натурального продукта для питания детей, производители выпускали концентрированную пахту «Ви-Со» в виде густой жидкости со слегка кисловатым запахом и вкусом. Голландское детское питание фирмы «Philipp Müller» выпускалось с добавлением сахара и небольшого количества муки в жидком виде в литровых бутылках, пригодных к длительному хранению, а молочные фабрики J. Rietschel выпускали продукт

без добавления сахара и муки в виде порошка для растворения. В рекламе этих продуктов преобладал содержательный, а не атмосферный характер. Отмечалось, что данный продукт свободен от патогенных микробов, имеет питательную ценность и всегда однородной консистенции, что крайне трудно было достичь при домашнем приготовлении пахты [51, с. 3].

В Петербурге подобный опыт питания детей с помощью пахты применял в образцовом приюте при школе нянь в Царском Селе В. П. Герасимович, который до этого совершил научную командировку в Германию и изучил особенности этого способа искусственного «вскормливания». Он сам готовил смесь для питания, экспериментируя с составом. По его мнению, подобный продукт можно было применять как прикорм при недостатке молока матери, а также в случае когда женское молоко не переносится [52, с. 607].

Сложность самостоятельного приготовления пахты в столице Российской империи заключалась в невозможности приобретения именно качественных продуктов кислого пахтанья, пригодного для питания детей. В Петербурге для пахты использовалась старая сметана, а не кислые сливки. Помимо этого, в столице по традиции фабрикацию масла осуществляли из сладких сливок без жиров, т. е. побочным продуктом было не необходимое для детского питания кислое пахтанье, а обыкновенное, так называемое «тощее» молоко [53, с. 24–25]. Поэтому в Петербурге предпочитали приобретать уже готовое для детского питания консервированное пахтанье.

В 1908 г. на базе детской клиники Императорской Военно-Медицинской академии было произведено масштабное исследование особенностей и практического значения применения пахтанья в диетике детей грудного возраста. Было отмечено, что подобные продукты наиболее благоприятны при кислом и щелочном способе производства, поскольку благодаря повышенной кислотности, меньшему содержанию жира достигается лучшая перевариваемость этих продуктов [54, с. 24].

Такие продукты среди большинства населения крупных городов Российской империи не пользовались популярностью вследствие устоявшегося убеждения, что пахта – продукт низкого качества, который является лишь дешевой заменой масла и пригодно лишь для приготовления лепешек и блинов

[55, с. 29]. Однако пахта как лечебная смесь при искусственном «вскрмливании» активно применялась позднее, уже в Советском Союзе, и рекомендовалась даже для новорожденных [56, с. 159–160]. В 70-х гг. XX в. применение продуктов пахтанья признавалось необходимым при питании детей с «аномалиями конструкции» и при гипотрофии [57, с. 9]. Отличительной чертой и достоинством пахты было то, что при надлежащих продуктах, соблюдении необходимых технологических требований и должном умении подобные продукты родители могли приготовить самостоятельно в домашних условиях.

Обсуждение и выводы

Продукты для питания грудных детей в начале XX в. только разрабатывались, т. е. проходили этап становления. Подобные разработки способов и методов детского питания на основе достижений науки и техники способствовали усовершенствованию и развитию детской диететики в области искусственного вскармливания грудных детей, созданию особых лечебных смесей. Практическое использование этих препаратов значительно отличалось в Российской империи и за рубежом, где применение новых способов обработки молока для детского питания проходило ряд научно-практических исследований, а родители настороженно относились к нововведениям в детской диететике.

Появились и совершенствовались новейшие способы обработки молока в виде обеззараживания с помощью ультрафиолета, а также разработки добавок в виде пептинов, улучшающих качество молочной продукции. Даже традиционно применяемые в отдельных европейских странах продукты кислого пахтанья модернизировались, в том числе менялись формы продуктов для удобства их быстрого применения в случае необходимости.

Список литературы

1. Енько П. Д. Гигиена обыденной жизни. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1892. 346 с.
2. Рюмин В. В. Чудеса современной электротехники: Применение электричества во всех отраслях человеч. деятельности. Николаев: Электричество и жизнь, 1916. 256 с.
3. Гундобин Н. П. Детская смертность в России и меры борьбы с нею: Лекция, чит. 6 июня 1906 г. на I Рос. педол. съезде. СПб.: Лит.-мед. журн. д-ра Окса, 1906. 31 с.
4. Езерская Л. О. Молоко для детей. Харьков: Типо-лит. Шмерковича, 1898. 15 с.

5. Reviews. The Intestinal Diseases of Infancy and Childhood. By A. Jacobi, M. D. Pp. 301. Detroit, Mich.; George S. Davis. 1887 // The Practitioner: A Journal of Therapeutics and Public Health. 1888. Vol. 41, August. P. 203.
6. Петербургское молоко // Петербургская газета. 14 янв. 1894. № 13. С. 2.
7. Бомштейн И. С. Криоскопия молока и практическое значение // Русский врач. 1904. № 3. С. 90–92.
8. Веременко В. А., Сутула Ю. В. Завоевывая детский мир: иностранные «молочные» смеси и столичные потребители в России во второй половине XIX – начале XX в. // Петербургский исторический журнал. 2024. № 4. С. 79–91. DOI: 10.51255/2311-603X_2024_4_79. EDN: QSYYZB
9. «Здоровье», гигиеническая молочная ферма (Царское село). Администрация Гигиенической молочной фермы «Здоровье»: прейскурант. СПб.: паровая Типо-Литография М. Розенбер, 1899. 8 с.
10. Московская гигиеническая ферма д-ра О. Витт и К. Описание работы фермы. М.: б. и., 1897. 16 с.
11. Мицюк Н. А. Распространение детских смесей в России (начало XX в.): медиакализация и коммерциализация детского питания // Материалный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 17–19 марта 2016 г. / под общ. ред. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 155–160.
12. Семенова О. А. Попечение о материях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока» // История повседневности. 2019. № 4 (2). С. 72–81. EDN: OBJXWP
13. Зайцева С. В. Попытки реорганизации городской «Капли молока» в Санкт-Петербурге в начале XX в. как способ борьбы с детской смертностью // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веременко, В. Н. Шайдуров. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 161–167. EDN: EPCUCW
14. Мицюк Н. А. Конструируя «Идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 1. С. 21–32. EDN: PRLNGH
15. Веременко В. А., Сутула Ю. В. Гигиена питания дошкольников в столичных дворянско-интеллигентских семьях России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22, № 3. С. 496–509. DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-3-496-509. EDN: TZPXY5
16. Веременко В. А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 18–31.
17. Глаголев С. П. Кварцевое стекло: его свойства, производство и применение. М., Л.: Госхимтехиздат, 1934. 216 с.
18. Stephen R. W. Sandbows and Black Lights. New York: Oxford University Press, 2021. 216 р.
19. Seifert. Aseptizing (Uvioletizing) Milk by Ultraviolet rays // The American Journal of Clinical Medicine. 1911. Vol. 18. P. 530–531.
20. Алфавитный сборник распоряжений по С.-Петербургскому градоначальству и полиции, извлеченных из приказов за 1891–1901 гг.: сост. по распоряжению С.-Петербур. Градоначальника ген.-лейт. Н. В. Клейгельс, состоящий при полицейском резерве ст. пом. пристава н. с. И. Высоцкий. СПб.: Тип. Спб. градоначальства, 1902. 952 с.
21. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА г. Москвы). Ф. 179. Оп. 21. Д. 1960.
22. Waddell J. Milk, Sanitary and Otherwise // The Scientific Monthly. 1917. Vol. 4. № 2. P. 155–164.
23. Увиольное молоко // Журнал Русского общества охранения народного здравия. 1910. № 5. С. 378–379.
24. Ser. No. 24.786 // Official Gazette of the United States Patent Office. May 5 to June 30, Inclusive. Vol. CXXXIV. 1908. P. 758.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 24. Оп. 1. Д. 232.

26. Scientific American: Supplement. 1911. Vol. 71. № 1827. P. 5.
27. Жилое Ю. Д. Фильтр из увиолевого стекла для ртутно-кварцевых ламп // Гигиена и санитария. 1960. № 2. С. 96.
28. Родионова А. В., Новикова Г. В. Обоснование режимов работы установки для обеззаживания молока // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2013. № 4–2 (80). С. 186–189.
29. Smith J. L. A Treatise on the diseases of infancy and childhood. Philadelphia: Lea Brothers&Co, 1890. 868 p.
30. Jacobi A. Therapeutics of Infancy and childhood. Philadelphia: J. B. Lippincott Company, 1896. 518 p.
31. Griffith S. A. A clinical Tecture on the Artifical feeding of Infants Delivered at St. Bartholomew's Hospital // The Clinical Journal: A Weekly record of Clinical Medicine and Surgery, with their Special Branches. 15 May 1895. Vol. VI May-October. P. 35.
32. Schmidt O. Neuere Arbeiten über Künstliche Säuglingsnährung Sammelbericht // Monatsschrift für Geburtshilfe und Gynäkologie. 1895. Band Jahrgang I. Hett 1–2. S. 37–42.
33. Filatov N. Kurzes Lehrbuch der Kinderkrankheiten für Studierende der letzten semester. Wien: J. Safar, 1897. 230 s.
34. Жук В. Н. Мать и дитя: Гигиена в общедоступном изложении. СПб.: В. И. Рубинский, 1906. 1166 с.
35. Российский медицинский список, изданный по высочайшему повелению его императорского величества повелению на 1900 год: списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек: по сведениям на 25 марта 1906 г. СПб.: Тип. Министерства Внутренних Дел, 1906. 828 с.
36. Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова. Съезд. Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая–5 июня 1913 г.: [Протоколы заседаний. Доклады]. Вып. [1]. СПб.: Тип. акц. общ. «Слово», 1913. 109 с.
37. Раскина М. А. Искусственное вскармливание детей // Реальная энциклопедия медицинской наук: медико-хирургический словарь. Т. 4. (Волчанка-Глазные мышцы). СПб.: Изд. В. С. Эттингер, 1892. 802 с.
38. Sterilizer for Infant Feeding // Cyclopaedia of the Diseases of Children Medical and Surgical. VolI. Philadelphia: J. B. Lippincott Company, 1899. P. 313–328.
39. The British Medical Journal. Dec. 14, 1889. Vol. 2. P. 52.
40. A Serious Accusation. Has the American Medical Association been bought up // Boston Journal of Health. 1888. Vol. 2. № 1. P. 13–14.
41. Tooker R. N. The Diseases of Children and Their Homeopathic Treatment: A Text-book for Student, Colleges, and Practitioners. Chicago: Gross and Delbridge, 1895. 813 p.
42. Hunt E. M. Food During nursingperiod // Annual report of the Board of Health of the State of New Jersey. Trenton: MacCrellish&Quicley, 1893. P. 441–461.
43. Всемирная иллюстрация: еженедельный иллюстрированный журнал. 1885. Т. XXXIII. № 26. С. 516.
44. Брейтман М. Я. Питание и вскармливание детей с современной точки зрения. СПб.: Журн. «Соврем. медицина и гигиена», 1907. 404 с.
45. Buttermilk, which was used as a food for infants // The Philadelphia Medical Journal: A Weekly Journal Owned and Published by The Philadelphia Medical Publishing in the Interests of the Medical Profession. January–June 1902. Vol. IX. P. 828.
46. Карапыгин Е. С. Масло (коровье) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. Т. XVIIa (36). СПб.: Тип.-лит. И. А. Ефона, 1896. С. 727–736.
47. Schlesinger H. Arztlches Handbüchlein für hygienisch-diätetische und andere verordnungen. Wien: Verlag von Julius Springer, 1920. 206 s.
48. Miller J. M. Some thoughts on Artificial Infant feeding, with special reference to the danger of deficient proterid // Interastate Medical Journal. February 1911. Vol. 18: January–December 1911. № 2. P. 219–224.
49. Noorden C., Salomon H. Handbuch der Emährung–Slehre: Erster Band Allgemeine Diätetik (Nährstoffe und Nahrungsmittel Allgemeine Ernährungskuren). Berlin: Verlag von Julius Springer, 1920. 1271 s.

50. № 80601. D. 5049/26e. Dr. Thoma's Buttermilch-Kindermehl (Zwingenberg). 10.05.1905 // Warenzeichenblatt. Vol. 12. Berlin: Wila-Verlag für Wirtschaftswerbung, 1905. 1780 s.
51. Deutsche Zeitschrift für Nervenheilkunde. 6 Juni 1907. 4–6 Half, 32 Band. S. 3.
52. Герасимович В. П. Пахтанье, как лечебное и питательное средство // Русский врач. 1906. № 20. С. 606–608.
53. Горохов Д. Е. К вопросу об уходе за детьми: Вскормливание, питание детей: из лекций на Курсах при О-ве рус. врачей в Москве в 1908 г. М.: Журн. «Фельдшер вестн.», 1909. 30 с.
54. Грегор К. Э. Пахтанье в диетике грудного возраста // Сборник трудов врачей Детской клиники Имп. Военно-медицинской академии: К десятилетию проф. деятельности Н. П. Гундобина. СПб.: Журн. «Практ. медицина», 1908. 155 с.
55. Достоевский А. М. Из воспоминаний // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 29–162.
56. Тур А. Ф. Физиология и патология детей периода новорожденности. Л.: Медгиз. Ленингр. отд-ние, 1955. 432 с.
57. Заметки из практики // Педиатрия. 1973. С. 9.

The Latest Methods of Special Milk Processing for Baby Food in the Late 19th – Early 20th Centuries: Domestic and Foreign Experience

Julia V. Sutula

The article examines aspects of innovative developments in the field of cow's milk processing and their use in infant nutrition in the late 19th – early 20th centuries. Such advanced technologies were in high demand in the context of providing high-quality products for infants living both in large cities of the Russian Empire and in the United States and Western Europe. The article analyzes the processes of introducing ultraviolet treatment of milk and corresponding containers using uviol, enrichment of milk for infant nutrition using peptins, and development of new methods for producing sour buttermilk products. Domestic and foreign experience in using these innovations had both common features and significant differences during testing in children's dietetics. Domestic researchers focused on the use of special additives to improve the digestibility of the product for feeding infants. Foreign experience of the late 19th – early 20th centuries is characterized by the use of the latest technical developments for disinfecting milk and corresponding containers.

Key words: milk processing, baby food, artificial feeding, dietetics, peptone milk, buttermilk products, uviol.

For citation: Sutula, J. V. (2025) Novejshie sposoby osoboj obrabotki moloka dlya detskogo pitaniya v kontse XIX – nachale XX v: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt [The Latest Methods of Special Milk Processing for Baby Food in the Late 19th – Early 20th Centuries: Domestic and Foreign Experience]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 132–151. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_132. EDN: JUUIVK

References

1. En'ko, P. D. (1892) *Gigiena obydennoj zhizni* [Hygiene of everyday life]. Saint Petersburg: tip. A. S. Suvorina. (In Russ.)

2. Ryumin, V. V. (1916) *CHudesa sovremennoj elektrotehniki: Primenenie elektrichestva vo vsekh otrasylyah chelovech. deyatel'nosti* [The Wonders of Modern Electrical Engineering: The use of electricity in all areas of human activity]. Nikolaev: Elektrichestvo i zhizn'. (In Russ.)
3. Gundobin, N. P. (1906) *Detskaya smertnost' v Rossii i mery bor'by s neyu: Lekciya, chit. 6 iyunya 1906 g. na 1 Ros. pedol. s"ezde* [Infant mortality in Russia and measures to combat it: Lecture, read on June 6, 1906 at the 1st Russian Pedagogical Congress]. Saint Petersburg: Lit.-med. zhurn. d-ra Oksa. (In Russ.)
4. Ezerskaya, L. O. (1898) *Moloko dlya detej* [Milk for children]. Har'kov: tipo-lit. SHmerkov-icha. (In Russ.).
5. Reviews. The Intestinal Diseases of Infancy and Childhood. By A. Jacobi, M.D. Pp. 301. Detroit, Mich.: George S. Davis. 1887. (1888) The Practitioner: A Journal of Therapeutics and Public Health. Vol. 41, August. P. 203. (In Eng.)
6. (1894) Peterburgskoe moloko [Petersburg milk]. *Peterburgskaya Gazeta* [Petersburg newspaper]. January 14. No. 13. P. 2. (In Russ.)
7. Bomshtejn, I. S. (1904) *Krioskopiya moloka i prakticheskoe znachenie* [Milk cryoscopy and its practical significance]. *Russkij vrach* [Russian doctor]. No. 3. Pp. 90–92. (In Russ.)
8. Veremenko, V. A., Sutula, Yu. V. (2024) Zavoevyyaya detskiy mir: inostrannyye «molochnyye» smesi i stolichnyye potrebiteli v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Conquering the children's world: foreign "milk" formulas and metropolitan consumers in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [Petersburg historical journal]. No. 4. Pp. 79–91. (In Russ.). DOI: 10.51255/2311-603X_2024_4_79. EDN: QSYYZB
9. (1899) «*Zdorov'ye, gigienicheskaya molochnaya ferma* (Carskoe selo). Administraciya *Gigienicheskoye molochnoye fermy* «*Zdorov'ye: prejskurator* [“Health”, hygienic dairy farm (Tsarskoe Selo). Administration of the Hygienic Dairy Farm “Health”: price list]. Saint Petersburg: parovaya Tipo-Litografiya M. Rozenoer. (In Russ.)
10. (1897) *Moskovskaya gigienicheskaya ferma d-ra O. Vitt i K. Opisanie raboty fermy* [Moscow hygienic farm of Dr. O. Witt and K. Description of the farm's work]. Moscow: b.i. (In Russ.)
11. Micyuk, N. A. (2016) Rasprostranenie detskih smesej v Rossii (nachalo XX v.): medikalizaciya i kommersializaciya detskogo pitanija [Distribution of infant formula in Russia (beginning of XX century): medicalization and commercialization of baby food]. *Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, Saint Petersburg, March 17–19. Ed. V. N. Skvorcov, V. A. Veremenko. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 155–160. (In Russ.)
12. Semyonova, O. A. (2019) *Popechenie o materyah i mladencah v Sankt-Peterburge v nachale XX v. na primere gorodskoj «Kapli moloka»* [The care of mothers and babies in St. Petersburg in the early 20th century on the example of the city “Drop of milk”]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 4 (2). Pp. 72–81. (In Russ.). EDN: OBJXWP
13. Zajceva, S. V. (2020) Popytki reorganizacii gorodskoj «Kapli moloka» v Sankt-Peterburge v nachale XX v. kak sposob bor'by s detskoj smertnost'yu [Attempts to reorganize the city's “Drop of Milk” in St. Petersburg in the early 20th century as a way to combat infant mortality]. *Reformy v povsednevnnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremenost'* [Reforms in the everyday life of Russian population: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, Saint Petersburg, April 2–4. Ed. V. A. Veremenko, V. N. SHajdurov. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 161–167. (In Russ.). EDN: EPUCUW
14. Micyuk, N. A. (2015) Konstruiruya «Ideal'nuyu mat'»: koncepcii materinstva v rossiijskom obshchestve nachala 20th veka [Constructing the “Ideal mother”: the concept of motherhood in Russian society in the beginning of 20th century]. *ZHurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 13. No. 1. Pp. 21–32. (In Russ.). EDN: PRLNGH
15. Veremenko, V. A., Sutula, J. V. (2023) Gigiena pitanija doshkol'nikov v stolichnyh dvoryansko-intelligentskih sem'yah Rossii v konce XIX – nachale XX v. [Nutritional Hygiene of Preschoolers in Russian Metropolitan Noble Families of the Intelligentsia in the late 19th – early 20th Centuries]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istorija Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. Vol. 22. No. 3 (August 2023). Pp. 496–509. (In Russ.). DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-3-496-509. EDN: TZPXYS

16. Veremenko, V. A. (2012) Uhod za det'mi rannego vozrasta v dvoryanskih sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Care for children of early age in the noble families of Russia in the second half of 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. Vol. 4. No 3. Pp. 18–31. (In Russ.). EDN: PJCLIT
17. Glagolev, S. P. (1934) *Kvarcevoe steklo: ego svojstva, proizvodstvo i primenie* [Quartz glass: its properties, production and application]. Moscow, Leningrad: Goskhimtekhizdat. (In Russ.)
18. Stephen, R. W. (2021) Sandbows and Black Lights. New York: Oxford University Press.
19. Seifert (1911) Asepticizing (Uvioletizing) Milk by Ultraviolet rays. *The American Journal of Clinical Medicine*. Vol. 18. Pp. 530–531.
20. (1902) *Alfabitynyj sbornik rasporyazhenij po S.-Peterburgskomu i policii, izvlechennyy iz prikazov za 1891–1901 gg.: Sost. po rasporyazheniyu S.-peter. Gradonachal'nika gen-lejt. N. V. Klejgel's, sostoyashchij pri policejskoi rezerve st. pom. pristava n.s. I. Vysockij* [Alphabetical collection of orders on the St. Petersburg city and police, extracted from orders for 1891–1901: Comp. by order of the St. Petersburg mayor, lieutenant general N. V. Kleygels, serving with the police reserve senior assistant bailiff N. S. I. Vysotsky]. Saint Petersburg: tip. Spb. gradonachal'stva. (In Russ.)
21. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy* [Central State Archives of the City of Moscow] (hereinafter – TsGA Moscow). F. 179. Op. 21. D. 1960.
22. Waddell, J. (1917) Milk, Sanitary and Otherwise. *The Scientific Monthly*. Vol. 4. No 2. Pp. 155–164. (In Russ.)
23. (1910) Uviolet'noe moloko [Uviolet milk]. *ZHurnal Russkogo obshchestva ohraneniya narodnogo zdraviya* [Journal of the Russian Society for the Protection of Public Health]. No. 5. Pp. 378–379. (In Russ.)
24. (1908) Ser. No. 24.786. Official Gazette of the United States Patent Office. May 5 to June 30, Inclusive. Vol. CXXXIV. 1908. P. 758. (In German)
25. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskiy arhiv* [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 24. Op. 1. D. 232.
26. (1911) *Scientific American: Supplement*. Vol. 71. No 1827. P. 5.
27. ZHiloe, Yu. D. (1960) Fil'tr iz uvolevogo stekla dlya rtutno-kvarcevyh lamp [Wilted glass filter for mercurine-quartz lamps]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and sanitation]. No. 2. P. 96. (In Russ.)
28. Rodionova, A. V., Novikova, G. V. (2013) Obosnovanie rezhimov raboty ustanovki dlya obezzarazhivaniya moloka [Justification of operation modes for milk disinfection installation]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. YA. Yakovleva* [Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev]. No. 4–2 (80). Pp. 186–189. (In Russ.)
29. Smith, J. L. (1890) *A Treatise on the diseases of infancy and childhood*. Philadelphia: Lea Brothers&Co. (
30. Jacobi, A. (1896) *Therapeutics of Infancy and childhood*. Philadelphia: J. B. Lippincott Company.
31. Griffith, S. A. (1895) *A clinical Tecture on the Artifical feeding of Infants Delivered at St. Bartholomew's Hospital. The Clinical Journal: A Weekly record of Clinical Medicine and Surgery, with their Special Branches*. 15 May. Vol. VI May–October. P. 35. (In Eng.)
32. Schmidt, O. (1895) *Neuere Arbeiten über Künstliche Säuglingsernährung* Sammelbericht. Monatsschrift für Geburtshilfe und Gynäkologie. Band Jahrgang I. Hett 1–2. S. 37–42. (In German)
33. Filatov, N. (1897) *Kurzes Lehrbuch der Kinderkrankheiten für Studierende der letzten semester*. Wien: J. Safar. (In German)
34. Zhuk, V. N. (1906) *Mat' i ditya: Gigiena v obshchedostupnom izlozenii* [Mother and Child: Hygiene in a public presentation]. Saint Petersburg: V. I. Rubinskij. (In Russ.)
35. (1906) *Rossijskij medicinskij spisok, izdannyy po vysochajshemu poveleniyu ego imperatorskogo velichestva poveleniyu na 1900 god: spiski vrachej, veterinarov, zubnyh vrachej, farmacevtov i aptek: po svedeniyam na 25 marta 1906 g.* [The Russian medical list, published by the highest command of his imperial majesty for 1900: lists of doctors, veterinarians, dentists, pharmacists and pharmacies: according to information for March 25, 1906]. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva Vnutennih Del. (In Russ.)

36. (1913) *Obshchestvo russkih vrachej v pamyat' N. I. Pirogova. S"ezd. Dvenadcatyj Pirogovskij s"ezd. Peterburg, 29 maya – 5 iyunya 1913 g.: Protokoly zasedanij. Doklady* [Society of Russian doctors in memory of N. I. Pirogov. Congress. The twelfth Pirogov Congress. Petersburg, May 29 – June 5, 1913: Protocols of meetings. Reports]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya akc. obshch. «Slovo». (In Russ.)
37. Raskina, M. A. (1892) *Iskusstvennoe vskarmlivanie detej* [Artificial feeding of children]. *Real'naya enciklopediya medicinskij nauk: mediko-hirurgicheskij slovar'* [Real Encyclopedia of Medical Sciences: Medical and Surgical Dictionary]. Vol. 4. (Volchanka-Glaznye myshcy). Saint Petersburg: izd. V.S. Ettinger. P. 183. (In Russ.)
38. (1899) *Sterilized for Infant Feeding. Cyclopaedia of the Diseases of Children Medical and Surgical*. Vol. I. Philadelphia: J. B. Lippincott Company. Pp. 313–328.
39. (1889) *The British Medical Journal*. Dec. 14. Vol. 2. P. 52.
40. (1888) *A Serious Accusation. Has the American Medical Association been bought up*. Boston *Journal of Health*. Vol. 2. No. 1. Pp. 13–14. (In Eng.)
41. Tooker, R. N. (1895) *The Diseases of Children and Their Homeopathic Treatment: A Text-book for Student, Colleges, and Practitioners*. Chicago: Gross and Delbridge. (In Eng.)
42. Hunt, E. M. (1893) *Food During nursing period. Annual report of the Board of Health of the State of New Jersey*. Trenton: MacCrellish&Quicley. Pp. 441–461. (In Eng.)
43. (1885) *Vsemirnaya illyustraciya: ezhenedel'nyj illyustrirovannyj zhurnal* [World Illustration: weekly illustrated magazine]. Vol. XXXIII. No. 26. P. 516. (In Russ.)
44. Brejman, M. YA. (1907) *Pitanie i vskarmlivanie detej s sovremennoj tochki zreniya* [Nutrition and feeding of children from a modern point of view]. Saint Petersburg: zhurn. «Sovrem. medicina i gigiena». (In Russ.)
45. (1902) *Buttermilk, which was used as a food for infants. The Philadelphia Medical Journal: A Weekly Journal Owned and Published by The Philadelphia Medical Publishing in the Interests of the Medical Profession*. January–June. Vol. IX. P. 828.
46. Karatygin, E. S. (1896) *Maslo (korov'e)* [Butter (cow)]. *Enciklopedicheskij slovar' Brockhaus i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. XVIIia (36). Saint Petersburg: Tip-lit. I. A. Efrona. Pp. 727–736. (In Russ.)
47. Schlesinger, H. (1920) *Arztlisches Handbüchlein für hygienisch-diätetische und andere Verordnungen*. Wien: Verlag von Julius Springer. (In German)
48. Miller, J. M. (1911) *Some thoughts on Artificial Infant feeding, with special reference to the danger of deficient proetid*. *Interstate Medical Journal*. February 1911. No. 2. Vol. 18: January–December 1911. Pp. 219–224.
49. Noorden, C., Salomon, H. (1920) *Handbuch der Ernährung–Slehre: Erster Band Allgemeine Diätetik (Nährstoffe und Nahrungsmittel Allgemeine Ernährungskuren)*. Berlin: Verlag von Julius Springer. (In German)
50. (1905) No 80601. D. 5049/26e. Dr. Thoma's Buttermilch-Kindermehl (Zwingenberg). 10.05.1905 (1905). *Warenzeichenblatt*. Vol. 12. Berlin: Wila-Verlag für Wirtschaftswerbung. S. 1223. (In German)
51. (1907) *Deutsche Zeitschrift für Nervenheilkunde*. 6 Juni. 4–6 Half, 32 Band. S. 3. (In German)
52. Gerasimovich, V. P. (1906) *Pahtan'e, kak lechebnoe i pitatel'noe sredstvo* [Buttermilk as a healing and nutritional remedy]. *Russkij vrach* [Russian doctor]. No. 20. Pp. 606–608. (In Russ.)
53. Gorohov, D. E. (1909) *K voprosu ob uhode za det'mi: Vskarmlivanie, pitanie detej: Iz lekciy na Kursah pri O-ve rus. vrachej v Moskve v 1908 g.* [On the issue of child care: feeding, food for children: from lectures at courses at the Russian Doctors' Society in Moscow in 1908]. Moscow: zhurn. «Feldsher vestn.». (In Russ.)
54. Gregor, K. E. (1908) *Pahtan'e v dijetetike grudnogo vozrasta* [Branding in the dietetics of infants]. *Sbornik trudov vrachej Detskoj kliniki Imp. Voenno-medicinskoy akademii: K desyatletiyu prof. deyatel'nosti N. P. Gundobina* [Collection of works of doctors of the children's clinic Imp. Military Medical Academy: By the decade of prof. activities of N. P. Gundobin]. Saint Petersburg: zhurn. «Prakt. medicina». (In Russ.)
55. Dostoevskij, A. M. (1990) *Iz vospominanij* [From the memories]. F. M. Dostoevskij v vospominanijah sovremennikov: V 2 t. [F. M. Dostoevsky in the memoirs of contemporaries: in 2 vol.]. Vol. 1. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. Pp. 29–162. (In Russ.)

56. Tur, A. F. (1955) *Fiziologiya i patologiya detej perioda novorozhdennosti* [Physiology and pathology of children of the newborn]. Leningrad: Medgiz. Leningr. otd-nie. (In Russ.)
57. (1973) *Zametki iz praktiki* [Notes from practice]. *Pediatriya* [Pediatrics]. P. 9. (In Russ.)

Об авторе

Сутула Юлия Витальевна, ассистент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: jmitlina@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-5338-0065

About the author

Sutula Julia V., Assistant of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: jmitlina@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-5338-0065

Статья поступила в редакцию 09.07.2025
Одобрена после рецензирования 25.07.2025
Принята к публикации 08.08.2025

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Научная статья
УДК 94(470.23-25) «18/19»:373.68-055.25
EDN: NHMATF
DOI: 10.35231/25422375_2025_4_152

Сельскохозяйственный приют для девочек «Затишье» в Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в.

С. В. Зайцева, С. В. Степанов

В статье рассматривается история создания и развития сельскохозяйственного приюта для девочек «Затишье», открытого Московско-Нарвским отделом Общества попечения о бедных и больных детях (Общества «Синий Крест») в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии в конце XIX в. Первоначально созданный для приема и обучения детей обоего пола приют впоследствии был преобразован в колонию для сирот-девочек из беднейших семей Петербурга. Преобразованная колония готовила своих воспитанниц к сельскохозяйственному труду и управлению хозяйством, в том числе в дворянских имениях. Успешность работы приюта во многом зависела от инициативных и деятельных членов Общества, которые не просто были заинтересованы в продолжении существования учреждения, но и активно выступали за сотрудничество с учебными заведениями Министерства земледелия и государственных имуществ и дальнейшее благополучное трудоустройство выпускниц приюта. Рассмотрены также вопросы организации повседневной жизни питомиц колонии, их учебной и досуговой деятельности. В качестве основного исторического источника для рассмотрения выявленных аспектов работы сельскохозяйственного приюта «Затишье» выступили делопроизводственные материалы, в частности годовые отчеты о его деятельности.

Ключевые слова: сельскохозяйственный приют для девочек, приют «Затишье», колония «Затишье», Санкт-Петербургская губерния, Плюсса.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

Для цитирования: Зайцева С. В., Степанов С. В. Сельскохозяйственный приют для девочек «Затишье» в Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в. // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 152–175. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_152. EDN: NHMATF

Введение

Благотворительная помощь детям как одной из наиболее уязвимых категорий населения получила особенно активное распространение в российском обществе на рубеже XIX–XX вв. Именно тогда вопросы высокой детской смертности и заболеваемости, беспризорности, детского труда, жестокого обращения, необходимости и целесообразности организации специальных детских учреждений и многие другие аспекты стали волновать общественность, прежде всего в лице врачей и педагогов.

Изучение истории благотворительных учреждений остается перспективной темой исторических исследований, а принятие Федерального закона РФ № 327-ФЗ «О меценатской деятельности» от 04.11.2014 г. обуславливает необходимость изучения исторических форм меценатства как явления в российской истории, выявление благотворительных учреждений в императорский период, открытых не только на деньги жертвователей, но и за счет вклада лиц, подаривших имущество и земельные владения под развитие отечественного образования.

В Санкт-Петербурге и других городах было создано большое количество благотворительных обществ, разных по численности, финансовым возможностям, охвату и результатам своей деятельности. Одним из самых крупных и успешных в столице было Общество попечения о бедных и больных детях («Синий Крест»), основанное в 1882 г. по инициативе публицистки и общественной деятельницы А. С. Балицкой, которая активно участвовала в жизни и организации всех его учреждений. Для улучшения работы Общества было создано несколько территориальных отделов, в том числе Московско-Нарвский отдел, который и заведовал сельскохозяйственным приютом «Затишье» в Плюссе.

Цель исследования заключается в том, чтобы комплексно охарактеризовать деятельность сельскохозяйственного приюта «Затишье» Запольской волости Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии (ныне местность в Плюсском районе Псковской области) для девочек-сирот как реализованный силами благотворительного общества способ социализации и профессионального становления детей из социально неблагополучных слоев петербургского общества в конце XIX – начале XX в. Источниками для реализации поставленной цели послужили преимущественно делопроизводственные документы –

отчеты сельскохозяйственного приюта, содержащие как сведения организационно-финансового характера, так и вопросы повседневной жизни воспитанников заведения.

Основными методами исследования стали: источниково-ведческий, позволивший найти и использовать письменные источники – отчеты приюта, архивные документы о его деятельности; диахронный, способный проследить деятельность приюта среди других форм благотворительной и образовательной практики; структурно-синхронный, давший возможность выявить значение педагогического опыта приюта «Затишье» как способа социальной адаптации детей из городских низов, их профессионального развития и становления как специалистов в ходе привития практических и теоретических навыков в период обучения.

Вопросы развития благотворительности в дореволюционной России неоднократно становились предметом исследования как в отечественной [1–3], так и в зарубежной [4; 5] историографии. Создание и функционирование отдельных благотворительных учреждений, попечительств, ведомств и системы в целом в указанный период рассматривалось исследователями с разных точек зрения: организационной структуры [6; 7], оказания медицинской помощи [8; 9], педагогики [10–12], гигиены [13], повседневной жизни питомцев [14] и др. История появления Общества попечения о бедных и больных детях в Санкт-Петербурге отражена в работах А. Ю. Волькович [15; 16]. Многогранная деятельность этого Общества в хронологии своего развития освещена в монографии Г. Л. Микиртичан [17]. Обществом были открыты многочисленные заведения, среди них особую известность получил приют детей калек и паралитиков, ставший предметом особого изучения С. В. Вилинской [18]. Организация обучения девочек в приюте «Затишье» была частично рассмотрена ранее одним из авторов данной статьи [19].

Результаты

В конце XIX в. представители благотворительных обществ, врачи, учителя неоднократно обсуждали вопросы организации помощи нуждающимся детям (прежде всего сиротам). Помимо создания специальных детских учреждений – приютов, выдвигались идеи обучения воспитанников специальным тео-

ретическим и практическим знаниям, чтобы не просто дать возможность обустроить детям свою жизнь, но и использовать их труд во благо общества [20]. С этой целью, например, членами Общества охранения народного здравия выдвигалась идея создания трудовых колоний для детей Петербурга с приобщением их воспитанников к труду «на полевых, огородных и других работах, в отличие от колоний с устройством игр, забав и различных развлечений на чистом воздухе» [21, с. 3]. Таким образом, сочетание трудовой деятельности с нахождением в сельской местности могло иметь оздоровительный эффект, способствуя улучшению физического и нравственного состояния детей.

В декабре 1895 г. Московско-Нарвскому отделу Общества попечения о бедных и больных детях было предложено создать подобную сельскую колонию на территории Санкт-Петербургской губернии. Для этих целей Обществу была передана усадьба «Затишье», находившаяся в 10 верстах от железнодорожной станции Плюсса в Лужском уезде, между деревнями Машутино и погостом Хмеро, которая принадлежала жене статского советника Е. П. Плаксиной [22, с. 68]. Территория усадьбы включала в себя 291 десятину земли (317,10 га) для пашни, покоса, выгона, а также лес. Помимо деревянного дома и хозяйственных построек, был пожертвован и живой инвентарь: лошадь, четыре коровы, овцы и домашняя птица. Кроме того, жертвователь обязался ежегодно вносить 600 р. на содержание колонии [21, с. 3].

Официальной датой открытия сельской колонии стало 17 апреля 1896 г., когда была привезена первая группа ребят. Целью заведения провозглашалась «подготовка детей к земледельческим занятиям и к домоводству при условиях простого, сельского быта». Первоначально в колонии было 20 детей (10 мальчиков и 10 девочек) в возрасте 9–15 лет [23, с. 1]. Уже к январю 1898 г. количество воспитанников увеличилось до 28 (14 мальчиков и 14 девочек в возрасте 9–17 лет) [24, с. 1].

Неоднократно подчеркивалось, что жизни в колонии придавался «характер крестьянской семьи», развивались принципы трудовой помощи и взаимовыручки. Персонал колонии в лице надзирательницы, учительницы и мужчины-работника активно привлекал детей ко всем видам работ по устройству жизни в колонии. Из сельских работ детьми выполнялись самостоятельно и под надзором взрослых разбивка огородных гряд,

посев и посадка овощей, поливка, прополка, уборка огородных культур, пахота, бороньба, жатва ржи и яровых, веяние, молотьба, косьба травы и просушка, уборка сена и клевера, сбор гречихи, чечевицы, обработка льна и др. К работам на свежем воздухе привлекались и мальчики, и девочки, что положительно отразилось на их физическом развитии. Среди домашних работ мальчики занимались сортированием валежника, распилкой и рубкой его на дрова, носили воду, ходили за скотом, чинили сбрую и экипажи, убирали помещение, чистили свою одежду; девочки же варили пищу, пекли хлеб, заготавливали разные соленья, варенья и консервы, стирали и гладили белье и платье, убирали и мыли комнаты, посуду, доили коров, стригли овец и ходили за домашней птицей. Помимо сельскохозяйственных работ, мальчики осваивали сапожное и столярное ремесла, плетение матов из соломы, витье веревок и щепанье на машине драни для починки крыш на постройках в колонии; девочки же занимались кройкой и шитьем верхней одежды, платья и белья, прядением, тканьем полотна, вязанием шарфов, чулок и варежек, штопкой и меткой белья [25, с. 3]. Помимо практических умений, детям в колонии давали и первоначальное образование. В программу учебных занятий входило обучение Закону Божьему, грамоте, четырем правилам арифметики, а также краткий курс гигиены и подача первоначальной помощи при несчастных случаях [23, с. 3].

Рабочий день у ребят начинался в 5 утра, в 8 часов ели «кашицу». В 12 часов проходил обед, состоявший из супа или щей с мясом, каши, киселя или овощей, по праздникам давали еще и пироги. В 4 часа дня дети пили ржаной кофе с молоком и хлебом, вечером в 7 часов 30 минут следовал ужин, на который давали то, что осталось от обеда. В 8 часов вечера дети ложились спать. Одежда у ребят была простая: девочки ходили в сарафанах, мальчики – в рубашках. В жаркое время дети ходили босые, в холодные и дождливые дни они надевали ходоки – туфли из простой кожи (юфти). В праздничные дни для детей проводились игры, также для их развлечения были приобретены музыкальные инструменты (окарина, гармония, фляжолет и др.). Летом дети в сопровождении надзорительницы совершали прогулки в соседние деревни и по окрестностям, что приносило им большое удовольствие [23, с. 3].

На территории колонии «Затишье» проводились и хозяйственные улучшения. В течение всего лета 1896 г. происходили работы по ремонту и приспособлению верхнего этажа усадебного дома под помещение для мальчиков [23, с. 4]. В 1898 г. была выстроена новая баня и сушильня для белья, на чердаке усадебного дома был выстлан пол [25, с. 4]. В 1900 г. был расширен скотный двор (сделан пол, кормушки, стоки, вытяжные трубы), тогда же был построен новый навес для экипажей и дров. Весь жилой дом был проконопачен, на нем была перестрана крыша, а также переделаны светлая теплая лестница на верхний этаж, подоконники и наружные двери. В леднике были сделаны перегородки, были заново переложены печи в бане, прачечной и риге [26, с. 3]. В 1902 г. приют подвергся дальнейшим улучшениям: с противопожарной целью была выстроена вторая лестница на второй этаж, был закончен забор вокруг усадьбы, вновь были выкрашены стены и потолки kleевой краской, а также косяки дверей и окон, сами двери и рамы окон. Кроме того, был заготовлен лесной материал для предстоящей постройки молочного дома, пристройки к дому двух комнат в верхнем этаже, а также рабочей комнаты и кухни в подвальном помещении [21, с. 12]. Однако сведений о реализации этих планов и дальнейших изменениях в облике бывшей усадьбы для нужд приюта обнаружено не было.

В 1900 г. в организации колонии произошли изменения: было упразднено отделение для мальчиков по причине «зараженности детей столичной бедноты дурными примерами взрослых», наличия «детей не всегда порочных, но всегда с слишком рано пробудившимися инстинктами» [27, с. 6]. Эта мера рассматривалась как временная, до строительства отдельного дома для мальчиков, но уже в 1903 г. колония была переименована в сельскохозяйственный приют для девочек. Цель данного приюта в соответствии с Положением заключалась в том, чтобы «подготавливать девочек в экономки и прислугу в простые хозяйства посредством обучения их сельскому домоводству» [27, с. 7].

Обучение было четырехлетним и включало в себя занятия по «приготовлению обыкновенных кушаний, хлебопечению, сохранению пищевых продуктов, приготовлению разных запасов, консервов, варенья, соленья; кройке, шитью, починке простого платья и белья, вязанию, прядению, тканью; уходу

за скотом, птицей, пчелами, огородом и садом», также девочки обучались Закону Божьему, чтению, письму, «первым правилам арифметики и элементарным правилам подачи первой помощи в несчастных случаях» [27, с. 9]. Подобная программа могла дать необходимые первоначальные теоретические знания и практические умения для дальнейшего устройства на работу в качестве прислуги или экономки [28]. Таким образом, изменилась и сельскохозяйственная направленность заведения: основное внимание стало уделяться тем отраслям хозяйства, которые «наиболее соответствуют женскому труду» [26, с. 1].

Заведование приютом осуществляла особая комиссия, ежегодно избиравшаяся Московско-Нарвским отделом Общества попечения о бедных и больных детях. Ее члены из своего состава выбирали председателя (председательницу), секретаря и казначея. Непосредственное руководство приютом осуществляла надзирательница, хорошо знакомая с теорией и практикой сельского домоводства. Основные функции комиссии заключались в распределении занятий в приюте, наблюдении за правильным исполнением всех указаний, выработке инструкций для надзирательницы и учительницы, поиске финансовых средств на нужды приюта, а также в заботе о нахождении мест для девочек, окончивших курс занятий [27, с. 9]. Длительное время председателем комиссии являлся барон А. А. Фитинггоф (Фитинггоф-Шель).

В число воспитанниц приюта принимались здоровые девочки в возрасте 10–13 лет, преимущественно сироты, в приюте они находились до 17–18-лет. Общее число воспитанниц в соответствии с «Положением о сельскохозяйственном приюте для девочек “Затишье”» насчитывало 30 чел. [27, с. 9], но в последующем количество девочек увеличилось до 40 [27, с. 11], во многом благодаря платным вакансиям. Количество бесплатных мест в приюте постоянно варьировалось: так, Московско-Нарвским отделом Общества попечения о бедных и больных детях предоставлялись бесплатно в 1902 г. 10 мест, в 1907 г. – 9 мест, в 1909 г. – 4 места, в 1911 и 1913 гг. – 5 мест; одно бесплатное место традиционно давалось Комитетом Общества. Сам приют обеспечивал в 1902 г. 15 бесплатных мест, в 1907 и 1909 гг. – 23 вакансии, в 1911 г. – 28 мест, в 1913 г. – 25 мест; за отдельную плату были предусмотрены в 1902 г. 15 мест,

в 1907 г. – 7 мест, в 1909 г. – 8 мест, в 1911 г. – 6 мест, в 1913 г. платно учились трое [21, с. 10; 27, с. 11; 29, с. 8; 30, с. 13; 31, с. 3]. По условиям приема необходимо было единовременно внести 15 р. «на обзаведение», ежегодная плата составляла 60 р. и вносилась за полгода вперед (с 1909 г. ежегодная плата увеличилась до 100 р. [29, с. 4]). В первое время плату за воспитанниц вносили Комитет и отделы Общества, в последующие годы активно привлекались лица, занимавшиеся благотворительностью. Так, в 1902 г. была внесена сумма в размере 60 р. за воспитанницу Анастасию Семенову от некой госпожи Александровой [21, с. 10]. В последующие годы за девочек вносили плату Л. А. Алафузова (председатель правления после смерти своего мужа, основателя «Торгово-промышленного общества Алафузовских фабрик и заводов» в Казани), сам барон А. А. Фитингофф, председатель комиссии, заведовавшей приютом, историк Е. С. Шумигорский, графиня М. А. Граббе и др.

О санитарно-гигиеническом состоянии приюта и здоровья девочек сохранилось немного сведений. Согласно отчетам, приют практически не сталкивался с какими-то серьезными проблемами в этой сфере. В 1907 г. в заведении дважды были случаи инфекционных заболеваний (ангиной, а затем инфлюенцией), когда переболели почти все воспитанницы, однако без каких-либо осложнений [27, с. 15]. В 1909 г., несмотря на эпидемию оспы, свирепствовавшую в округе, в приюте, как отмечалось в отчете, никто не болел, кроме хронических больных. Однако среди последних скончалась одна девочка, Анастасия Григорьева, это был второй такой случай за длительное существование приюта [29, с. 10].

Уже в первые годы XX в. приют столкнулся с кадровой проблемой: изменения в преподавательском составе (надзорительницы и учительницы) сильно влияли на жизнь воспитанниц. Найти подходящую кандидатуру руководству оказалось непросто. Так, в отчете за 1907 г. отмечалось, что в начале года уволилась надзорительница Глафира Дмитриевна Ивановская, долгие годы работавшая на этой должности, на ее место была приглашена учительница Полтавской земской школы Екатерина Константиновна Шумилина. Новая надзорительница, прибыв на место, практически сразу же отказалась от должности, «найдя условия жизни в приюте для себя неподходящими». Временно обязанно-

сти были возложены на учительницу Анну Ивановну Муравьеву, в мае же появилась новая надзирательница – Вера Степановна Бондаренко. Однако вскоре выяснилось, что она страдает нервными припадками, вследствие чего она была отстранена от должности. Лишь в сентябре появилась новая надзирательница, которая удовлетворяла требованиям руководства – Гертруда Александровна Грюнблат, «сразу отдавшаяся всей душой вверенному ей делу». В это же время уволилась и А. И. Муравьева, получившая предложение перейти в железнодорожную школу в Волосово с окладом, вдвое превышавшим оплату в «Затишье». Ее уход очень тяжело был воспринят в приюте, поскольку именно благодаря деятельности этой учительницы воспитанницы неоднократно получали хорошие знания, которые отмечались в отзывах Министерской школы, куда девочки шли учиться дальше по курсу молочного хозяйства. На место А. И. Муравьевой была приглашена Екатерина Васильевна Калинина. Кроме того, желание развивать обучение разным отраслям сельского хозяйства заставляло руководство приюта искать новых специалистов. Так, в 1907 г. для практического преподавания садоводства и огородничества и заведования этими сферами в приюте была направлена выпускница Сходненской школы садоводства Александра Семеновна Карпова [27, с. 12], в 1909 г. на ее место была приглашена Ольга Федоровна Зейгузен [29, с. 10].

С 1909 г. была создана специальная программа по договору с Департаментом земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ, предусматривавшая сдачу экзамена по окончании получения теоретических и практических знаний. 28 сентября 1908 г. были утверждены «Правила Затишинской сельскохозяйственной колонии для девочек (в Лужском уезде, С.-Петербургской губернии) Общества попечения о бедных и больных детях». В качестве цели заведения в «Правилах» отмечалось «воспитание девочек-сирот, нуждающихся в приюте-семье, а также обучение их домоводству и тем отраслям хозяйства, знание коих наиболее необходимо для деревенской хозяйки, каковы: животноводство, в частности птицеводство, молочное хозяйство, огородничество с садоводством, рукоделия, кустарное дело, ведение записей по хозяйству и проч.» [30, с. 9].

Теперь колония передавалась в ведение Главного управления землеустройства и земледелия, постоянное наблюдение за ее

деятельностью осуществляло Петербургско-Псковское управление земледелия и государственных имуществ, предусматривались периодические осмотры заведениями представителями Департамента земледелия. Однако общее заведывание осуществлялось отделом Общества попечения о бедных и больных детях по заведыванию колонией [30, с. 9].

Ежегодно Главное управление землеустройства и земледелия выделяло сумму в размере 1 500 р. на вознаграждение учительского персонала (надзорительнице, одной учительнице общеобразовательных предметов, двум учительницам специальных предметов и законоучителю), на учебные пособия, а также на содержание трех казенных стипендиаток, причем суммы по каждой статье расходов были четко прописаны в «Правилах». Все остальные расходы финансировались за счет средств, выделявшихся Отделом общества попечения о бедных и больных детях по заведыванию колонией, а также за счет пожертвований со стороны других благотворительных обществ, частных лиц и земств [30, с. 10].

В соответствии с новыми правилами в колонию на полное содержание принимались девочки православного вероисповедания, преимущественно сироты, в возрасте не моложе 9 лет. Воспитанницы обучались на двух отделениях: младшем и старшем. В первом, младшем, отделении находились девочки в возрасте 9–13 лет, они обучались грамоте в объеме курса одноклассных школ, а также принимали участие в сельскохозяйственных работах и занятиях по домоводству в соответствии со своими возможностями. В старшем отделении воспитанницы не моложе 13 лет обучались домоводству и разным отраслям сельского хозяйства (птицеводство, молочное хозяйство, садоводство, огородничество). Занятия в основном были практическими, в зимнее время они проходили в виде бесед и наглядных объяснений [30, с. 10]. Особое место уделялось религиозному воспитанию: на обоих отделениях преподавалось церковное и хоровое пение, воспитанницы регулярно в праздники посещали близлежащую церковь, где пели и читали на клиросе [31, с. 3]. Продолжительность рабочего дня, включая теоретические и практические занятия, в соответствии с «Правилами» не должна была превышать 10 часов. По окончании каждого отделения воспитанницы сдавали экзамены по общеобразо-

вательным (в младшем отделении) и специальным предметам (старшее отделение), при сдаче которых выдавались соответствующие свидетельства [30, с. 10].

Наиболее успешные выпускницы приюта могли продолжить обучение в специальных школах Главного управления землеустройства и земледелия по молочному хозяйству и маслоделию в Князищевской и Невской школах, по птицеводству в школах Орловой и Ракович, откуда неоднократно поступали хорошие отзывы об уровне знаний девушек. Заканчивая свое образование в одной из этих школ, выпускницы приюта, при содействии Департамента земледелия определялись на места для практических занятий, чаще всего оставаясь там же работать [31, с. 3]. По сведениям руководства приюта, с 1906 по 1913 г. была трудоустроена 31 воспитанница с оконченным полным курсом, только двое оставались неустроенными по ряду личных причин.

Впоследствии отдельные воспитанницы не просто устроились на работу в большие имения Санкт-Петербургской и других губерний, но и успешно руководили их хозяйством. Так, в отчете за 1913 г. отмечалось, что выпускница приюта Вера Мурзина руководила хозяйством в имении «Памятка» в Саратовской губернии; Евдокия Тимофеева – в имении «Кональ» на станции Дубровка Риго-Орловской железной дороги; Екатерина Попова – в имении «Алтуфьев Берег» в г. Луге Санкт-Петербургской губернии; Аниса Костынова – в имении «Отрада» Калужской губернии; Анастасия Трофимова – в имении Карпович на станции Струги Белые, а Клавдия Куликова – в имении Думстрай Лужского уезда Петербургской губернии и т. д. [31, с. 4].

Таких значительных успехов в своей деятельности приют достиг благодаря тому, что с первых дней своего существования значительное внимание отводил практической подготовке своих питомцев в сельскохозяйственной сфере.

С самого начала существования колонии, а затем приюта, особое внимание уделялось огородничеству, садоводству и полеводству. Сразу же после приезда первые воспитанники под руководством персонала расчистили рощу, «развели огород, для обработки которого потребовалось добывание дерновой земли из леса, а летом из-за сильной засухи необходима была обильная поливка» [23, с. 1]. Одновременно с огородом дети разбили небольшой фруктовый сад, который разрастался благодаря регуляр-

ным пожертвованиям в виде разных плодовых деревьев и ягодных кустарников со стороны директора Санкт-Петербургского помологического сада А. Э. Регеля [23, с. 2]. В последующем огороду уделялось большое внимание: постоянно увеличивалось количество борозд (в 1897 г. – 200, в 1898 г. – 310 [25, с. 1]), устраивались парники, Н. Н. Жеденовым был составлен план огорода, одобренный Департаментом земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ. Помимо традиционных овощей, урожай которых шли непосредственно на нужды приюта, выращивались и «мало разводимые растения»: спаржа, чабер, скорцонера. Вдоль огорода был сделан дренаж для стока вод, рядом был вырыт пруд. Дети активно участвовали в этих работах, «пололи гряды вплоть до появления овощей» [24, с. 1]. Кроме того, в 1898 г. на 15 грядах была разведена особая корзиночная ива для развития в будущем корзиночного производства [25, с. 2]. Помимо огорода и сада, питомцы под руководством взрослых наставников на территории усадьбы организовали поле под картофель, овес, а затем лен, рожь, ячмень, клевер и другие кормовые культуры. С особым усердием дети работали на сено-косе: учились косить, сушить сено, складывать его в сарае. Во время уборки хлебов ребята жали, молотили и веяли. Для особо тяжелых работ, например выкорчевывания пней, эпизодически приглашались наемные работники, но в целом воспитанники старались справляться самостоятельно, в том числе используя различную пожертвованную приюту технику, например корчевальную машину, подаренную Сан-Галли [24, с. 2].

С развитием огородничества, садоводства и луговодства питомцы приюта все больше обучались этому виду деятельности и самостоятельно выполняли разные работы: разбивку огородных гряд, посев и посадку овощей, фруктовых деревьев и кустов, поливку, полку, уборку урожая овощей, бороны, жатву, веяние, молотьбу, косьбу травы, просушку и уборку сена и клевера [21, с. 10]. Тем не менее урожайность огорода, сада и лугов во многом зависела от погодных условий, что нередко лишь обеспечивало учреждение овощами и фруктами для питания детей и кормом для скота, но не давало возможности продавать урожай и получать дополнительный доход.

Перспективным направлением деятельности приюта и обучения его воспитанников первоначально рассматривалось пче-

ловодство. Пасека была устроена недалеко от огорода в 1897 г.: было приобретено пять ульев, из которых роением образовали еще девять. Рои поместили в ульи разных рамочных систем (Берленша, Левицкаго, Дадана), возле пасеки высадили медоносные растения (маточник, фацелию, вошанку и др.). В первый же год, по данным отчета, было получено «20 фунтов хорошего, ароматного, янтарного цвета меду» [24, с. 2], несмотря на неблагоприятный для пчеловодства год. В последующие годы количество ульев увеличивалось (в 1900 г. – до 25), дети под руководством столяра мастерили улья для молодых роев, собранный мед шел на продажу. Однако затем пчеловодство постепенно перестало приносить прибыль, ульи погибали от неблагоприятных природных условий, к концу 1902 г. их оставалось всего пять, мед получался в небольших количествах [21, с. 11], поэтому, видимо, постепенно от пчеловодства руководство решило отказаться, в отчетах за последующие годы упоминаний об этом направлении сельского хозяйства уже не встречается.

Важное место в направлениях работы колонии сразу же заняло и скотоводство. Вместе с землей в «Затишье» были пожертвованы лошадь, четыре коровы, телка, четыре овцы, баран, свинья, три поросенка, два гуся, две утки, 25 кур [23, с. 4]. К 1898 г. поголовье скота увеличилось и составило: две лошади, четыре коровы, два бычка (один английской породы), четыре теленка, 12 овец и 25 свиней [25, с. 2]. При этом свиноводство стало рассматриваться как одно из перспективных направлений деятельности колонии, которое могло бы в будущем приносить дополнительный доход. Для этого в 1900 г. Департаментом земледелия было безвозмездно предоставлено колонии «1 гнездо (2 свиньи и 1 боров) чистокровных беркширсов, ценностью до 200 рублей, из коих свиньи уже получены и дали приплод, а боров будет получен весною». В дальнейшем планировалась постепенная замена метисов чистокровными свиньями [26, с. 4]. Молочное хозяйство и маслоделие также рассматривались как основные формы развития скотоводства. Тем не менее в последующем нехватка финансов и необходимость ремонта фермы и скотного двора приводили к невозможности замены старых коров новыми, сокращению числа покупаемого скота и, соответственно, к уменьшению объемов получаемого молока, а также изготовленных из него продуктов, в том числе масла.

Также уделялось внимание и птицеводству. В хозяйстве дети под руководством персонала разводили кур, уток, гусей. Особенно активно эта отрасль сельского хозяйства развивалась в те годы, когда из-за плохих природных условий недостаток выращенных кормовых продуктов приводил к новым расходам и, соответственно, не было возможности заменять поголовье крупного скота. Однако в 1900 г. колонии пришлось отказаться и от разведения гусей, так как в усадьбе отсутствовала проточная вода. Вместо гусей было принято решение о разведении индюшек [26, с. 4]. Тем не менее погода влияла и на птицеводство: так, плохое лето 1907 г. оказалось «чрезвычайно неблагоприятно для выращивания цыплят», начиная с нахождения в инкубаторе и заканчивая «периодом взращивания». В то лето было выведено 619 цыплят, из которых выжило 415, из них продано было 363 цыпленка. Однако отмечалось, что птенцы часто болели и плохо развивались, что привело к убытку в этой сфере [27, с. 14]. Тем не менее, из всех отраслей животноводства и, в частности, птицеводства самым успешным в предвоенные годы признавалось именно куроводство. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1913 г. Отдел по заведеванию приютом возглавил Первую Лужскую местную артель, до этого времени приют служил сборным пунктом. Работы по инкубации, выкормке цыплят и подготовке товара к продаже воспитанницы выполняли под руководством особого инструктора. Таким образом, девушки получали практические знания и даже небольшое вознаграждение [31, с. 4].

Успешная деятельность колонии стала возможной и благодаря целенаправленному труду сотрудников заведения, а также всех, кто старался способствовать его развитию. В своих отчетах Московско-Нарвский отдел Общества попечения о бедных и больных детях уделял большое внимание приюту и выражал благодарность попечителям и благотворителям. Так, среди людей, занятых в организационной деятельности, была отмечена в 1907 г. «самоотверженная работа» попечительницы приюта Анастасии Павловны Полторацкой, ежемесячно совершающей «утомительные» поездки в приют и обратно в Петербург для выполнения необходимых в столице заказов, а также всех тех, кто организовывал работу по сбору пожертвований в пользу заведения [27, с. 10]. Попечители, попечительницы и члены

комиссии по заведеванию приютом (колонией) сами неоднократно вносили пожертвования денежные и материальные. Так, баронесса Л. П. Фитингофф в 1902 г. передала приюту «музыкальный органчик», а также «элементы и кнопки для электрических звонков» [27, с. 16].

Руководство приютом и Московско-Нарвским отделом Общества попечения о бедных и больных детях стремилось создать в «Затишие» образцовое хозяйство, однако неоднократно отмечало, что каждый год полученных средств недостаточно для достижения этой цели [30, с. 14].

Как и во многих других благотворительных обществах в рассматриваемый период поиск дополнительных источников дохода, в том числе новых пожертвований в пользу приюта, стал одной из ключевых задач перед руководством заведения и в целом всего Общества.

Деятельность колонии уже в первый год своего существования оказалась настолько успешной, что на следующий год заведение получило субсидию в размере 900 р. от Министерства земледелия и государственных имуществ, что позволило колонии «свободнее располагать своими средствами и скорее идти к выполнению своей задачи» [24, с. 1]. Подобная мера поддержки со стороны министерства оказывалась регулярно, и несмотря на изменение суммы (в 1898 и 1899 гг. – 500 р., в 1900 г. – 300 р. [27, с. 7], с 1901 по 1908 г. – 900 р. [29, с. 6], после 1909 г. – 1 500 р.), являлась важным источником пополнения финансовых ресурсов заведения.

Попытки улучшить материальное состояние приюта, как и многих других подобного рода заведений, приводили его руководство и попечителей к организации различного рода увеселительных или познавательных мероприятий со сборами в пользу приюта. Так, в 1898 г. членом комиссии А. С. Пилькиной была организована лекция профессора С. П. Глазенапа о планете Марс (было получено 335 р.), попечительницей Е. П. Ковалевской был устроен музыкально-драматический вечер, принесший сбор в 1 300 р., а также был проведен домашний праздник в Меррекюле (сбор – 126 р.) [25, с. 4]. В 1900 г. по инициативе попечителя приюта В. Н. Боброва комиссией весной и осенью был устроен ряд семейных литературно-музыкальных танцевальных вечеров в зале Петровского ком-

мерческого училища, а летом – в зале Павловского вокзала, которые дали чистого дохода 624 р. Кроме того, в зале Петровского училища был организован концерт (сбор – 367 р.), а в зале литературно-драматического кружка членом комиссии А. М. Славницкой был проведен спектакль, который дал 56 р. [26, с. 5]. В 1909 г. сборы с вечеров, спектаклей и домашних праздников составили 240 р. [29, прил. 6]. К подобного рода мероприятиям относились и лотереи. В 1909 и 1911 гг. сборы с лотереи принесли доход приюту в 300 р., в 1913 г. – в 500 р. [29, прил. 6; 30, с. 17; 31, с. 5]. В январе 1917 г. Комиссия по заведыванию сельскохозяйственным приютом «Затищье» обратилась к петроградскому градоначальнику с просьбой провести лотерею в пользу заведения в размере 1500 р. Однако на запрос канцелярии градоначальника о предоставлении отчета о финансовом состоянии заведения за 1916 г. и о последней лотерее в пользу приюта сведения предоставлены не были, разрешение не было дано до августа 1917 г. [32]. Таким образом, данные способы пополнения финансов приюта оказались крайне нестабильными и кратковременными.

В качестве источников дохода рассматривалась и плата за обучение девочек, которая нередко производилась посторонними лицами в результате обращения семьи нуждающейся будущей ученицы колонии. Кроме ежегодной платы, руководство приютом призывало вносить крупные суммы в размере 1500–2000 р. на организацию именной стипендии, с переносом полученной суммы в ценные бумаги [29, с. 4]. Однако данная форма благотворительности, по-видимому, не нашла должного отклика, по мнению руководителей приюта, по причине удаленности заведения от столицы и невозможности ознакомиться с его деятельностью [29, с. 3].

Гораздо более значимыми оказывались пожертвования со стороны посторонних лиц, а также по книжкам. Для мотивации потенциальных благотворителей руководство приютом с 1907 г. предоставляло право ношения жетонов Общества: золотого, серебряного и бронзового – за единовременное пожертвование в размере, соответственно, 500 р. и более, 100 и 30 р. [29, с. 4]. Однако подобные суммы, судя по данным отчетов, были крайне редки, в большей степени в пользу приюта вносились суммы от нескольких копеек до 10 р. Многие жертвователи

передавали и вещи, необходимые, по их мнению, для деятельности приюта. Так, типография С.-Петербургского товарищества печатного и издательского дела «Труд», конторы изданий Маркса, журнала «Деревня», журнала «Вестник русского общества пчеловодства» передавали заведению свои издания, журналы и книги. Владельцы предприятий от своего имени также передавали в пользу приюта свою продукцию: Жорж Борман, И. С. Мозжухин, братья Буштуевы – пряники, леденцы, фрукты; А. О. Герстнер, Р. В. Лейбнер, Г. Ф. Эйдерс – цветы для организации праздников и вечеров [21, с. 16]. С каждым годом количество благотворителей, жертвовавших хоть и небольшие денежные суммы или предметы первой необходимости в пользу приюта, увеличивалось, что свидетельствовало об активной работе его организаторов по привлечению внимания к жизни девочек-сирот, воспитанниц этого заведения.

Обсуждение и выводы

Уникальность приюта состояла в обучении сельскохозяйственным знаниям и умениям скотоводства и агрономии петербургских детей, выходцев из городского дна, не видевших до приезда в приют коров и живой травы. Уже после первого года жизни на лоне лужской сельской природы они получали практический опыт ведения сельского хозяйства, который давал им постоянный «хлеб насущный».

Сельскохозяйственный приют «Затишье» был основан на благотворительные средства на значительном расстоянии от столицы, тем не менее его руководство смогло добиться серьезных положительных результатов в своей деятельности. Во многом заслугой в этом стала деятельность неравнодушных людей, членов Общества попечения о бедных и больных детях Санкт-Петербурга, которые не просто организовали переезд детей-сирот из столицы в дальний уезд, но и смогли обеспечить поддержку их образования со стороны Министерства земледелия и государственных имуществ.

Таким образом, сельскохозяйственный приют дал возможность девочкам-сиротам из беднейших семей получить профессиональное образование и в дальнейшем устроиться на работу, тем самым избежав нищенствования на улицах столицы или ухода в распутный образ жизни.

Деятельность сельскохозяйственного приюта для девочек – яркая страница петербургской благотворительности, наглядный пример, как при помощи частных лиц было создано специальное учебное заведение. Беднейшие девушки, окончив образование в нем, получали возможность «социального лифта», базовые знания позволяли поступить в специальные школы Главного управления землеустройства и земледелия, школы птицеводства и курсы садоводства, а наиболее успешные и талантливые из них стали управляющими имениями, не только на Северо-Западе, но и в Черноземном центре России.

Количество выпускниц было невелико, но тот уровень подготовки, которым владели девушки, продолжавшие свое образование, и положительные отзывы нанимателей свидетельствовали о серьезных результатах работы рассматриваемого заведения. Более того, пример подобной успешной реализации выпускниц приюта в жизни мог быть показателем как для других детей-сирот, так и для благотворительных обществ, центральных и местных органов власти, в том числе в вопросах необходимости создания подобного рода учреждений на государственной основе.

Список литературы

1. Благотворительность в Санкт-Петербурге 1703–1918: историческая энциклопедия. СПб.: ООО Информационно-издательская фирма-журнал «Лики России», 2016. 750 с. EDN: XRWOFD
2. Соколов А., Зимин И., Хитров А. Традиции благотворительности Императорского Дома Романовых. М.: ТОНЧУ, 2019. 600 с. EDN: BSRDGP
3. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи: XIX – начало XX в. М.: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр РАН Издательство «Наука», 2005. 415 с. EDN: OZOJTM
4. Ransel David L Mothers of misery: Child abandonment in Russia. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, cop. 1988. XIV, 330 р.
5. Lindenmeyr Adele. Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 1996. XIV, 335 р.
6. Мицюк Н. А. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества – институциализация материнской заботы в первой четверти XX в. // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: Материалы международной научной конференции: в 2 т., Санкт-Петербург, 06–08 апреля 2023 г. Т. 1. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. С. 164–169. EDN: BKAQIJ
7. Зайцева С. В. Деятельность Общества попечения об улучшении быта питомцев Санкт-Петербургского Воспитательного дома, размещенных в деревнях по линии Варшавской железной дороги, на рубеже XIX–XX веков // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 4(44). С. 214–230. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.44.9. EDN: RWIEJO

8. Синова И. В. Меры по борьбе с эпидемиями и распространением инфекций в благотворительных заведениях для детей в XIX – начале XX в. (на материалах Санкт-Петербурга) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 2(65). С. 182–190. DOI: 10.20874/2071-0437-2024-65-2-16. EDN: AMKZFV
9. Семенова О. А. Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока» // История повседневности. 2019. № 4(12). С. 72–81. EDN: OBJXWP
10. Степанов С. В. Частная благотворительность петербургской интелигенции в развитии народного образования и просвещения в Сиверской дачной местности Петербургской губернии в начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношение центра и регионов в истории России: материалы XV Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 15 марта 2024 г. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2024. С. 254–260. EDN: QR5ADR
11. Волгина Т. В. Ясли и дневные приюты в Петрограде в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // История повседневности. 2024. № 1(29). С. 75–95. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_75. EDN: HERKXO
12. Яковлева Е. Л. Формы социально-педагогической деятельности учреждений благотворительности Санкт-Петербурга в отношении детей-сирот беднейших слоев населения во второй половине XIX – начале XX в. // Актуальные проблемы науки: взгляд студентов: материалы III Всероссийской с международным участием студенческой научной конференции, Санкт-Петербург, 18 января 2024 г. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2024. С. 69–73. EDN: UMTBUG
13. Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии (середина XVIII – начало XX в.): Сборник документов и материалов. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2023. 448 с. EDN: GVP1OF
14. Веременко В. А. Организация питания младенцев в общественных учреждениях С.-Петербурга (последняя треть XIX – начало XX в.) // Здоровьесбережение в повседневной жизни: история и современность = Health saving in everyday life: history and modernity: Материалы международной научной конференции: в 2 т., Санкт-Петербург, 04–06 апреля 2024 г. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2024. С. 212–216. EDN: XUMVLC
15. Волькович А. Ю. Общество попечения о бедных и больных детях: от идеи к организации (1870–1900 гг.) // Клио. 2009. № 2(45). С. 54–57. EDN: KNOHWX
16. Будко А. А., Волькович А. Ю. Медицинские аспекты деятельности Общества попечения о бедных и больных детях // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2004. № 3. С. 60–63. EDN: OJZJRZ
17. Микиртичан Г. Л. Общество попечения о бедных и больных детях «Синий Крест»: хроника деятельности 1882–2022 гг. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. 720 с. EDN: KPHLKF
18. Вилинская С. В. Призрение детей в «Приюте детей калек и паралитиков» благотворительного общества попечения о бедных и больных детях в Санкт-Петербурге 1890–1910 гг. // Здоровьесбережение в повседневной жизни: история и современность = Health saving in everyday life: history and modernity: материалы международной научной конференции: в 2 т., Санкт-Петербург, 04–06 апреля 2024 г. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2024. С. 206–211. EDN: DJWOPN
19. Зайцева С. В. Сельскохозяйственные приюты для девочек в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в. // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кострома, 5–8 октября 2023 г. / отв. ред. Н. Л. Пушкирева; сост. А. И. Громова, А. В. Жидченко: в 2 ч. М.: ИЭА РАН, 2023. Ч. 2. С. 290–294.
20. Дашкевич Л. А. Трудовое воспитание в сельских приютах Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Педагогическое образование в России. 2018. № 5. С. 6–12. DOI: 10.26170/po18-05-01. EDN: XPCXDV
21. Отчет Детского сельскохозяйственного приюта «Затишье» Московско-Нарвского Отдела Общества попечения о бедных и больных детях за 1902 год. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1903. 21 с.

22. Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. СПб.: С.-Петербург. губ. земство, 1891. Вып. 13: Частновладельческое хозяйство в Лужском уезде. VIII, 406, 25 с.
23. Отчет о деятельности детской сельской колонии Московско-Нарвского Отдела общества попечения о бедных и больных детях. СПб.: Тип. князя В. П. Мещерского, 1896. 6 с.
24. Детская сельская колония. Отчет за 1897 год. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900. 6 с.
25. Отчет о деятельности детской сельской колонии «Затишье» Московско-Нарвского Отдела Общества попечения о бедных и больных детях за 1898 год. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1899. 8 с.
26. Отчет о деятельности детского сельскохозяйственного приюта «Затишье» Московско-Нарвского Отдела Общества попечения о бедных и больных детях, состоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны, за 1900 год. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1901. 10 с.
27. Отчет сельскохозяйственного приюта для девочек «Затишье» Московско-Нарвского Отдела Общества попечения о бедных и больных детях за 1907 год. СПб.: Типо-литография «Печатное Искусство», 1908. 47 с.
28. Жукова А. Е. Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: пути и варианты профессиональной подготовки // История повседневности. 2019. № 3(11). С. 80–91. EDN: JOPZOI
29. Отчет отдела по заведыванию сельскохозяйственным приютом для девочек «Затишье» Общества попечения о бедных и больных детях за 1909 год. СПб.: Типография В. Я. Мильштейна, 1910. 23 с.
30. Отчет отдела по заведыванию сельскохозяйственным приютом для девочек «Затишье» Общества попечения о бедных и больных детях за 1911 год. 15-й год существования. СПб.: Т-во Художественной печати, 1912. 29 с.
31. Отчет Отдела по заведыванию сельскохозяйственным приютом для девочек «Затишье» состоящего под покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны Общества попечения о бедных и больных детях за 1913 год. Семнадцатый год существования. Пг.: Типография М. И. Акинфиева, 1914. 17 с.
32. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 569. Оп. 13. Д. 1655.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Agricultural Orphanage for Girls “Zatishje” in St. Petersburg Province in the Late 19th – Early 20th Centuries

Svetlana V. Zaytseva, Stanislav V. Stepanov

The article examines the history of creation and development of the agricultural orphanage for girls “Zatishje”, opened by the Moscow-Narva Department of the Society for the Care of Poor and Sick Children (“Blue Cross” Society) in the Luga district of St. Petersburg province in the late 19th century. Originally created to receive and educate children of both sexes, the orphanage was later transformed into a colony for orphaned girls from the poorest families in St. Petersburg. The transformed colony prepared its pupils for agricultural work and farm management, including noble estates. The success of the shelter’s work largely depended on the initiative and active members of the Society, who were not only interest-

ed in the continued existence of the institution, but also actively advocated cooperation with educational institutions of the Ministry of Agriculture and State Property and further successful employment of graduates of the shelter. The article also discusses the organization of daily life of the colony pupils, their educational and leisure activities. The main historical sources for examining the identified aspects of the "Zatishje" work were the office materials, in particular, annual reports on its activities.

Key words: agricultural orphanage for girls, orphanage "Zatishje", colony "Zatishje", St. Petersburg province, Plyussa.

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00421-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

For citation: Zaitseva, S. V., Stepanov, S. V. (2025) *Sel'skohozaystvennyi priyut dlya devochek «Zatishje» v Sankt-Peterburgskoj gubernii v konce XIX – nachale XX v. [Agricultural Orphanage for Girls "Zatishje" in St. Petersburg Province in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Istorija povsednevnosti [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 152–175.* (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_152. EDN: NHMATF

References

1. (2016) *Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge 1703–1918: istoricheskaya enciklopediya* [Charity in St. Petersburg 1703–1918: Historical Encyclopedia]. Saint Petersburg: OOO Informacionno-izdatel'skaya firma-zhurnal «Iiki Rossii». (In Russ.). EDN: XRWOFD
2. Sokolov, A., Zimin, I., Hitrov, A. (2019) *Tradicii blagotvoritel'nosti Imperatorskogo Doma Romanovyh* [Traditions of Charity of the Imperial House of Romanov]. Moscow: TONCHU. (In Russ.). EDN: BSRDGP
3. Ul'yanova, G. N. (2005) *Blagotvoritel'nost' v Rossiskoj imperii: XIX – nachalo XX v.* [Charity in the Russian Empire: 19th – early 20th century]. Moscow: Akademicheskij nauchno-izdatel'skij, proizvodstvenno-poligraficheskij i knigorasprostranitel'skij centr RAN Izdatel'stvo "Nauka". (In Russ.). EDN: OZOJTM
4. Ransel, David L. (1988) *Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia*. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, cop.
5. Lindenmeyr, Adele. (1996) *Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia*. Princeton: Princeton University Press.
6. Micyuk, N. A. (2023) *Vserossijskoe popechitel'stvo ob ohrane materinstva i mladenchestva – institucionalizaciya materinskoy zaboty v pervoj chetverti XX v.* [All-Russian Guardianship for the Protection of Motherhood and Infancy – The Institutionalization of Maternal Care in the First Quarter of the 20th century]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and Childhood in Everyday Life: History and Modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference. In 2 volumes, St. Petersburg, April 06–08, 2023. Volume 1. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 164–169. (In Russ.). EDN: BKAOIJ
7. Zajceva, S. V. (2022) *Deyatel'nost' Obshchestva popecheniya ob uluchshenii byta pitomcev Sankt-Peterburgskogo Vospitatel'nogo doma, razmeshchennyy v derevnyah po linii Varshavskoj zheleznoj dorogi, na rubezhe XIX–XX vekov* [Activities of the Care Society to Improve Life of Foster Children of St. Petersburg Orphanage on the Warsaw Railway at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal]. No. 4 (44). Pp. 214–230. (In Russ.). DOI: 10.32516/2303-9922.2022.44.9. EDN: RWIEJO
8. Sinova, I. V. (2024) *Mery po bor'be s epidemiyami i rasprostraneniem infekcij v blagotvoritel'nyh zavedeniyah dlya detej v XIX – nachale XX v. (na materialah Sankt-Peterburga)* [Epidemic and Infection Control Measures in Charitable Institutions for Children in the 19th – Early 20th Century (Based on Saint-Petersburg Materials)]. *Vestnik archeologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. No. 2 (65). Pp. 182–190. (In Russ.). DOI 10.20874/2071-0437-2024-65-2-16. EDN: AMKZFV
9. Semyonova, O. A. (2019) *Popechenie o materyah i mladencah v Sankt-Peterburge v nachale XX v. na primere gorodskoj «Kapli moloka»* [The Care of Mothers and Babies in St. Petersburg in the Early 20th Century on the Example of the «Kapli moloka» Colony]. (In Russ.). EDN: AMKZFV

burg in the Early 20th Century on the Example of the City "Drop of Milk"]. *Istoriya povsednevnosti [History of Everyday Life]*. No. 4 (12). Pp. 72–81. (In Russ.). EDN: OBIXWP

10. Stepanov, S. V. (2024) Chastnaya blagotvoritel'nost' peterburgskoj intelligencii v razvitiu narodnogo obrazovaniya i prosveshcheniya v Siverskoj dachnoj mestnosti Peterburgskoj gubernii v nachale XX v. [Private Charity of St. Petersburg Intelligentsia in the Development of Public Education and Enlightenment in the Siversky Suburban Area of the St. Petersburg Province in the Early 20th Century]. *Stolica i provincii: vzaimootnoshenie centra i regionov v istorii Rossii* [Capital and Provinces: Relationship of Center and Regions in the History of Russia]. Proceedings of the XV All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, March 15, 2024. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 254–260. (In Russ.). EDN: QRSAADR

11. Volgina, T. V. (2024) Yasli i dnevnye priyuty v Petrograde v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1916 gg.) [Nurseries and Day Shelters in Petrograd During the First World War (1914–1916)]. *Istoriya povsednevnosti [History of Everyday Life]*. No. 1(29). Pp. 75–95. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2024_1_75. EDN: HERKXO

12. Yakovleva, E. L. (2024) Formy social'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti uchrezhdenij blagotvoritel'nosti Sankt-Peterburga v otnoshenii detej-sirot bednejshih sloev naseleniya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Forms of Social and Pedagogical Activity of St. Petersburg Charity Institutions in Relation to Orphans of the Poorest Segments of the Population in the Second Half of the 19th – early 20th Century]. *Aktual'nye problemy nauki: vzglyad studentov* [Actual problems of science: students' view]. Materials of the III All-Russian Student Scientific Conference with International Participation, St. Petersburg, January 18, 2024. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 69–73. (In Russ.). EDN: UMTBUG

13. (2023) *Gigiena detstva v Sankt-Peterburge i Peterburgskoj gubernii (seredina XVIII – nachalo XX vv.): Sbornik dokumentov i materialov* [Childhood Hygiene in St. Petersburg and St. Petersburg Province (mid. 18th – early 20th Centuries): Collection of Documents and Materials]. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. (In Russ.). EDN: GVPIOF

14. Veremenko, V. A. (2024) Organizaciya pitaniya mladencev v obshchestvennyh uchrezhdeniyah S.-Peterburga (poslednyaya tret' XIX – nachalo XX v.) [Organization of Infant Nutrition in Public Institutions of St. Petersburg (the Last Third of the 19th – Early 20th Century)]. *Zdorov'eskoberezhenie v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremennost'* [Health Saving in Everyday Life: History and Modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference. In 2 volumes, St. Petersburg, April 04–06, 2024. Saint Petersburg: Leningrad Pushkin State University. Pp. 212–216. (In Russ.). EDN: XUMVLC

15. Vol'kovich, A. Yu. (2009) Obshchestvo popecheniya o bednyh i bol'nyh detyah: ot idei k organizacii (1870–1900 gg.) [Society for the Care of Poor and Sick Children: From Idea to Organization (1870–1900)]. *Klio* [Clio]. No. 2 (45). Pp. 54–57. (In Russ.). EDN: KNOHWX

16. Budko, A. A., Vol'kovich, A. Yu. (2004) Medicinskie aspekty deyatel'nosti Obshchestva popecheniya o bednyh i bol'nyh detyah [Medical Aspects of the Activities of the Society for Care of Poor and Sick Children]. *Problemy social'noj gigigiene, zdravoohraneniya i istorii mediciny* [Problems of Social Hygiene, Healthcare and the History of Medicine]. No. 3. Pp. 60–63. (In Russ.). EDN: OJZRZ

17. Mikirtichan, G. L. (2023) *Obshchestvo popecheniya o bednyh i bol'nyh detyah «Sinij Krest»: hronika deyatel'nosti 1882–2022 gg.* [Society for Care of Poor and Sick Children "The Blue Cross": a Chronicle of the Activities of 1882–2022]. Saint Petersburg: Centr Nauchno-Informacionnyh Tekhnologij «Asterion». (In Russ.). EDN: KPHLK

18. Vilinskaya, S. V. (2024) Prizrzenie detej v «Priyute detej kalek i paralitikov» blagotvoritel'no-go obshchestva popecheniya o bednyh i bol'nyh detyah v Sankt-Peterburge 1890–1910 gg. [The Care of Children in the "Shelter for Crippled and Paralytic Children" of the Charitable Society for Care of Poor and Sick Children in St. Petersburg 1890–1910]. *Zdorov'eskoberezhenie v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremennost'* [Health saving in everyday life: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference. In 2 volumes, St. Petersburg, April 04–06, 2024. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 206–211. (In Russ.). EDN: DJWOPN

19. Zajceva, S. V. (2023) Sel'skohozyajstvennye priyuty dlya devochek v Sankt-Peterburge i Sankt-Peterburgskoj gubernii v konce XIX – nachale XX v. [Agricultural Orphanages for Girls in St. Petersburg Province at the End of the 19th – Early 20th century]. *Semejnoe, zhenskoe, povsednevnoe v istoriko-antropologicheskem izmerenii* [Family, Female, Everyday in the Historical and Anthropological Dimension]. Proceedings of the International Scientific Conference

RAIZHI and IEA RAS, Kostroma, October 5–8, 2023. Ed. N. L. Pushkareva; comp. A. I. Gromova, A. V. Zhidchenko. In 2 vols. Moscow: IEA RAS. Vol. 2. Pp. 290–294. (In Russ.)

20. Dashkevich, L. A. (2018) Trudovoe vospitanie v sel'skih priyutah Permskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka [Labor education in rural shelters of Perm province in the late 19th – early 20th century]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. No. 5. Pp. 6–12. (In Russ.). DOI: 10.26170/po18-05-01. EDN: XPCXDV

21. (1903) *Otchet Detskogo sel'sko-hozyajstvennogo priyuta «Zatishje» Moskovsko-Narvskogo Otdela Obshchestva popecheniya o bednyh i bol'nyh detyah za 1902 god* [Report of the Children's agricultural orphanage "Zatishje" of the Moscow-Narva Department of the Society for Care of Poor and Sick Children for 1902]. Saint Petersburg: Tip. Isidora Gol'dberga. (In Russ.)

22. (1891) *Materialy po statistike narodnogo hozyajstva v S.-Peterburgskoj gubernii* [Materials on the statistics of the national economy in the St. Petersburg province]. Saint Petersburg: S.-Peterb. pub. zemstvo. Vol. 13: Private farming in the Luga district. (In Russ.)

23. (1896) *Otchet o deyatel'nosti detskoj sel'skoj kolonii Moskovsko-Narvskogo Otdela obshchestva popecheniya o bednyh i bol'nyh detyah* [Report on the activities of the children's rural colony of the Moscow-Narva Department of the Society for Care of Poor and Sick Children]. Saint Petersburg: Tip. knyazya V.P. Meshcherskago. (In Russ.)

24. (1900) *Detskaya sel'skaya kolonija. Otechet za 1897 god* [Rural children's colony. Report for 1897]. Saint Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma. (In Russ.)

25. (1899) *Otchet o deyatel'nosti detskoj sel'skoj kolonii «Zatishje» Moskovsko-Narvskogo Otdela Obshchestva popecheniya o bednyh i bol'nyh detyah za 1898 god* [Report on the activities of the rural children's colony "Zatishje" of the Moscow-Narva Department of the Society for Care of Poor and Sick Children for 1898]. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. (In Russ.)

26. (1901) *Otchet o deyatel'nosti detskoj sel'sko-hozyajstvennogo priyuta «Zatishje» Moskovsko-Narvskogo Otdela Obshchestva popecheniya o bednyh i bol'nyh detyah, sostoyashchego pod Avgustejshim pokrovitel'stvom Ee Imperatorskogo Vysochestva Velikoj Knyagini Elisavety Mavrikievny, za 1900 god* [Report on the activities of the children's agricultural orphanage "Zatishje" of the Moscow-Narva Department of the Society for Care of Poor and Sick Children, under the August patronage of Her Imperial Highness Grand Duchess Elisaveta Mavrikievna, for 1900]. Saint Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. (In Russ.)

27. (1908) *Otchet sel'sko-hozyajstvennogo priyuta dlya devochek «Zatishje» Moskovsko-Narvskogo Otdela Obshchestva popecheniya o bednyh i bol'nyh detyah za 1907 god* [Report of the agricultural orphanage for girls "Zatishje" of the Moscow-Narva Department of the Society for Care of Poor and Sick Children for 1907]. Saint Petersburg: Tipo-litografiya «Pechatnoe Iskusstvo». (In Russ.)

28. Zhukova, A. E. (2019) *Zhenskaya domashnyaya prisluga v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: puti i varianty professional'noj podgotovki* [Female Domestic Servants in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Ways and Options of Professional Education]. *Istoriya povedennosti*. [History of Everyday Life]. No. 3 (11). Pp. 80–91. (In Russ.). EDN: JOPZOI

29. (1910) *Otchet otdela po zavedyvaniyu sel'sko-hozyajstvennym priyutom dlya devochek «Zatishje» Obshchestva popecheniya o bednyh i bol'nyh detyah za 1909 god* [Report of the management department of the agricultural orphanage for girls "Zatishje" of the Society for Care of Poor and Sick Children for 1909]. Saint Petersburg: Tipografiya V. Ya. Mil'shtejna. (In Russ.)

30. (1912) *Otchet otdela po zavedyvaniyu sel'sko-hozyajstvennym priyutom dlya devochek «Zatishje» Obshchestva popecheniya o bednyh i bol'nyh detyah za 1911 god. 15-j god sushchestvovaniya* [Report of the management department of the agricultural orphanage for girls "Zatishje" of the Society for Care of Poor and Sick Children in 1911. The 15th year of its existence]. Saint Petersburg: T-vo Hudozhestvennoj Pechati. (In Russ.)

31. (1914) *Otchet Otdela po zavedyvaniyu sel'sko-hozyajstvennym priyutom dlya devochek «Zatishje» sostoyashchego pod pokrovitel'stvom Ee Imperatorskogo Vysochestva Velikoj Knyagini Elisavety Mavrikievny Obshchestva popecheniya o bednyh i bol'nyh detyah za 1913 god. Semnadcatyj god sushchestvovaniya* [Report of the management Department of the agricultural orphanage for girls "Zatishje", under the patronage of Her Imperial Highness Grand Duchess Elisaveta Mavrikievna of the Society for Care of Poor and Sick Children for 1913. The 17th year of its existence]. Petrograd: Tipografiya M. I. Akinfieva. (In Russ.)

32. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. Coll. 569, aids 13, fol. 1655. (In Russ.)

Об авторах

Зайцева Светлана Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, научный сотрудник научно-образовательного центра краеведческих исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: svlanaz@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0003-4121-0867

Степанов Степан Вячеславович, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории России, заведующий научно-образовательным центром краеведческих исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: kptloorg@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0002-7113-5020

About the authors

Zaitseva Svetlana V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Researcher at the Scientific and Educational Center for Local History Studies, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: svlanaz@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0003-4121-0867

Stepanov Stanislav V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Head of the Scientific and Educational Center for Local History Studies, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: kptloorg@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0002-7113-5020

Статья поступила в редакцию 15.06.2025
Одобрена после рецензирования 29.07.2025
Принята к публикации 11.08.2025

Проблемы гигиены воды в ленинградских пригородах в 1920–1930-е гг.

И. В. Сидорчук

Распространение санитарно-гигиенических знаний с первых послеоктябрьских лет являлось одной из приоритетных задач в области просвещения масс. В связи с этим власти активно использовали рекреационные ресурсы пригородов крупных городов, позиционируя их как доступные места отдыха и оздоровления, особенно для детей. В статье на примере вопроса гигиены воды предпринята попытка выяснить, действительно ли пригороды могли полноценно справляться с этой задачей, а также как ситуация с водой влияла на повседневную жизнь их жителей. Для достижения этой цели привлекались неопубликованные документы о деятельности городских и районных советов пригородов и дворцово-парковых ансамблей, а также периодика, наказы избирателей и отчеты горсоветов. Сделан вывод, что ситуация была достаточно сложной: зачастую отсутствие средств не позволяло строить и чинить водопроводы, водоемы были заболочены или загрязнены, трудноразрешимыми оставались вопросы обеспечения бањами и канализацией, что приводило к разрастанию гигиенических проблем, от которых страдали как гости, так и местное население.

Ключевые слова: гигиена, водоснабжение, история повседневности, пригороды Ленинграда, история пригородов, Петергоф, Царское Село, Павловск.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20042, <https://rscf.ru/project/25-28-20042/> и гранта Санкт-Петербургского научного фонда, проект № 25-28-20042.

Для цитирования: Сидорчук И. В. Проблемы гигиены воды в ленинградских пригородах в 1920–1930-е гг. // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 176–191. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_176. EDN: NQHHUU

Введение

В просветительской политике молодой советской власти вопрос гигиены был одним из центральных. Это во многом объясняет пристальное внимание к данной теме в существующей историографии. Так, исследователи обращаются к истории борьбы за распространение санитарных знаний среди разнородных слоев населения в различных регионах страны, законодательным мерам, связи гигиены с физической культурой, модой, ее интеграции в работу учебных заведений и пр. [1; 2, с. 63–79; 3–6]. Причина заботы большевиков становится совершенно понятной, если обратиться к гигиеническим представлениям среди населения, равно как и бытовым условиям, в которых оно было вынуждено существовать. В бараках и общежитиях, коммунальных квартирах и в крестьянских избах процветали антисанитария, грязь, теснота и скученность, а элементарные в настоящее время правила гигиены, такие как необходимость проветривать помещения, регулярно мыться или чистить зубы, были многим неизвестны или игнорировались [7, с. 139–143]. Ситуация была унаследована с дореволюционной поры [8, с. 48], а в условиях увеличивающегося притока сельского населения и обострившегося жилищного кризиса, а также вредных условий труда, являлась очевидной перспектива ее ухудшения. Немаловажным фактором был низкий уровень жизни, который вел к экономии не только на средствах личной гигиены, но также одежде и еде.

В рамках настоящего исследования внимание сфокусировано на проблеме гигиены воды, решение которой было одной из принципиальных составляющих успеха санитарно-просветительской политики. В качестве территориальных рамок были выбраны пригороды Петрограда/Ленинграда, что позволяет определить, насколько эффективно вопрос решался в местах, большинство из которых активно эксплуатировались как центры здорового отдыха трудящихся, а также детей, для которых устраивались пионерские лагеря, школы-колонии, санатории и пр. Кроме этого, в работе обращается принципиальное внимание на то, какое влияние оказывала ситуация с водоснабжением, чистотой водоемов, банями, канализацией и пр. не только на отдых многочисленных гостей пригородов, но и повседневность их жителей. Отчасти вопросы водоснаб-

жения, канализации и других важных составляющих того, что можно отнести к теме гигиены воды, уже затронуты в историографии, однако они касались преимущественно Петрограда / Ленинграда, и других хронологических периодов, либо связывались с судьбами дворцово-парковых ансамблей [9–13].

Помимо общенаучных методов (исторического, описания, анализа и др.), при подготовке данного исследования использовались специально-исторические, в частности историко-сравнительный метод, что позволило выявить общее и повторяющееся в развитии вопросов водоснабжения в рассматриваемую эпоху. Синхронный метод использовался для изучения ситуации в различных пригородах Ленинграда в один временной период, проблемно-хронологический позволил выделить наиболее актуальные проблемы, связанные с гигиеной воды, на различных этапах раннесоветской истории пригородов. Также в исследовании широко использовались методы, характерные для истории повседневности. Речь, в частности, идет о направленном на бытописание этнологическом методе и качественном анализе текстов. Историко-антропологические методы способствовали реконструкции мировосприятия жителей пригородов через повседневные практики.

Исследование опирается в основном на неопубликованные материалы архивных фондов городских и районных советов пригородов, хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, а также данные, обнаруженные в архиве Государственного музея-заповедника «Петргоф». Кроме этого, привлекались материалы периодической печати, опубликованные наказы избирателей и отчеты горсоветов.

Результаты

Можно перечислить целый ряд шагов, предпринимавшихся властью в рассматриваемый период для борьбы за повышение гигиенической культуры. Так, обязательной составляющей культурно-просветительской работы клубов и домов культуры были лекции, собрания и беседы, на которых объяснялась необходимость соблюдения правил личной гигиены: мытья тела, правильного питания, продолжительного сна и пр. Особое внимание при этом уделялось женщинам – как настоящим, так и будущим матерям. Им рассказывались правила ухода

за детьми, истолковывалась недопустимость таких распространенных явлений, как чрезмерное отопление комнаты, обращение к знахаркам, использование алкоголя при лечении и пр. Также организовывались беседы с акушерками и врачами, устраивались консультации по половому вопросу [14; 15; 16, л. 13 об.]. Именно санитарно-просветительская работа была основой советской модели физической культуры, противопоставляемой буржуазному спорту с его чемпионством и погоней за рекордами [17; 18]. Молодым физкультурникам объяснялось, что «физкультура должна воспитывать в человеке силу воли, стремление к выполнению гигиенических правил, аккуратность, точность, выносливость и т. д.» [19].

Правилам гигиены учили настольные игры (например, «За здоровый быт»), распространение получали постановочные санитарно-просветительные суды, которые были призваны повысить степень осведомленности населения в области медицины, гигиены и здравоохранного законодательства. В их организации участвовали медики, заинтересованные в распространении подобных знаний. На таких судах могли судить рабочего, заразившего жену венерическим заболеванием, акушерку, зарабатывавшую незаконнымиabortами, бациллу Коха и т. д. [20, с. 37; 10]. Одной из причин настойчивой борьбы за введение часового обеденного перерыва и практики питания в столовых вместо быстрых перекусов у станка была именно борьба за гигиену: «В столовке, несмотря на все ее недостатки, и воздух чище, и времяпрепровождение интересней – за час в ней работница отдохнет и со свежими силами отправится к станку» [22; 23]. О недопустимости объятий, поцелуев рук и пр. также писали в контексте их вредности в гигиеническом отношении [7, с. 435].

В представлениях о гигиене одна из ключевых ролей отводилась свежему воздуху – спасению для жителя крупного города, особенно в летний период. Уже до революции фактор его чистоты начал играть роль при выборе мест для дачного отдыха [24, с. 396]. С этой целью устраивались скверы, парки и другие общественные пространства, зоны отдыха. Борьба советской власти за гигиену придала этому новый стимул: «Для нашего организма необходим чистый, определенного состава воздух так же, как доброкачественная пища и вода. Но широкие массы

не сознают, насколько важен для нас чистый воздух и какую огромную роль он играет в питании всего нашего организма» [25, с. 3]. В раннесоветский период активно разрабатывались проекты преобразования городов, которые обязательно включали существенное расширение зеленой зоны. Так, первый проект реконструкции Москвы, разработанный А. В. Щусевым, предполагал создание системы пригородных городов-садов вокруг «старого» города, причем речь шла об особых условиях жизни, возможных только в гигиенических и озелененных пространствах [26, с. 47]. Не менее пристальным было внимание к воде – ее доступности, чистоте, водным процедурам: «Бассейн для плавания – это активная гигиена, а душ или ванна – пассивная гигиена» [27].

Пространствами, способными одарить страждущих горожан воздухом и водой, были пригороды, в отличие от южных курортов доступные практически каждому. В прекрасной ситуации в данном случае оказывались ленинградцы, которые могли хоть каждые выходные устраивать «вылазки» в Петергоф, Детское Село, Слуцк, Троцк (Красногвардейск), Сестрорецк и другие прекрасные и уникальные загородные «жемчужины». Здесь же располагались санатории, дома отдыха, дачи. В летний сезон отдыхающих манили пляжи Финского залива, лодочные прогулки по озерам, купальни прудов в бывших царских резиденциях, ловля рыбы в многочисленных реках и пр. Таким образом, оздоровительно-гигиенические мероприятия здесь сочетались с удовольствием от развлечений.

С первых послереволюционных лет пригороды Петрограда стали использоваться для отдыха, лечения и проживания детей. Так, в 1919 г. в одном из наиболее популярных и престижных загородных мест на берегу реки Оредеж была открыта Сиверская школа-колония в бывшей усадьбе барона В. Б. Фредерикса, а к 1928 г. в этом поселке всего 137 бывших дач оказалось закреплено за детскими организациями [28]. Для школы-колонии была также приспособлена дача Матильды Кшесинской в Стрельне. В Константиновском дворце была устроена детская трудовая колония для беспризорников, в бывшей летней резиденции великого князя Михаила Николаевича, Михайловской даче, устроен детский дом и т. д. Большое число детских учреждений было создано в Детском Селе: колонии, приюты,

санатории и т. п. [29]. Там же, равно как и в Петергофе и Слуцке, были открыты экскурсионные станции.

При всех очевидных преимуществах пригородов в плане природных богатств ситуация с гигиеной воды в них, как показывает обращение к источникам, далеко не всегда была идеальной. На это, в частности, повлияло практически полное отсутствие вложений в инфраструктуру в первые послереволюционные годы. Так, на заседании пленума Детскосельского горисполкома 18 марта 1924 г. руководитель Управления Детскосельскими дворцами-музеями В. И. Яковлев прямо сказал, что на такие работы, как очистка прудов, денег нет [30, л. 85–86]. Составленный 14 мая 1925 г. с участием санитарного врача Детского Села и Слуцка акт комиссии по обследованию водоемов, находящихся в Слуцком парке и в черте города, для выбора места купания детей показал чрезвычайно неблагоприятную картину. Пруд у павильона Большой Трельяж в Мариентальском парке для купания не подходил, так как туда стекала вся канализация, дождевые воды и воды из городской бани, а ранее существовавшие фильтры городской канализации бездействовали. Река Славянка в районе между 2-й и 3-й запрудами тоже не подходила: дно неровное и берега частью заболочены, а кроме этого, там катались на лодках. Краснодолинский и Новошалейные пруды тоже были отклонены из-за заболоченности. У дачи А. П. Брюллова поили скот, стирали белье и купали лошадей [31, л. 70–70 об.]. Можно заметить, что это происходило, несмотря на то, что стирка белья и мытье посуды были запрещены [32, л. 175]. В итоге самым подходящим было признан пруд у Чутунных (Николаевских) ворот, но только после очистки и установки навесов, для чего требовалось выделение средств. При этом Колониальный сектор Губоно ожидал в это лето приезда в Слуцк около 6 000 детей из Ленинграда [31, л. 70–70 об.].

Во многих дворцовых пригородах проблемы были связаны с колоссальной протяженностью водопроводных сетей, поддержание качественного функционирования которых требовало разрешения вопроса разделения хозяйства между управлениями дворцов и парков и городскими властями – проблемы, существовавшей еще в дореволюционный период [33, с. 71]. В 1923 г. на заседании президиума Троцкого уисполкома Петроградской губернии было отмечено, что города Троцкого

уезда (Троцк, Петергоф, Детское Село, Слуцк и Ораниенбаум), построенные применительно к условиям дворцовых городов, с целым рядом сооружений неуездного масштаба, требующих крупных расходов по их содержанию, «в условиях рабочего государства не оправдывают расходов, затрачиваемых по их содержанию, особенно ремонту этих городов». В качестве очевидного примера указывалась канализационная и водопроводная сеть, составлявшая до 1000 верст в совокупности по всем городам [34, л. 308]. Система прудов и каналов не замыкалась границами парков, и даже городов в целом, но зависела в том числе и от окрестных сел и деревень. Разумеется, наиболее актуальной ситуация была для Петергофа, где от ее функционирования зависела как жизнь населения, так и работа фонтанов. Решить ее в довоенный период так и не удалось. Уже в 1936 г. руководство дворцов и парков просило городские власти срочно принять меры к тому, чтобы остановить порубку леса вблизи деревни Забородье у водоисточников, питающих фонтанную систему и водопровод района, что могло нарушить питание водой системы «и без того не всегда обеспечивающей потребное количество воды» [35, л. 75; 13]. Кроме этого, значительное число жителей Петергофа пользовалось водой, непосредственно взятой из прудов, что могло привести к распространению эпидемических заболеваний [36, л. 13–18 об.]. Городские власти, в свою очередь, периодически обвиняли управление дворцов и парков в неправильном регулировании, загрязненности и заболачивании городских прудов, из-за чего Петергоф периодически частично оставался без воды [35, л. 31, 45]. Весной 1932 г. Петергофская партийная организация на своем собрании постановила, что «вопрос водоснабжения города стоит почти критически, ибо уже не хватает воды» [37, л. 9–9 об.].

В июне 1936 г. директор водоканализации жилкоммунардела Петергофского горсовета обратился со срочной просьбой к дирекции дворцов и парков: «Вами перекрыта вода в фабричную канавку, вследствие чего население Ст[арого] Петергофа по ул. Кр[асных] Железнодорожников и Средний Петергоф в том числе и 3-й военный городок остался без воды. Прошу принять самые срочные меры для исправления ковша, который Вы ремонтируете и сообщите срочно в какое время сумеете дать воду в Фабричную канавку, необходимо пустить воду

не позднее 20 июня с/г.» [35, л. 31]. В ответ дирекция сообщала, что задержка пуска воды связана с тем, что Государственный завод точных технических камней не завершил свой ремонт, что не позволялопустить воду из Английского пруда в канал [35, л. 33]. Таким образом, решение ситуации постоянно упиралось в спор за границы ответственности между различными субъектами городской политики.

В предвоенный период проблема так и не была решена. Согласно техническому заключению комиссии, назначенной распоряжением президиума Ленсовета по вопросу водоводной системы, питающей город Петергоф, прилегающей к нему район и также фонтаны парков, в 1937 г. при общей площади прудов около 75 га, в летний период имели воду пруды только площадью 44,4 га, а остальные, как например Церковный, Бабигонский, Руинный и Орлиный, площадью до 30 га, «превратились в луга и совершенно высохли». Но и действующие пруды сильно обмелели, а в летний период застраивали водной растительностью. Все это создавало угрозу снабжения города и фонтанов водой [36, л. 9]. При этом ошибки в уходе за водонемками могли также приводить к гибели рыбы, например, как в Красном пруду из-за того, что в нем зимой не делали проруби для доступа воздуха и в целом отсутствовал уход [38, л. 20].

В отличие от гостей пригородов, их жители сталкивались с подобными проблемами постоянно. Достаточно сказать, что в первой половине 1930-х гг. в таких крупных центрах, как Сестрорецк, Шлиссельбург и Урицк (Лигово) не имелось городских водопроводов. Их наличие тоже не всегда решало проблему, так как обычно они были изношены [39, с. 54]. Так, в Детском Селе водопровод был построен еще до Революции [см.: 40], затем пришел в упадок, а реконструировать его решили только в 1935 г. [41]. В тот же период из Стрельны жаловались на проблемы с водоснабжением, в частности загрязненные колодцы, трубы и канавы [42]. В Колпино, к которому с началом индустриализации было приковано повышенное внимание как к одному из главных промышленных центров региона, ситуация в 1930-х гг. была сравнительно неплохой, водопровод там начали строить в конце 1920-х гг. Но до этого главным источником воды была чрезвычайно загрязненная выбросами река Ижора [43, л. 756–756 об.]. Интересно, что, когда на окраине

Колпино выделили землю стахановцам Ижорского завода под индивидуальное жилье, они также столкнулись с трудноразрешимой проблемой водоснабжения [44].

Если не было ни водопровода, ни подходящего водоема, воду приходилось покупать у водовозов, что для многих было непосильной тратой, или идти до ближайшего источника. В рабочем поселке Лобовка (на территории исторического района Сосновая Поляна, т. е. совсем рядом с Ленинградом) в середине 1930-х гг. жителям нужно было ради этого преодолевать расстояние в 3–4 км [45].

Судя по наказам избирателей, письмам в прессу и отчетам горсоветов, постоянной проблемой были бани. Например, к середине 1930-х гг. в Ораниенбауме баня была изношенной, пропускала намного больше посетителей, чем была рассчитана, а ее санитарное состояние оставляло желать лучшего [46, с. 8]. В Старом Петергофе тоже жаловались на грязь в бане [47]. Слуцкий городской совет в отчете о выполнении наказов избирателей за 1935 г. сообщал, что капитальный ремонт и расширение бани не сделано за неотпуском средств. По этой же причине не была устроена купальня на реке Славянке [48, с. 6, 8]. Жители Детского Села в своих наказах, данных в феврале 1931 г., требовали удешевления бани. Они же просили добиться очистки прудов во избежание заболеваний малярией и устроить в Колонистском пруду купальню [49, с. 3, 8].

Городская повседневность раннесоветской эпохи славилась чудовищным состоянием жилого фонда [см., напр.: 50, с. 61–65; 71–74], и пригороды здесь были отнюдь не исключением. В многоквартирных домах традиционной бедой была канализация – уборные находились в антисанитарном состоянии, в них было грязно и намусорено [51, л. 22]. На гигиену воды влияло и отсутствие или недостаточное число прачечных, из-за чего жители стирали в квартирах, что вело к разрушению жилого фонда, разведению грязи и антисанитарии [52].

Обсуждение и выводы

В результате можно говорить о том, что, с одной стороны, пригороды вполне закономерно воспринимались как более благоприятные в гигиеническом плане места, нежели Ленинград. С учетом пристального внимания власти к данной про-

блеме закономерной стала их активная эксплуатация с целью оздоровления населения, особенно детей, для которых устраивались летние лагеря, колонии, приюты и пр. Пригороды стали центрами массовых «вылазок» ленинградцев, которых ждала не только прекрасная природа, чистый и полезный воздух, но и знакомство с уникальным культурным наследием бывших царских резиденций. Однако обращение к проблеме гигиены воды показывает, что на протяжении всего межвоенного периода она была чрезвычайно актуальной. В тех же парках отдыхающих могли встречать заболоченные и грязные водоемы – проблема, которую было сложно решить из-за отсутствия средств. Местное население страдало от нехватки достаточного числа и качества бань, а водопровода либо не было, либо он требовал капитальной реконструкции и грамотного управления. К этому добавлялась подчас катастрофическая ситуация с канализацией, на что влияли соответствующие жилищные условия. Таким образом, доступ к достаточным объемам чистой воды, что было одним из важнейших условий оздоровления быта, оказывался ограничен.

Список литературы

1. Кирик Ю. В., Ратманов П. Э., Шеноеva П. А. Институализация социальной гигиены в Советской России в 1920–1930-х годах в международном контексте // Дальневосточный медицинский журнал. 2020. № 1. С. 85–94. EDN: IPQRIT
2. Дащкова Т. Мода – политика – гигиена: Формы взаимодействия: (на материале женских журналов и журналов мод 1920–1930-х годов) // Дащкова Т. Телесность – идеология – кинематограф: Визуальный канон и советская действительность. М.: НЛО, 2013. С. 63–79.
3. Соболева А. Н. Бытовая культура советских горожан в 1920–1930-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2018. № 3. С. 20–25. EDN: YVQKAP.
4. Барышева Е. В. «Спортизация» страны в 1920–1930-е гг. // История и архивы. 2024. № 4. С. 60–75. EDN: FGCFXT.
5. Шаламов В. А. Санитарное просвещение Сибири в 1920–1930-е годы // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2013. Т. 117. № 2. С. 120–122. EDN: QBSQSZ.
6. Сахаров В. А., Сахарова Л. Г. Формирование здорового образа жизни советской молодежи в 1920–1930-е годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. Т. 23. № 2. С. 57–60. EDN: TWHWNB.
7. Сидорчук И. В. Досуг городского населения России в 1918–1935 гг. СПб.: ПОЛИ-ТЕХ-ПРЕСС, 2022. 609 с. EDN: BHNMJI.
8. Северцева О. В. Досуг в повседневной жизни работниц промышленных предприятий Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В. В. Карпова. Вып. 8. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2017. С. 46–51. EDN: YYWZBN.

9. Дмитриев В. Д. Водоснабжение и водоотведение населенных пунктов Курортного района водоканал Санкт-Петербурга, 150-летию посвящается. СПб: Новый журнал, 2008. 240 с. EDN: QNOMPJ.
10. Малинова-Тзиафета О. Ю. Катастрофическое наводнение 1924 года и городское хозяйство Ленинграда – была ли катастрофа? // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1(45). С. 23–35. EDN: BNVMKJ.
11. Бондарев С. В. «Владыка бурь восстал и сел на колесницу». Последствия наводнения 1924 года и начало музейной реставрации в Петергофе // Вестник реставрации пригородных дворцов. Трагедия и триумф: сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2019. С. 37–41. EDN: KRAQYA.
12. Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю. От реки Коваша до Самсоновской чаши. История водоподводящей системы фонтанов Петергофа. СПб.: Аврора, 2019. 232 с.
13. Петров П. В. К вопросу о состоянии и попытках ремонта водоподводящей системы Петергофа в 1933–1940 гг. // Дворцы и техника: сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2021. С. 56–70. EDN: SPAVOA.
14. Берзин. Да здравствует физкультура! // Красный спорт. 1924. 20 августа (экстренный выпуск). С. 1.
15. Плетнев В. Клуб летом. (К вопросу о летней работе клуба) // Рабочий клуб. 1925. № 4–5(16–17). С. 5.
16. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 7. Оп. 1. Д. 6388.
17. Семашко Н. Задачи органов здравоохранения по физкультуре // Вопросы здравоохранения. 1928. № 5. С. 3–4.
18. Ульянова С. Б., Сидорчук И. В. Кампания «Неделя за здоровую смену» 1928 года и формирование советской модели физической культуры // Новый исторический вестник. 2024. № 3(81). С. 92–112. EDN: OYGPZH
19. Р. Не только мускулы // Вечерняя Москва. 1928. № 27. 1 февраля. С. 3.
20. Сидорчук И. В. Агитсуды как форма агитационно-пропагандистской работы в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2021. № 5 (121). С. 35–40. EDN: VGRIBE.
21. Лапин Д. В., Степанов С. А. Суд над бациллой Коха. М.: Нар. ком. здрав., 1924. 51 с.
22. Федотов М. Музыка во время обеда // Ленинградский рабочий. 1927. № 3. С. 9.
23. Ульянова С. Б., Сидорчук И. В. Обеденный перерыв в системе трудовых отношений на советских предприятиях в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 3(96). С. 79–82. EDN: LQNLOZ.
24. Сидорчук И. В., Мосенц М. С. Инновационное образование глазами научно-технической элиты начала XX в.: Петербургское восьмиклассное коммерческое училище в Лесном // Перспективы науки и образования. 2019. № 4 (40). С. 393–404. EDN: VUYALK.
25. Дурилин П. Н. Городские парки и здоровье человека. М.: Изд-во Центр. дома специалистов, 1929. 20 с.
26. Яковлева Г. Н. Три проекта перепланировки Москвы (1918–1925) // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М.: Либроком, 2010. С. 44–70.
27. Геркан Л. Нам нужны бассейны для плавания // Вечерняя Москва. 1927. № 52. 4 марта. С. 4.
28. Бурлаков А. «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети рабочих» // Гатчинская правда. 2011. 2 июня. С. 14. URL: <http://www.history-gatchina.ru/article/pioneer.htm> (дата обращения: 22.07.2025).
29. Чепель А. Плац для малышей. Как работали детские колонии в Царском Селе // Санкт-Петербургские ведомости. 2019. 30 августа. № 161(6514). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/plats-dlya-malyshey-kak-rabotali-detskie-kolonii-v-tsarskom-sele/> (дата обращения: 22.07.2022).
30. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 3.
31. ЦГА СПб. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 2.

32. ЦГА СПб. Ф. Р-1894. Оп. 2. Д. 1.
33. Ефимов А. А. Преобразования в системе управления дворцовыми городами в период реформирования Министерства императорского двора в 1881–1890-х годах // Вестник Пермского университета. Серия: «История». 2019. № 2(45). С. 68–75. EDN: WCCIQA.
34. ЦГА СПб. Ф. Р-1894. Оп. 2. Д. 1.
35. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 43.
36. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 65.
37. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-482. Оп. 1. Д. 17.
38. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 63.
39. Отчет Ленинградского Пригородного райкома ВКП(б) 3 районной партконференции (январь 1932 – январь 1934). Л.: Изд-во Ленинградского Пригородного районного комитета ВКП(б), 1934. 120 с.
40. Ефимов А. А. Создание правил пользования водопроводами в дворцовых городах Российской империи в конце XIX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 22. № 2. С. 28–36. EDN: JWQBBC.
41. Смирнов. Реконструкция водопровода в Детском Селе // Социалистический пригород. 1935. № 158 (320). 12 июля. С. 4.
42. Водоснабжение Стрельны // Социалистический пригород. 1935. № 199(361). 30 августа. С. 4.
43. ЦГА СПб. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 281.
44. Ни проехать, ни пройти // Социалистический пригород. 1936. 20 марта. № 65(526). С. 3.
45. Витальев. Так живут в Лобовке // Социалистический пригород. 1935. № 165(327). 21 июля. С. 3.
46. Отчет о деятельности Ораниенбаумского Городского Совета III созыва за период с 1-го января 1931 года по 1-е октября 1934 года. Ораниенбаум: Тип. изд-ва «Вперед», 1934. 31 с.
47. Ермаков И. В банях грязь... Письмо курсанта // Социалистический пригород. 1936. № 36(497). 14 февраля. С. 3.
48. Отчет Слуцкого городского совета Пригородного района II созыва о выполнении наказов избирателей за 1935 г. Слуцк: Б. и., 1936. 23 с.
49. Наказы избирателей, данные в феврале месяце 1931 г. Детскосельскому Горсовету VI Созыва. Детское Село: Детскосельская типография Ленпромкомбината, 1931. 22 с.
50. Meerovich M. G. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН, 2008. 300 с.
51. Ведомственный архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 79.
52. Бор-ца. На два города ни одной прачечной // Социалистический пригород. 1935. № 283(445). 11 декабря. С. 3.

Water Hygiene Problems in the Leningrad Suburbs in the 1920s – 1930s

Ilya V. Sidorchuk

Since the first post-October years, the dissemination of sanitary and hygienic knowledge has been one of the priorities in the field of mass education. In this regard, the authorities actively used the recreational resources of the large cities' suburbs, positioning them as accessible places of recreation, especially for children. Using the example of water hygiene, the research attempts to find out whether the suburbs could really cope with this task. In addition, attention was focused on how the water situation affected the daily lives of their

residents. To achieve this goal, archival materials about the activities of city and district councils of suburbs and palace and park complexes, as well as periodicals, instructions from voters and reports from city councils were used. As a result, it was concluded that the problem was extremely urgent: often the lack of funds did not allow the construction and repair of water pipes, reservoirs were swampy or polluted, and the issues of providing public baths and sewerage remained intractable. All this led to the existence of hygiene problems, which both the guests and the local population suffered from.

Key words: hygiene, water supply, history of everyday life, Leningrad suburbs, history of suburbs, Peterhof, Tsarskoye Selo, Pavlovsk.

Acknowledgements: the research was funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-20042, <https://rscf.ru/project/25-28-20042/> and a grant of the St. Petersburg Science Foundation, project No. 25-28-20042.

For citation: Sidorchuk, I. V. (2025) Problemy gigienny vod v leningradskikh prigorodakh v 1920–1930-e gg. [Water Hygiene Problems in the Leningrad Suburbs in the 1920s – 1930s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life], No. 4. Pp. 176–191. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_176. EDN: NQHHUU

References

1. Kirik, Yu. V., Ratmanov, P. E., Shenoeva, P. A. (2020) Institutionalizacija social'noj gigienny v Sovetskoy Rossii v 1920–1930-h godah v mezhdunarodnom kontekste [Institutionalization of social hygiene in Soviet Russia in the 1920s and 1930s in an international context]. *Dal'nevostochnyj medicinskij zhurnal* [Far Eastern Medical Journal]. No. 1. Pp. 85–94. (In Russ.). EDN: IPQRIT
2. Dashkova, T. (2013) *Telesnost' – ideologija – kinematograf: Vizual'nyj kanon i sovetskaja dejstvitel'nost'* [Physicality – ideology – cinema: The Visual canon and Soviet reality]. Moscow: NLO, 2013. Pp. 63–79. (In Russ.)
3. Soboleva, A. N. (2018) Bytovaja kul'tura sovetskikh gorozhan v 1920–1930-e gg. [The everyday culture of Soviet citizens in the 1920s and 1930s]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennej Azii* [Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian studies of Inner Asia], No. 3. Pp. 20–25. (In Russ.). EDN: YVQKAP
4. Barysheva, E. V. (2024) "Sportizacija" strany v 1920–1930-e gg. [Sportization" of the country in the 1920s and 1930s]. *Istoriya i arhivy* [History and Archives]. No. 4. Pp. 60–75. (In Russ.). EDN: FGCFXT
5. Shalamov, V. A. (2013) Sanitarnoe prosveshhenie Sibiri v 1920–1930-e gody [Sanitary education of Siberia in the 1920s and 1930s]. *Sibirskij medicinskij zhurnal* (Irkutsk) [Siberian Medical Journal (Irkutsk)]. Vol. 117. No. 2. Pp. 120–122. (In Russ.). EDN: QBSQZ
6. Sakharov, V. A., Sakharova, L. G. (2015) Formirovaniye zdorovogo obraza zhizni sovetskoy molodezhi v 1920–1930-e gody [Formation of a healthy lifestyle of Soviet youth in the 1920s and 1930s]. *Problemy social'noj gigienny, zdravoohraneniya i istorii mediciny* [Problems of social hygiene, public health and the history of medicine]. Vol. 23. No. 2. Pp. 57–60. (In Russ.). EDN: TWHWNB
7. Sidorchuk, I. V. (2022) *Dosug gorodskogo naseleniya Rossii v 1918–1935 gg.* [Leisure of the urban population of Russia in 1918–1935]. St. Petersburg: POLITEH-PRESS. (In Russ.). EDN: BHNMJI
8. Severceva, O. V. (2017) *Dosug v povsednevnoj zhizni rabotnic promyshlennyyh predpriyatiy Sankt-Peterburga v vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Leisure in the daily life of St. Petersburg industrial workers in the second half of the 19th – early 20th century]. *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. Vyp. 8* [Capital and provinces: the relationship between the center and the regions in the history of Russia: materials of the All-Russian Scientific Conference with international participation. Is. 8]. St. Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A. S. Pushkina. Pp. 46–51. (In Russ.). EDN: YYWZBN
9. Dmitriev, V. D. (2008) *Vodosnabzhenie i vodootvedenie naselennyh punktov Kurortnogo rajona vodokanal Sankt-Peterburga, 150-letiju posvящaetsja* [Water supply and sanitation of settlements

in the Kurortny district vodokanal of St. Petersburg, dedicated to the 150th anniversary]. St. Petersburg: Novy zhurnal. (In Russ.). EDN: QNOMPJ

10. Malinova-Tzafeta, O. Y. (2025) Katastroficheskoe navodnenie 1924 goda i gorodskoe hozjajstvo Leningrada – byla li katastrofa? [The catastrophic flood of 1924 and the urban economy of Leningrad – was there a catastrophe?]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [St. Petersburg Historical Journal]. No. 1(45). Pp. 23–35. (In Russ.). EDN: BNVMKJ

11. Bondarev, S. V. (2019) "Vladika bur' vostsal i sel na kolesnicu". Posledstvija navodnenija 1924 goda i nachalo muzejnoj restavraci v Petergofe [The Lord of storms rose up and sat on a chariot]. The consequences of the flood of 1924 and the beginning of museum restoration in Peterhof. *Vek restavraci prigorodnyh dvorcov. Tragedija i triumf. Sbornik statej po materialam nauchno-prakticheskoy konferencii GMZ "Petergof"* [The Century of restoration of suburban palaces. Tragedy and triumph. Collection of articles based on the materials of the scientific and practical conference GMZ "Peterhof"]. St. Petersburg: GMZ "Peterhof". Pp. 37–41. (In Russ.). EDN: KRAQYA.

12. Potravnov, A. L., Khmelnik, T. Y. (2019) *Ot reki Kovashi do Samsonovskoj chashi. Istorija vodopodvodjashhej sistemy fontanov Petergofa* [From the Kovashi River to the Samsonovskaya Basin. The history of the water supply system of Peterhof fountains]. St. Petersburg: Aurora, 2019. (In Russ.)

13. Petrov, P. V. (2021) K voprosu o sostojanii i popytkah remonta vodopodvodjashhej sistemy Petergofa v 1933–1940 gg. [On the issue of the condition and attempts to repair the Peterhof water supply system in 1933–1940]. *Dvory i tekhnika. Sbornik statej po materialam nauchno-prakticheskoy konferencii GMZ "Petergof"* [Palaces and Technology. Collection of articles based on the materials of the scientific and practical conference of the Peterhof State Museum-Reserve]. St. Petersburg: GMZ "Peterhof". Pp. 56–70. (In Russ.). EDN: SPAVOA

14. Berzin (1924) Da zdavstvuet fizkul'tura! [Long live physical education!]. *Krasnyj sport* [Red sport]. August 20 (special issue). P. 1. (In Russ.)

15. Pletnev, V. (1925) Klub letom. (K voprosu o letnej rabote kluba) [Club in summer. (On the issue of the summer work of the club)]. *Rabochij klub* [Workers' Club]. No. 4–5(16–17). P. 5. (In Russ.)

16. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg] (hereinafter – CGAIPD SPb). F. 7. Op. 1. D. 6388. (In Russ.)

17. Semashko, N. (1928) Zadachi organov zdraovoohraneniya po fizkul'ture [Tasks of health authorities to physical education]. *Voprosy zdraovoohraneniya* [Health issues]. No. 5. Pp. 3–4. (In Russ.)

18. Ul'yanova, S. B., Sidorchuk I. V. (2024) Kampaniya «Nedelya za zdorovyyu smenu 1928 goda i formirovaniye sovetskoy modeli fizicheskoy kul'tury» [The "Week for a healthy generational change" campaign of 1928 and the creation of the Soviet model of physical culture]. *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin]. No. 3(81). Pp. 92–112. (In Russ.). EDN: OYGPGB

19. R. (1928) Ne tol'ko muskuly [Not Only Muscles]. *Vechernyaya Moskva* [Evening Moscow]. No. 27. February 1. P. 3. (In Russ.)

20. Sidorchuk, I. V. (2021) Agitsudy kak forma agitacionno-propagandistskoj raboty v 1920-e gg. [Agitational trials as a form of agitation and propaganda work in the 1920s]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai State University]. No. 5 (121). Pp. 35–40. (In Russ.). EDN: VGRIBE

21. Lapin, D. V., Stepanov, S. A. (1924) *Sud nad bacilloj Koha* [The trial of the Koch bacillus]. Moscow: Nar. kom. zdrav. (In Russ.)

22. Fedotov, M. (1927) Muzyka vo vremya obeda [Music during lunch]. *Leningradskij rabochij* [Leningrad worker]. No. 3. P. 9. (In Russ.)

23. Ul'yanova, S. B., Sidorchuk, I. V. (2022) Obedennyj pereryv v sisteme trudovyh otnoshenij na sovetskikh predpriyatiyah v 1920-e gg. [Lunch break in the system of labor relations at Soviet enterprises in the 1920s]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of the Orel State University]. No. 3(96). Pp. 79–82. (In Russ.). EDN: LQNLOZ

24. Sidorchuk, I. V., Mosenc, M. S. (2019) Innovacionnoe obrazovanie glazami nauchno-tehnicheskoy elity nachala XX v.: Peterburgskoe vos'miklassnoe kommercheskoe uchilishche v Lesnom [Innovative education through the eyes of the scientific and technical elite of the early

- 20th century: St. Petersburg eighth-grade commercial college in Lesnoy]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Prospects of science and education]. No. 4(40). Pp. 393–404. (In Russ.). EDN: VUYALK
25. Durilin, P. N. (1929) *Gorodskie parki i zdror'ye cheloveka* [Urban parks and human health]. Moscow: Izd-vo Centr. doma specialistov. (In Russ.)
26. Yakovleva, G. N. (2010) *Tri proekta pereplanirovki Moskvy (1918–1925)* [Three redevelopment projects in Moscow (1918–1925)]. *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1920–1930-h godov: Novye issledovaniya i materialy* [Soviet urban planning of the 1920s and 1930s: New research and materials]. Ed. Yu. L. Kosenkova. Moscow: Librokom. Pp. 44–70. (In Russ.)
27. Gerkan, L. (1927) *Nam nuzhny bassejny dlya plavaniya* [We Need Swimming Pools]. *Vechernaya Moskva* [Evening Moscow]. No. 52. March 4. P. 4. (In Russ.)
28. Burlakov, A. (2011) “Rise up with bonfires, blue nights, we are pioneers, children of workers” [“Vzvyejtes' kostrami, sinii nochi, my pionery, deti rabochih”]. *Gatchinskaja pravda* [Gatchina Truth]. June 2. P. 14. URL: <http://www.history-gatchina.ru/article/pioner.htm> (date of request: 07/22/2025). (In Russ.)
29. Chepel, A. (2019) *Plac dlja malyshej. Kak rabotali detskie kolonii v Carskom Sele* [A parade ground for kids. How the children's colonies in Tsarskoye Selo worked]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [St. Petersburg Vedomosti]. August 30th. No. 161(6514). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/plats-dlya-malyshey-kak-rabotali-detskie-kolonii-v-tsarskom-sele/> / (date of reference: 07/22/2022). (In Russ.)
30. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg] (hereinafter – CGA SPb). F. R-132. Op. 1. D. 3. (In Russ.)
31. CGA SPb. F. R-132. Op. 1. D. 2. (In Russ.)
32. CGA SPb. F. R-1894. Op. 2. D. 1. (In Russ.)
33. Efimov, A. A. (2019) *Preobrazovaniya v sisteme upravleniya dvorcovymi gorodami v period reformirovaniya Ministerstva imperatorskogo dvora v 1881–1890-h godah* [Transformations in the management system of palace towns during the reformation of the Ministry of the Imperial Court in the 1881–1890s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: “Istoriya”* [Bulletin of the Perm University. Series: “History”]. No. 2(45). Pp. 68–75. (In Russ.). EDN: WCCIQ4
34. CGA SPb. F. R-1894. Op. 2. D. 1. L. 308. (In Russ.)
35. *Vedomstvennyj arhiv GMZ “Petergof”* [Archive of the State Museum-Reserve Peterhof]. F. R-2. Op. 7. D. 43.
36. *Vedomstvennyj arhiv GMZ “Petergof”* [Archive of the State Museum-Reserve Peterhof]. F. R-2. Op. 7. D. 65.
37. CGAIPD SPb. F. R-482. Op. 1. D. 17. (In Russ.)
38. *Vedomstvennyj arhiv GMZ “Petergof”* [Archive of the State Museum-Reserve Peterhof]. F. R-2. Op. 7. D. 63.
39. (1934) *Otchet Leningradskogo Prigorodnogo rajkoma VKP(b) 3 rajonnoj partkonferencii (yanvar' 1932 – yanvar' 1934)* [Report of the Leningrad Suburban district Committee of the CPSU(b) of the 3rd district party conference (January 1932 – January 1934)]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo Prigorodnogo rajonnogo komiteta VKP(b). (In Russ.)
40. Efimov, A. A. (2022) *Sozdanie pravil pol'zovaniya vodoprovodami v dvorcovyh gorodah Rossiijskoj imperii v konce XIX veka* [Creation of rules for the use of water pipes in the palace towns of the Russian Empire at the end of the 19th century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences]. Vol. 22. No. 2. Pp. 28–36. (In Russ.). EDN: JWQBBC
41. Smirnov. (1935) *Rekonstrukcija vodoprovoda v Detskom Sele* [Reconstruction of the Water Supply System in Detskoye Selo]. *Socialisticheskij prigorod* [Socialist suburb]. No. 158 (320). July 12. P. 4. (In Russ.)
42. (1935) *Vodosnabzhenie Strel'ny* [Water supply of Strelna]. *Socialisticheskij prigorod* [Socialist suburb]. No. 199(361). August 30. P. 4. (in Russ.)
43. CGA SPb. F. R-171. Op. 1. D. 281. (In Russ.)
44. (1936) *Ni proehat', ni projti* [Neither Drive nor Walk]. *Socialisticheskij prigorod* [Socialist suburb]. March 20. No. 65(526). P. 3. (In Russ.)
45. Vital'ev. (1935) *Tak zhivut v Lobovke* [This Is How They Live in Lobovka]. *Socialisticheskij prigorod* [Socialist suburb]. No. 165(327). July 21. P. 3. (In Russ.)

46. (1934) *Otchet o deyatel'nosti Oranienbaumskogo Gorodskogo Soveta III sozyva za period s 1-go yanvarya 1931 goda po 1-oe oktyabrya 1934 goda* [Report on the activities of the Oranienbaum City Council of the III convocation for the period from January 1, 1931 to October 1, 1934]. Oranienbaum: Tip. izd-va "Vpered". (In Russ.)

47. Ermakov I. (1936) *V banjah grjaz'...* Pis'mo kursanta [The Bathhouses Are Dirt... A Cadet's Letter]. *Socialisticheskij prigorod* [Socialist suburb]. No. 36(497). February 14. P. 3. (In Russ.)

48. (1936) *Otchet Sluckogo gorodskogo soveta Prigorodnogo rajona II sozyva o vypolnenii nakazov izbiratelej za 1935 g.* [Report of the Slutsk City Council of the Prigorodny district of the II convocation on the implementation of voter orders for 1935]. Slutsk: b.i. (In Russ.)

49. (1931) *Nakazy izbiratelej, dannyе v fevralе 1931 g. Detskoseл'skomu Gorsovetu VI Sozyva* [Instructions of voters given in February 1931 to the Detskoselsky City Council of the VI Convocation]. Detskoe Selo: Detskoseл'skaya tipografiya Lenpromkombinata. (In Russ.)

50. Meerovich, M. G. (2008) *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917-1937 gody)* [Punishment by housing: housing policy in the USSR as a means of managing people (1917-1937)]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

51. *Vedomstvennyj arhiv GMZ "Petergof"* [Archive of the State Museum-Reserve Peterhof]. F. R-2. Op. 7. D. 79. (In Russ.)

52. (1935) Bor-ca. Na dva goroda ni odnoj prachechnoj [Bor-tsa. Not a Single Laundry for Two Cities]. *Socialisticheskij prigorod* [Socialist suburb]. No. 283(445). December 11. P. 3. (In Russ.)

Об авторе

Сидорчук Илья Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор Высшей школы международных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: chubber@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9760-2443

About the author

Sidorchuk Ilya V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Higher School of International Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: chubber@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9760-2443

Статья поступила в редакцию 31.07.2025
Одобрена после рецензирования 11.09.2025
Принята к публикации 06.10.2025

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья
УДК 94(470.56):613.95"18/19"
EDN: THBVBN
DOI: 10.35231/25422375_2025_4_192

Санитарно-гигиенические условия повседневности воспитанников закрытых мужских учебных заведений Оренбурга второй половины XIX в. (гигиена тела, питание, физическая активность)

Е. В. Бурлуцкая

В статье предпринят сравнительный анализ решения вопросов гигиены в различных закрытых мужских учебных заведениях Оренбурга второй половины XIX в. Проанализированы санитарно-гигиенические условия повседневности обучающихся школы для киргиз-кайсацких детей, пансиона Оренбургской мужской гимназии и Неплюевского кадетского корпуса. Для сравнения были взяты такие аспекты санитарно-гигиенического состояния образовательных учреждений, как обеспечение личной гигиены воспитанников, их питание и физическая активность. Источниками послужили опубликованные материалы личного происхождения – записки, мемуары, а также воспоминания, положенные в основу художественного литературного произведения. Анализ имеющихся источников позволил прийти к выводу о том, что санитарно-гигиенические условия в закрытых мужских учебных заведениях Оренбурга были обусловлены в первую очередь нормативно-правовой базой и масштабами финансирования этих учебных заведений. Кроме того, значительное влияние оказывал такой фактор, как господствующие общественные представления о гигиене. Сложившиеся санитарно-гигиенические условия жизни воспитанников были вполне приемлемыми для Оренбурга второй половины XIX в. Но, по мнению самих юношей, эти условия не всегда соответствовали их потребностям и запросам. Основными причинами такого восприятия могли служить коллективный быт учащихся без должного контроля со стороны взрослых или «спартанский» характер повседневности в военном учебном заведении.

Ключевые слова: детская повседневность, школьная гигиена, повседневная гигиена, закрытые мужские учебные заведения, Оренбург, вторая половина XIX в.

Для цитирования: Бурлуцкая Е. В. Санитарно-гигиенические условия повседневности воспитанников закрытых мужских учебных заведений Оренбурга второй половины XIX в. (гигиена тела, питание, физическая активность) // История повседневности. - 2025. - № 4. - С. 192–213. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_192. EDN: THBVBN

Введение

Во второй половине XIX столетия в связи с развитием разнообразных технологий, распространением медицинских знаний, а также благодаря работам педагогов и физиологов, вопросы, связанные с гигиеной повседневной жизни (в том числе с детской гигиеной) оказались в центре внимания общественности. Обсуждению подвергались такие проблемы, как локальная скученность населения, нормы потребления воды, организация отвода нечистот, комфорт жилого пространства, качество потребляемых продуктов питания и т. д. Как отмечает в одной из своих публикаций В. А. Веременко, усиленное «внимание к “телесности” ... было вызвано целым рядом самых разных причин социального, политического, экономического и культурного характера. Из наиболее важных можно выделить следующие: обусловленная ростом городов важность противоэпидемической деятельности, значительную роль в которой составляли санитарно-гигиенические мероприятия; ... медикализация различных сторон повседневной жизни; деятельность всевозможных образовательных учреждений, общественных организаций, средств массовой информации, наконец, отдельных врачей, гигиенистов, учителей, спортсменов и даже просто домашних хозяек, направленная на пропаганду ухода за телом...» [1, с. 19].

Закрытые учебные заведения в этом отношении должны были стать своеобразными флагманами правильно организованной санитарно-гигиенической системы, в которой питание, физическая активность и обеспечение гигиены тела воспитанников основывались бы на самых последних рекомендациях специалистов. Как отмечалось в одной из работ конца XIX в., «интернат дает детям условия жизни, которые может предоставить только зажиточная и разумная семья: необходимые приспособления для физического воспитания, правильное распределение времени, работы и отдыха, хорошее влияние совместной жизни при одинаковых для всех детей условиях» [2, с. 44].

Тема здоровьесбережения учащихся в последние два десятилетия неоднократно поднималась исследователями различных российских регионов. К этой проблеме обращались как историки [3–6], так и педагоги [7]. В публикациях речь шла о медицинском надзоре за детьми и подростками, о качестве питьевой

воды и воздуха в учебных и жилых помещениях, о способах отопления и освещения школьных зданий, о школьной мебели, об устройстве прачечных, умывален и уборных, о питании и физической активности ребят и т. д.

Эти проблемы неоднократно подвергались анализу в исследованиях В. А. Веременко (Санкт-Петербург) и В. В. Пономаревой (Москва). В ряде их публикаций затрагивались вопросы организации жизни детей и подростков в закрытых учебных заведениях [8–13]. В 2023 г. научным коллективом под руководством В. А. Веременко был опубликован интереснейший сборник документов и материалов по гигиене детства в целом [14].

Применительно к санитарно-гигиенической обстановке в оренбургских учебных заведениях были опубликованы работы, касающиеся физического воспитания оренбургских детей [15], организации для обучающихся прогулок и экскурсий [16], а также борьбы с детскими эпидемическими заболеваниями [17]. Системного исследования, освещающего опыт различных механизмов здоровьесбережения учащихся закрытых учебных заведений Оренбурга, до настоящего момента не предпринималось.

Данная статья основывается на историко-антропологическом подходе, исследующем повседневность социальных практик второй половины XIX – начала XX в. Источниками для работы послужили опубликованные материалы личного происхождения (мемуары, записки), а также воспоминания, облеченные в форму литературного произведения. Основной целью исследования является сравнительный анализ санитарно-гигиенических условий жизни воспитанников оренбургских закрытых учебных заведений для мальчиков.

Результаты

В конце XIX в. в Оренбурге насчитывалось 32 правительственные и городских учебных заведения [18, с. 96]. Для сравнительного анализа санитарно-гигиенической обстановки были взяты такие закрытые мужские учебные заведения, как школа для киргиз-кайсацких детей, пансион Оренбургской мужской гимназии и Неплюевский кадетский корпус.

Школа для киргиз-кайсацких (казахских) детей была открыта в августе 1850 г. на основании «Положения о школе для киргиз-

ских детей при Оренбургской пограничной комиссии»¹. Она находилась в подчинении Азиатского департамента Министерства иностранных дел и в ведении Оренбургской пограничной комиссии. Целью создания школы было распространение среди киргиз-кайсаков русского языка и подготовка делопроизводителей, писарей и переводчиков, служащих при «султанах-правителях». В школу принимали до 30 мальчиков-инородцев 8–12 лет. Срок обучения составлял семь лет.

Все воспитанники, обучавшиеся за казенный счет, жили на полном государственном обеспечении. Плата за обучение «своекоштных» слушателей составляла 65 р. в год серебром и вносилась родителями вперед за каждые полгода. С каждого воспитанника при поступлении в школу единовременно взималось по 10 р. серебром «на первоначальное обзаведение».

Для нужд школы был выделен один из двух каменных домов, принадлежавших канцелярии Оренбургской пограничной комиссии, на улице Николаевской (совр. ул. Советская, 7). Здание было специально перестроено и отремонтировано, так что ученики оказывались практически в абсолютно новых помещениях со свежим ремонтом. Во дворе располагались два флигеля – для больницы и надзирателя, а также кухня и баня [19, с. 38].

Свои впечатления об этом учебном заведении оставил оренбургский художник А. Ф. Чернышев, которому удалось побывать на открытии школы. Его записки, опубликованные в 1853 г. в журнале «Русский художественный листок» [20; 21], содержали подробное описание школы, самих учеников, условий их проживания и питания.

Руководство школы не считалось с казенными тратами на ее обустройство. Образ жизни воспитанников должен был мотивировать «азиатцев» к тому, чтобы отдавать своих детей в обучение. Именно поэтому для обучающихся были созданы максимально комфортные и на тот момент современные условия жизни.

Поскольку воспитанники не только обучались в школе различным наукам, но и постоянно проживали в ней в течение всего учебного года, руководство школы много внимания уделяло санитарно-гигиеническому обеспечению жизни пансионеров. В умывальной комнате был устроен «огромный, по крайней

¹ Положение об управлении оренбургскими киргизами. СПб.: В типографии Journal de Saint-Petersbourg, 1844. 37 с.

мере, в сажень вышиной, умывальник красной меди. Форма его очень оригинальна, и он приходится как раз насупротив дверей дортуара, что весьма красиво». Согласно представлениям жителей Степи, «верх совершенства подобного рода изделий заключается в вычурной их оригинальности и громадном количестве металла, употребленного на самое изделие» [20, с. 1]. Соответственно, как сами учащиеся, так и посещающие их время от времени родственники должны были сразу осознать, в каком престижном учебном заведении они находятся.

Еженедельно по четвергам воспитанников водили в баню [21, с. 4]. Такая частота привычной и ежедневной для нас гигиенической процедуры в середине XIX столетия была вполне достаточной, а кому-то даже могла показаться избыточной. Во многих учебных заведениях банные дни устраивались всего два раза в месяц, а в большинстве оренбургских семей поход в баню по финансовым соображениям или в силу привычки вообще осуществлялся не чаще, чем раз в месяц.

Спальня воспитанников была оформлена с максимальным тщанием. Железные кровати – «красивые и прочные», выкрашенные «черной краской под лаком» – были расположены по обеим сторонам комнаты, вдоль стен. К изголовью каждой кровати был «приделан железный прут, в виде стрелы, и на нем посередине овальная железная дощечка, на которой по-русски и по-киргизски написаны, по черному полю, четким и изящным шрифтом, имена и фамилии питомцев» [20, с. 1]. Прут оканчивался вешалкой конической формы, на которую следовало помещать парадную тюбетейку воспитанника. В ногах кровати находился деревянный лакированный табурет.

Тюфяк на кровати был набит конским волосом и покрыт тиком – плотной хлопчатобумажной тканью с широкими продольными цветными полосами. На тюфяке размещалась довольно тонкая простира, поверх которой укладывалось одеяло из верблюжьего сукна с холщовым пододеяльником. По праздникам на тюфяк накидывалось белое фланелевое одело без пододеяльника. В изголовье располагалась подушка с двумя наволочками, и все это было прикрыто от пыли чехлом из полосатого тика [20, с. 1–2].

Распорядок дня воспитанников был аналогичен регламенту в большинстве закрытых учебных заведений. По словам Чернышева, «воспитанники вставали «в семь часов утра;

в восемь завтракают; от девяти до одиннадцати учатся в классах; в двенадцать часов обедают; после обеда опять в классах от двух до четырех часов; ужинают в восемь; ложатся спать в девять часов вечера» [21, с. 4].

На завтрак питомцам давали «шир-чай, или, так называемый, калмыцкий чай (кирпичный чай, сваренный с молоком, кировым маслом и частичкою соли) ...» [21, с. 4]. Обед составлялся с уважением «к прежним привычкам питомцев» и мог состоять из лапши с «крутом» [куртом, курутом – сушеным творогом – Е. Б.], бешбармака, жаркого из баранины с картофелем, супа из «полбенной крупы» с бараниной и крутом, просяной каши, плова с бараниной [21, с. 4]. Калорийность такого обеда даже на первый взгляд представляется весьма высокой. Непременное наличие мяса, лапши, картофеля и круп вполне обеспечивало потребность растущего организма в жирах, белках и углеводах. Отсутствие информации о наличии в рационе каких-либо овощей или фруктов, скорее всего, было связано с общей неразвитостью огородничества и садоводства в регионе.

«Азиатские» обычаи постепенно вытеснялись из школы. Примерно за полтора года до первого выпуска учеников из школы надзорателем был назначен Дыньков. При нем порядки в школе стали более свободными и направленными на приобщение воспитанников к российским традициям. «Ученики ходили с бритыми головами: Дыньков находил, что для некоторых неудобно и вредно брить голову ... и он отдал на волю учеников, кто хочет пусть бреется, а кто не хочет может отпустить волосы – все ученики отпустили волосы. В передней школы стоял огромный таз с кумганами для омовения: Дыньков заметил, что это нечистоплотно и может не понравиться начальству. Он велел вынести таз с кумганами в баню, находя ее более приличным местом для омовений – сразу прекратились омовения. Настала ураза. Дыньков находил и еду по ночам неудобным для казенного заведения, рискованным для здоровья воспитанников ... Он приказал кушать в обычное время, а если кто из воспитанников пожелает поститься, для того к ночи оставлять кушанье – ураза прекратилась» [19, с. 44].

Как замечал А. Ф. Чернышев, «степная жизнь постоянно тянет Киргиза на воздух» [21, с. 4]. Поэтому воспитанники часто собирались во дворе или под надзором дежурного унтер-офицера

ходили на прогулку – зимой в пределах города, а летом за город или в Зауральную рощу. Весной, с установлением теплой погоды, воспитанников вывозили на неделю или дней на десять в поле, на «кочевку». Там «раскидывают, нарочно, для кочевки заготовленные киргизские кибитки, что видимо радует детей; на забаву и в удовольствие им две, три кибитки стоят и во дворе школы до глубокой осени» [21, с. 4].

В самом помещении школы, рядом с умывальной комнатой был устроен «станок для гимнастических упражнений воспитанников в зимнюю пору, окрашенный под дуб, и покрытый лаком» [20, с. 1]. Во дворе были «врыты окрашенные в зеленую краску козлы, с принадлежностями, для гимнастических упражнений воспитанников в летнюю пору» [20, с. 2].

В целом, судя по имеющимся сведениям, санитарно-гигиенические условия повседневной жизни воспитанников школы для киргиз-кайсацких детей были не просто приемлемыми, а даже отличными. Комфортные условия жизни, забота о чистоте, полноценное питание и соблюдение предписаний о физической активности и пребывании на свежем воздухе обеспечивали учащимся здоровое бытование.

Об условиях жизни пансионеров Оренбургской мужской гимназии мы узнаем из сочинения Н. А. Крашенинникова «Восемь лет. Воспоминания о гимназии» (1907). В 1888–1897 годах будущий писатель, которого тогда звали просто Коля Камбулин (Крашенинниковым он станет только в 1900 г.), учился в оренбургской гимназии. Детские впечатления ранимого и эмоционального мальчика, сохранили достаточно деталей повседневной жизни учащихся.

Мужская гимназия, открытая в 1868 г., на протяжении второй половины XIX – начала XX в. была ведущим гражданским средним учебным заведением в Оренбурге и Оренбургской губернии. В гимназию принимали мальчиков не младше восьми летного возраста. Обучение продолжалось в течение восьми лет. Число учащихся составляло около 300 чел. [22, с. 25]. Средства на содержание гимназии составляли поступления из государственного бюджета, плата за обучение и проценты – с пожертвованных капиталов [18, с. 97].

Пансион, расположенный в двух шагах от здания самой гимназии, был открыт в 1877 г. В пансионе проживали гим-

нацисты, родители или родственники которых постоянно находились не в Оренбурге. На 1 января 1891 г. насчитывалось 96 пансионеров. Плата за содержание в пансионе взималась в размере 250 р. в год [18, с. 97].

К моменту поступления в гимназию Крашенинникова здание пансиона было относительно новым. Во дворе пансиона располагались больница, конюшня, баня и сараи. Там же находились «сад», где были высажены акации, несколько лип и разбит цветник; и «двор» – немощеное место, предназначавшееся для игр «в лошадки», лапту, «чижика» и пр. «Младшие играли там в мяч, дрались и кричали; старшие же уныло прогуливались под липками или балакали с фельдшером ...» [23, с. 75].

Условия жизни пансионеров, судя по содержанию повести, воспринимались Николаем как весьма суровые. Однако, возможно, они просто сильно отличались от домашней обстановки, к которой привык мальчик.

Спальня представляла собой «большую комнату, где в два ряда стояли кровати. Одеяла на них были серые, шерстяные, подле каждой стояли желтые табуретки» [23, с. 17]. Не сообщая подробностей об оснащении постелей, автор подчеркивал, что организация сна могла служить мерой наказания воспитанников. «Я посмотрел на его кровать. Матраца на ней не было, лежала, сморщившись, одна простыня. Я с ужасом догадался. Это был наказанный. За какую-то провинность у него сняли с постели матрац. Так, на голых досках, он должен был провести ночь. Я видел, как он все двигался на досках и поправлял свою простынью. Время от времени он снова поднимался и все старался улечься на свернутой в несколько раз половине одеяла. Другим концом он пытался прикрыться. Одеяло поминутно сползало, гимназистик ворочался, тихо плакал, и доски под ним скрипели и двигались» [23, с. 17–18].

Общее представление о том, как было устроено детское спальное место, можно получить из работы одного из наиболее авторитетных оренбургских педагогов – А. И. Тарнавского, служившего вначале инспектором Оренбургской киргизской учительской школы, а затем – директором народных училищ Оренбургской губернии. В учебнике, предназначенном для обучения детей-инородцев русскому языку, Тарнавский писал: «Постель стелют на кровати. Постель состоит из многих ве-

щей: перины, либо тюфяка, либо матраца, простыни, подушки в наволоке и одеяла. Периной называют большой и длинный мешок с гусиным пером и пухом в середине. Тюфяк и матрац так же, как и перина, состоит из мешка с шерстью, либо мочалом в середине. Шерсть и мочало простегиваются стежкою из ниток. Простыня шьется из холста, полотна. Подушка состоит из мешка с пером, либо пухом в середине. Сверху подушки надевается наволочка. Одеяло состоит из какой-нибудь материи, ваты, или хлопчатника, и подкладки снизу. Одеяло, как и тюфяк, простегивается нитками. Летнее одеяло – без подкладки, а зимнее – с подкладкой» [24, с. 39].

Поднимались гимназисты в шесть утра. По словам В. А. Веременко, обычно «в российских школах занятия начинались в 9, реже в 8 часов утра. Гигиенисты предлагали поднимать ребенка за 1–2 ч до начала занятий, в зависимости от того, сколько времени требовалось на дорогу до школы» [25, с. 84]. Таким образом, как правило, школьников будили по утрам часов в семь. А вот шестичасовой подъем мог считаться довольно ранним.

Утренние гигиенические процедуры проходили в «умывалке» – темной и холодной (стандартная температура воздуха редко поднималась выше 14 градусов) комнате, посредине которой располагался «огромный, из красной меди умывальный чан. Дно его усеяно рядом медных стержней. Человек двенадцать может умываться одновременно...» [23, с. 19].

Уже на стадии утреннего умывания многие пансионеры, особенно младшие, должны были испытывать дискомфорт: «От падающих умывальных стержней, от выскольззающих из рук сапожных щеток и перебранивающихся голосов в умывалке шумно как в кузнице. Воспитанники длинными рядами стоят за каждым умывающимся, в ожидании очереди. И сколько здесь происков, протекций, недовольных лиц, сколько зависти! Иные спешат попасть под крыло известного в пансионе силача. Из расположения к своему клиенту или из каких-либо корыстных видов силач бесцеремонно отталкивает законно занявшего место кандидата и ставит на его место своего протеже» [23, с. 22]. Пинки, подзатыльники, плач были ежедневными спутниками утренних гигиенических процедур.

Баня, устраиваемая для пансионеров дважды в месяц, вносила некоторое «оживление» в повседневное однообразие. Тогда же

менялось и белье. При этом «вместо носок ученикам давались “портянки”, т.-е. грубые тряпки-онучи. Непривыкшие к этим портянкам малыши подчас бились подолгу, прежде чем отправить обмотанную тряпкою ногу в казенный сапог» [23, с. 75].

Взяв «с боем» у капитенармуса микроскопический кусочек мыла, воспитанники торопливо неслись в баню. Поспешать следовало, прежде всего потому, что баня была крайне тесной, и опоздавшим приходилось испытывать массу неудобств. Предбанник – «полутемная комната аршин в семь длиною» – оказывался полностью забитым пятнадцатью-двадцатью гимназистами. «Одни стояли на полу и тут же раздевались; другие теснились, раздеваясь, по лавкам. Буквально некуда, бывало, просунуть руку. Пальто каждого гимназиста служило ему в то же время своеобразным чемоданом; в нем укладывались: шапка, калоши, башлык, верхнее платье, пояс, сапоги и вся смена чистого белья. Все это кое-как свертывалось в трубку, завязывалось рукавами пальто и ожидало прибытия омовенного хозяина. Где раздевались, тут же, конечно, и одевались вымыvшиeся; случалось, что в это время являлась новая партия жаждущих бани; морозная струя воздуха охватывала зимой выбравшихся с раскаленного полка ... Как только мы жили! Как не умирали, – достойно примечания» [23, с. 75–76].

В самой парной несколько десятков гимназистов «сидели на полу, иные кричали от духоты на полке, немногие счастливцы попали на скамьи... Одни, конечно, дрались, другие плакали из-за потерянного куска мыла, третьяи хлестали друг друга вениками ...» [23, с. 76]. Впечатления от таких банных дней, вероятно, сохранялись надолго.

Об организации питания в пансионе Крашенинников сообщал немного. Так, по его словам, ужин начинался с молитвы, после которой «служители подали на длинных блюдах дымившуюся гречневую кашу и топленое масло в соусниках. [...] Все знали, что у воспитателей “в ногах ртуть”, и торопливо глотали горячую кашу: как только воспитатель встанет, доедать кушанье было нельзя» [23, с. 11–12]. Такой порядок употребления пищи, очевидно, сказывался на здоровье пансионеров самым негативным образом.

Лишение еды, как и ухудшение качества сна, часто использовались гимназическими воспитателями в качестве меры наказа-

ния. Остаться без обеда или без ужина можно было за малейшие нарушения школьной дисциплины. По словам Крашенинникова, классный наставник мог просто увидеть «что-то не такое, каким оно следовало быть», и тотчас «сказать привычное “без обеда”» [23, с. 31]. При этом сам наставник мог тут же забыть об инциденте, а гимназист вынужден был сидеть голодным.

Вообще еда, как это ни печально, довольно часто выступала в качестве меры наказания в закрытых учебных заведениях. Так, например, в «Школе Левицкой» – частном пансионе, расположеннном в Царском Селе, если «кто-либо не доел чего-либо за завтраком, обедом ли, ужином, на следующее, хронологически, принятие пищи, ему подают то же самое, пока он этого не съест» [11, с. 37]. В то же время, по мнению видного российского педагога В. И. Фармаковского, лишение обеда следовало отнести к «нетерпимым» наказаниям, наряду с пощечинами, тасканием за уши, битьем линейкой по рукам и пальцам и оставлением ученика в классе после уроков [26, с. 237–238]. Лишение обеда и даже отдаление его времени признавалось «крайне непедагогичной мерой», поскольку «под влиянием голода дети решаются на эксцентричные и вредные выходки» [26, с. 238].

Зимой, в самые морозные дни уроки в гимназии отменялись, и гимназисты устраивали для себя праздник: служителей посыпали «за чаем, за булками, за сахаром и колбасой» [23, с. 50]. «Чайное пиршество» продолжалось до самого завтрака. «В большие груды свалены плюшки, французские булки, пончики и сахарные кренделя. Тарелок и салфеток не дается, булки лежат прямо на столах. Подле помещаются и клочки оберточной бумаги: это и есть импровизированные салфетки для ртов и рук. За завтраком к казенному не прикасаются ... После завтрака опять пьют чай и в три часа также не обедают ... хоть один-то день на своем, без казенного...» [23, с. 51]. По этой цитате можно определить, чего же не хватало пансионерам в их обыденной пище. Очевидно, это было «вкусненько» и максимально похожее на домашнюю пищу, главным образом выпечка.

Для того чтобы гимназисты хотя бы иногда могли подышать свежим воздухом, устраивался променад. Прогуливались, как правило, по той же улице Николаевской, на которой располагался пансион. Однако время от времени гимназистов отправляли на «Екатерининское поле» – так в повести было названо Марсово

поле Оренбурга – участок, расположенный неподалеку от Урала, на самой окраине города. После грандиозного пожара 1879 г., уничтожившего большую часть городских построек, усилиями городских властей эта территория должна была постепенно превратиться в детский парк. Площадь примерно в 10 гектаров предназначалась для подвижных игр – здесь должны были появиться площадки для гимнастики, футбола, танцев, даже каток. Однако в школьные годы Крашенинникова Марсово поле выглядело довольно уныло: «Неизвестно, в каких видах купило начальство в конце города кусок земли и наставило там шестов для гимнастики» [23, с. 45]. Гулять там было скучно и неинтересно.

В стенах самой гимназии организовывались занятия гимнастикой. Как отмечала в одной из своих работ В. А. Веременко, «введение обязательного физического воспитания в мужской школе в 1888–1889 гг. должно было улучшить преподавание данной дисциплины, однако ситуация только обострилась. На некоторое время содержание физического образования в государственных школах стало носить ярко выраженный военный уклон» [25, с. 91].

Это обстоятельство было также зафиксировано Крашенинниковым в его воспоминаниях: «Характерной особенностью тех годов, в которые я "воспитывался" в гимназии, был памятный всем пиетет милитаризма. Отголоском его в нашей "гражданской классической" гимназии явилось необыкновенное пристрастие к гимнастике. И не к обычной гимнастике, а к специально военной, к фронтовому учению. Мало того, что учению этому зачастую посвящались целые "классы" – заботливое начальство назначало маршировки даже в самые неурочные минуты: во время, например "большой перемены"» [23, с. 83]. Под звуки барабана «размеренными шагами, от которых содрогались пол и гимназические стены, проходили все воспитанники, от мала до велика, перед восхищенными глазами учебного начальства» [23, с. 84].

Ежегодно первого мая вся гимназия отправлялась на весеннюю прогулку. На свежем воздухе предполагалось нечто вроде пикника, который Крашенинниковым описывался следующим образом: «Пансионские служители раздают гимназистам из громадных корзин по половине французской булки. В один миг около корзины – несметная толпа, крики, шум, давка.

Трещат под напором гимназистов корзины; вот служители опрокинуты. Идет расхищение казенного добра. Более сильные захватывают по две и по три порции, запихивая булки за пазухи. Увещевания классного наставника недействительны: тщетно записывает он ослушников в памятную книжку. В стороне на деревянных столах расставлены пансионские кружки. Один из служителей засыпает в каждую порцию песочного сахара, другой цедит из громадного чайника чай, третий доливает кипятком. Кружки расхватываются с боем» [23, с. 86]. Во время обеда гимназистам предлагалось по котлете или по куску жареного мяса [23, с. 87].

Гимназисты среднего и старшего звена, зная, что рацион на прогулке будет весьма скучным, заранее запасались деньгами и обращались к услугам торговцев, сопровождавших шествие: «...Покупается сыр, колбаса, хлеб, лакомства; здесь же, в сторонке, предлагаются лимонады и квас... Отойти немного подальше, к леску, – пиво; несколько шагов к речке, – водка» [23, с. 87].

Одна из таких прогулок попала на страницы оренбургской прессы. В апреле 1892 г. учащиеся Оренбургской мужской гимназии под звуки собственного духового оркестра и оркестра казаков отправились на Маячную гору, расположенную в четырех верстах от города (чуть больше 4-х км). «На горе заблаговременно приготовлен был чай и завтрак для детей, которые прекрасный весь чудесный весенний день в играх и беготне на вольном воздухе» [27]. Как же по-разному все-таки одно и то же событие виделось журналистам и непосредственным участникам!

В целом следует признать, что жизнь пансионеров Оренбургской мужской гимназии была в санитарно-гигиеническом плане обеспечена всеми необходимыми ресурсами. Однако организация использования этих ресурсов оставляла желать лучшего. Недостаточное число воспитателей и вспомогательного персонала, следящих за порядком и дисциплиной, становилось причиной своеобразной самоорганизации воспитанников, в которой основным правилом было право сильного. Нивелировать это обстоятельство руководство и педагогический состав гимназии пытались через ужесточение дисциплины.

Неплюевский кадетский корпус в своей истории пережил несколько этапов, пройдя стадии военного училища, военной гимназии и, наконец, кадетского корпуса (с 1882 г.). Владимир

Максимович Догадин – военный инженер, оставил воспоминания о времени своего обучения в этом учебном заведении, которое пришлось на 90-е гг. XIX в. Ансамбль корпуса (совр. Парковый проспект, 7) возводился в течение первой половины 1870-х гг. В кадетский корпус принимали мальчиков 10–12 лет. Обучение длилось в течение шести лет. Всего в Неплюевском кадетском корпусе обучалось около 300 воспитанников [22, с. 25].

Распорядок дня кадет весьма напоминал армейские порядки. Всеволод Тихонович Логашкин, один из кадетов Неплюевского кадетского корпуса, чьи воспоминания «Моя жизнь» неоднократно цитируют в своей книге В. Г. и В. П. Семеновы, писал, что даже спать кадеты должны были обязательно на правом боку. «Если дядька видел, что ты лежишь не по уставу, он подходил к тебе и немедленно велел переворачиваться на правый бок. А если кто и заснул, то он переворачивал спящего...» [28, с. 48].

Согласно «Инструкции по воспитательной части для кадетских корпусов»¹, в дормиториях должны были находиться железные кровати, длина которых должна была соответствовать росту кадета. Кровати следовало расставлять изголовьями к внутренним стенам или в середину спальной комнаты, не приближая их к печам, дверям и окнам; на каждой кровати непременно обозначалась фамилия кадета и присвоенный ему номер.

В ногах кроватей ставились табуреты, на которые воспитанники должны были в определенном порядке и по определенной форме укладывать все снимаемое на ночь белье и одежду. Спать кадеты должны были в одних нижних рубашках, под байковыми одеялами, с подшитыми простынями, но не закутывая головы и не закрывая рук, а в жаркое время – покрываться одними простынями.

Рядом с дормиториями должны были располагаться умывальня (по одному крану на шесть кадет), уборная для чистки платья и обуви (пространством в 12–15 кв. саж.) и клозеты (по одному очку на 25 и по одному писсуару на 15 кадет). Рекомендуемая температура воздуха в спальных комнатах должна была составлять 11–13 градусов по Реомюру (14–16 градусов по Цельсию). «Инструкция» также рекомендовала ежедневные обтирания прохладной водой, а также посещение бани не реже двух раз в месяц.

¹ Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1886. 133 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscadet.ru/history/doc/instr-2.htm> (дата обращения: 22.05.2025).

Как отмечал В. М. Догадин, нательное белье менялось дважды в неделю – в среду и в субботу, а постельное – каждую субботу [29, с. 76].

Утром воспитанников поднимали в 6 часов утра громким барабанным боем. Подобный способ побудки, несомненно, был стрессом для подростков. «Кадеты обязаны были тщательно застилать свои постели, затем спешили в чистилку приводить в порядок сапоги, пуговицы на бушлатах, платье, чистили зубы и умывались. Для поддержания себя в аккуратном виде повсюду в помещении были расположены трюмо, и воспитатели понуждали нас чаще поглядывать на себя в зеркало» [30, с. 69].

После утренней молитвы следовал первый завтрак, состоящий «только из кружки чая с тремя кусками сахара и половины французской булки» [30, с. 69]. После завтрака при любой погоде всех выгоняли на 15 минут на воздух, причем при температуре воздуха до 5 градусов мороза кадеты обязаны были гулять без шинелей. В 11 утра, после трех часов занятий, следовал второй завтрак, во время которого подавали мясное блюдо и какую-нибудь запеканку или форшмак и кружку чая [30, с. 69].

Обед, начинавшийся в три часа дня, «состоял из трех блюд, причем два раза в неделю на третье блюдо давалась каша: пшенная или гречневая, а в остальные дни кисель, компот, пирожки и пр.» [30, с. 69]. Перед сном, в 8 часов вечера все направлялись в столовую «к вечернему чаю», к которому полагался только 200-граммовый кусок серого хлеба. «Вот и все обычное питание, – писал Догадин. – Молоко получали только раз в неделю по воскресеньям – четверть кружки к вечернему чаю. Яйца давали только раз в год – на пасху, а масло только по «царским дням» к кофе за завтраком» [30, с. 69].

При этом с 1886 г. питание кадет уже регламентировалось все той же «Инструкцией по воспитательной части для кадетских корпусов». Как отмечали в своем труде В. Г. и В. П. Семеновы, согласно этой инструкции, «каждое учебное заведение обязано было учитывать "питательность и удобоваримость пищи, которая должна быть всегда достаточна для насыщения организма соответственно возрасту"» [28, с. 47]. Ежедневный кадетский рацион должны были составлять завтрак, ужин и обед из трех блюд: «1) мясной суп, уха, щи или борщ, ботвинья (летом); 2) мясо в различных видах, преимущественно жареное, или

рыба, и 3) пироги, соусы из разных овощей, каша, компот, кисель, мучные кушанья и сладкие печенья». На завтрак должно было подаваться «мясное блюдо, с разными приправами, иногда же чай или молоко и булка или хлеб с маслом и сыром; кроме того, по утрам кадеты получают чай с булкой, а по вечерам – чай и булку с маслом»¹. Судя по всему, воспоминания Догадина дают основание констатировать явное несоответствие питания оренбургских кадетов установленным нормативам. Воспитанников очевидно недокармливали, что негативно сказывалось на их общем состоянии.

В Неплюевском кадетском корпусе, как и в мужской гимназии, практиковалось использование еды в качестве наказания. Нарушителей дисциплины могли оставлять без третьего блюда или на одном супе [29, с. 76–77]. В то же время каждое воскресенье кадеты могли покупать себе лакомства на 20 к., из денег, которые присыпали родители. Среди наиболее популярных покупок были «урюк, сушки, китайские орехи (арахис), шоколадные шары с сюрпризом» [2, с. 77] – нехитрые и не слишком вредные сладости.

Помимо небольшой утренней прогулки, ежедневной была часовая прогулка кадет по плацу или «на панели» (на пространстве перед главным фасадом корпуса) после обеда. «Зимой прогулки производились на тротуарах (панелях) по лицевой стороне здания. Кроме того, на плацу устраивались каток и высокие ледяные горки для катания на салазках» [30, с. 6]. В самом училище имелся большой гимнастический зал.

С 1890 г. все военно-учебные заведения стали руководствоваться программой, которая называлась «Общая программа, распределение времени и наставление для ведения внеклассных занятий в кадетских корпусах». Один из пунктов документа гласил: «Воспитание кадета в духе военных требований не должно вести к появлению в нем резкости или грубости внешних форм... По значению своему для физического образования строевое обучение стоит очень близко к фехтованию и танцеванию. Не менее близко стоит оно и к гимнастике, содействуя выработке ловкости, подвижности и выносливости, развивая телесную и нравственную бодрость»². Удивительно, что в военных учебных

¹ Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1886. 133 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscadet.ru/history/doc/instr-2.htm> (дата обращения: 22.05.2025).

² Общая программа, распределение времени и наставление для ведения внеклассных занятий в кадетских корпусах. СПб.: б. и., 1890. С. 13–14.

заведениях строевое обучение пытались приблизить по форме и содержанию к гимнастике, в то время как в гражданских – на-против, заменяли гимнастику строевой подготовкой.

Воспитанники старших классов проводили лето в загородном лагере, где «проходили курс обучения, обязательный для каждого солдата». Полевой лагерь корпуса располагался на горе Маяк, недалеко от реки Сакмары. Во время непременных ежедневных купаний кадеты учились плавать. Как отмечали в своей работе Семеновы, многие кадеты «способны были переплыть реку Сакмару, течение которой быстрое. А ширина около семидесяти пяти метров» [28, с. 52].

В целом можно говорить о том, что жизнь воспитанников Неплюевского кадетского корпуса в санитарно-гигиеническом плане подчинялась идеям порядка, самодисциплины и достаточности. Условия повседневности формировали такие качества, как выдержка, самоограничение, выносливость. При этом санитарные нормы соблюдались в Неплюевском кадетском корпусе строже, нежели в гражданских учебных заведениях, что было обусловлено как нормативными документами, регламентирующими повседневность воспитанников, так и задачами обучения и воспитания.

Обсуждение и выводы

В итоге следует признать, что санитарно-гигиенические условия повседневности в закрытых учебных заведениях для юношей в Оренбурге во второй половине XIX столетия были достаточно комфортными. Дети не испытывали хронического чувства голода, содержались в чистоте, их регулярно выводили на прогулки, занимались с ними физическими упражнениями. Для сна в каждом из учебных заведений имелись специальные помещения, оборудованные всем необходимым. Соблюдалась личная гигиена юношей. Для большинства горожан подобные условия жизни могли бы оцениваться как наилучшие. Тем не менее, с позиций самих воспитанников, имеющиеся условия не вполне соответствовали их потребностям и запросам. Исключение составляли обучающиеся школы для киргиз-кайсацких детей, воспринимающие условия своей школьной повседневности как максимально комфортные. Основными причинами такого диссонанса, на наш взгляд, могли служить коллективный

быт, не обеспеченный должным контролем со стороны взрослых (в Оренбургской мужской гимназии), или «спартанский» характер повседневности в военном учебном заведении (Неплюевский кадетский корпус), значительно отличающие бытование воспитанников от привычной домашней обстановки.

Список литературы

1. Веременко В. А. Туалет и ванна: гигиена тела в городских дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2022. № 7–2. С. 18–30. DOI: 10.31166/VoprosyIstori202207Statyi48. EDN: UWMZGE.
2. Заволжская Ю. И. Школьная гигиена: (Сост. по руководству гигиены Weyl'я (L. Burgerstein и Netolitzky), Axell Key'ю, проф. Ф. Ф. Эрисману и др. авт.). СПб.: Издание журнала «Современная Медицина и Гигиена», 1898. 178 с.
3. Караваева Е. В. Формирование санитарной культуры учащихся духовного ведомства в конце XIX – начале XX вв. (на примере Томского епархиального женского училища) // Сибирский медицинский журнал (г. Томск). 2008. Т. 23. № 3–2. С. 118–125. EDN: KZLETZ
4. Хохлов А. А. Санитарно-гигиеническая обстановка в учебном заведении и ее влияние на студенческие протесты конца XIX – начала XX веков (на примере Казанской духовной семинарии) // Казанский медицинский журнал. 2014. Т. 95. № 1. С. 121–123. EDN: RVBMAD
5. Сулимов В. С. Санитарно-гигиеническое состояние женских учебных заведений Западной Сибири в начале XX в. // Женщина в российском обществе. 2014. № 3 (72). С. 36–45. EDN: SXFCTH
6. Валитов А. А., Томилов И. С., Федотова Д. Ю. Санитария и школьная гигиена в учебных заведениях Тобольской губернии в конце XIX в // Гигиена и санитария. 2016. № 3. С. 273–280. EDN: VTNPGF
7. Гаращенко Л. В. Опыт организации здоровьесбережения детей в частных школах Иркутска (середина XIX – начало XX вв.) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 68–72.
8. Пономарева В. В. Роль закрытых женских институтов Мариинского ведомства в установлении новых норм повседневной гигиены (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2013. № 2. С. 124–13. EDN: QZDRHB
9. Веременко В. А. Особенности школьного быта дворян в государственных закрытых учебных заведениях России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 8 (61). С. 33–36. EDN: TOMYYL
10. Пономарева В. В. Медико-социальные условия повседневной жизни закрытых институтов Мариинского ведомства (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2014. № 1. С. 17–29. EDN: RXDJUH
11. Веременко В. А. Пансионы в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 3. С. 33–39. EDN: VJJDYT
12. Пономарева В. В. Физическое воспитание в закрытых женских институтах ведомства учреждений императрицы Марии // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2013. № 1. С. 86–93. EDN: TMEWVL
13. Пономарева В. В. Как в «институтах благородных девиц» решали проблему «пищевого довольствия» (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2016. № 3. С. 125–134. EDN: WYBUJD
14. Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии (середина XVIII – начало XX вв.): сборник документов и материалов. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2023. 448 с. EDN: GVPFOF
15. Бурлукская Е. В. Воспитание через «равновесие духа и тела». Физическое развитие детей в преобразованном Оренбурге сквозь призму региональной прессы на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Самарского университета. Серия 23: Антропология. 2023. № 1. С. 10–20. EDN: VJJDYT

ХХ вв. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 628–639. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-2-628-639. EDN: FNCCRC

16. Бурлуцкая Е. В. Учебные прогулки и экскурсии как элемент детской повседневности в Оренбурге на рубеже XIX–XX вв. // История повседневности. 2024. № 1 (29). С. 10–25. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_10. EDN: DGBBMB.

17. Бурлуцкая Е. В. Дети Оренбурга в условиях эпидемии дифтерита конца XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 3 (47). С. 128–142. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.8. EDN: PMVTUC.

18. Белавин К. Оренбург. Географическо-статистический очерк. Оренбург: Типо-литография И. И. Ефимовского-Мировицкого, 1891. 128 с.

19. Васильев А. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург: Тургайский обл. стат. комитет, 1896. 226 с.

20. Чернышев А. Ф. Школа для киргизских детей в Оренбурге // Русский художественный листок. 1853. № 17. С. 1–3.

21. Чернышев А. Ф. Школа для киргизских детей в Оренбурге // Русский художественный листок. 1853. № 19. С. 3–4.

22. Болодурин В. С. История образования в Оренбуржье. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2000. 228 с.

23. Крашенинников Н. А. Восемь лет. Воспоминания о гимназии. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1907. С. 17.

24. Тарнавский А. И. По предметам и по картинкам: первые уроки наглядного обучения иностранным русскому языку. СПб.: П. В. Луковников, 1902. 120 с.

25. Веременко В. А. Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // История повседневности. 2017. № 2 (4). С. 79–106. EDN: ZRWGNV.

26. Фармаковский В. И. Охрана здоровья учащихся: Свод практических сведений, относящихся к сбережению здоровья детей, посещающих школу. 10-е изд. Одесса: Е. П. Распопов, 1914. 294 с.

27. Хроника. Военная прогулка гимназистов // Оренбургский листок. 1892. № 19. С. 3.

28. Семенов В. Г., Семенова В. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. Оренбург: Оренбургское книжное издательство имени Г. П. Донковцева, 2017. 592 с. EDN: ZDIZRV.

29. Догадин В. М. Кадетские годы // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 73–77.

30. Догадин В. М. Кадетские годы // Военно-исторический журнал. 2004. № 9. С. 67–69.

Sanitary and Hygienic Conditions of Daily Life of Pupils of Closed Male Educational Institutions of Orenburg in the Second Half of the 19th Century (Body Hygiene, Nutrition, Physical Activity)

Elena V. Burlutskaya

The article provides a comparative analysis of the solution of hygiene issues in closed male educational institutions of Orenburg in the second half of the 19th century. The sanitary and hygienic conditions of life of the pupils of the School for Kyrgyz-Kaisak Children, the boarding school of the Orenburg Male Gymnasium and the Nepliuevsky Cadet Corps are studied. Such aspects as ensuring the personal hygiene of the pupils, their nutrition and physical activity are compared. The research is based on published personal sources – notes, memoirs and recollections. An analysis of historical sources has made it possible to conclude that the sanitary and hygiene conditions in the closed male educational institutions of Orenburg were tightly linked to the legal framework and the level of funding for these institutions. Additionally, the prevailing social perceptions of hygiene had a significant impact. The existing sanitary and hygienic living conditions

of the pupils were quite sufficient for Orenburg in the second half of the 19th century. But, in the opinion of the young men, these conditions did not always meet their needs and demands. The main reasons for such perception could be collective life without proper supervision by adults, or the "Spartan" nature of everyday life in a military educational institution.

Key words: children's daily life, school hygiene, daily hygiene, closed men's educational institutions, Orenburg, second half of the 19th century.

For citation: Burlutskaya, E. V. (2025) Sanitarno-gigienicheskiye usloviya povsednevnosti vospitannikov zakrytykh muzhskikh uchebnykh zavedeniy Orenburga vtoroy poloviny XIX v. (gigiena tela, pitanie, fizicheskaya aktivnost') [Sanitary and Hygienic Conditions of Daily Life of Pupils of Closed Male Educational Institutions of Orenburg in the Second Half of the 19th Century (Body Hygiene, Nutrition, Physical Activity)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 192–213. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_192. EDN: THBVBH

References

1. Veremenko, V. A. (2022) Tualet i vanna: gigiena tela v gorodskikh dvoryansko-intellectual'skih sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Toilet and bath: body hygiene in urban noble and intellectual families of Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. *Voprosy istorii* [History issues]. No. 7–2. Pp. 18–30. (In Russ.). EDN: UWMZGE
2. Zavolzhskaya, YU. I. (1898) *SHkol'naya gigiena* [School hygiene]. Saint Petersburg: Izdanie zhurnala «Sovremennaya Medicina i Gigiena». (In Russ.)
3. Karavaeva, E. V. (2008) Formirovaniye sanitarnoj kul'tury uchashchihsya duhovnogo vedomstva v konce XIX – nachale XX vv. (na primere Tomskogo eparhial'nogo zhenskogo uchilishcha) [The formation of the sanitary culture of students of the theological department in the late 19th – early 20th centuries (on the example of the Tomsk Diocesan Women's College)]. *Sibirskij medicinskij zhurnal* (g. Tomsk) [Siberian Medical Journal (Tomsk)]. Vol. 23. No. 3–2. Pp. 118–125. (In Russ.). EDN: KZLETZ
4. Hohlov, A. A. (2014) Sanitarno-gigienicheskaya obstanovka v uchebnom zavedenii i ee vliyanie na studencheskie protesty konca XIX – nachala XX vekov (na primere Kazanskoy duhovnoj seminarii) [The sanitary and hygienic situation in an educational institution and its impact on student protests in the late 19th – early 20th centuries (using the example of the Kazan Theological Seminary)]. *Kazanskij medicinskij zhurnal* [Kazan Medical Journal]. Vol. 95. No. 1. Pp. 121–123. (In Russ.)
5. Sulimov, V. S. (2014) Sanitarno-gigienicheskoe sostoyanie zhenskikh uchebnyh zavedenij Zapadnoj Sibiri v nachale XX v. [The sanitary and hygienic state of women's educational institutions in Western Siberia in the early 20th century]. *ZHenschina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 3 (72). Pp. 36–45. (In Russ.). EDN: RVBMAD
6. Valitov, A. A., Tomilov, I. S., Fedotova, D. YU. (2016) Sanitariya i shkol'naya gigiena v uchebnyh zavedeniyah Tobol'skoj gubernii v konce XIX v. [Sanitation and school hygiene in educational institutions of the Tobolsk province at the end of the 19th century]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and sanitation]. No. 3. Pp. 273–280. (In Russ.). EDN: VTNPGF
7. Garashchenko, L. V. (2018) Opyt organizacii zdorov'eskoberezheniya detej v chastyh shkolah Irkutska (seredina XIX – nachalo XX vv.) [The experience of organizing children's health care in private schools in Irkutsk (mid-19th – early 20th centuries)]. *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psichologiya* [The Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology]. Vol. 7. No. 2 (23). Pp. 68–72. (In Russ.). EDN: SXFCTH
8. Ponomareva, V. V. (2013) Rol' zakrytyh zhenskikh institutov Mariinskogo vedomstva v ustanovlenii novyh norm povsednevnoj gigieny (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The role of the closed women's institutes of the Mariinsky Department in establishing new standards of daily hygiene (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Moscow University Bulletin. Series 23: Anthropology]. No. 2. Pp. 124–133. (In Russ.). EDN: QZDRHB
9. Veremenko, V. A. (2014) Osobennosti shkol'nogo byta dvoryan v gosudarstvennyh zakrytyh uchebnyh zavedeniyah Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Peculiarities of the nobles' school life in the state closed educational institutions of Russia (second half

of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. No. 8 (61). Pp. 33–36. (In Russ.). EDN: TOMYYL

10. Ponomareva, V. V. (2014) Mediko-social'nye usloviya povsednevnnoj zhizni zakrytyh institutov Mariiinskogo vedomstva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Medical and social conditions of daily life of the closed institutes of the Mariinsky Department (second half of the 19th – early 20th century)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 23: Anthropology]. No. 1. Pp. 17–29. (In Russ.). EDN: RXDJUH

11. Veremenko, V. A. (2015) Pansiony v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Boarding schools in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3. Pp. 33–39. (In Russ.). EDN: VJIDYT

12. Ponomareva, V. V. (2015) Fizicheskoe vospitanie v zakrytyh zhenskih institutakh vedomstva uchrezhdenij imperatricy Marii [Physical education in closed women's institutes of the Department of the institutions of Empress Maria]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 23: Anthropology]. No. 1. Pp. 86–93. (In Russ.). EDN: TMEWVL

13. Ponomareva, V. V. (2016) Kak v «institutakh blagorodnyh devic» reshali problemu «pishchevogo dovol'stviya» (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [How the "institutes of noble maidens" solved the problem of "food supplies" (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 23: Anthropology]. No. 3. Pp. 125–134. (In Russ.). EDN: WYBUJD

14. Veremenko, V. A. (2023) (ed.) *Gigiena detstva v Sankt-Peterburge i Peterburgskoj gubernii (seredina XVIII – nachalo XX v.): sbornik dokumentov i materialov* [Childhood Hygiene in St. Petersburg and St. Petersburg province (mid-18th – early 20th century): collection of documents and materials]. Saint Petersburg: Propaganda (In Russ.). EDN: GVPFO

15. Burluckaya, E. V. (2023) Vospitanie cherez «ravnovesie duha i tela». Fizicheskoe razvitiye detej v poreformennom Orenburge skvoz' prizmu regional'noj pressy na rubeze XIX–XX vv. [Education through "balance of mind and body". Physical development of children in post-reform Orenburg through the prism of the regional press at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Vestnik arhivista* [Archivist's Bulletin]. No. 2. Pp. 628–639. (In Russ.). EDN: FNCCRC

16. Burluckaya, E. V. (2024) Uchebnye progulki i ekskursii kak element detskoj povsednevnosti v Orenburge na rubeze XIX–XX vv. [Educational walks and excursions as an element of children's daily life in Orenburg at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [The history of daily life]. No. 1 (29). Pp. 10–25. (In Russ.). EDN: DGBBMB

17. Burluckaya, E. V. (2023) Deti Orenburga v usloviyah epidemii difterita konca XIX veka [Orenburg children in the context of the diphtheria epidemic of the late 19th century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal]. No. 3 (47). Pp. 128–142. (In Russ.). EDN: PMVTUC

18. Belavin, K. (1891) *Orenburg. Geografichesko-statisticheskiy ocherk* [Orenburg. Geographical and statistical essay]. Orenburg: Tipy-litografiya I. I. Efimovskogo-Mirovickogo. (In Russ.)

19. Vasil'ev, A. (1896) *Istoricheskiy ocherk russkogo obrazovaniya v Turgaiskoj oblasti i sovremennoe ego sostoyanie* [Historical sketch of Russian education in the Turgai region and its current state]. Orenburg: Turgaiskij oblastnoj statisticheskij komitet. (In Russ.)

20. Chernyshev, A. F. (1853) SHkola dlya kirgizskikh detej v Orenburge [School for Kyrgyz children in Orenburg]. *Russkij hudozhestvennyj listok* [Russian Art Leaflet]. No. 17. Pp. 1–3. (In Russ.)

21. Chernyshev, A. F. (1853) SHkola dlya kirgizskikh detej v Orenburge [School for Kyrgyz children in Orenburg]. *Russkij hudozhestvennyj listok* [Russian Art Leaflet]. No. 19. Pp. 3–4. (In Russ.)

22. Bolodurin, V. S. (2000) *Istoriya obrazovaniya v Orenburzh'e* [History of education in Orenburg region]. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU. (In Russ.)

23. Krasheninnikov, N. A. (1907) *Vosem' let. Vospominaniya o gimnazii* [Eight years. Memories of the gymnasium]. M.: Tipy-litografiya T-va I. N. Kushnerev i K^o. (In Russ.)

24. Tarnavskij, A. I. (1902) *Po predmetam i po kartinkam: pervye uroki naglyadnogo obucheniya inorodcev russkomu yazyku* [By subjects and pictures: the first visual teaching lessons for foreigners learning Russian language]. Saint Petersburg: P. V. Lukovnikov. (In Russ.)

25. Veremenko, V. A. (2017) *Gigiena shkol'nika v dvoryansko-intelligentskih sem'yah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [Schoolchild hygiene in noble and intelligentsia families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [The history of daily life]. No. 2 (4). Pp. 79–106. (In Russ.). EDN: ZRWGNV
26. Farmakovskij, V. I. (1914) *Ohrana zdorov'ya uchashchihhsya: Sved prakticheskikh svedenij, otnosyashchihhsya k sberezheniyu zdorov'ya detej, poseshchayushchih shkolu* [Health protection of students: A set of practical information related to preserving the health of children attending school]. Odessa: E. P. Raspopov. (In Russ.)
27. (1892) Hronika. *Voennaya progulka gimnazistov* [Chronicle. Military walk of schoolboys]. *Orenburgskij listok* [Orenburg paper]. No. 19. Pp. 3. (In Russ.)
28. Semenov, V. G., Semenova, V. P. (2017) *Orenburgskij Nepliuevskij kadetskij korpus. Istoriya v licah* [Orenburg Nepliuevsky Cadet Corps. History in faces]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo imeni G. P. Donkovceva. (In Russ.). EDN: ZDIZRV
29. Dogadin, V. M. (2004) *Kadetskie gody* [Cadet years]. *Voeno-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal]. No. 10. Pp. 73–77. (In Russ.)

Об авторе

Бурлукская Елена Вадимовна, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация; e-mail: ida777@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0001-2207

About the author

Burlutskaya Elena V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for Research, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation; e-mail: ida777@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0001-2207

Статья поступила в редакцию 27.05.2025
Одобрена после рецензирования 09.07.2025
Принята к публикации 31.07.2025

Физическое воспитание детей в городских и заводских приютах Пермской губернии конца XIX – начала XX в.

Л. А. Дашкевич

В статье на основе научной и дореволюционной литературы, а также сохранившихся документов и корреспонденций детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии анализируются методы физического и трудового воспитания детей в городских и заводских приютах Пермской губернии конца XIX – начала XX в. Выявлено, что организаторы детских приютов считали наиболее эффективным средством поддержания здоровья своих воспитанников и подготовки их к будущей взрослой жизни трудовое воспитание. По мере средств и возможностей попечительства детских приютов соблюдали известные во второй половине XIX – начале XX в. требования гигиены и физического воспитания. Все городские и заводские сиротские дома имели площадки для игр. Школьные занятия детей чередовались с отдыхом. Летом ребят старались чаще выводить на природу. В тех случаях, когда при детских заведениях имелись свои земельные участки, налаживалось обучение приютских воспитанников садоводческим и огородным работам. Попечительства детских приютов следили за деятельностью учебных мастерских и отказывались от тех работ, которые плохо влияли на здоровье воспитанников.

Ключевые слова: благотворительность, городские приюты, физическое воспитание, трудовое воспитание, история образования.

Для цитирования: Дашкевич Л. А. Физическое воспитание детей в городских и заводских приютах Пермской губернии конца XIX – начала XX в. // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 214–230. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_214. EDN: TXQCJL

Введение

Физическое воспитание является одним из важнейших факторов развития ребенка, формирования его двигательных навыков и психофизических качеств. История физической культуры и спорта в Российской империи рассматривалась в трудах многих ученых. Среди них можно выделить обобщающие работы Б. Р. Голощапова [1], Н. И. Пономарева [3], В. К. Пельменева и Е. В. Конеевой [4], труды по истории гимнастики И. И. Болдырева и Е. А. Стеблецова [5]. Анализ научной литературы показывает, что в существующих работах наибольшее внимание уделено истории развития физической культуры в формальной системе образования. Физическое развитие детей в приютах и других интернатных воспитательных заведениях изучено слабо, особенно находившихся в Российской провинции. Цель нашей статьи – выявить методы физического воспитания детей, применявшиеся в городских и заводских приютах Пермской губернии конца XIX – начала XX в.

Основным источником для написания статьи послужили официальные отчеты приютов ведомства учреждений императрицы Марии, которые достаточно подробно отражают организацию внутренней жизни детских заведений. Официальное делопроизводство, конечно, не позволяет полностью реконструировать повседневную жизнь детских приютов, но дает представление об отношении их администрации и чиновничества к воспитанию детей.

Физическое воспитание детей в городских приютах

Возникновение науки о физическом воспитании в России историки связывают с деятельностью известного русского врача, биолога и педагога П. Ф. Лесгафта [5; 6]. Физическое образование ученый считал необходимым условием формирования гармонически развитой личности, способной успешно выполнять умственную и трудовую деятельность. Система Лесгафта широко обсуждалась русскими педагогами в конце XIX – начале XX в., о необходимости введения занятий физической подготовки в образовательных учреждениях писали и говорили многие государственные и общественные деятели. Несмотря на это, развитой системы физической подготовки в России так и не сложилось. В 1889 г., после обсуждения про-

блемы физического образования, в Министерстве народного просвещения была разработана специальная инструкция для преподавания гимнастики в мужских учебных заведениях страны. Согласно инструкции, в конце XIX – начале XX в. гимнастика как учебный предмет была введена лишь в некоторых гимназиях и реальных училищах. Она носила, как правило, военизированный характер. Около половины всех учебных часов, предназначавшихся для физического воспитания детей, занимали военные строевые приемы. Организаторы и руководители пермских приютов получали информацию о развитии русской педагогической мысли и деятельности Министерства народного просвещения в сфере развития физического образования, однако при подготовке своих воспитанников к взрослой жизни они исходили из несколько иных соображений.

Приюты, созданные в России в период правления Николая I, первоначально предназначались для дневного пребывания детей работающих родителей. Постепенно их функции расширялись. Во второй половине XIX в. ведомство учреждений императрицы Марии, взявшее под опеку детские заведения, существенно усилило прием в приюты сирот и других детей, лишенных опеки родителей. Пермский губернский приют, основанный в 1850 г. для «приходящих» мальчиков и девочек, в конце XIX в. превратился в воспитательное заведение для городских девочек-сирот и полусирот. Большая часть воспитанниц проживала в приюте постоянно, не покидая его стен даже на время. В 1888 г. из 90 приревавшихся в приюте девочек было лишь десять приходящих [7, с. 225]. В 1914 г. на полном содержании приюта жили 83 девочки, из них 38 были круглыми сиротами, 40 – имели только мать, двое – только отца и лишь трое – обоих родителей. По сословному происхождению это были дети низших сословий: 46 чел. (55,4 %) – крестьяне, 18 (21,7 %) – мещане, 10 (12 %) – дети нижних воинских чинов, 5 (6 %) – сельские обыватели, 4 (4,8 %) – мастеровые [8, с. 68].

Для практической подготовки девочек при приюте были созданы специальные ремесленные классы. Необходимые для их учреждения деньги, 4 тыс. р., внесли почетные члены губернского попечительства детских приютов, купцы А. Ф. Эскин и П. В. Васильев [9, с. 37, 80]. В 1900 г. капитал ремесленных классов пополнила попечительница приюта Е. И. Любимова.

Она перевела на обучение девочек 5 тыс. рублей [10, с. 42]. С помощью благотворителей в здании приюта был размещен рукодельный класс, в котором ученицы могли заниматься рукоделием и шитьем, а в пристрое здания – кулинарный и прачечный классы. В хорошо оборудованной прачечной воспитанницы занимались стиркой и глажением белья, в рукодельном классе – кройкой и шитьем мужской, женской и детской одежды. Кулинарный класс открывался для практиканток утром, в половине девятого. Девочкам давали пояснения о том, как нужно готовить к обеду провизию, ее развешивали и начинали приготовление пищи. Для жителей города была оборудована столовая. Ученицы выполняли здесь функции официанток, прислуживая обедающей публике. Надо сказать, что публики было достаточно, горожане не только оценили дешевые и вкусные приютские обеды, но и стали делать порционные заказы на дом. Заведующая школой и смотрительницы обучали девочек выполнять домашнюю работу и делать запасы. В базарные дни они брали воспитанниц на рынок и вместе с ними выбирали провизию. Под присмотром заведующей школы девочки солили капусту и огурцы, варили варенье, консервировали овощи [9, с. 52].

Воспитанницам 7–12 лет давалась возможность посещать приютскую школу, которая работала по программе начальных народных училищ. Учителя делили школьников на три отделения и по возрастающей сложности давали им уроки Закона Божьего, чтения, письма, арифметики. Наиболее способным ученицам предоставлялась возможность продолжить образование. В 1879 г., например, из 17 выпускных девочек две окончили женскую гимназию, одна из них стала домашней наставницей, вторая – городской учительницей. Три девочки выдержали экзамен в педагогическом совете Пермской мужской гимназии и получили дипломы сельских учительниц [9, с. 52].

В Екатеринбурге детский приют (получивший звание «Нуровский» по имени своего основателя) был открыт в 1857 г. В отличие от Пермского губернского приюта, превратившегося во второй половине XIX в. по сути в сиротский дом, Екатеринбургский был по преимуществу учреждением для дневного присмотра за детьми работающих родителей. У местного населения, состоявшего по большей части из заводских мастеровых и ремесленников, приют пользовался большой популярностью.

Внутренняя жизнь питомцев Нуровского приюта подчинялась общим правилам, принятым в мариинском ведомстве. Пища для детей состояла из простых блюд, принятых в мещанском и рабочем обиходе: суп, каша из разных круп, горох, картофель. Вторые блюда обычно включали мясо, либо, в постные дни рыбу. Готовили для детей также пироги с рыбой и ягодами, а в праздники выдавали лакомства, пожертвованные благотворителями. Форма воспитанников была одинаковой для всех. Блузы, передники и воротнички шились по единой, установленной форме. На улице все дети, в том числе и приходящие, должны были ходить в обуви, если воспитанник не имел обуви, он получал ее от приюта. Школьное обучение детей, как и в Пермском приюте, строилось по программам, утвержденным для начальных народных училищ. Дети обучались Закону Божьему, священной истории, чтению, письму, арифметике [11, с. 6].

С самого начала своего существования приют стал давать воспитанникам навыки ведения домашнего хозяйства. Дети убирали помещения, выполняли различные дворовые работы, обрабатывали огород и небольшой сад, которые имелись на усадьбе приюта. В 1870 г. по инициативе М. А. Нурова при Екатеринбургском приюте был открыт ремесленный класс, где детей, по преимуществу девочек, стали обучать различным «рукоделиям» – шитью белья и платья, вышиванию по канве, плетению кружев, чулочному вязанию, изготовлению бумажных цветов для венков и пр. Жалованье надзирательнице рукодельного цеха выдавалось из денег, пожертвованных на развитие ремесленных классов приюта почетным членом попечительства Е. М. Симановым. Для мальчиков был приглашен мастер обучения башмачному и сапожному ремеслу [12, с. 31]. В 1905 г. в ремесленном классе началось обучение выделке смирнских ковров [13, с. 41]. Работал ремесленный класс ежедневно с 2 до 4 часов дня, а затем, после перерыва, с 5 до 8 часов вечера. В 1901 г. по ходатайству горного попечительства приют получил в бесплатное пользование 16,7 десятин земли в Березовской горнозаводской даче, где было наложено обучение детей полевым работам [14, с. 115]. В 1905 г. приют приобрел собственный покос и смог самостоятельно заготавливать сено. Запасов сена хватало на полный год кормления коров и других домашних животных, имевшихся в приютском хозяйстве.

В 1900 г. горное попечительство детских приютов решило создать для своих воспитанниц, по примеру Пермского губернского приюта, школу кулинарного дела. Обеды, приготовленные воспитанницами, отправлялись в столовую, помещение для которой было выделено благородным собранием Екатеринбурга на первом этаже здания горного ведомства. Порции, приготовленные приютскими девочками, расходились очень быстро, так как цена им была назначена самая низкая. Кулинарные курсы обучали девочек приготовлению разнообразных блюд, хлебопечению, заготовке квасов, ягодных и фруктовых вод, а также других хозяйственных запасов. Летом столовая закрывалась, дети отправлялись на обучение приготовлению «варений, солений и маринадов – вообще всем знаниям, необходимым, чтобы выработать из воспитанниц смышленых и опытных хозяек» [14, с. 83].

Новым направлением практического обучения воспитанников Нурновского приюта в начале XX в. стали занятия по куроводству, птицеводству и молочному хозяйству. Детям давали представление о современных приемах ведения домашнего хозяйства. Городское общество сочувственно встретило инициативу горного попечительства. Общество птицеводства, устроившее в 1900 г. в Екатеринбурге специализированную выставку, наградило приют похвальным листом. В экспозиции были представлены серые и черные куры породы Лангшан, выращенные в приюте [15, с. 8]. Поощрялись работы воспитанников и на других выставках. В 1887 г., например, горное попечительство создало экспозицию на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге из лучших учебных работ воспитанников приюта и предметов их рукодельного мастерства (там были представлены выполненные детьми ботинки и швейные изделия). Экспозиция была столь хороша, что организаторы присудили ей большую серебряную медаль [7, с. 138].

Горное попечительство заботилось о своих питомцах и после выхода их из приюта. Судя по ведомостям воспитанников, мальчики покидали детское заведение в 12 лет, девочки же могли остаться здесь и до более зрелого возраста. Преобладали в приюте выходцы из малообеспеченных слоев населения, причем не только городского, но и сельского. К 1 января 1891 г., например, в приюте числились 80 приходящих детей

(23 мальчика и 57 девочек). Из них один мальчик происходил из семьи почетных граждан (1,3 %), пятеро были выходцами из семей сельских обывателей (6,2 %), 32 чел. – дети мещан (40 %), 16 – солдат (20 %), один – мастеровых (1,3 %), 25 – крестьян (31,2 %). В ночлежном отделении в это время жили 37 детей (два мальчика и 35 девочек). Среди них были выходцы из семей чиновников (три чел. – 8,1 %), канцелярских служителей (четыре чел. – 10,8 %), мещан (15 чел. – 40,5 %), сельских обывателей (три чел. – 8,1 %), солдат (четыре чел. – 10,8 %), крестьян (восемь чел. – 21,7 %). По возрасту дети, посещавшие приют в течение 1891 г., делились следующим образом: 5–12 лет – 108 чел. (33 мальчика и 75 девочек), старше 12 лет – три девочки. В ночлежном отделении также возраст мальчиков не превышал 12 лет (в 1891 г. здесь проживали лишь два мальчика, один из них имел девять лет от роду, а второй – 10). Девочки же (47 чел.) имели возраст от шести до 18 лет, воспитанницы младшего возраста (6–12 лет) составляли среди них 28 чел. (59,6 %) [11, с. 12].

Жизненные перспективы выпускников приюта были схожи. Ремесленные навыки, полученные бывшими питомцами детского заведения, позволяли им работать в городских мастерских, модных и чулочных лавках, наниматься в прислуги. Для девушек наиболее частой была профессия белошвейки. Талантливые питомцы приюта, с помощью попечительства, продолжали образование в церковно-приходских или высших начальных школах.

Для малообеспеченных и покинутых детей в окрестностях Екатеринбурга было создано еще одно приютское учреждение – Верх-Исетский сиротско-воспитательный дом им. С. А. Петрова. В историческом очерке, написанном к 25-летнему юбилею детского учреждения, сообщается, что оно было открыто в 1893 г. в здании бывшего детского общежития Екатеринбургского комитета по разбору и призрению нищих, размещавшегося на Уктусской улице. Первыми обитателями Петровского дома стали обитатели общежития – 76 детей и подростков в возрасте от двух до 16 лет. Более широко деятельность сиротско-воспитательного дома развернулась после переезда детского учреждения в новое трехэтажное здание, построенное в 1897 г. в поселке Верх-Исетского завода. В год переезда (1897) приют принял 115 детей (46 мальчиков и 69 девочек), в 1913 г. – 280

(133 мальчика и 147 девочек). Условия содержания питомцев в Петровском сиротско-воспитательном доме были достаточно комфортными. Для детей старшего и младшего возраста здесь действовали специализированные отделения, девочкам и мальчикам старшего отделения предоставлялись раздельные спальни. В центральной части третьего этажа здания, отданного старшему отделению, строители разместили обширный и светлый рекреационный зал для отдыха и торжественных мероприятий, два классных помещения, комнату воспитательницы, в левом крыле – три спальни для девочек, швейную и рукодельную мастерские, в правом – три спальни для мальчиков, комнату воспитателя и помещение для игр. Учебные мастерские расположились на втором этаже здания. Здесь же, в четырех просторных помещениях, жили дети младшего возраста (до шести лет). Рядом с «детскими» располагалась комната смотрительницы и канцелярия. Нижний полуподвальный этаж здания предназначался для различных служебных помещений и кладовых. Погреб, бани, прачечная и конюшни расположились на дворовой территории [16, с. 50].

Система воспитания детей в сиротско-воспитательном доме им. С. А. Петрова была нацелена на подготовку «нравственных, полезных и трудолюбивых членов общества». С самого начала деятельности детского заведения здесь была открыта начальная школа, работавшая по программе народных училищ ведения Министерства народного просвещения. Серьезное внимание уделялось физическому развитию детей. Для них регулярно устраивались прогулки в лес, за город. Старшим воспитанникам давались уроки гимнастики. Наиболее одаренные питомцы приюта могли за счет средств Петровского дома получить дальнейшее образование в городской гимназии, высших училищах, технических и торговых школах. По данным В. В. Калачникова, среди выпускников сиротско-воспитательного дома в 1899–1914 гг. 13 чел. (11 мальчиков и две девочки), избрали себе так называемые «интеллигентные профессии» (письмоводство, счетоводство и пр.) [16, с. 50].

Главной заботой попечительного совета была практическая подготовка воспитанников, которая обеспечила бы им в будущем возможность заняться собственным делом или поступить в служение. Для этого при воспитательном доме

было введено обучение детей «наиболее употребительным ремеслам и рукоделиям». В 1905 г. при мастерской было открыто чулочно-вязальное отделение, в котором девочки учились работать на чулочно-вязальной машине, полученной в дар от почетной попечительницы дома А. А. Конюховой. В 1910 г. здесь появилось рукодельное и кружевное отделение, которое возглавила выпускница Бело-Холуницкой школы кружевниц Вятской губернии. Отделение это, правда, вскоре было закрыто из-за вредного влияния на здоровье девочек – мелкие работы плохо влияли на зрение. Столы же недолгим был опыт завертывания конфет для кондитерского магазина Т. А. Афониной. Как только было обнаружено неблагоприятное влияние оберточных красок на здоровье девочек, работы были прекращены. Более полезным попечительство признало обучение детей крою платья, для чего в воспитательный дом в 1911 г. была специально приглашена швея-закройщица. Кулинарное искусство девочки постигали на курсах при работавшем тогда в Екатеринбурге Нурровском приюте. Мальчиков обучали в собственных мастерских сапожному и переплетно-линовальному делу. Помимо работ в мастерских, дети выполняли и другие обязанности по дому. Девочки назначались посменно на дежурство в больничку и палаты для грудных детей, убирали спальни, обучались работам на кухне, в прачечной и гладильной. Призреваемые мальчики ухаживали за скотом, чистили двор [16].

Примерно те же правила существовали и в других городских приютских учреждениях Пермской губернии. В 1891 г. в городе Камышлове был открыт уездный приют, начало которому дала благотворительная инициатива екатеринбургского купца 1 гильдии Михаила Федоровича Рожнова. Для детского заведения в Камышлове он выделил каменный двухэтажный дом, застрахованный на сумму в 9 тыс. р., а также пожертвовал 30 тыс. р. [17, с. 93]. Призревались в Камышловском приюте только постоянно живущие дети в возрасте от трех до 18 лет. К началу 1914 г. их было 30 (10 мальчиков и 20 девочек). В 1894 г. М. Ф. Рожнов возвел рядом с приютом каменное здание храма во имя святого благоверного князя Михаила Черниговского и дом для размещения церковного причта. На его содержание учредитель приюта пожертвовал особый капитал – 20 тыс. р. В 1897 г. купец выделил еще 2 300 р. и приобрел смежное с приютом дворовое место с деревянным

домом и усадьбой [12, с. 94]. Просторный дом с усадьбой позволил удобно разместить воспитанников приюта и организовать их обучение. Приютская школа работала по программе начальных одноклассных училищ ведения Министерства народного просвещения. Во внеучебное время девочкам давали навыки домашнего хозяйства, рукоделия, ткачества, кройки и шитья, обучали кулинарному искусству «в размере обыкновенной кухни, рассчитанной для семьи среднего достатка» [14, с. 85]. Для подготовки мальчиков были наняты специалисты переплетного и сапожного ремесла. Ремесленное обучение занимало обычно осенние и зимние месяцы. Летом дети отправлялись на приютский огород, где их учили обрабатывать землю и ухаживать за посаженными овощами (приютская усадьба занимала 1 490 квадратных саженей (около 0,7 га). В праздничные дни воспитанники приюта посещали церковные службы, а затем гуляли во дворе или в саду, а летом и в поле [17].

Благотворители, собравшиеся для работы в Камышловском попечительстве, были людьми энергичными и неравнодушными. Отчеты мариинского ведомства особо отмечают сложившуюся в Камышловском приюте практику попечения о судьбе подросших питомцев. Успешно прошедшие курс обучения в приютской школе воспитанницы отправлялись в местную женскую прогимназию. В 1902 г., например, там учились три девочки, одна из которых впоследствии заняла должность помощницы учительницы в земской народной школе. Остальные дети распределялись в соответствии с их способностями, склонностями и происхождением. Попечители отдавали их родственникам или в усыновление, устраивали прислугой в хорошие семьи либо к частным лицам для обучения [18, с. 105].

Трудовая подготовка в заводских приютах

Инициатива создания приютов в заводских поселках Урала обычно принадлежала местной благотворительной общественности. В казенном Кушвинском заводе благотворительное общество действовало с 1882 г. Свои средства оно получало за счет членских взносов, пожертвований, кружечного сбора, прибылей от процентных бумаг, доходов от благотворительных спектаклей, лотерей. Детищем благотворительного общества стал приют, который получил название «Убежище

бедных детей». Кушвинский приют был создан 30 августа 1882 г. Для размещения детского заведения местный купец-золотопромышленник Д. И. Колчин пожертвовал свой дом. Кушвинское благотворительное общество было не слишком богатым – к 1891 г. его капитал составлял всего 3550 р., поэтому решено было обратиться за помощью в содержании приюта к мариинскому ведомству. Главный комитет попечительств детских приютов пошел навстречу этой просьбе: 31 декабря 1911 г. Кушвинское «убежище бедных детей» было принято в ведение учреждений императрицы Марии. К 1 января 1914 г. оно содержало 26 детей (восемь мальчиков и 18 девочек). Поступали сюда сироты не только из Кушвы, но и из близлежащих сел и деревень. В приюте работала мастерская, где мальчиков обучали плотницкому ремеслу, а девочек рукоделию. Перед войной, в 1913 г. в мастерской появилась новая швейная машина, уроки шитья на ней, а также вышивания воспитанницам приюта стали давать сами служащие фирмы Зингер [19, с. 38]. Для продолжения образования Кушвинское попечительство отдавало наиболее способных своих питомцев в ремесленные училища, высшие начальные школы и даже средние учебные заведения, «в полной мере исполняя принимаемую им на себя в отношении их жизненную ответственность» [8, с. 30]. Практика воспитания детей в заводском Кушвинском приюте, как мы видим, не связывала будущее детей с крестьянским трудом.

Отличался от сельских и Юго-Кнауфский приют, созданный в поселке бывшего медеплавильного и железоделательного завода по инициативе инженера С. Г. Грузова. Собственной земли у приюта не было, поэтому повседневная жизнь детей мало отличалось от принятой в городских детских заведениях. Девочек обучали здесь вязанию чулок, шарфов, вышиванию по канве, кройке и шитью, мальчиков – сапожному ремеслу и кровельному делу, видимо, имевшему распространение среди заводчан. Попечительство давало своим питомцам основы образования в рамках программы народных школ, а более способных отправляло в высшие начальные училища, оставляя для них в приюте стол и ночлег. В летнее время детей отдавали в крестьянские семьи, где они использовались в качестве работников и няньек. Высочайшее разрешение на открытие Юго-Кнауфского сельского попечительства ведомства учреждений императрицы

Марии последовало 25 ноября 1910 г., сам же приют возник гораздо раньше – 6 декабря 1900 г. 1 января 1914 г. Юго-Кнауфский приют опекал 28 детей (14 мальчиков и 14 девочек) [14, с. 99].

Довольно крупным был приют, возникший 26 февраля 1892 г. в поселке казенного Каменского завода. Краеведы пишут о большой роли в открытии приюта А. А. Шамариной – местной дамы-благотворительницы, принадлежавшей к семье удачливых каменских предпринимателей. В конце XIX – начале XX в. они владели в поселке крупной обувной фабрикой [20, с. 37]. Приют призревал первоначально 15 круглых сирот от четырех до 14 лет. Частные благотворительные средства, поступавшие на их содержание, были невелики – около 500 р. в год [21, с. 17]. В 1895 г. было принято решение о присоединении Каменского приюта к ведомству учреждений императрицы Марии. Во главе его на основании Положения 1891 г. поставили местное попечительство, в которое вошли в качестве действительных членов управитель и смотритель Каменского завода, священник, становой пристав, земский начальник, судебный следователь, горный и земский врачи. Почетными членами стали местные благотворители – купцы, чиновники, представители интеллигенции. Едва возникнув, Каменское попечительство энергично занялось проблемами расширения деятельности детского учреждения. В 1897 г. оно обратилось в Министерство земледелия и государственных имуществ с ходатайством об устройстве при приюте образцовой фермы, где дети могли бы обучаться садоводству и огородничеству. Министерство, однако, на удовлетворение этой просьбы не пошло. Вскоре, правда, откликнулись местные предприниматели. В 1901 г. владелец соседней с Каменским приютом усадьбы, купец Олесов бесплатно отдал попечительству свою землю общей площадью в 117 десятин 1 600 квадратных саженей (около 0,9 га) в пользование на 12 лет. Здесь, в заботах по огороду дети «с особыенным удовольствием проводили все лето» [14, с. 115]. В 1898 г. приют переехал в новое каменное двухэтажное здание, которое было пожертвовано ему почетным членом попечительства, купцом Ф. А. Сосниным [22, с. 73].

Воспитание детей в Каменском приюте строилось на трудовой подготовке. При приюте была создана рукодельная мастерская, воспитанницы учились здесь кроить, шить, вязать,

чинить белье, одежду и обувь. Опытный повар на кухне обучал девочек кулинарному искусству, причем, настолько успешно, что в 1901 г. распорядитель праздника, посвященного 200-летию завода, поручил им приготовить пироги: 80 «осетровых» для угощения служащих и 500 «сырковых» – для рабочих. Отзывы гостей были самыми благоприятными [14, с. 83]. Девочки по очереди пекли хлеб, принимали участие в приготовлении обедов, убирали комнаты, стирали и гладили белье, доили коров. Мальчики помогали в работах по двору и обучались сапожному ремеслу. Во время войны с Японией воспитанники занимались извлечением различных «материалов для лазаретных принадлежностей» [23, с. 113].

Обсуждение и выводы

Подводя итоги, можно заметить, что организаторы городских и заводских детских приютов считали наиболее эффективным средством поддержания здоровья своих воспитанников их участие в трудовой деятельности. По мере средств и возможностей попечительства детских приютов соблюдали уже известные во второй половине XIX – начале XX в. требования гигиены и физического воспитания. Все городские и заводские сиротские дома имели площадки для игр. Школьные занятия детей чередовались с отдыхом. Летом ребят старались чаще выводить на природу. В тех случаях, когда при детских заведениях имелись свои земельные участки, налаживалось обучение приютских воспитанников садоводческим и огородным работам. История Петровского сиротско-воспитательного дома свидетельствует о том, что попечительства следили за деятельностью учебных мастерских и отказывались от тех работ, которые плохо влияли на здоровье воспитанников. В целом можно признать, что система воспитания детей в городских и заводских приютах вполне соответствовала распространенным в педагогике начала XX в. представлениям о пользе общественного воспитания безнадзорных детей в закрытых детских учреждениях.

Список литературы

1. Голощапов Б. Р. История физической культуры и спорта. М.: Академия, 2012. 415 с.
EDN: YMCLCN

2. Пономарев Н. И. Возникновение и первоначальное развитие физического воспитания. М.: Физкультура и спорт, 1970. 247 с.
3. Пельменев В. К., Конеева Е. В. История физической культуры. М.: ЮРАЙТ, 2020. 184 с. EDN: JYXGKM
4. Болдырев И. И., Стеблецов Е. А. История становления и значение спортивно-гимнастических обществ Германии в патриотическом воспитании молодежи // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2025. Вып. 2 (238). С. 36–42. DOI: 10.23951/1609-624X-2025-2-36-42. EDN: MCIPVT
5. Таймазов В. А., Курамшин Ю. Р., Марьянович А. Т. Петр Францевич Лесгафт. История жизни и деятельности. СПб.: Печатный двор им. А. М. Горького, 2006. 479 с. EDN: QVIMCZ
6. Константинова Н. Д. Ценности физического воспитания в трудах П. Ф. Лесгафта // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2021. Т. 6. № 4. С. 38–41. DOI: 10.47475/2500-0365-2021-16406. EDN: PVBNIID
7. Детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии (1839–1889 г.) К пятидесятилетию со времени издания Положения о детских приютах 27 декабря 1839 года. СПб.: Тип. Шредера, 1889. 391 с.
8. Отчет Пермского губернского попечительства детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии за 1914 год. Пермь: Тип. губернского правления, 1916. 77 с.
9. Отчет по ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1874–1879 годы. СПб.: Тип. В. Киршбайма, 1881. 287 с.
10. Отчет Пермского губернского попечительства детских приютов за 1900 год. Пермь: Тип.-литография губернского правления, 1901. 76 с.
11. Отчет Екатеринбургского горного попечительства детских приютов за 1891 год. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбургской недели», 1892. 55 с.
12. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1897 год. СПб.: Тип. В. Киршбайма, 1899. 170 с.
13. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1905 год. СПб.: Тип. В. Киршбайма, 1907. 387 с.
14. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1901 год. СПб.: Тип. В. Киршбайма, 1903. 173 с.
15. Отчет Екатеринбургского горного попечительства детских приютов за 1900 год. Екатеринбург: Тип. газеты «Урал», 1901. 53 с.
16. Калачников В. В. Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Алексеевича Петрова: к 25-летию его существования. Екатеринбург: Тип. товарищества «Уральский край», 1915. 59 с.
17. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1890–1894 годы. СПб.: Тип. В. Киршбайма, 1896. 204 с.
18. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1902 год. СПб.: Тип. В. Киршбайма, 1904. 107 с.
19. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1913 год. СПб.: Тип. В. Киршбайма, 1915. 150 с.
20. Буйносова Н. И., Казанцев С. И., Путилов Б. А., Петров М. М. Наследники Икара: Каменск-Уральский, Североуральск, Краснотурынск, Михайловск. Екатеринбург: Сократ, 2003. 416 с.
21. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1895 год. СПб.: Тип. В. Киршбайма, 1897. 246 с.
22. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1898 год. СПб.: Тип. В. Киршбайма, 1900. 244 с.
23. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1904 год. СПб.: Тип. В. Киршбайма, 1906. 205 с.

Children Physical Education in City and Factory Orphanages of Perm Province in the Late 19th – Early 20th Centuries

Liudmila A. Dashkevich

The article analyzes the methods of physical and labor education of children in city and factory orphanages of the Perm province in the late 19th – early 20th centuries on the base of scientific and pre-revolutionary literature, as well as records of orphanages of the Department of Institutions of Empress Maria. It was revealed that the orphanages' organizers considered labor education to be the most effective means of their pupils' health maintaining and preparing them for future adult life. To the extent of their means and possibilities, the orphanages' guardianship observed the requirements of hygiene and physical education known in the second half of the 19th – early 20th centuries. All city and factory orphanages had playgrounds. School activities for children alternated with rest. In summer they tried to take children out into nature more often. In those cases when children's institutions had their own land plots, they organized training orphanage pupils in gardening and horticulture. The guardians of children's shelters monitored the activities of educational workshops and refused those works that had negative effect on the pupils' health.

Key words: charity, city shelters, physical education, labor education, history of education.

For citation: Dashkevich, L. A. (2025) *Fizicheskoe vospitanie detej v gorodskikh i zavodskikh priyutakh Permskoj gubernii konca XIX – nachala XX v.* [Children Physical Education in City and Factory Orphanages of Perm Province in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Istoriya povedenosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 214–230. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_214. EDN: TXQCJL

References

1. Goloshapov, B. R. (2011) *Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta* [History of physical education and sports]. Moscow: Akademija. (In Russ.). EDN: YMCLCN
2. Ponomarev, N. I. (1970) *Vozniknovenie i pervonachal'noe razvitiye fizicheskogo vospitanija* [The emergence and initial development of physical education]. Moscow: Fizkul'tura i sport. (In Russ.)
3. Pel'menev, V. K., Koneeva, E. V. (2020) *Istoriya fizicheskoy kul'tury* [History of physical culture]. Moscow: JURAJT. (In Russ.). EDN: JYXGKM
4. Boldyrev, I. I., Stebletsov, E. A. (2025) *Istoriya stanoljenija i znachenie sportivno-gimnasticheskikh obshhestv Germanii v patrioticheskom vospitanii molodezhi* [The history of the formation and importance of German sports and gymnastics societies in the patriotic education of young people]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. Iss. 2 (238). Pp. 36–42. (In Russ.). DOI: 10.23951/1609-624X-2025-2-36-42. EDN: MCIPVT
5. Tajmazov, V. A., Kuramshin, Ju. R., Mar'janovich, A. T. (2006) *Petr Francevich Lesgaft. Istoriya zhizni i dejatel'nosti* [Petr Franzevich Lesgaft. History of life and work]. St. Petersburg: Printing House named after A. M. Gorky. (In Russ.). EDN: QVIMCZ
6. Konstantinova, N. D. (2021) *Cennosti fizicheskogo vospitanija v trudah P. F. Lesgafta* [The values of physical education in the works of P. F. Lesgaft]. *Fizicheskaja kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naja rekreacija* [Physical education. Sports. Tourism. Physical recreation]. Vol. 6. No. 4. Pp. 38–41. (In Russ.). DOI: 10.47475/2500-0365-2021-16406. EDN: PVBNID

7. (1889) *Detskie prijuty Vedomstva uchrezhdenij imperatricy Marii (1839–1889 g.) K pjati-desiatiletiju so vremenem izdanija Polozhenija o detskih prijutah 27 dekabrya 1839 goda* [Orphanages of the Department of Institutions of Empress Maria (1839–1889). On the 50th anniversary of the publication of the Statute on Orphanages on December 27, 1839]. St. Petersburg: tip. V. Kirshbauma. (In Russ.)

8. (1916) *Otchet Permskogo gubernskogo popechitel'stva detskih prijutov vedomstva uchrezhdenij imperatricy Marii za 1914 god* [Report of the Perm Provincial Guardianship of Children's Shelters of the Department of Institutions of Empress Maria for 1914]. Perm: tip. gubernskogo pravlenija. (In Russ.)

9. (1881) *Otchet po vedomstvu detskih prijutov, sostojashhih pod neposredstvennym ih imperatorskikh velichestv pokrovitel'stva za 1874–1879 gody* [Report on the Department of Children's Shelters under the Direct Patronage of Their Imperial Majesties for the Years 1874–1879]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. (In Russ.)

10. (1901) *Otchet Permskogo gubernskogo popechitel'stva detskih prijutov za 1900 god* [Report of the Perm Provincial Board of Trustees of Children's Shelters for 1900]. Perm: tip. gubernskogo pravlenija. (In Russ.)

11. (1892) *Otchet Ekaterinburgskogo gornogo popechitel'stva detskih prijutov za 1891 god* [Report of the Perm Provincial Board of Trustees of Children's Shelters for 1891]. Ekaterinburg: Tip. "Ekaterinburgskoj nedeli". (In Russ.)

12. (1899) *Otchet po Vedomstvu detskih prijutov, sostojashhih pod neposredstvennym ih imperatorskikh velichestv pokrovitel'stva za 1897 god* [Report on the Department of Children's Shelters under the Direct Patronage of Their Imperial Majesties for 1897]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. (In Russ.)

13. (1907) *Otchet po Vedomstvu detskih prijutov, sostojashhih pod neposredstvennym ih imperatorskikh velichestv pokrovitel'stva za 1905 god* [Report on the Department of Children's Shelters under the Direct Patronage of Their Imperial Majesties for 1905]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. (In Russ.)

14. (1903) *Otchet po Vedomstvu detskih prijutov, sostojashhih pod neposredstvennym ih imperatorskikh velichestv pokrovitel'stva za 1901 god* [Report on the Department of Children's Shelters under the Direct Patronage of Their Imperial Majesties for 1901]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. (In Russ.)

15. (1901) *Otchet Ekaterinburgskogo gornogo popechitel'stva detskih prijutov za 1900 god* [Report of the Yekaterinburg Mining Guardianship of Children's Shelters for 1900]. Ekaterinburg: tip. gazety «Ural». (In Russ.)

16. Kalachnikov, V. V. (1915) *Istoricheskij ocherk Verh-Isetskogo sirotsko-vospitatel'nogo doma imeni Semena Alekseevicha Petrova: k 25-letiju ego sushhestvovanija* [Historical essay on the Verkh-Isetsky Orphanage named after Semyon Alekseevich Petrov: on the 25th anniversary of its existence]. Ekaterinburg: Tip. tovarishchestva «Ural'skij kraj». (In Russ.)

17. (1896) *Otchet po Vedomstvu detskih prijutov, sostojashhih pod neposredstvennym ih imperatorskikh velichestv pokrovitel'stva za 1890–1894 gody* [Report on the Department of Children's Shelters under the Direct Patronage of Their Imperial Majesties for the years 1890–1894]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. (In Russ.)

18. (1904) *Otchet po Vedomstvu detskih prijutov, sostojashhih pod neposredstvennym ih imperatorskikh velichestv pokrovitel'stva za 1902 god* [Report on the Department of Children's Shelters under the Direct Patronage of Their Imperial Majesties for 1902]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. (In Russ.)

19. (1915) *Otchet po Vedomstvu detskih prijutov, sostojashhih pod neposredstvennym ih imperatorskikh velichestv pokrovitel'stva za 1913 god* [Report on the Department of Children's Shelters under the Direct Patronage of Their Imperial Majesties for 1913]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. (In Russ.)

20. Bujnosova, N. I., Kazancev, S. I., Putilov, B. A., Petrov, M. M. (2003) *Nasledniki Ikara: Kamensk-Uralskij, Severouralsk, Krasnotu'insk, Mikhajlovsk* [Heirs of Icarus: Kamensk-Uralsky, Severouralsk, Krasnoturinsk, Mikhajlovsk]. Ekaterinburg: Sokrat. (In Russ.)

21. (1897) *Otchet po Vedomstvu detskih prijutov, sostojashhih pod neposredstvennym ih imperatorskikh velichestv pokrovitel'stva za 1895 god* [Report on the Department of Children's Shelters

under the Direct Patronage of Their Imperial Majesties for 1895]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. (In Russ.)

22. (1900) *Otchet po Vedomstvu detskih prijutov, sostojashhih pod neposredstvennym ih imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvo za 1898 go.* [Report on the Department of Children's Shelters under the Direct Patronage of Their Imperial Majesties for 1895]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. (In Russ.)

23. (1906) *Otchet po Vedomstvu detskih prijutov, sostojashhih pod neposredstvennym ih imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvo za 1904 god* [Report on the Department of Children's Shelters under the Direct Patronage of Their Imperial Majesties for 1904]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. (In Russ.)

Об авторе

Дашкевич Людмила Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: ldash54@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7634-2478

About the author

Dashkevich Liudmila A., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Center for Methodology and Historiography, Institute of History and Archeology UB RAS, Yekaterinburg, Russian Federation; e-mail: ldash54@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7634-2478

Статья поступила в редакцию 22.07.2025
Одобрена после рецензирования 10.09.2025
Принята к публикации 30.09.2025

Вопросы гигиены учащихся и организация школьно-санитарного контроля в народных школах Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.

А. А. Кальсина

В статье исследуется тема гигиены школьников, учащихся народных школ Пермской губернии. Хронологические рамки исследования охватывают период конца XIX – начала XX в. Именно на данном этапе активизируется деятельность Пермского губернского земства по санитарному контролю земских школ. Созываются съезды санитарных врачей Пермской губернии. Следует отметить, что Пермская губерния явилась родиной санитарного дела в России, поскольку, первый санитарный врач в России Иван Иванович Молессон (1842–1920) начал свою деятельность в Пермской губернской больнице и первым предложил провести санитарное обследование губернии. Вопросы школьной гигиены детей сразу же были поставлены на повестку дня в деятельности земства. Рассматриваются следующие аспекты школьной гигиены детей: санитарное состояние школ в уездах Пермской губернии, гигиена учебного процесса, вопросы питания и физического развития школьников; причины школьных болезней и меры по организации школьно-санитарного контроля, проводимые санитарными врачами, совместно с учителями народных школ Пермской губернии.

Ключевые слова: гигиена детей, Пермское губернское земство, народные школы, школьно-санитарный контроль, Пермская губерния.

Для цитирования: Кальсина А. А. Вопросы гигиены учащихся и организация школьно-санитарного контроля в народных школах Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 231–247. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_231. EDN: UGXXAC

Введение

Волна интереса в мире к школьной гигиене началась с развитием всеобщего обучения. Известны труды немецких исследователей, в частности М. Лоринзера «В защиту здоровья учащихся» (1836 г.), в котором автор впервые отмечает, что школьные занятия ведут к переутомлению детей, что нарушение гигиены школьной жизни вызывает развитие заболеваний, таких как близорукость, искривление позвоночника, а также способствует распространению инфекционных заболеваний и заразных болезней детского возраста. Основоположником школьной гигиены называют венского врача Иоганна Петера Франка (1745–1821). В Российской империи первым, кто поставил на повестку дня вопросы гигиены школьников, был врач-окулист, профессор московского университета Федор Федорович Эрисман (1842–1915). Федор Федорович обследовал более четырех тысяч школьников и доказал, что развитие близорукости происходит из-за слабой освещенности помещений во время учебных занятий.

В медицине появилось направление «школьные болезни», так как вслед за Ф. Ф. Эрисманом, врачи А. С Вирениус, А. П. Доброславин, В. В. Гориневский, а также известные российские педагоги П. Ф. Лесгафт, В. П. Вахтеров, П. Ф. Каптерев доказали, что неправильное устройство школ, перегрузки, недостаток свежего воздуха, состояние освещенности и санитарных условий учебных классов могут повлиять на здоровье детей и привести к различным заболеваниям [1, с. 13].

В конце XIX в. вопросам школьной гигиены уделяло внимание Общество русских врачей имени Н. И. Пирогова, были изданы наглядные пособия по школьной гигиене [2, с. 158].

Большую роль в становлении и развитии школьной гигиены в конце XIX – начале XX в. сыграли земства, сначала они развивали сеть земских школ, но вскоре пришло понимание, что необходимо заняться вопросами школьной гигиены. Многие земства начали активную деятельность в данном направлении, созывая съезды санитарных врачей. Врачи вели проверку школьных помещений на соответствие гигиеническим требованиям, проводили обследования школьников, разрабатывали типовые проекты школьных зданий.

К вопросам школьной гигиены Пермское губернское земство обратилось в 1880-х гг. XIX в. Здоровье детей и подрост-

ков, обсуждалось на съездах врачей Пермской губернии. Всего в конце XIX – начале XX в. состоялось 11 таких съездов, материалы которых содержат отчеты санитарных врачей, статистику, требования к санитарным условиям содержания школ и гигиене школьников по каждому уезду Пермской губернии. Также информация по гигиене школьников публиковалась в периодическом издании, выходившем в Перми в начале XX в. «Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии».

В дореволюционный период проблемы детской гигиены и школьно-санитарного контроля освещались в работах санитарных врачей Пермской губернии. Так, санитарный врач и педагог Р. Н. Рума провел в 1881 г. антропологическое исследование детей Пермской губернии [3], врачи Н. А. Русских и А. И. Смородинцев в 1897 г. написали труд «Физическая организация школьных детей в Пермской губернии» [4]. Работы санитарных врачей Пермской губернии легли в основу данного исследования.

Современная историография проблемы гигиены детей школьного возраста в рассматриваемый период, довольно разнообразна. На общероссийском уровне выделяется группа петербургских исследователей чьи труды касаются гигиены детей дошкольного и школьного возраста [5–6].

Развитие элементов школьной гигиены в земских школах в конце XIX в. в Рязанской области показала в своем исследовании О. А. Белова¹. Вопросы истории становления в России школьной гигиены раскрыты в трудах действующих врачей (В. Р. Кучма, А. В. Фадеев и др.) [1–2].

Среди уральских историков тема школьного санитарного контроля и гигиены школьников, несмотря на наличие серьезных диссертационных работ о земской медицине в Пермской губернии (В. Т. Селезневой, Т. Ю. Шестовой, Д. Э. Черноухова)², исследована недостаточно. В настоящее время нет обобщающих трудов по проблемам школьной гигиены детей и подростков в Пермской губернии в рассматриваемый период. Однако косвенно данную тему затрагивали в своих статьях исследователи А. А. Кальсина

¹ Белова О. А. Развитие элементов школьной гигиены в сельских земских школах Рязанской губернии: Вторая половина XIX века: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1999. 26 с.

² Селезнева В. Т. Очерки по развитию медицины и здравоохранения на Среднем Урале (XVIII век – 1945 г.); автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Томск, 1965. 39 с.; Шестова Т. Ю. Становление и развитие здравоохранения на Урале в XVIII – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курган, 2004. 54 с.; Черноухов Д. Э. Земская медицина Пермской губернии в последней трети XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук, Екатеринбург, 2021. 28 с.

и Л. В. Архангельская [7–8]. Зарубежных работ, по анализу состояния гигиены школьников и школьно-санитарному контролю в Пермской губернии в настоящее время нет.

Цель данного исследования – рассмотреть процесс становления и развития школьной гигиены детей и организацию школьно-санитарного контроля со стороны земства в народных школах Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.

Задачи работы публикуются с вопросом санитарного врача земства А. П. Печуркина, заданном им на одном из заседаний съезда врачей: каким санитарно-гигиеническим требованиям должна соответствовать земская школа Пермской губернии? По мнению А. П. Печуркина, школьная гигиена должна охватывать все, что так или иначе соприкасается с детьми. Исходя из этого большое значение имеет место, где расположена школа, в том числе и по отношению к частям света, глубина и площадь классов, наличие рекреационного зала и раздевалки, школьная мебель, система отопления, вентиляция и отхожие места. Серьезное влияние на здоровье детей оказывают такие факторы, как продолжительность учебных занятий, наличие общежития, а также питание школьников [9, с. 2].

Таким образом, в данной статье вопросы гигиены школьников и школьно-санитарного контроля в Пермской губернии рассматриваются в следующих аспектах: санитарное состояние школ и местности, в которых они расположены, гигиена учебного процесса, состояние здоровья и бытовых условий учащихся народных школ Пермской губернии.

Результаты

Для понимания масштаба деятельности санитарных врачей следует подчеркнуть географические особенности Пермской губернии, территория которой в конце XIX – начале XX в. была сопоставима с территорией Франции, население Пермской губернии составляло 3 780 588 чел., территория губернии была разделена на 12 уездов, в каждом уезде работал один санитарный врач [10, с. 2].

По вопросу санитарного состояния школ и местности, где они расположены, в 1892 г. в обобщающем докладе Пермскому губернскому земству было отмечено, что в 1886 и 1887 гг. было произведено крупное обследование 516 земских школ с трехго-

дичным курсом обучения, что составило 80 % школ всей Пермской губернии. В земских школах Пермской губернии существовало три типа школьных зданий: специально построенные для помещения школы – земством или обществом (во многих случаях на пособие земства), таковых было примерно 40 %; приобретенные земством в собственность – 38 %; нанимаемые под помещения школ у частных лиц – 22 %. Часто школа могла быть соединена с другими помещениями. Самостоятельные здания имели лишь 39 % школ, а 61 % совмещались либо с учительскими квартирами (32 %) и с волостными правлениями (15 %), либо с частными помещениями от хозяев и лавками. В большинстве своем школьные здания в Пермской губернии были одноэтажные – (61 %), двухэтажных зданий было 37 %, а трехэтажных только 1 %. Поимущественно здания были деревянные – (83 %), каменных только 12 %, а полукаменных – 5 % [11, с. 308].

Очень важным правилом школьной гигиены являлось расположение школы на возвышенном месте, на сухом и крепком грунте [12, с. 4]. Ориентируясь на новейшие исследования в области школьной гигиены, санитарные врачи отмечали, что постоянно следят за выбором местоположения новой школы и регулярно осматривают действующие школы уезда. Так, санитарный врач Н. М. Воскресенский в 1912 г. из 140 земских и 44 церковно-приходских школ Чердынского уезда осмотрел лично 60 школ, однако отметил, что не все школы уезда по своему местоположению соответствуют санитарным требованиям [13, с. 68]. Санитарный врач Соликамского уезда А. П. Печуркин осматривая уездные земские школы пришел к выводу, что выбор места для школы часто никто не согласовывал с санитарным врачом. Школы строились либо в низине, либо на косогоре и очень редко на возвышенном месте. Обычно постройка школы заканчивалась осенью. Из-за чего в школе сохранялись сырость и низкая температура, что в итоге негативно влияло на здоровье детей [14, с. 58].

Рассмотрим гигиену учебного процесса. Как правило, школьные занятия начинались в 9 утра и продолжались до 14–15 часов дня, с небольшими перерывами между уроками. Например, в школах Чердынского уезда продолжительность урока варьировалась от 45 до 60 мин. Перемены составляли 15–20 мин. Не все дети получали домашнее задание. В 112 школах

уезда выполнение домашнего задания было обязательным, в остальных школах – это не требовалось [15, с. 56]. В 11 часов утра в школьном распорядке дня был 30-минутный перерыв на завтрак, и по окончании занятий в некоторых школах начиналась вторая смена.

В ряде школ занятия продолжались сразу по окончании первой смены. Как правило, вторая смена была инициативой заведующих школ. Санитарные врачи ставили на вид нарушение режима дня и докладывали об этом инспектору народных училищ. Поскольку классные помещения не убирались и не проветривались, и дети продолжали заниматься до вечера при искусственном освещении, копоть ламп и продукты горения отправляли воздух [9, с. 7].

Вопрос о необходимости свежего воздуха был едва ли не главной темой многих отчетов санитарных врачей. В частности, проводились замеры воздуха в расчете на одного учащегося. По мнению санитарного врача Д. П. Никольского, на одного учащегося народной школы Пермской губернии должно приходиться 1/3 кубической сажени воздуха (в современном исчислении чуть более трех кубических метров), и если это правило не соблюдалось, то рекомендовалось принимать детей в школу только с 9 лет, восьмилетних детей рекомендовали принимать только в том случае, если в школе будет достаточно воздуха [16, с. 6].

По поводу нормативов воздуха в учебных заведениях интересную статистику европейского опыта представил санитарный врач П. Н. Серебренников. К примеру, в Баварии закон 1873 г. предписывал, чтобы в учебных заведениях количество воздуха на одного человека приходилось не менее 20 кубических метров (две сажени), в Берлине в кадетских корпусах полагалось 25 кубических метров на человека, во Франции в лицеях – 15 кубических метров на каждого учащегося. По мнению доктора, в Европе уделялось серьезное внимание устройству вентиляции в учебных заведениях, однако он считал, что такие стандарты выполнить в России невозможно. Было бы прекрасно, если бы в средних учебных заведениях России выполнялась норма 1 куб. сажени на человека. Однако для народных школ русские гигиенисты и врачи определили норму 1/2 куб. сажени на человека. Но даже и этому скромному требованию соответствовало очень малое количество школ. В большинстве народ-

ных школ Пермской губернии количество воздуха составляло до 1/2 и даже 1/4 этой величины [17, с. 8], в 11 % земских школ вентиляционных систем не было вообще [11, с. 306].

Важным фактором, влияющим на здоровье детей, является освещение школьных классов. По правилам гигиены, окна класса должны были быть обращены на юг или юго-восток, и свет должен подать на учащегося с левой стороны. Даже в пасмурные дни темные уголки класса должны были быть освещены. Санитарные нормы того времени определяли следующее соотношение: площадь окна классной комнаты должна равняться 1/5 площади пола [17, с. 11].

Профessor Ф. Ф. Эрисман рекомендовал соотношение 1:4,5 площади пола, Санитарная норма в Пермской губернии устанавливала этот коэффициент в 1:5, 1:6. Заявлялось, что свет, идущий в классной комнате справа и слева, недопустим. Для того чтобы свет равномерно распределялся по классной комнате, требовалось прорубать окна на расстоянии один аршин и четыре вершка (88 см) (норма Пермской губернии) от пола с простенками не менее одного аршина [15, с. 29].

По санитарным нормам Пермской губернии длина классных комнат в земских школах должна была составлять 14 аршин (9,96 м), ширина 9,5 аршин (6,76 м), а высота шесть аршин (4,27 м), размеры такого класса были рассчитаны на 50 учащихся. Утверждалось, что если размеры класса будут больше, то сидящие на задней парте не будут слышать голос учителя, им также не будет видно, что написано на доске. Полы должны были быть хорошо сбиты и окрашены краской, стены оштукатурены. Рекомендовалось отказаться от оклейки стен обоями, так как в школах, где есть обои, они, как правило, ободраны, висели клочьями, собирая пыль, к тому же, обои мешали дизинфекции, если она была необходима.

Проблемой для многих школ было отсутствие прихожих, где бы раздевались школьники. В ходе обследования земских школ Чердынского уезда было выявлено, что в лучшем случае верхняя одежда помещается на вешалки в классе, в худшем – ее бросали прямо на пол. При этом одежда издавала специфический запах, усилившийся в случае отсутствия вентиляции. Все это вызывало у детей головокружение, носовые кровотечения, снижение сообразительности и даже обмороки [15, с. 25].

Важным фактором сохранения здоровья школьников является школьная мебель. В 1905 г. Министерство народного просвещения утвердило «Наставления для снабжения учебных заведений правильно устроенной мебелью», которые были изучены пермскими санитарными врачами и директорами средних и начальных учебных заведений. В наставлениях также были даны конкретные рекомендации, какие нужны парты для сбережения детского здоровья и каким требованиям они должны отвечать.

Российские гигиенисты предложили разделить детей по росту на четыре группы: типы парт разделить на номера, например парты 7–8 типа могли быть использованы в средних учебных заведениях, а парты 3–4 типа – в начальных школах. Конструкции парт рекомендовались разные: двухместные парты Ф. Ф. Эрисмана использовались в основном в московских школах, но можно было использовать и одноместные английские или американские модели парты Шенка, либо модели парт Либреиха, Лакрота. Хотя указом Александра II во всей Российской империи должны были использоваться парты Ф. Ф. Эрисмана. Главное требование к школьной мебели – она должна быть, по возможности, дешевой, прочной, не требующей ремонта [18, с. 6].

В народных школах Пермской губернии было отмечено огромное разнообразие парт и столов всевозможных типов, и не было ни одной школы, где бы мебель была однотипной. Часто школьная мебель была очень ветхой, поскольку в некоторых школах обновления мебели не происходило с момента учреждения в губернии земства.

Школьная гигиена требовала, чтобы школьные доски были выкрашены в черный матовый цвет, желательно было использовать черный линолеум, что важно для сохранения зрения школьников. Однако в школах доски в хорошем состоянии практически не встречались, многие из них были стерты, и не покрашены.

Анализируя гигиену учебного процесса, важно отметить некоторые санитарные условия содержания школ, в частности устройство туалетов, или ретирад (так они именовались в отчетах). В сельской местности содержание туалетов было большой проблемой. Правила устройства требовали, чтобы туалеты находились на некотором расстоянии от школьных зданий и были теплыми. Запрещалось располагать туалет близ-

ко к колодцам. В смешанной школе, где могли учиться дети до 11 лет, должны были быть отдельные туалеты для мальчиков и для девочек. Школьные туалеты должны были быть светлыми, оборудованы вытяжкой и вентиляцией, либо форточкой. Реальная картина была совершенно иной: в Соликамском уезде в некоторых земских школах не было вообще отхожих мест, дети были вынуждены пользоваться сараев для дров [19, с. 28].

В Чердынском уезде, по данным обследования, из 139 школ только в девяти имелись теплые туалеты. Но общей проблемой было их плохое содержание, убирались туалеты крайне редко, из-за недобросовестного надзора со стороны заведующего школой или владельцев школьных помещений. Безусловно, несоблюдение элементарных правил гигиены могло привести к распространению таких болезней, как дизентерия и тиф [15, с. 44]. В школах Оханского уезда обязанности по мытью полов возлагались на родителей учащихся. По разнарядке сельского старосты поселения женщины соглашались вымыть полы в школе, но происходило это нечасто. Санитарные же правила для школ Пермского земства предписывали проводить влажную уборку помещений еженедельно [20, с. 168].

Завершая тему гигиены учебного процесса, остановимся на характеристике питания школьников.

Санитарные врачи при характеристике школьной жизни тему питания не комментировали, поскольку долгое время организованных завтраков в школе не было, дети приносили еду из дома. Основными продуктами были черный хлеб, печеный картофель, каша, иногда просто вода и хлеб, а в ряде уездов Пермской губернии, где проживало большое количество старообрядцев, родители давали детям в школу брагу. К чаю у крестьянского населения было негативное отношение, считалось, что это очень возбуждающий напиток. А брагу они считали сытым напитком. Брага усыпляла чувство голода, но влияла на учебный процесс, дети были заторможенными и плохо усваивали учебный материал. Практика употребления браги с малых лет была широко распространенной в селах Пермской губернии, некоторые крестьянки иногда даже давали брагу младенцам, чтобы они не кричали.

Рацион крестьянского школьника был довольно скучным, не хватало овощей и фруктов и соответственно, такой рацион

часто приводил к болезням – цинге, малокровию, куриной слепоте [20, с. 45].

Вопрос о необходимости в школе горячих завтраков периодически поднимался на съездах санитарных врачей и на заседаниях Пермского губернского земства. Только в 1912 г. вопрос о горячем приварке школьникам был поставлен на повестку дня в Пермском уезде Пермской губернии [21, с. 50].

В 1912 г. Шадринскому уезду земским губернским собранием было выделено 500 р. на устройство горячего приварка в школах, но при условии участия родителей, которые должны были обеспечивать овощами и хлебом, большей частью эти средства были направлены на жалование прислуги, которая готовила завтраки и кухонный инвентарь [22, с. 76]. В Пермском уезде на горячий приварок земство выделило земским и церковно-приходским школам 8 тыс. рублей. [21, с. 50].

Многие санитарные врачи отмечали, что причиной болезней часто становилась сырая вода, которую школьники пили, находясь в школе. Рекомендовалось настоятельно использовать только кипяченую воду, но это правило постоянно нарушалось. Для обеспечения питьевой водой санитарный врач Ирбитского уезда К. А. Бирюков предложил использовать в школах фильтр питьевой воды, состоящий из мелкого гравия, песка и березового угля. Рисунки такого фильтра были отгектографированы и направлены в школы [23, с. 20].

Что касается школьных болезней, то врачи отмечали, что преобладает малокровие детей, особенно во время длительных постов [24, с. 74]. Серьезной проблемой в школах была чесотка и мокнущий лишай (экзема). Эти болезни дети приносили из дома, лечить их было сложно, ввиду высокой заразности. Доктор П. Н. Серебренников рекомендовал учителям по возможности вести наблюдения за состоянием здоровья детей, выявлять отсутствующих по болезни. Если ребенок отсутствовал более трех дней, просить, чтобы он предоставлял записку от родителей [25, с. 21].

Бытовые условия учащихся народной школы были не самые лучшие, болезни в школу дети могли принести из ночлежных приютов и общежитий, поскольку многие дети из отдаленных деревень, как правило мальчики, вынуждены были оставаться в них на ночлег, а иногда ночевать и в здании самой школы.

лы. Бытовые условия были ужасными. Дети спали на нарах или на полу, подстелив свою верхнюю одежду, умывальников не было. Присмотр за детьми был очень поверхностный. На съезде учителей Екатеринбургского уезда отмечали дурные привычки таких школьников. Были случаи, когда беспризорные дети из отдаленных деревень покупали вино «в сельских шинках» и распивали его [26, с. 55].

П. Н. Серебренников предлагал вести санитарную работу в тесной связке с учителством, поскольку учителя, в большинстве своем не владели информацией по гигиене школьника и сами нуждались в обучении. Учительский съезд Екатеринбургского уезда в 1911 г. рекомендовал учителям ознакомиться с трудами врачей гигиенистов: В. Фармаковского «Школьная диетика. Учение о сбережении здоровья детей, посещающих школу по Г. Кленке» и Н. И. Тезякова «Беседы по гигиене в применении ее к народной школе» [27, с. 27].

Обсуждение и выводы

Вопросы школьной гигиены в народных школах Пермской губернии встали на повестку дня в 1880-х гг. XIX в. Деятели Пермского земства, санитарные врачи, начали вести наблюдение за здоровьем детей, проводились антропометрические исследования физических данных школьников (работы О. Н. Рума, А. И. Смородинцев, Н. А. Русских). Исследования показали, что физическое здоровье школьников Пермской губернии оставляло желать лучшего, дети страдали заболеваниями, которые были вызваны плохими санитарными условиями учебных заведений.

Земскими врачами осуществлялся контроль за санитарными состояниями народных школ, принимались меры по предупреждению распространения инфекционных заболеваний. Врачи публиковали статьи и брошюры по вопросам гигиены школьников. Органы местного самоуправления издавали нормативные акты по вопросам школьной гигиены, в частности в 1915 г. вышли: «Инструкции в отношении санитарного надзора школьным санитарным врачам», «Наставления для учащих в содержании школ в санитарном отношении», «Наставления по содержанию школ в санитарном отношении». В данных документах были определены основные функции школьно-санитарного контроля: 1) надзор над школьным зда-

нием; 2) надзор за санитарным состоянием школы; 3) надзор за индивидуальной гигиеной ученика [28, с. 690].

Следует отметить, что в Пермской губернии санитарные нормативы несколько отличались от принятых на общероссийском уровне. Санитарные врачи следили за передовыми явлениями в области школьной гигиены, сравнивали постановку дела школьной гигиены в западноевропейских странах и в Российской империи. При этом отмечали, что фронт работы врача огромный. В Пермской губернии в народных школах обучалось 200 986 учащихся, и почти 5 % населения губернии обеспечить санитарное просвещение в школах в полной мере было крайне затруднительно. Для усиления просветительской санитарно-гигиенической работы в школах предлагалась наладить тесную связь с учительством Пермской губернии. В 1912 г. врачи земства выступали с инициативой ввести в школе горячие завтраки, и это предложение в ряде уездов было осуществлено.

В целом работу земских врачей в народных школах Пермской губернии можно оценить как положительную, однако вопросы гигиены ребенка, школьника требовали постоянного внимания. В силу большой загруженности врачи не могли уделять данным проблемам много внимания. Следует отметить и несовершенство законодательной базы, поскольку для того времени не было единых требований со стороны государства к вопросам школьной гигиены, и на местах органы местного самоуправления многие вопросы решали самостоятельно.

Список литературы

1. Кучма В. Р. История гигиены и охраны детей в России // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. 2013. № 3. С. 13–17. EDN: NIMMEW
2. Фадеев А. В. История развития школьного гигиены детей и подростков в дореволюционной России // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2012. № 6. С. 158–164. EDN: PGFCNX
3. Рума Р. Н. Антропометрические исследования: материалы для определения физ. развития учащихся. Пермь: Тип. П. Ф. Каменского, 1881. 69 с.
4. Смородинцев А. И. Физическая организация школьных детей в Пермской губернии: Антропологические материалы А. И. Смородинцева и Н. А. Русских, д. членов Урал. О-ва любителей естествознания. Екатеринбург: Тип. газ. «Урал», 1897. 255 с.
5. Веременко В. А. Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // История повседневности. 2017. № 2(4). С. 79–106. EDN: ZRWGNV
6. Жукова А. Е., Семенова О. А., Шевелев В. Ю. Вопросы школьной гигиены во второй половине XIX – начале XX века в Санкт-Петербурге (на примере еврейских учебных заведений) // Вопросы истории. 2022. № 10–2. С. 66–75. EDN: LQXOVP

7. Кальсина А. А. Санитарно-гигиенические условия жизни учащихся народной школы в учебном заведении и дома (1870–1910) (Доклад санитарного врача Оханского земства Пермской губернии Н. Ф. Николаевского // Домашняя повседневность населения России: история и современность: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 07–09 апреля 2022 г. / отв. ред. В. А. Веременко. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 31–36. EDN: EJMCDZ

8. Архангельская Л. В. Забота о здоровье учащихся средних школ во второй половине XIX – начале XX в. (на примере женских гимназий Пермской губернии) // Здоровьесбережение в повседневной жизни: история и современность: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 04–06 апреля 2024 г. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. С. 196–201. EDN: WKOASP

9. Печуркин А. П. Санитарное состояние народных школ Соликамского уездного земства // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1911. № 9–10. С. 1–17.

10. Всероссийская выставка гигиены. Пояснительный текст к экспонатам Пермского губернского земства. СПб.: Издания Пермского губернского земства, 1913. 107 с.

11. Кротова-Александрова Е. Н. Очерк санитарного состояния земских школ Пермской губернии // В съезд врачей Пермской губернии. Пермь: б. и., 1892. С. 308–316.

12. Заволжская Ю. И. Школьная гигиена. СПб.: Журн. «Соврем. медицина и гигиена», 1898. 178 с.

13. Воскресенский Н. М. Отчет о деятельности санитарного врача Чердынского уезда за 1912 г. // Отчеты о деятельности санитарных врачей Пермского губернского земства за 1912 г. Пермь: б. и., 1914. С. 63–72.

14. Печуркин А. П. Отчет санитарного врача по Соликамскому уезду за 1912 г. // Отчеты о деятельности санитарных врачей Пермского губернского земства за 1912 г. Пермь: б. и., 1914. С. 56–63.

15. Воскресенский Н. М. Санитарное состояние школ Чердынского уезда. Пермь, Электро-тигография уездного земства, 1914. 164 с.

16. Никольский Д. П. О съездах земских врачей Пермской губернии вообще и в частности о третьем съезде, бывшем 19 августа сего года // Отдельный оттиск. из «Русской Медицины». 1886. № 48. 10 с.

17. Серебренников П. Н. Материалы для характеристики духовно-учебных заведений Пермской епархии с точки зрения гигиены. Пермь: б. и., 1890. 36 с.

18. Наставление для снабжения учебных заведений правильно устроенной мебелью: Утв. г. министром нар. Просвещения 20 июля 1905 г. СПб.: Тип. В. Мильштейна, 1905. 8 с.

19. Постановления 41-го очередного Пермского губернского земского собрания // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1910. № 11. С. 26–28.

20. Николаевский Н. Ф. Народная школа Оханского земства с точки зрения санитарного врача: докл. Охан. зем. управе сан. врача Николаевского. Оса: Тип. Уезд. земства, 1910. 229 с.

21. Удинцев Г. А. Отчет санитарного врача по Пермскому уезду за 1912 г. // Отчеты о деятельности санитарных врачей Пермского губернского земства за 1912 г. Пермь: б. и., 1914. С. 47–56.

22. Егоровская Р. А. Отчет санитарного врача о деятельности в Шадринском уезде в 1912 г. // Отчеты о деятельности санитарных врачей Пермского губернского земства за 1912 г. Пермь: б. и., 1914. С. 72–79.

23. Бирюков К. А. Отчет о деятельности санитарного врача по Ирбитскому уезду // Отчеты о деятельности санитарных врачей Пермского губернского земства за 1912 г. Пермь: б. и., 1914. С. 17–26.

24. Мышкун С. П. Отчет санитарного врача по Осинскому уезду за 1910 г. // Труды 10 съезда врачей и представителей земств Пермской губернии. Пермь: электронная типография губернского земства, 1910. С. 74–75.

25. Серебренников П. Н. Санитарно-педагогические задачи Пермского епархиального женского училища. Пермь: Тип. Каменского, 1981. 30 с.

26. Постановления совещания (31 марта – 3 апреля) по организационным санитарным и санитарно-статистическим вопросам // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1912. № 4–5. С. 55–56.

27. Труды съезда учителей и учительниц земских народных училищ Екатеринбургского уезда Пермской губернии бывшего в Екатеринбурге с 8 по 14 июня 1911 г. Екатеринбург: Тип. газеты «Уральская жизнь», 1911. 64 с.

28. Инструкции в отношении санитарного надзора школьным санитарным врачам // Врачебно-санитарная хроника Пермского края. 1915. № 11–12. С. 689–702.

Schoolchildren Hygiene Issues and School Sanitary Control Organization in Public Schools of the Perm Province in the Late 19th – Early 20th Century

Alla A. Kalsina

The article discusses the hygiene issues of schoolchildren and pupils of public schools in the Perm province. The chronological framework of the study covers the period of the late 19th – early 20th century. It was during this period that Perm Provincial Zemstvo activities for sanitary control of zemstvo schools became more active. Congresses of sanitary doctors of the Perm province were convened. It should be noted that Perm province was the birthplace of sanitary science in Russia, since the first Russian sanitary doctor Ivan Ivanovich Molesson (1842–1820) began his work at the Perm Provincial Hospital and was the first to propose the province sanitary examination. The issues of school hygiene of children immediately rose to the agenda in the zemstvo activities. The article examines the following aspects of school hygiene of children: the sanitary condition of schools in the counties of the Perm province, the hygiene of the educational process, nutrition and physical development of schoolchildren; the causes of school illnesses and measures for the organization of school sanitary control carried out by sanitary doctors, together with teachers of public schools of the Perm province.

Key words: hygiene of children, Perm provincial zemstvo, public schools, school sanitary control, Perm province.

For citation: Kalsina, A. A. (2025) Voprosy gigieny shkol'nikov i organizaciya shkol'no-sanitarnogo kontrolya v narodnyh shkolah Permskoj gubernii v konce XIX – nachale XX v. [Schoolchildren Hygiene Issues and School Sanitary Control Organization in Public Schools of the Perm Province in the Late 19th – Early 20th Century]. *Istoriya poslednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 231–247. (In Russ.). DOI: 10.3523 1/25422375_2025_4_231. EDN: UGXAC

References

1. Kuchma, V. R. (2013) Istorija gigieny i ohrany detej v Rossii [History of hygiene and child protection in Russia]. *Voprosy shkol'noj i universitetskoj mediciny i zdorov'ja* [Issues of school and university medicine and health]. No. 3. Pp. 13–17. EDN: NIMMEW (In Russ.)
2. Fadeev, A. V. (2012) Istorija razvitiya shkol'nogo gigieny detej i podrostkov v dorevolucionnoj Rossii [History of the Development of School Hygiene for Children and Adolescents in Prerevolutionary Russia]. *Bulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ja imeni N. A. Semashko* [Bulletin of the N. A. Semashko National Research Institute for Public Health]. No. 6. Pp. 158–164. EDN: PGFCNX (In Russ.)

3. Ruma, R. N. (1881) *Antropometricheskie issledovaniya. Materialy dlja opredelenija fiz. razvitija uchashhihsja* [Anthropometric Studies. Materials for Determining the Physical Development of Students]. Perm': Tip. P. F. Kamenskogo. (In Russ.)
4. Smorodincev, A. I. (1897) *Fizicheskaja organizacija shkol'nyh detej v Permskoj gubernii: Antropologicheskie materialy A. I. Smorodinceva i N. A. Russkikh, d. chlenov Ural. O-va ljubitelej estestvoznanija* [Physical organization of schoolchildren in Perm province: Anthropological materials of A. I. Smorodintsev and N. A. Russkikh, members of the Ural Society of Natural Science Lovers]. Ekaterinburg: tip.gaz. «Ural». (In Russ.)
5. Veremenko, V. A. (2017). *Gigiena shkol'nika v dvorjansko-intelligentskih sem'jah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachale XX vv.* [Schoolchild Hygiene in Noble and Intelligentsia Families of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2 (4). Pp. 79–106. EDN: ZRWGNV (In Russ.)
6. Zhukova, A. E., Semyonova, O. A., Shevelov, V. Ju. (2022) *Voprosy shkol'noj gigieny vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka v Sankt-Peterburge (na primere evrejskih uchebnyh zavedenij)* [Issues of school hygiene in the second half of the 19th – early 20th centuries in St. Petersburg (on the example of Jewish educational institutions)]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 10-2. Pp. 66–75. EDN: LQXOVP (In Russ.)
7. Kal'sina, A. A. (2022) *Sanitarno-gigienicheskie uslovija zhizni uchashhihsja narodnoj shkoly v uchebnom zavedenii i doma (1870–1910)* (Doklad sanitarnogo vracha Ohanskogo zemstva Permskoj gubernii N. F. Nikolaevskogo) [Sanitary and hygienic living conditions of public school students in the educational institution and at home (1870–1910) (Report of the sanitary doctor of the Ohansky zemstvo of the Perm province N.F. Nikolaevsky)]. *Domashnjaja povsednevnost' naselenija Rossii: Istoriya i sovremennost'* [Home Everyday life of the population of Russia at home: History and modernity]. Proceedings of the international scientific conference, St. Petersburg, April 7–9, 2022. Editor-in-chief V. A. Veremenko. Vol. 2. St. Peterburg. Pp. 31–36. EDN: EJMCDZ (In Russ.)
8. Arhangelskaja, L. V. (2024) *Zabota o zdorov'e uchashhihsja srednih shkol vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (na primere zhenskih gimnazij Permskoj gubernii)* [Health Care of Secondary School Students in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Based on the Example of Girls' Gymnasiums in Perm Province)]. *Zdorov'iesberezhenie v povsednevnnoj zhizni: istorija i sovremenost'* [Health Saving in Everyday Life: History and Modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, April 4–6, 2024. Vol. 2. St. Petersburg. Pp. 196–201. EDN: WKOASP (In Russ.)
9. Pechurkin, A. P. (1911) *Sanitarnoe sostojanie narodnyh shkol Solikamskogo uezdnogo zemstva* [Sanitary Condition of Public Schools of the Solikamsk District Zemstvo]. *Vrachebno-sanitarnaja kronika Permskoj gubernii* [Medical and Sanitary Chronicle of Perm Province]. No. 9–10. Pp. 1–17. (In Russ.)
10. (1913) *Vserossijskaja vystavka gigiény. Pojasnitel'nyj tekst k jeksponatam Permskogo gubernskogo zemstva* [All-Russian Hygiene Exhibition. Explanatory Text for the Exhibits of the Perm Provincial Zemstvo]. St. Petersburg: Izdaniye Permskogo gubernskogo zemstva. (In Russ.)
11. Krotova-Aleksandrova, E. N. (1892) *Ocherk sanitarnogo sostojanija zemskih shkol Permskoj gubernii* [Essay on the Sanitary Condition of Zemstvo Schools in Perm Province]. V "ezd vrachej Permskoj gubernii" [V Congress of Doctors of Perm Province]. Perm'. Pp. 308–316. (In Russ.)
12. Zavolzhskaja, Ju. I. (1898) *Shkol'naja gigiena* [School Hygiene]. St. Peterburg: zhurn. «Sovremennaja medicina i gigiena». (In Russ.)
13. Voskresenskij, N. M (1914) *Otchet o dejatel'nosti sanitarnogo vracha Cherdynskogo uezda za 1912 g.* [Report on the activities of the sanitary doctor of the Cherdyn district for 1912]. *Otchetы o dejatel'nosti sanitarnyh vrachej Permskogo gubernskogo zemstva za 1912 g.* [Reports on the activities of sanitary doctors of the Perm provincial zemstvo for 1912]. Perm'. Pp. 63–72. (In Russ.)
14. Pechurkin, A. P. (1914) *Otchet sanitarnogo vracha po Solikamskому uezdu za 1912 g.* [Report of the Sanitary Doctor for Solikamsk District for 1912]. *Otchetы o dejatel'nosti sanitarnyh vrachej Permskogo gubernskogo zemstva za 1912 g.* [Reports on the activities of sanitary doctors of the Perm provincial zemstvo for 1912]. Perm'. Pp. 56–63. (In Russ.)
15. Voskresenskij, N. M. (1914) *Sanitarnoe sostojanie shkol Cherdynskogo uezda* [Sanitary Condition of Schools in Cherdyn District]. Perm': Jelektro-tipografija uezdnogo zemstva. (In Russ.)

16. Nikol'skij, D. P. (1886) O s"ezdah zemskih vrachej Permskoj gubernii voobshhe i v chastnosti o tret'em s"ezde, byvshem 19 avgusta sego goda [On the congresses of zemstvo doctors of the Perm province in general and, in particular, on the third congress, which took place on August 19 of this year]. *Otdel'nyj ottisk iz "Russkoj Mediciny"* [Separate reprint from "Russian Medicine"]. No. 48. (In Russ.)
17. Serebrennikov, P. N. (1890) *Materialy dlja harakteristiki duhovno-uchebnyh zavedenij Permskoj eparchii s tochki zrenija gigieny* [Materials for the characterization of theological educational institutions of the Perm diocese from the point of view of hygiene]. Perm'. (In Russ.)
18. (1905) *Nastavlenie dlja snabzhenija uchebnyh zavedenij pravil'no ustroennoj mebel'ju: Utr. g. ministrom nar. Prosveshchenija 20 iulija 1905 g.* [Instructions for Providing Educational Institutions with Properly Arranged Furniture: Approved by the Minister of National Education on July 20, 1905]. St. Peterburg: Tip. V. Ja. Mil'shajtina. (In Russ.)
19. (1910) Postanovlenija 41-go ocherednogo Permskogo gubernskogo zemskogo sobraniya [Resolutions of the 41st Regular Perm Provincial Zemstvo Assembly]. *Vrachebno-sanitarnaja hronika Permskoj gubernii* [Medical and Sanitary Chronicle of Perm Province]. No. 11. Pp. 26–28. (In Russ.)
20. Nikolaevskij, N. F. (1910) *Narodnaja shkola Ohanskogo zemstva s tochki zrenija sanitarnogo vracha: dokl. Ohan. zem. uprave san. vracha Nikolaevskogo* [The Ohansky Zemstvo People's School from the Sanitary Doctor's Point of View: Report of the Ohansky Zemstvo Sanitary Doctor Nikolaevsky to the Ohansky Zemstvo Council]. Osa: Tip. Uezd. zemstva. (In Russ.)
21. Udincev, G. A. (1914) Otchet sanitarnogo vracha po Permskomu uezdu za 1912 g. [Report of the sanitary doctor for Perm district for 1912]. *Otchetы o dejatel'nosti sanitarnyh vrachej Permskogo gubernskogo zemstva za 1912 g.* [Reports on the activities of sanitary doctors of the Perm provincial zemstvo for 1912]. Perm'. Pp. 47–56. (In Russ.)
22. Egorovskaja, R. A. (1914) Otchet sanitarnogo vracha o dejatel'nosti v Shadrinskem uezde v 1912 g. [Report of the sanitary doctor on his activities in Shadrinsk district in 1912]. *Otchetы o dejatel'nosti sanitarnyh vrachej Permskogo gubernskogo zemstva za 1912 g.* [Reports on the activities of sanitary doctors of the Perm provincial zemstvo for 1912]. Perm'. Pp. 72–79. (In Russ.)
23. Birjukov, K. A. (1914) Otchet o dejatel'nosti sanitarnogo vracha po Irbitskomu uezdu [Report on the Activities of the Sanitary Doctor for Irbitsky Uyezd]. *Otchetы o dejatel'nosti sanitarnyh vrachej Permskogo gubernskogo zemstva za 1912 g.* [Reports on the Activities of Sanitary Doctors of the Perm Provincial Zemstvo for 1912]. Perm'. Pp. 17–26. (In Russ.)
24. Myshkin, S. P. (1910) Otchet sanitarnogo vracha po Osinskому uezdu za 1910 g. [Report of the Sanitary Doctor for Osinsky District for 1910]. *Trudy 10 s"ezda vrachej i predstavitelej zemstva Permskoj gubernii* [Proceedings of the 10th Congress of Doctors and Representatives of the Zemstvos of Perm Province]. Perm': jelektronnaja tipografija gubernskogo zemstva. Pp. 74–75. (In Russ.)
25. Serebrennikov, P. N. (1981) *Sanitarno-pedagogicheskie zadachi Permskogo eparchial'nogo zhenskogo uchilishha* [Sanitary and Pedagogical Tasks of the Perm Diocesan Girls' School]. Perm': tipografija Kamenskogo. (In Russ.)
26. (1912) Postanovlenija soveshhanija (31 marta – 3 aprelja) po organizacionnym sanitarnym i sanitarno-statisticheskim voprosam [Resolutions of the meeting (March 31 – April 3) on organizational sanitary and sanitary-statistical issues]. *Vrachebno-sanitarnaja hronika Permskoj gubernii* [Medical and sanitary chronicle of Perm province]. No. 4–5. Pp. 55–56. (In Russ.)
- 27, 27.(1911) *Trudy s"ezda uchitel'nic zemskih narodnyh uchilishch Ekaterinburgskogo uezda Permskoj gubernii byvshego v Ekaterinburge s 8 po 14 iunija 1911 g.* [Proceedings of the Congress of Teachers of Zemstvo Public Schools of the Yekaterinburg District of Perm Province, Held in Yekaterinburg from June 8 to 14, 1911]. Ekaterinburg: Tip. gazety «Ural'skaja zhizn». (In Russ.)
28. (1915) Instrukcii v otnoshenii sanitarnogo nadzora shkol'nym sanitarnym vracham [Instructions for School Sanitary Doctors Regarding Sanitary Supervision]. *Vrachebno-sanitarnaja hronika Permskogo kraja* [Medical and Sanitary Chronicle of Perm Krai]. No. 11–12. Pp. 689–702. (In Russ.)

Об авторе

Кальсина Алла Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Пермь, Российская Федерация; e-mail: kalsina.alla@mail.ru; ORCID ID: 0009-0009-2952-0011

About the author

Kalsina Alla A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration at the Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russian Federation; e-mail: kalsina.alla@mail.ru; ORCID ID: 0009-0009-2952-0011

*Статья поступила в редакцию 31.07.2025
Одобрена после рецензирования 11.09.2025
Принята к публикации 30.09.2025*

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Научная статья
УДК 94(470.23-25)*18/19*:616-036.88-053.2
EDN: ZEQLSD
DOI: 10.35231/25422375_2025_4_248

Болезнь и смерть детей на рубеже XIX–XX вв. в описании бывшей петербургской прислуги

В. А. Веременко

В статье исследуются представления современников об эмоциональной стороне событий, связанных с болезнью и смертью детей в России на рубеже XIX–XX вв. Для анализа взяты эго-документы, включающие воспоминания, дневники и письма, принадлежавшие перу бывшей петербургской горничной, ставшей сельской домохозяйкой Марии Скудре. Делается вывод, что, хотя болезни и даже смерти детей в данный период оставались обыденным явлением, отношение к ним во многом носило сословный характер. Для значительной части дворянских семей нормой становился детоцентризм, при котором во главу угла ставились интересы детей, а любое нездоровье ребенка превращалось для «ответственной матери» в настоящую трагедию. Для бедных же простолюдинов характерно прежнее, свойственное традиционному обществу, значительно более спокойное отношение даже к смерти детей, что объяснялось как частотой и массовостью явления, так и пониманием того, что семье как таковой данное событие не угрожает, хотя и требует определенных материальных затрат. Действительно страшной ситуацией для сельчан были болезнь и смерть отца-кормильца, с уходом которого домочадцы оказывались в состоянии нищеты и полной неопределенности.

Ключевые слова: пореформенная Россия, С.-Петербургская губерния, петербургская прислуга, Мария Скудре, эго-документы, дети, болезнь, смерть, эмоциональные переживания.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421-П, <https://rsrf.ru/project/22-18-00421/>

Для цитирования: Веременко В. А. Болезнь и смерть детей на рубеже XIX–XX вв. в описании бывшей петербургской прислуги // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 248–262. DOI: 10.35231 /25422375_2025_4_248. EDN: ZEQLSD

Введение

Дети – болеют. Эта очевидная истина знакома каждому родителю. Вместе с тем даже простые «сопли» подчас становятся серьезным испытанием для жизни семьи, вынуждая перекраивать планы взрослых, особенно матерей. Что же говорить о тяжелых заболеваниях, борьба с которыми превращается в самоотверженный экстремальный труд как самого малыша, так и всех его окружающих...

В конце XIX – начале XX в. обыденность детских болезней дополнялась обыденностью детских смертей. Так, в 90-е гг. XIX в. только в европейской части Российской империи не доживало до года более миллиона детей ежегодно (1 196 000) [1, с. 6]. В такой ситуации сюжеты, касающиеся болезни и смерти детей как родных, так и живших в семьях ближнего и дальнего окружения, очевидно становились обязательным элементом женских эго-документов.

В последние годы в отечественной историографии темы, анализирующие состояние детской гигиены и здоровья в России в пореформенный период вошли в число наиболее исследуемых [2; 3]. Значительный интерес вызывают вопросы организации детского питания как в домашних условиях, так и в общественных учреждениях [4–8]. Активно изучается влияние на здоровье детей условий, в которых проходили их обучение, трудовая деятельность, летний отдых [9–13]. Подвергаются анализу вопросы организации педиатрического патронажа, физического воспитания детей и пропаганды среди них здорового образа жизни [14–19]. Значительный массив исследований освещает борьбу с эпидемиями детских болезней и младенческой смертностью [20–23].

Особо рассматриваются специальные детские дневники здоровья, в которых родители, как правило, матери, записывали физические показатели (вес, рост, характер кормления и т. д.) своих малышей [24–26]. Вместе с тем к изучению эмоциональной стороны вопроса – отношения современников к болезням и смерти своих родных и просто знакомых детей – исследователи пока лишь только подходят [27].

Основная масса дошедших до нас женских эго-документов, на основе которых можно было бы выявить эмоциональную сторону отношения их авторов к вопросам детского здоровья,

принадлежит представительницам привилегированных сословий. Однако в данной статье предполагается посмотреть на этот сюжет глазами бывшей петербургской прислуги.

Автор этого-документа, датируемого ноябрем 1897 – октябрем 1902 гг. и содержащего элементы дневника, воспоминаний и писем – Мария Скудре, лютеранка, покинувшая службу горничной после замужества, первоначально жила в Петербурге, где ее муж служил лакеем в Зимнем дворце. Спустя несколько лет, оставив супруга в столице, Мария с детьми перебралась в Малое Колпино под Гатчиной, куда до этого выезжала на лето. Именно из-за нахлынувшего в связи с переездом в деревню чувства одиночества Мария и взялась за перо ... [28, с. 441].

Целью данной статьи является анализ отношения к болезни и смерти детей в России на рубеже XIX-XX вв. представителей непривилегированного населения на основе этого-документов бывшей горничной, ставшей сельской домохозяйкой.

Основными методами исследования являются метод микропроекции, дающий возможность «погрузиться» в жизнь и заботы конкретного человека, и метод исторической реконструкции, помогающий понять переживания современников, выявить какие моменты в наибольшей степени волновали родителей разных сословий и вероисповеданий в тяжелой, но обыденной ситуации болезни и смерти детей.

Результаты

Сюжеты, относящиеся к болезни, а то и к смерти детей, встречаются в тексте дневника-воспоминания М. Скудре регулярно, причем то, что касается собственных детей, написано как бы походя, в русле описания других событий. Так, в октябре 1902 г. среди записей о собственной тяжело перенесенной оспе, размышлений о важности приучать детей с раннего возраста к труду и выпуск из писем родных, встречаем вот такой абзац:

«30 Октября. Хотя сама я поправилась, но двое детей лежат в постели и тоже болеют оспой, хотя она у них очень легкая, но все-таки дочурка Маня седьмые сутки в постели, а старший сын четвертые, видно по ходу болезни что все обойдется благополучно. Господь небез милостив, когда я болела, старший сынишка помогал в хозяйстве, он заболел с младшей сестрой, я в силах ухаживать за ними и хлопотать по хозяйству и их стар-

шая сестренка помогает мне. Но за нее у меня сердце болит, останется ли она здоровой, если Бог помилует ее на этой недели, то на будущей недели непременно следует ей повторить прививку предохранительной оспой» [28, с. 562–563].

А за полгода до этого, в марте 1902 г., в разделе, где описывается болезнь и смерть бедного православного соседа Михайлы, в помощи по организации похорон которого лютеранка Мария принимала активное участие, находим следующее отступление:

«Вчера, в четвертом часу дня, я сидела на краю постели около моей, заболевшей, восьмилетней дочурки Мани, и читала ей вслух... По временам, я переменяла холодный компресс, на головке больной, так как у нее вторые сутки, как был жар и сильная головная боль.

В это время пришла ко мне кума, передала мне просьбу вдовы, чтобы я пришла помочь сшить саван для покойного Михайлы, и помогла бы положить его в гроб». Далее мать, которой «очень не хотелось оставлять больную Маню на попечении старших детей», сообщает о возникшем у нее «минутном колебании», которое все-таки разрешилось в пользу «убитой горем» соседки. Мария показала 10-летней Лидии приготовленное для больной питье, еще раз переменила компресс на голове Мани и, перекрестив ребенка, отправилась к вдове [28, с. 459–460].

Интересно, что, посвятив в своем дневнике описанию болезни и смерти Михайлы несколько страниц, наполненных причитанием о тяжелой доле бедняка и «безвыходной нужде», в которую «затягивает» семью болезнь и смерть «кормильца», М. Скудре всего в одном и совершенно безэмоциональном предложении упоминает о произошедших ранее в этом, жившем «постоянно в страшной нужде» доме, трагедиях: «Раньше дети были маленькие, надо было их воспитывать, а затем лечить и хоронить, умерло их пять человек. А теперь остался один сынишка ...» [28, с. 458].

О том, что у самой Марии также умерло двое детей в то время, когда она еще жила в С.-Петербурге, становится понятно лишь из раздела о ее поездке в столицу, произошедшей в мае 1901 г. Данная часть эго-документа написана в форме письма к детям, в котором М. Скудре решила записать для них на память детали их совместного путешествия. Первый день из этой двухдневной поездки были посвящен встрече с родственника-

ми, походам в церкви и посещениям памятных мест, связанных с именем Петра Великого, а на второй они поехали на Митрофаниевское кладбище. Члены семьи Марии были похоронены в трех разных местах в лютеранской части кладбища. К могилам своих сыновей героиня подвела детей уже в самом конце, после посещения захоронения других родственников. Для того чтобы спустя время дети не забыли, где находятся чьи могилы, Мария решила описать, какие кому принадлежат и дорогу к ним. С собственными детьми это оказалось сложнее, чем с другими «близкими родными»: «Могилу ваших братьев мне трудно вам описать, если вернуться обратно к большим мосткам, то надо прямо идти от них по тропинки, держатьсяся правой стороны, и около двух больших деревьев, растущих один близь другого, стоит деревянный ящик детской могилы, разделенный на двое, и на ней, в небольшие серые камни, вделаны маленькие белые мраморные крестики, с право Эдуарда Скудре, а слева, чуть пониже Юлия Скудре, эта могила ваших родных маленьких братьев, и прошу вас милые дети не забывать навещать могилки ваших родных...» [28, с. 452–453].

Вот, собственно, и все кусочки этого-документа, в которых шла речь о болезнях и смертях детей самой героини повествования. Зато значительно более подробно изложены несколько историй, связанных с детьми окружающими.

Серьезное впечатление произвела на глубоко верующую М. Скудре ситуация, связанная с несостоявшимся крещением дочери их знакомого лесника Михаила Тимофеевича, умершей прямо на пороги церкви. Причем сама болезнь и смерть новорожденной не является причиной для особых переживаний, воспринимаясь и автором дневника, и всем его окружением, включая мать девочки, как должное, другое дело – смерть без крещения. М. Скудре подробно описывает все перипетии этого трагического события:

«... 4го Января в четверг утром, я только что встала, как Михаил Тимофеевич постучал в окно, когда он вошел в кухню, то обратился ко мне с просьбой, со слезами просил быть восприемницей Евгеньи так как она была слаба, надо было торопиться, я конечно пошла посмотреть ребенка, и действительно ребенок был близок к смерти. ... я и Бабушка оделись и с ребенком на руках ждали лошадь ... проехать до Церкви

надо было не больше пол-часа, надеялись, что успеем довести, ... я два раза спрашивала Бабушку «дышит ли ребенок», она отвечала «да дышит», ... подошли к Церковным дверям, отвернулось одеяльце, и что-же лицо крошки неподвижно. ...когда Священнику доложили, он благословил маленькую усопшую на моих руках, Михаил Тимофеевич горько заплакал, все было готово, но Господу Богу не угодно было продлить жизнь малютке на несколько лишних минут...» [28, с. 447-448].

Последующие несколько страниц документа наполнены невероятной признательностью к священнику, которого Мария называет не иначе как «добрый Пастырь». Прежде всего он «подробно расспросил», по какому случаю откладывалось крещение. Отец «должен был сознаться, что во всем он кругом виноват, да и нужда бедняка заставляет отложить священный обряд, когда ребенок стал слаб, и не стал грудь брать, жена неоднократно напоминала о крестинах, но он отвечал: "Бог даст до Воскресенья доживет, а к этому времени деньгами разбудусь" так и затянулся до последней минуты». Священник положил на лесника церковное покаяние «каждый день по 10 поклонов и на неопределенный срок, со временем должен напомнить Священнику, тогда он ему еще что-то будет приказывать» [28, с. 448].

Похороны малютки были назначены на воскресенье и «хотя она не была окрещена, но в Церковь была внесена, поэтому Священник пожелал в Церкви предать земле». Сама же процедура, «то каким чудным благословением добрый Пастырь напутствовал младенца в иной мир», в изложении М. Скудре была «настолько торжественно умилительно и чудно», что «от восхищения сердце замирало» [28, с. 448-450].

Столь же смиренно и не только принимая смерть ребенка как данность, но и, как это неудивительно, благодаря за это, как за возможность избавить его от страданий, описывает автор дневника судьбу дочери церковного сторожа. Жена сторожа Анна «была больна чахоткой и желудочным раком, эти тяжелые болезни привели ее к голодной смерти, так как она не принимая пищу медленно гасла. У нее было четверо малюток, старшему сыну Павлу 5 лет и младшей крошки два месяца. Меньшой ребенок родился крайне слабым, и по болезни матери не мог быть вскормлен грудным молоком, он ослаб, заболел и Господь сжалившись над крошкой принял в свое лоно» [28, с. 553].

Совершенно по-другому оценивает мемуаристка семейную драму, произошедшую в доме ее хозяйки в период, когда она еще служила горничной. Яркое проявление материнской любви и открытое выражение волнений и переживаний о детях, которые М. Скудре не может представить у бедной простолюдинки, кажутся ей совершенно обязательным элементом жизни добропорядочной высокородной дамы. Хотя бывшая прислуга вынуждена признать, что и среди высших сословий немало «тех Барынь, которые проводят время на балах, в театрах, всюду разъезжают, им нет времени заботится о детях, эта забота остается на мамках, няньках, а после гувернантки заменяют им матерей, воспитывают их, и дети мать видят мало, следовательно и нежные ласки матери для них чужды». Однако, ее «Добрая Барыня» совсем другая – «она жизнь свою посвятила детям, была нежно любящая мать, дорожила семейным счастьем и спокойствием...» [28, с. 436–437].

Яркой иллюстрацией такой характеристики становится эпизод, связанный с болезнью 13-летнего сына хозяйки. Мальчику была назначена операция, которая, как было в данный период принято среди обеспеченных лиц, должна была быть проведена в доме у больного [29]. Мария описывает все приготовления к операции, но основное внимание в этих «Дорогих воспоминаниях» уделяет именно эмоциональным переживаниям своей барыни:

«... я услышала приказания «подайте стакан воды» я исполнила приказанья, подавая воду взглянула на Госпожу, мне сделалось больно за нее, она еле владела собой, страданья ее были тяжкие, она мучилась за мученья сына, не могу выразить всего словами, но и сейчас мне жутко вспоминать этот день, когда я взялась за свою обычную работу иголка не держалась в моих руках... Болезнь и страданья и тревогу за детище я видела на лице Матери. Я успела привыкнуть и полюбить свою Госпожу, мне было вдвое больше жаль ее нежели больного. Все кончено, самое страшное миновало... В это время Мать с замирающим сердцем подходила к страдальцу, он пришел в себя и улыбнулся. Мать хотела ответить тоже улыбкой, но это не вышло. Под желанием улыбки губы ее искривились, слезы брызнули из глаз, она прижала платок к глазам нагнулась к сыну, обняла его и нежно нежно целовала, за эти несколько мучительных минут наболевшее сердце облегчалось слезами» [28, с. 438].

Особенно контрастирует это патетическое изображение страданий высокородной матери с той частью этого-документа, где печально, с душевной теплотой, но вполне по-деловому и с очевидным акцентом на материальные аспекты, рассказывается о знакомой, пришедшей к Марии с просьбой «уделить ей» одну из старых простыней, для того чтобы положить в гробик умершего сына:

«Сегодня зашла ко мне кума из деревни Кунтолово, и сообщила о смерти четырехлетнего сына Филиппа, он скончался сегодня в два часа ночи, он был болен оспою, хворал около двух недель...

Мать усопшего младенца, удрученная скорбью о последних страданиях своего малютки, горько плачет, я конечно же лая ей утешения напомнила ей, что эти временные страдания ее усопшего малютки были последними, перенеся их, он находится теперь в раю и с ангелами славит Всевышнего, Бог знает, что творит, возлюбя младенца и приняв его в свою небесную обитель, Господь избавил его от великих скорбей, предстоявших ему в земной жизни, в которых многие из нас грешники, желали быть на месте усопшего, безгрешного малютки. Мои слова точно немного ее успокоили, и она грустно улыбнувшись, согласилась со мной» [28, с. 554–555].

Далее собеседницы перешли к обсуждению материальных аспектов похорон, и Мария Скудре, пообещала дать большую простынь, купленную ее мужем за 18 лет до этого, которую хватит и на покрывало, «и на рубашечку усопшему». Описание встречи заканчивается причитаниями, но не о страданиях, потерявший сына матери, а о тяжкой доле бедняков, которые не имеют «у себя порядочного рубища», да и о ее личных финансовых трудностях: «О, если бы при мне были хотя лишние деньги, я непременно дала бы куме на покупку погребального наряда для усопшего но я сама сегодня послала в лавку в доме за провизией, так как раньше среди муж не привезет жалованья» [28, с. 556].

Обсуждение и выводы

Как видим, для бывшей петербургской прислуги, ставшей сельской домохозяйкой, болезни и смерти детей обыденная ситуация. Отношение к которой, однако, на рубеже XIX–XX вв. имело значительную сословную специфику. Части этого-документа

та, где собраны «Дорогие воспоминания», касающиеся переживаний матери-аристократки, написаны возвышенным слогом, а само слово «Мать» ставится с большой буквы. Ее страдания вызывают у служанки чувство благоговения, а детоцентрическая дворянская семья, в основу которой поставлены дети и их интересы, кажется устроенной правильно и достойно. Недаром Марию Скудре нисколько не удивляет, что для того чтобы дети продолжили образование в С.-Петербурге, отец отправился к месту новой службы один, а все «семейство» осталось в столице, навещая его только на каникулах [28, с. 439].

Иное дело бедные простолюдины. Конечно, автор дневника утверждает, и подавляющее большинство женщин и в прошлом, и в современности с ней согласятся, что у счастья две стороны «муж рядом, дети здоровы» и «никакие богатства не могут дать этой радости» [28, с. 442], но даже в этой фразе дети поставлены вторыми ... Для самой Марии и всего ее ближайшего окружения центр семьи – это отец кормилица, болезнь и, тем более смерть, которого – настоящая катастрофа. Смерть же детей печальна, но не разрушительна, скорее рутинна, чем катастрофична. Спокойно и по деловому описывает Мария состояние своих соседей, столкнувшихся с этой трагедией. Как для христианки для нее важно правильное и достойное выполнение духовной части поминальных процедур, а как для постоянно нуждающейся хозяйки – наличие всех материальных атрибутов погребения. Причем многочисленные рассуждения о поисках савана, похоронного одеяния, крестиков, оформления гробов и т. д. создают ощущения, что связанные с болезнью и смертью детей траты вызывают у сельчан ничуть не меньшие переживания, чем само печальное, но обыденное событие, пришедшее в их дом.

Список литературы

1. Гундобин Н. П. Детская смертность в России и меры борьбы с нею: Лекция, чит. 6 июня 1906 г. на I Рос. педол. Съезде. СПб.: Лит.-мед. журн. д-ра Окса, 1906. 31 с.
2. Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии (середина XVIII – начало XX вв.): сборник документов и материалов. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. 448 с. EDN: GVPIOF
3. Кучма В. Р., Степанова М. И., Седова А. С. История гигиены детей и подростков, школьной медицины в России // Новые исследования. 2024. № 3 (79). С. 38–60. EDN: NIMMEW
4. Веременко В. А., Сутула Ю. В. Гигиена питания дошкольников в столичных дворянско-интеллигентских семьях России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 496–509. EDN: TZPXYS

5. Веременко В. А., Сутула Ю. В. Завоевывая детский мир: иностранные «молочные» смеси и столичные потребители в России во второй половине XIX – начале XX в. // Петербургский исторический журнал. 2024. № 4 (44). С. 79–91. EDN: QSYYZB
6. Зайцева С. В. Привлечение матерей к кормлению и уходу за детьми в Санкт-Петербургском Воспитательном доме в конце XIX – начале XX в. // Феномен родства, родственных и дружеских связей в исторической динамике: междисциплинарные аспекты: материалы Всероссийского междисциплинарного научно-теоретического семинара, Череповец, 04–06 июля 2024 г. Череповец: ЧГУ, 2024. С. 40–46. EDN: OWBSMA
7. Мицюк Н. А., Пушкирева Н. Л. Кормилицкий промысел в России в 1850–1917 гг. // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 151–158. EDN: VOBSEV.
8. Семенова О. А. Попечение о материах и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока» // История повседневности. 2019. № 4(12). С. 72–81. EDN: OBJXWP
9. Жукова А. Е., Семенова О. А., Шевелев В. Ю. Вопросы школьной гигиены во второй половине XIX – начале XX в. в Санкт-Петербурге (на примере еврейских учебных заведений) // Вопросы истории. 2022. № 10–2. С. 66–75. EDN: LQXOVP
10. Пономарева В. В. Медико-социальные условия повседневной жизни закрытых институтов Мариинского ведомства (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2014. № 1. С. 17–29. EDN: RXDJUH
11. Синова И. В. Вопросы гигиены труда и быта учеников ремесленных мастерских Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. 2022. № 8 (1). С. 70–79. EDN: WPWIOA
12. Синова И. В. Документы по регламентации детского труда в сфере зрелиц и увеселений конца XIX века. На архивных материалах Санкт-Петербурга // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 284–294. EDN: QBCZEH
13. Степанов С. В. Летние детские колонии для детей из петербургских семей во второй половине XIX – начале XX в.: организация, деятельность и санитарно-бытовые условия // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XIV Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 10 марта 2023 г. Вып. 14. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 154–160. EDN: KZZYFI
14. Зайцева С. В. Детский врач в дореволюционной России: оказание медицинской помощи детям и становление педиатрии // Феномен профессии и профессиональной деятельности: междисциплинарные аспекты: материалы Всероссийского (с международным участием) междисциплинарного научно-теоретического семинара, Череповец, 30 июня – 02 июля 2022 г. Череповец: ЧГУ, 2022. С. 61–69. EDN: AVYSYF
15. Мицюк Н. А. Педиатрический патронаж грудных детей: новые практики здравоохранения в дореволюционной России // Здоровьесбережение в повседневной жизни: история и современность = Health saving in everyday life: history and modernity: материалы международной научной конференции: в 2 т., Санкт-Петербург, 04–06 апреля 2024 г. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. С. 222–227. EDN: MVUQUC
16. Бурлуцкая Е. В. Воспитание через «равновесие духа и тела». Физическое развитие детей в пореформенном Оренбурге сквозь призму региональной прессы на рубеже XIX–XX вв. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 628–639. DOI 10.28995/2073-0101-2023-2-628–639. EDN: FNCCRC
17. Веременко В. А. «В здоровом теле – здоровый ум»: физическое воспитание и спорт в столичной дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. 2022. № 3 (23). С. 82–102. EDN: DVPMLY
18. Пономарева В. В. Физическое воспитание в закрытых женских институтах ведомства учреждений императрицы Марии // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2015. № 1. С. 86–93. EDN: TMEWVL
19. Жукова А. Е. Вредные привычки детей и родителей: по страницам журнала «Спутник здоровья» (1898–1905) // Здоровьесбережение в повседневной жизни: история и современность = Health saving in everyday life: history and modernity: материалы международной научной конференции: в 2 т., Санкт-Петербург, 04–06 апреля 2024 г. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. С. 30–34. EDN: QZQYMF

20. Бурлуцкая Е. В. Дети Оренбурга в условиях эпидемии дифтерита конца XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 3(47). С. 128–142. DOI 10.32516/2303-9922.2023.47.8. EDN: PMVTUC
21. Синова И. В. Меры по борьбе с эпидемиями и распространением инфекций в благотворительных заведениях для детей в XIX – начале XX вв. (на материалах Санкт-Петербурга) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 2 (65). С. 182–190. EDN: AMKZVF
22. Зайцева С. В. Попытки реорганизации городской «Капли молока» в Санкт-Петербурге в начале XX в. как способ борьбы с детской смертностью // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 02–04 апреля 2020 г. / отв. ред. В. А. Веременко, В. Н. Шайдуров. Т. 2. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2020. С. 161–167. EDN: EPUCUW
23. Кальсина А. А. Причины детской смертности в Красноуфимском уезде Пермской губернии в начале XX в. (исследование земского врача М. Мизерова) // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции: в 2 т., Санкт-Петербург, 06–08 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веременко. Т. 2. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2023. С. 115–119. EDN: FIKXLA.
24. Веременко В. А. Любовь, брак и родительство в дворянских семьях России во второй половине XIX в. (по дневникам Половцовых – Кравченко) // Модернизация в России: история, политика, образование. Вып. 4: сборник материалов Всерос. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2011. С. 62–70.
25. Веременко В. А. Родительский дневник как элемент новой системы дворянского семейного воспитания во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере дневника Е. С. Зарудной-Кавос) // Воспитание: возможности, реалии, перспективы: материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. В. Поликутина. Бокситогорск: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. С. 44–48.
26. Мицюк Н. А. Родительский дневник – важный источник презентации истории семьи, материнства и детства в дореволюционной России // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 4(31). С. 56–63. – EDN: VBSLAX.
27. Бурлуцкая Е. В. Отношение родителей к смерти детей (на материалах оренбургского городского социума второй половины XIX – начала XX в.) // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кострома, 05–08 октября 2023 г. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2023. С. 171–174. EDN: EWZILP
28. Скудре М. Дорогие воспоминания. Дневник с 2-го ноября 1897 г. по 30 октября 1902 г. Внуждение детям // Письма в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Веременко, А. Е. Жукова, Л. А. Самарина [и др.]. СПб.: ООО «Медиапапир», 2021. ISBN 978-5-00110-243-4. – EDN: UKSUHP. С. 430–568.
29. Веременко В. А., Жукова А. Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в.: монография. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. 232 с. ISBN: 978-5-8290-1900-6. EDN: FNCDLZ.

Former St. Petersburg Servant About Child Illness and Death at the Turn of the 19th and 20th Centuries

Valentina A. Veremenko

The article analyzes contemporary perceptions of the emotional impact of events surrounding the illness and death of children in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries. The analysis is based on ego-documents, including memoirs, diaries and letters written by Maria Skudre, a former St. Petersburg maid, who became rural housewife. It

is concluded that, although illness and even death of children remained commonplace during this period, attitudes toward them were largely class-based. For a significant part of noble families, child-centeredness became normal, placing the interests of children first, and any illness of a child becoming a true tragedy for the "responsible mother". Poor commoners, on the other hand, retained the same, traditionally more calm attitude toward even children's death. This was explained both by the frequency and mass character of the phenomenon and by the understanding that this event did not threaten the family as a whole, although it did require certain financial costs. A truly terrifying situation for villagers was the illness and death of the breadwinner, whose passing plunged the household into poverty and complete uncertainty.

Key words: post-reform Russia, St. Petersburg province, St. Petersburg servants, Maria Skudre, ego documents, children, illness, death, emotional experiences.

Acknowledgements: the study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-18-00421-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

For citation: Veremenko, V. A. (2025) Bolezn' i smert' detej na rubezhe XIX–XX vv. v opisanii byvshej peterburgskoj prislugi [Former St. Petersburg Servant About Child Illness and Death at the Turn of the 19th and 20th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 248–262. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_248. EDN: ZEQLSD

References

1. Gundobin, N. P. (1906) *Detskaya smertnost' v Rossii i mery' bor'by s neyu: Lekciya, chit. 6 iyunya 1906 g. na I Ros. pedol. S'ezde* [Infant Mortality in Russia and Measures to Combat It: Lecture on June 6, 1906 at the First Russian Pedagogical Congress]. St. Petersburg: Lit.-med. zhurn. d-ra Oksa. (In Russ.)
2. (2023) *Gigiena detstva v Sankt-Peterburge i Peterburgskoj gubernii (seredina XVIII – nachalo XX vv.)* [Childhood Hygiene in St. Petersburg and the St. Petersburg Province (mid-18th – early 20th centuries)]. Collection of Documents and Materials. St. Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet im. A. S. Pushkina. (In Russ.). ISBN 978-5-9909359-4-5. EDN: GVPFOF
3. Kuchma, V. R., Stepanova, M. I., Sedova, A. S. (2024) *Istoriya gigieny' detej i podrostkov, shkol'noj medyciny' v Rossii* [History of Child and Adolescent Hygiene and School Medicine in Russia]. *Novy'e issledovaniya* [New Research]. No. 3 (79). Pp. 38–60. (In Russ.). EDN: NIMMEW
4. Veremenko, V. A., Sutula, Yu. V. (2023) *Gigiena pitaniya doshkol'nikov v stolichnyh dvoryansko-intelligentskikh sem'yah Rossii v konce XIX – nachale XX v.* [Nutritional Hygiene of Preschoolers in Capital Noble and Intelligentsia Families of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. Vol. 22. No. 3. Pp. 496–509. (In Russ.). EDN: TZPXY5
5. Veremenko, V. A., Sutula, Yu. V. (2024) *Zavoevy' vaya detskij mir: inostranny'e «molochny'e» smesi v stolichnyh potrebiteli v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Conquering the World of Children: Foreign "Milk" Formulas and Capital City Consumers in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [Petersburg Historical Journal]. No. 4 (44). Pp. 79–91. (In Russ.). EDN: QSYYZB
6. Zajceva S. V. (2024) *Privlechenie materej k kormleniyu i uhodu za det' mi v Sankt-Peterburgskom Vospitatel'nom dome v konce XIX – nachale XX v.* [Involvement of mothers in feeding and caring for children in the St. Petersburg Orphanage in the late 19th – early 20th centuries]. *Fenomen rodstva, rodstvennyh i druzhesheskikh svyazej v istoricheskoj dinamike: mezhdisciplinarny'e aspekty* [The phenomenon of kinship, family, and friendly ties in historical dynamics: interdisciplinary aspects]. Proceedings of the All-Russian interdisciplinary scientific and theoretical seminar, Cherepovets, July 4–6, 2024. Cherepovets: Cherepovetskij gosudarstvennyj universitet. Pp. 40–46. (In Russ.). EDN: OWBSMA
7. Miczyuk, N. A., Pushkareva, N. L. (2016) *Kormilichnyj promy'sel v Rossii v 1850–1917 gg.* [The wet-nursing industry in Russia in 1850–1917]. *Voprosy' istorii* [Questions of History]. No. 3. Pp. 151–158. (In Russ.). EDN: VOBSEV

8. Semenova, O. A. (2019) Popechenie o materyax i mladenczah v Sankt-Peterburge v nachale XX v. na primere gorodskoj Kapli moloka [Care of Mothers and Infants in St. Petersburg at the Beginning of the 20th Century: The Case of the City's "Drop of Milk"]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4(12). Pp. 72–81. (In Russ.). EDN: OBJXWP
9. Zhukova, A. E., Semenova, O. A., Shevelev, V. Yu. (2022) Voprosy' shkol'noj gigienny' vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. v Sankt-Peterburge (na primere evrejskih uchebnyh zavedenij) [School Hygiene Issues in St. Petersburg in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Based on Jewish Educational Institutions)]. *Voprosy' istorii* [Questions of History]. No. 10–2. Pp. 66–75. (In Russ.). EDN: LQXOVP
10. Ponomareva, V. V. (2014) Mediko-social'nye usloviya povsednevnosti zhizni zakrytyh institutov Mariinskogo vedomstva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Medical and social conditions of everyday life in the closed institutes of the Mariinsky department (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 23: Anthropology]. No. 1. Pp. 17–29. (In Russ.). EDN: RXDJUH
11. Sinova, I. V. (2022) Voprosy' gigienny' truda i byta uchenikov remeslennyh masterskikh Sankt-Peterburga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Issues of Work and Living Hygiene of Apprentices in St. Petersburg Craft Workshops in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Voprosy' istorii* [Questions of History]. No. 8(1). Pp. 70–79. (In Russ.). EDN: WPWIOA
12. Sinova, I. V. (2024) Dokumenty po reglamentacii detskogo truda v sfere zrelishch i uveselenij konca XIX veka. Na arxivnyh materialah Sankt-Peterburga [Documents on the regulation of child labor in the sphere of spectacles and entertainment at the end of the 19th century. Based on archival materials of St. Petersburg]. *Vestnik arxivista* [Bulletin of the archivist]. No. 1. Pp. 284–294. (In Russ.). EDN: QBCZEH
13. Stepanov, S. V. (2023) Letnie detskie kolonii dlya detej iz peterburgskix semej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: organizaciya, deyatel'nost' i sanitarno-bytovye usloviya [Summer children's colonies for children from St. Petersburg families in the second half of the 19th – early 20th centuries: organization, activities, sanitary and living conditions]. *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii* [The capital and the provinces: the relationship between the center and the regions in the history of Russia]. Proceedings of the XIV All-Russian scientific conference, St. Petersburg, March 10, 2023. Issue 14. St. Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A. S. Pushkina. Pp. 154–160. (In Russ.). EDN: KZZYFI
14. Zajceva, S. V. (2022) Detskiy vrach v dorevolucionnoj Rossii: okazanie medicinskoy pomoshi detjam i stanovlenie pediatrii [Children's doctor in pre-revolutionary Russia: providing medical care to children and pediatrics development]. *Fenomen professii i professional'noj deyatel'nosti: mezhdisciplinarnye aspekty* [Phenomenon of profession and professional activity: interdisciplinary aspects]. Proceedings of the All-Russian (with international participation) interdisciplinary scientific and theoretical seminar, Cherepovets, June 30 – July 2, 2022. Cherepovets: Cherepovetskij gosudarstvennyj universitet. Pp. 61–69. (In Russ.). EDN: AVVSYF
15. Miczyuk, N. A. (2024) Pediatriceskij patronazh grudnyh detej: novye praktiki zdorov'eskoberezeniya v dorevolucionnoj Rossii [Pediatric patronage of infants: new health-preserving practices in pre-revolutionary Russia]. *Zdorov'eskoberezenie v povsednevnosti zhizni: istoriya i sovremennost'* [Health saving in everyday life: history and modernity]. Proceedings of the international scientific conference. In 2 volumes, St. Petersburg, April 4–6, 2024. St. Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet im. A. S. Pushkina. Pp. 222–227. (In Russ.). EDN: MVUQUC
16. Burluzkaya, E. V. (2023) Vospitanie cherez «ravnovesie duha i tela». Fizicheskoe razvitiye detej v poreformennom Orenburge skvoz' prizmu regional'noj pressy na rubezhe XIX–XX vv. [Education through the "balance of spirit and body". Physical development of children in post-reform Orenburg through the prism of the regional press at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Vestnik arxivista* [Archivist's Bulletin]. No. 2. Pp. 628–639. (In Russ.). DOI 10.28995/2073-0101-2023-2-628-639. EDN: FNCCRC
17. Veremenko, V. A. (2022) «V zdorovom tele – zdorovyj um»: fizicheskoe vospitanie i sport v stolichnoj dvoryansko-intelligentskoy srede Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [A Healthy Mind in a Healthy Body]: Physical Education and Sports in the Metropolitan Nobility and Intelligentsia Environment of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3 (23). Pp. 82–102. (In Russ.). EDN: DVPMLY

18. Ponomareva, V. V. (2015) Fizicheskoe vospitanie v zakrytyh zhenskih institutakh vedomstva uchrezhdenij imperatricy Marii [Physical Education in Closed Women's Institutes of the Department of the Institutions of Empress Maria]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 23: Anthropology]. No. 1. Pp. 86–93. (In Russ.). EDN: TMEWVL
19. Zhukova, A. E. (2024) Vrednye privy'chki detej i roditelej: po stranicam zhurnala Sputnika zdorov'ya (1898–1905) [Bad habits of children and parents: through the pages of the journal "Sputnik Zdorov'ya" (1898–1905)]. *Zdorov'ye zberezhenie v povsednevnnoj zhizni: istoriya i sovremennost'* [Health saving in everyday life: history and modernity]. Proceedings of the international scientific conference. In 2 volumes, St. Petersburg, April 4–6, 2024. St. Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet im. A.S. Pushkina. Pp. 30–34. (In Russ.). EDN: QZQYMF
20. Burluzkaya, E. V. (2023) Deti Orenburga v usloviyah epidemii difterita konca XIX veka [Children of Orenburg during the Diphtheria Epidemic of the Late 19th Century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. E'lektronnyj nauchnyj zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal]. No. 3 (47). Pp. 128–142. (In Russ.). DOI 10.32516/2303-9922.2023.47.8. EDN: PMVTUC
21. Sinova, I. V. (2024) Mery po bor'be s epidemiyami i rasprostraneniem infekcij v blagotvoritel'nyh zavedeniyah dlya detej v XIX – nachale XX vv. (na materialax Sankt-Peterburga) [Measures to combat epidemics and the spread of infections in charitable institutions for children in the 19th – early 20th centuries (based on St. Petersburg materials)]. *Vestnik arheologii, antropologii i e'tnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. No. 2 (65). Pp. 182–190. (In Russ.). EDN: AMKZVF
22. Zajceva, S. V. (2020) Pop'y tki reorganizacii gorodskoj Kapli moloka v Sankt-Peterburge v nachale XX v. kak sposob bor'by s detskoj smertnost'yu [Attempts to reorganize the urban "Drop of Milk" in St. Petersburg at the beginning of the 20th century as a way to combat infant mortality]. *Reformy v povsednevnnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremenost'* [Reforms in everyday life of the population of Russia: history and modernity]. Proceedings of the international scientific conference, St. Petersburg, April 2–4, 2020. Eds. V. A. Veremenko, V. N. Shajdurov. Vol. 2. St. Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet im. A. S. Pushkina. Pp. 161–167. (In Russ.). EDN: EPUCUW
23. Kal'sina, A. A. (2023) Prichiny detskoj smertnosti v Krasnoufimskom uezde Permskoj gubernii v nachale XX v. (issledovanie zemskogo vracha M. Mizerova) [Causes of infant mortality in the Krasnoufimsky district of the Perm province at the beginning of the 20th century (research of the zemsky doctor M. Mizerov)]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnnoj zhizni: istoriya i sovremenost'* [Family and childhood in everyday life: history and modernity]. Proceedings of the international scientific conference. In 2 volumes, St. Petersburg, April 6–8, 2023. Ed. V. A. Veremenko. Vol. 2. St. Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A. S. Pushkina. Pp. 115–119. (In Russ.). EDN: FIKXLA
24. Veremenko, V. A. (2011) Lyubov', brak i roditel'stvo v dvoryanskikh sem'yah Rossii vtoroj polovine XIX v. (po dnevnikam Polovtsovyh – Kravchenko) [Love, marriage, and parenthood in noble families of Russia in the second half of the 19th century (based on the diaries of the Polovtsovs – Kravchenko)]. *Modernizaciya v Rossii: istoriya, politika, obrazovanie* [Modernization in Russia: history, politics, education]. Collection of materials of the All-Russian scientific conf. Ed. V. A. Veremenko. Issue 4. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. Pp. 62–70. (In Russ.)
25. Veremenko, V. A. (2012) Roditel'skij skij dnevnik kak element novoj sistemy dvoryanskogo semejnogo vospitanija v vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. (na primere dnevnika E. S. Zarudnoj-Kavos) [Parental diary as an element of the new system of noble family education in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on the diary of E. S. Zarudnaya-Kavos)]. *Vospitanie: vozmozhnosti, realii, perspektivy* [Education: Possibilities, Realities, Prospects]. Proceedings of the scientific-practical conference. Ed. N. V. Polikutina. Boksitogorsk: LGU im. A. S. Pushkina. Pp. 44–48. (In Russ.)
26. Miczyuk, N. A. (2015) Roditel'skij dnevnik – vazhnyj istochnik reprezentacii istorii sem'i, materinstva i detstva v dorevolucionnoj Rossii [Parental diary – an important source of representation of the history of family, motherhood and childhood in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorya* [Bulletin of Perm University. History]. No. 4(31). Pp. 56–63. (In Russ.). EDN: VBSLAX

27. Burluczkaya, E. V. (2023) Otnoshenie roditelej k smerti detej (na materialah orenburgskogo gorodskogo sociuma vtoroj poloviny' XIX – nachala XX v.) [Parents' attitudes towards the death of children (based on materials from Orenburg urban society in the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Semejnoe, zhenskoe, povsednevnoe v istoriko-antropologicheskem izmerenii* [Family, female, everyday life in the historical and anthropological dimension]. Proceedings of the XVI International Scientific Conference of the Russian Academy of Sciences (RAIZh) and the IEA RAS, Kostroma, October 5–8, 2023. Moscow: Institut e'tnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaya RAN. Pp. 171–174. (In Russ.). EDN: EWZILP

28. Skudre, M. (2021) Dorogie vospominaniyu. Dnevnik s 2-go noyabrya 1897 g. po 30 oktyabrya 1902 g. Vnusheniye detyam [Dear Memories. Diary from November 2, 1897 to October 30, 1902. Suggestion to Children]. *Prisluga v Rossiskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Servants in the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. V. A. Veremenko, A. E. Zhukova, L. A. Samarina [et al.]. St. Petersburg: OOO Mediapapir. Pp. 430–568. (In Russ.). ISBN 978-5-00110-243-4. EDN: UKSUHP

29. Veremenko, V. A., Zhukova, A. E. (2020) *Vospitatel'nye praktiki v dvoryansko-intelligentskih sem'yah Rossii vtoroj poloviny' XIX – nachala XX v.* [Educational Practices in Noble-Intelligentsia Families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet im. A. S. Pushkina. (In Russ.). ISBN 978-5-8290-1900-6. EDN: FNCDLZ

Об авторе

Веременко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: v.a.veremenko@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-5217-5609

About the author

Veremenko Valentina A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: v.a.veremenko@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-5217-5609

Статья поступила в редакцию 17.08.2025
Одобрена после рецензирования 30.09.2025
Принята к публикации 14.10.2025

П. И. Пичугин – основатель первой детской больницы на Урале

Т. Ю. Шестова

В статье характеризуется состояние с рождаемостью в России в период Первой мировой войны. Отражен идеологический интерес советской власти к сохранению жизни детей. В основе исследования – биография основателя первой детской больницы на Урале П. И. Пичугина. Показана взаимосвязь раннего сиротства П. И. Пичугина, получения им образования за счет общества и формирования интереса к раннему детству. Проанализированы итоги стажировки П. И. Пичугина по вопросам детства за границей. Даётся характеристика взглядов П. И. Пичугина на детское питание, борьбу с инфекционными заболеваниями у детей. Рассмотрено участие органов власти и предприятий Урала в основании первой на Урале детской больницы, создания ее материально-технической базы. Показана связь больницы с кафедрой детских болезней, на тот момент медицинского факультета университета и курортным лечением как сферой интересов П. И. Пичугина. Отдельное внимание уделяется работе больницы и различным аспектам жизни и деятельности П. И. Пичугина.

Ключевые слова: П. И. Пичугин, Казанский университет, детская больница, кафедра детских болезней, детская смертность, курорт, скярлатина, молоко.

Для цитирования: Шестова Т. Ю. П. И. Пичугин – основатель первой детской больницы на Урале // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 263–274. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_263.
EDN: ZIZBCI

Введение

В начале XX в. одной из демографических проблем в России была высокая детская смертность, причинами которой были прежде всего инфекционные заболевания, плохое питание и санитарно-бытовые условия семей. Придание общегосударственного статуса задаче охраны детства появилось в первые годы советской власти. Это выражалось в работе с беспризорниками, обеспечением детей минимумом продовольствия и медицинской помощью. Большим фактором снижения рождаемости стала Первая мировая война. Весь комплекс принимаемых мер позволяет говорить об актуальности проблемы.

Цель данной статьи – исследование биографии врача Павла Ивановича Пичугина и отражение его роли в создании первой детской больницы на Урале в г. Перми, задачи: подготовка полной биографии педиатра, освещение основных положений трудов П. И. Пичугина, характеристика созданной им детской больницы, а также общественной деятельности. При достижении цели использовались методы хронологический, биографический, а также метод исторической критики.

Историография вопроса не очень велика. Основные биографические данные Павла Ивановича Пичугина были собраны в тематическом буклете Пермской медицинской академии к моменту начала работы Пичугинских чтений и присвоения его имени первой детской больнице [1]. История ранних лет жизни П. И. Пичугина освещалась в работах Н. А. Александровой и С. С. Халетова [2]. Роль П. И. Пичугина в создании детской больницы и ее современном состоянии отражена в ряде тезисов Пичугинских чтений и трудов, касающихся кафедры детских болезней [3–10]. Значительный интерес представляют работы самого П. И. Пичугина [11–14].

Проблемы рождаемости и сохранения жизни детям в ходе Первой мировой войны

Первый сигнал о неблагополучном положении дел прозвучал с некоторым падением рождаемости в 1914 г. Военные действия с территориальным разделением на мужское и женское население намного сильнее обрушили рождаемость в 1915–1916 гг. Эти процессы можно было проследить на примере крупных городов, где продолжались вестись статистические учеты. В Москве и Пе-

тербурге падение рождаемости составило более 15 % [15, с. 10]. По данным В. Т. Селезневой, смертность в Пермской губернии возросла с 1913 по 1915 г. с 36 до 41,5 %, а естественный прирост снизился в эти годы с 9,9 до 3,3 % [20, с. 75]. Гражданская война усугубила эту картину, но очень неточные данные переписи населения в 1920 г. не позволяют проследить этот процесс на Урале.

Как бы то ни было, после завершения непосредственных военных действий на Урале встал вопрос о сохранении жизни уже рожденным детям. Это имело и большое психологическое влияние, поскольку определение пролетариата как не имеющего ничего, кроме потомства, означало привязанность родителей к детям как аксиологическую ценность. Новое государство взяло на себя функцию защиты этой ценности.

С момента создания медицинского факультета в Московском университете в 1765 г. студентам преподавался курс детских болезней, но весь досоветский период дети лечились со взрослыми в единой системе больниц терапевтами [21, с. 157]. Пермское губернское земство неоднократно рассматривало вопрос об открытии детской больницы, но постоянно отказывалось это делать. Причина заключалась в высокой детской смертности как таковой (на Урале она превышала показатель по России на 15,2 % среди детей до года). Земство не хотело иметь имидж органа власти, способствующего гибели детей в больницах. При этом детей вакцинировали, контролировали санитарные условия в учебных заведениях и т. д.

Ранние годы в карьере П. И. Пичугина

Для создания детской больницы требовался энтузиаст своего дела. Им стал Павел Иванович Пичугин, биография которого была тесно связана с предметом его интереса.

П. И. Пичугин родился в 1876 г. в селе Морки Казанской губернии в бедной семье. Его отец был чернорабочим, мать работала сторожихой в сельском училище с заработком в 3 р. в месяц. Павел рано стал круглым сиротой. Тяга к знаниям стала его стартовой площадкой к последующей профессиональной деятельности. Трехгодичное обучение в начальной школе он блестяще закончил за два года. Общество вспомоществования оплатило учебу Павла в Казанской гимназии [2, с. 95]. К концу курса гимназии П. И. Пичугин определил своей целью поступление

на медицинский факультет Казанского университета, с шестого класса он заинтересовался медициной. Свой заработка репетитора он тратил на помощь единственной сестре и племяннице. В 1902 г. с высшим баллом окончил университет и был приглашен на работу ординатором детской клиники Казанского университета. Это определило весь его жизненный путь.

Во время Русско-японской войны ему пришлось практиковать в Манчжурии, в Харбинском военном госпитале, но затем П. И. Пичугин вернулся в казанскую детскую клинику ассистентом в 1906 г. [16, с. 15, 17]. Через год он выехал на стажировки в Швейцарию (к профессору Колле) и Германию, где и работал фактически до Первой мировой войны [17, с. 7].

В 1913 г. Павел Иванович защитил диссертацию на степень доктора медицины «К вопросу о лецитиновом перерождении» [18]. Первая мировая война им была пережита в Казани, П. И. Пичугин занимался преподаванием и одновременно практиковал в эвакуационном госпитале. События Октября 1917 г. он встретил в качестве приват-доцента кафедры детских болезней Казанского университета, а в период Гражданской войны П. И. Пичугин оказался в Томском госпитале [1, с. 4]. Интересно, что биографы П. И. Пичугина пишут о его работе в Томске по ведомству Министерства здравоохранения, в то время как советская власть в качестве управлеченческих органов использовала наркоматы. Умеющий читать между строк мог увидеть уход П. И. Пичугина к правительству А. В. Колчака.

Начало работы П. И. Пичугина в Пермском университете и создание детской больницы

Пермский университет был последним вузом, открытым до революции. Медицинский факультет был одним из наиболее востребованных факультетов и вскоре был выделен в отдельный институт. С 1920 г. при нем стали создаваться факультеты и профильные кафедры, среди которых был факультет охраны материнства и младенчества [3].

В июне 1920 г. П. И. Пичугин был избран профессором кафедры детских болезней [4, с. 198]. В заявлении о приеме на работу он неожиданно выразил свою тоску об утраченной в переездах Гражданской войны библиотеке, кроме того, в ней находились оттиски с его статей [1, с. 10].

В том же 1920 г. на лекции о детских болезнях П. И. Пичугин высказался о необходимости открытия специализированной детской больницы [19, с. 6]. Местные органы власти выделили под больницу здание бывшего Нассоновского женского училища. Но от постановки вопроса до открытия больницы прошло два года. «При организации клиники, конечно, не все сразу удавалось – много было неудач, огорчений, но я никогда не падал духом, а был всегда уверен, что добьюсь намеченного мною», – писал Павел Иванович [1, с. 14].

Здание Нассоновского училища было отремонтировано с помощью Горкомхоза, Комиссия по оказанию помощи детям при губисполкоме помогла с мебелью, губоно и губздрав помогли с приобретением канцелярии, тканей, лабораторного оборудования. Лысьвенский завод стал поставщиком кухонных кастрюль. Предметы мануфактуры – простыни, пеленки, детское белье – были необходимы для детской больницы.

Осенью 1921 г. при губздравотделе был организован учебный медико-санитарный совет для научной разработки методик лечения, к которым относились и проблемы охраны детства и материнства. В совет вошел и П. И. Пичугин [17, с. 15].

В феврале 1922 г. больница на 30 коек была открыта. Первым пациентом стал мальчик Коля с врождённым сифилисом [18, с. 136].

Современники выделяли высочайший уровень чистоты в больнице, что целиком являлось заслугой П. И. Пичугина. На торжественном собрании по поводу двухлетней годовщины больницы университет инициировал размещение его портрета в клинике. Детскую больницу посещали нарком А. В. Луначарский, представители главпрофобра А. Я. Вышинский и В. М. Броннер, уполномоченный Наркомпроса на Урале Истомин, представитель АРА доктор Слоун. Все отмечали великолепную постановку больничного дела, характеризуя клинику как показательное учреждение Советского Союза. Действовала при клинике и ячейка общества «Друг детей» [1, с. 19].

Вместе с тем, и позднее, в здании сохранялись элементы, указывавшие, что эта территория ранее использовалась под учебное заведение. На первом этаже располагался зал встречи с родителями, кафедральные помещения и аудитории для студентов. Второй этаж был отдан под четыре огромные палаты (старшие-младшие, мальчики-девочки). Стол медсестры

стоял аналогично учительскому столу. Поскольку палаты были переделаны из классов, то личное пространство пациентов выделялось деревянными ширмами по две кровати в блоке. В торце комнаты находились кроватки для подкидышей. Общим пространством становилась рекреация, куда дети выходили на проветривание. Особо слабых детей вывозили на кроватях, но таких было немного.

Общественная и научная деятельность

П. И. Пичугина по охране детства

Через год после открытия больницы, в 1923 г. рядом с ней появилась детская амбулатория. Она находилась в одноэтажном строении на ул. Малая Ямская. В амбулатории было два кабинета, пять изоляторов и две комнаты ожидания [5, с. 6]. Сейчас там располагается четырехэтажная поликлиника.

В 1923 г. П. И. Пичугин создал и возглавил педиатрическую секцию при Научном медицинском обществе, к 1947 г. секция стала Молотовским отделением Всесоюзного общества детских врачей. Сам он принял участие в четырех педиатрических съездах [9, с. 95].

В 1924 г. он опубликовал ценную брошюру о грудном вскармливании и экспериментах врачей с грудным и коровьим молоком при детском питании. П. И. Пичугин поддерживал мнение о том, что грудное молоко является продуктом специфической деятельности грудных желез. Ему импонировала точка зрения, высказанная в 1900 г. в Париже на Международном конгрессе об искусственном вскармливании, что помимо химических свойств, грудное молоко обладает биологическими свойствами. Это защищает ребенка от инфекционных заболеваний в раннем возрасте и помогает развиться иммунной системе. Особая роль отводилась ферментам в грудном молоке. В переводной литературе было много высказываний о грудном вскармливании, но в России только профессор Медовиков годом ранее сравнил составы женского и коровьего молока. П. И. Пичугин приводил результаты экспериментов по наличию антитоксинов (антител) в грудном молоке. В 1892 г. молоко козы, привитой от столбняка, вспрыскивали мышам, после чего мыши приобретали иммунитет. Приводились данные об нахождении антитоксина в молоке женщины на пятый день после родов,

переболевшей во время беременности дифтерией. В 1895 г. были попытки лечить больных тифом козьим молоком «иммунизированной брюшно-тифозной палочкой», но попытки такого лечения не увенчались успехом». В итоге П. И. Пичугин пришел к ряду выводов: антитела передаются от матери к ребенку через плаценту, но держатся не более трех недель; антитоксины переходят из крови матери в грудное молоко, а из него – ребенку. Опыт на мышах показал переход антитоксина с чужеродным молоком. Искусственное питание, в отличие от естественного, не дает всасывания антитоксина. Усиленное воздействие через молоко идет в первую неделю жизни ребенка. В сыворотке детей естественного вскармливания фиксировалась гибель 77 % бактерий, а у искусственников в два раза меньше. Бактерицидное действие грудного молока превышало реакцию на коровье молоко. Молозиво в любом случае давало более сильный эффект, чем молоко. Агглютинины от матери, переболевшей тифом, переходили к ребенку, но эффект длился всего 10–12 дней. От чужого молока агглютинины не передавались. Исследовался также механизм антител к сифилису при передаче от матери к ребенку [14, с. 4, 7, 12, 15].

Инфекционные заболевания детей представляли большую опасность для их жизни. В 1925 г. П. И. Пичугин опубликовал научно-популярную брошюру о скарлатине у детей [13]. Он отмечал, что до XVII в. скарлатину и корь врачи полагали единственным заболеванием и делить их стали веком позднее. Ареалом распространения в начале XX в. была Европа, в то время как Азия и Африка сталкивались только со спорадическими случаями. «У нас, в Советской России, в больших городах скарлатина появляется почти ежегодно, давая время от времени незначительные вспышки, а через несколько лет по временам она может дать обширные эпидемии, которые медленно нарастают и медленно затихают, причем в одну эпидемию скарлатина бывает легкая, в другую тяжелая» [13, с. 3]. В Европе также отмечали волнообразность эпидемий: то в течение более 20 лет не было смертельных случаев от скарлатины, то следует смертность, равная чуме и холере.

П. И. Пичугин полагал, что скарлатина не передается воздушным путем, что позволит родителям, отделив больного ребенка, уберечь от заразы других детей. Это свойство и объясняло

медленное распространение эпидемий. Еще одним фактором было долгое сохранение, по мнению П. И. Пичугина, заразы в комнате больного – не менее нескольких месяцев и до года. Источником заразы считались чешуйки кожи и слюна. До завершения шелушения кожи ребенок был заразен. Особую опасность представляли 4–7 дни заболевания.

Был возможен перенос заразы на одежду ухаживающего, чаще всего родственника. Дети, находящиеся на грудном вскармливании до полугода, практически не болели, получая иммунитет с грудным молоком от матери. В летнее время, когда дети находятся чаще на улице, а не в комнате, где проще передается инфекция, фиксируется наименьшее число заболеваний. Среди карантинных мер П. И. Пичугин называл запрет посещения здоровыми детьми умершего ребенка.

Обсуждение и выводы

П. И. Пичугин принимал детей как в клинике, так и у себя на дому по адресу Сибирская 8, где сейчас располагается Дом журналиста. Дети реагировали на врача на приеме «как внимательного давно знакомого им взрослого друга» [4, с. 17]. В доме Пичугиных танцевали, играли на музыкальных инструментах, у них в гостях бывал известнейший певец И. С. Козловский [6, с. 38, 17].

П. И. Пичугин был не только хорошим организатором, но и научным деятелем. В 1926 г. он был избран заместителем декана медицинского факультета, а через год – ученым секретарем. В этом же году медицинской факультет издал «Записки по детским болезням», а также записи лекций, которые П. И. Пичугин читал студентам. В Записках был изложен четвертьвековой опыт заведующего кафедрой детских болезней [12]. При клинике работала библиотека для педиатров, отвечала за нее ученица П. И. Пичугина М. Г. Митрофанова. Многие ученики сопровождали П. И. Пичугина со студенческого научного кружка. Врачи тепло вспоминали П. И. Пичугина. «Работа рядом с ним оставила неизгладимый след в моей памяти [5, с. 10].

По воспоминаниям современных педиатров, мнение П. И. Пичугина и после его смерти было важно для их учителей: «Пичугин этого не разрешил бы...», «Папочка этого не одобрил бы» [7, с. 34].

Много было сделано при изучении возможного оздоровления детей на курортах. П. И. Пичугин изучал вопросы ис-

пользования минеральных вод Усть-Качки, где действовал созданный им детский санаторий. Всего П. И. Пичугиным было опубликовано 28 печатных работ.

Умер П. И. Пичугин в 1954 г. Из пяти его детей четверо выбрали врачебное дело. Старшая дочь П. И. Пичугина – Нина Павловна, возглавила после смерти отца кафедру детских болезней [19, с. 17]. Современное поколение называют «внуки Пичугина», поскольку они являются учениками самого именитого профессора Рылова.

В 1997 г. был подписан приказ о проведении в Перми Пичугинских чтений. С 2002 г. больнице, находящейся по тому же адресу, было присвоено имя П. И. Пичугина. Существует и остановка общественного транспорта под этим названием. Почти через сто лет имя Павла Ивановича Пичугина вернулось на пермскую землю.

Список литературы

1. Павел Иванович Пичугин / Выдающиеся ученые Пермской медицинской академии. Пермь: Изд-во ОТИДО, 2007. 25 с.
2. Александров Н. А., Халетова С. С. Профессор Павел Иванович Пичугин – выдающийся педиатр // Казанский медицинский журнал. 1998. Т. 79. № 4. С. 306–308.
3. Педиатрия Прикамья вчера, сегодня, завтра. Пермский гос. мед. ун-т им. акад. Е. А. Вагнера / сост. И. П. Корюкина, Н. И. Аверьянова; под общ. ред. Н. И. Аверьяновой. Пермь: Изд-во Пермского нац. исследовательского политехнического ун-та, 2015. 363 с.
4. Голшмид Б. К. Воспоминания о профессоре П. И. Пичугине // Материалы Вторых Пичугинских чтений, посвященных 80-летию старейшей на Западном Урале клиники детских болезней / отв. ред. Н. И. Аверьянова. Пермь: Изд. Пермской гос. мед. академии, 2002. С. 15–17.
5. Голшмид Б. К. Вспоминая о клинике послевоенных лет // III Пичугинские чтения. Актуал. проблемы педиатрии и дет. неврологии. Пермь: Изд. Пермской гос. мед. академии, 2007. Т. I. С. 38–41.
6. Рылова Л. А. Мои воспоминания о становлении педиатрической службы в Пермской области // Материалы Вторых Пичугинских чтений, посвященных 80-летию старейшей на Западном Урале клиники детских болезней / отв. ред. Н. И. Аверьянова. Пермь: Изд. Пермской гос. мед. академии, 2002. С. 7–15.
7. Рылова Л. А. Развитие педиатрической службы в Пермской области (1951–1984) // III Пичугинские чтения. Актуал. проблемы педиатрии и дет. неврологии / отв. ред. проф. И. П. Корюкина. Пермь: Изд. Пермской гос. мед. академии им. Е. А. Вагнера, 2007. Т. I. С. 10–32.
8. Аверьянова Н. И. История педиатрии в Пермском крае // III Пичугинские чтения. Актуал. проблемы педиатрии и дет. неврологии / отв. ред. проф. И. П. Корюкина. Пермь: Изд. Пермской гос. мед. академии им. Е. А. Вагнера, 2007. Т. I. С. 6–9.
9. Гаслова А. А., Софонова Л. В. О первых педиатрах Пермского края // III Пичугинские чтения. Актуал. проблемы педиатрии и дет. неврологии / отв. ред. проф. И. П. Корюкина. Пермь: Изд. Пермской гос. мед. академии им. Е. А. Вагнера, 2007. Т. I. С. 33–38.
10. Стабровский А. С. Пичугин П. И. // Профессора Пермского государственного университета (1916–2001). Пермь: Издательство Пермского университета, 2001. 280 с.

11. Пичугин П. И. К вопросу о лецитиновом перерождении. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1913. 224 с.
12. Пичугин П. И. Записки по детским болезням. Пермь: Изд. Пермск. ун-та, 1926. 188 с.
13. Пичугин П. И. Скарлатина и как бороться с нею. Пермь: Издание Уральского обл. и Пермского окружного здравотделов, 1925. 32 с.
14. Пичугин П. И. Биологические свойства женского и коровьего молока. Пермь: Изд. Клиники детских болезней Пермского государственного университета, 1924. 24 с.
15. Морозов С. Д. Мужчины и женщины России в годы Первой Мировой войны: демографический кризис и потери населения // Женщина в российском обществе. 2014. № 3. С. 10–20. EDN: SXFCSD
16. Иванова В. В. Пермь медицинская. Из века в век переходя... Пермь: Студия ЗеБРА, 2009. 328 с.
17. От медицинского факультета – до Медицинской Академии (1916–1996): 80 лет ПГМА. Пермь: Изд. Пермской гос. мед. академии, 1996. 226 с.
18. Красик Л. В. Из истории педиатрической клиники пермского мединститута. Труды научной историко-медицинской конференции Урало-Сибирских областей. 1962 г. / отв. ред. А. К. Чуваев. Пермь: Изд. Пермской гос. мед. института, 1963. С. 136–137.
19. Петренева Н. А. Династия Пичугиных. Она продолжила дело отца // Материалы вторых Пичугинских чтений, посвящ. 80-летию старейшей на Западном Урале клиники детских болезней / отв. ред. Н. И. Аверьянова. Пермь: Изд. Пермской гос. мед. академии, 2002. С. 17–19.
20. Селезнева В. Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь: Изд. Пермского гос. мед. института, 1997. 120 с.

P. I. Pichugin – the Founder of the First Children's Hospital in the Urals

Tatiana Yu. Shestova

The article considers the birth rate during the First World War. The ideological interest of the Soviet government in preserving children's lives is reflected. The study is based on the biography of the founder of the first children's hospital in the Urals, P. I. Pichugin. The connection between P. I. Pichugin's early orphanhood, his education at the expense of society and formation of interest in early childhood is shown. The results of P. I. Pichugin's internship abroad on childhood issues are analyzed. His views on infant nutrition and fight against children infectious diseases are characterized. The participation of the Urals authorities and enterprises in the foundation of the first children's hospital in the Urals and creation of its material and technical base are considered. The connection of the hospital with the Department of Pediatric Diseases, Medical Faculty of the University at that time, and resort treatment as P. I. Pichugin's field of interest is shown. The article devotes special attention to both hospital work and various aspects of P. I. Pichugin's life and work.

Key words: P. I. Pichugin, Kazan University, Children's Hospital, Department of Children's Diseases, infant mortality, resort, scarlet fever, milk.

For citation: Shestova, T. Yu. (2025) P. I. Pichugin – osnovatel' pervoj detskoj bol'nicy na Urale [P. I. Pichugin – the Founder of the First Children's Hospital in the Urals]. *Istoriya povednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 263–274. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_263. EDN: ZIZBCI

References

1. (2007) Pavel Ivanovich Pichugin [Pavel Ivanovich Pichugin]. *Vydajushhiesja uchenye Permskoj medicinskoj akademii* [Outstanding Scientists of the Perm Medical Academy]. Perm': Izd-vo OTiDO. (In Russ.)
2. Aleksandrov, N. A., Haletova, S. S. (1998) Professor Pavel Ivanovich Pichugin – vydajushhiesja pediatr [Professor Pavel Ivanovich Pichugin – an outstanding pediatrician]. *Kazanskij medicinskij zhurnal* [Kazan Medical Journal]. Vol. 79. No. 4. Pp. 306–308. (In Russ.)
3. Aver'janova, N. I. (2015) (ed.) *Pediatrija Prikam'ja vchera, segodnya, zavtra. Permskij gos. med. un-t im. akad. E. A. Vagnera* [Pediatrics of the Kama Region: Yesterday, Today, Tomorrow. Perm State Medical University named after Academician E. A. Wagner]. Perm': Izd-vo Permskogo nac. issledovatel'skogo politehnicheskogo un-ta, 2015. (In Russ.)
4. Golshmid, B. K. (2002) Vospominanija o professore P. I. Pichugine [Memories of Professor P. I. Pichugine]. *Materialy Vtoryh Pichuginskikh chtenij, posvjashchennyh 80-letiju starejshej na Zapadnom Urale kliniki detskikh boleznej* [Proceedings of the Second Pichugin Readings dedicated to the 80th anniversary of the oldest clinic for children's diseases in the Western Urals]. Ed. N. I. Aver'janova. Perm': Izd. Permskoy gos. med. akademii. Pp. 15–17. (In Russ.)
5. Golshmid, B. K. (2007) Vspominajja o klinike poslevoennym let [Remembering the Clinic of the Post-War Years]. *III Pichuginskie chtenija. Aktual. problemy pediatrii i det. nevrologii* [III Pichugin Readings. Current Issues in Pediatrics and Children's Neurology]. Perm': Izd. Permskoy gos. med. akademii. Vol. I. Pp. 38–41. (In Russ.)
6. Rylova, L. A. (2002) Moi vospominanija o stanovlenii pediatriceskoy sluzhby v Permskoj oblasti [My memories of the development of pediatric service in the Perm region]. *Materialy Vtoryh Pichuginskikh chtenij, posvjashchennyh 80-letiju starejshej na Zapadnom Urale kliniki detskikh boleznej* [Proceedings of the Second Pichugin Readings dedicated to the 80th anniversary of the oldest clinic for children's diseases in the Western Urals]. Ed. N. I. Aver'janova. Perm': Izd. Permskoy gos. med. akademii. Pp. 7–15. (In Russ.)
7. Rylova, L. A. (2007) Razvitiye pediatriceskoy sluzhby v Permskoj oblasti (1951–1984) [Development of pediatric service in the Perm region (1951–1984)]. *III Pichuginskie chtenija. Aktual. problemy pediatrii i det. nevrologii* [III Pichugin readings. Current issues of pediatrics and children's neurology]. Ed. I. P. Korjukina. Perm': Izd. Permskoy gos. med. akademii im. E. A. Vagnera. Vol. I. Pp. 10–32. (In Russ.)
8. Aver'janova, N. I. (2007) Istorija pediatrii v Permskom krae [History of pediatrics in the Perm region]. *III Pichuginskie chtenija. Aktual. problemy pediatrii i det. nevrologii* [III Pichugin readings. Current issues of pediatrics and children's neurology]. Ed. I. P. Korjukina. Perm': Izd. Permskoy gos. med. akademii im. E. A. Vagnera. Vol. I. Pp. 6–9. (In Russ.)
9. Gaslova, A. A., Sofronova, L.V. (2007) O pervyykh pediatrakh Permskogo kraja [On the First Pediatricians of Perm Krai]. *III Pichuginskie chtenija. Aktual. problemy pediatrii i det. nevrologii* [III Pichugin readings. Current issues of pediatrics and children's neurology]. Ed. I. P. Korjukina. Perm': Izd. Permskoy gos. med. akademii im. E. A. Vagnera. 2007. Vol. I. Pp. 33–38. (In Russ.)
10. Stabrovskij, A. S. (2001) Pichugin P. I. [Pichugin P. I.]. *Professora Permskogo gosudarstvennogo universiteta (1916–2001)* [Professors of Perm State University (1916–2001)]. Perm': Izdatel'stvo Permskogo universiteta. (In Russ.)
11. Pichugin, P. I. (1913) *K voprosu o lecitinovom pererozhdennii* [On the Question of Lecithin Degeneration]. Kazan': Tipo-lit. Imp. un-ta. (In Russ.)
12. Pichugin, P. I. (1926) *Zapiski po detskim boleznjam* [Notes on Children's Diseases]. Perm': Izd. Permsk. un-ta. (In Russ.)
13. Pichugin, P. I. (1925) *Skarlatina i kak borot'sja s neju* [Scarlet fever and how to fight it]. Perm': Izdanie Ural'skogo obl. i Permskogo okrughnogo zdravotdelov. (In Russ.)
14. Pichugin, P. I. (1924) *Biologicheskie svojstva zhenskogo i korov'ego moloka* [Biological Properties of Mother's and Cow's Milk]. Perm': Izd. Kliniki detskikh boleznej Permskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)
15. Morozov, S. D. (2014) *Muzhchiny i zhenshhiny Rossii v gody Pervoj Mirovoj vojny: demograficheskij krizis i poteri naseleñija* [Men and Women of Russia during the First World War: Demographic Crisis and Population Losses]. *Zhenshhina v rossiskom obshhestve* [Woman in Russian Society]. No. 3. Pp. 10–20. (In Russ.)

16. Ivanova, V. V. (2009) *Perm' medicinskaja. Iz veka v vek perehodja...* [Medical Perm. Passing from Century to Century..]. Perm': Studija ZeBRA. (In Russ.)
17. (1996) *Ot medicinskogo fakul'teta – do Medicinskoy Akademii (1916–1996): 80 let PGMA* [From the Faculty of Medicine to the Medical Academy (1916–1996): 80 Years of PGMA]. Perm': Izd. Permskoj gos. med. akademii. (In Russ.)
18. Krasik, L. B. (1963) Iz istorii pediatricheskoj kliniki permskogo medinstituta [From the history of the pediatric clinic of the Perm Medical Institute]. *Trudy nauchnoj istoriko-medicinskoy konferencii Uralo-Sibirskih oblastej. 1962 g.* [Proceedings of the scientific historical-medical conference of the Ural-Siberian regions. 1962]. Ed. A. K. Chuvaev. Perm': Izd. Permskoj gos. med. instituta. Pp. 136–137. (In Russ.)
19. Petrenova, N. A. (2002) *Dinastija Pichuginyh. Ona prodolzhila delo otca [Pichugin Dynasty. She Continued Her Father's Work]. Materialy vtoryh Pichuginskih chtenij, posvyashh. 80-letiju starejshej na Zapadnom Urale kliniki detskih boleznej* [Proceedings of the Second Pichugin Readings, dedicated to the 80th anniversary of the oldest children's disease clinic in the Western Urals]. Ed. N. I. Aver'janova. Perm': Izd. Permskoj gos. med. akademii, 2002. Pp. 17–19. (In Russ.)
20. Selezneva, V. T. (1997) *Ocherki po istorii mediciny v Permskoj gubernii* [Essays on the history of medicine in the Perm province]. Perm': Izd. Permskogo gos. med. instituta. (In Russ.)

Об авторе

Шестова Татьяна Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Пермский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы, г. Пермь, Российская Федерация; e-mail: shtstova-t@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3956-9697

About the author

Shestova Tatiana Yu., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of State Municipal Administration, Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russian Federation; e-mail: shtstova-t@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3956-9697

Статья поступила в редакцию 17.04.2025
Одобрена после рецензирования 31.07.2025
Принята к публикации 11.09.2025

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 4 (36)
2025

Редактор **Т. Г. Захарова**
Технический редактор **Н. П. Никитина**
Верстальщик **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 01.12.2025. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Cormorant Garamond, Source Serif.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 17,25.
Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)
Заказ № 2070

На обложке размещена картина Н. И. Фешина
«Обливание», 1914 г.
Государственный музей изобразительных искусств
Республики Татарстан, Россия

Адрес редакции
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-98-83 <http://lengu.ru/>
e-mail: vveremenko@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru